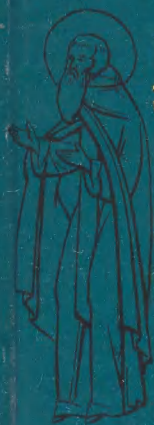

Елена Романенко

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ

РУССКОГО СРЕДНЕВЕКОВОГО МОНАСТЫРЯ

КНЗА ГЛѢВА КОСПІАТИНОВИЧА ПОСѢДѢ
СОШАКОШПРОКЪ КАМЕНЬСКОМЪ.

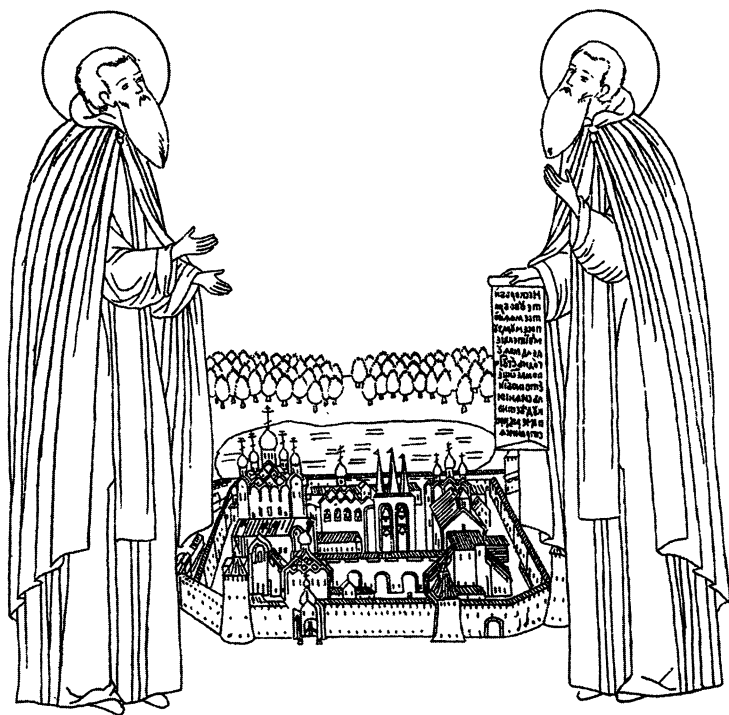

ПОВСЕДНЕВНАЯ

Елена Романенко

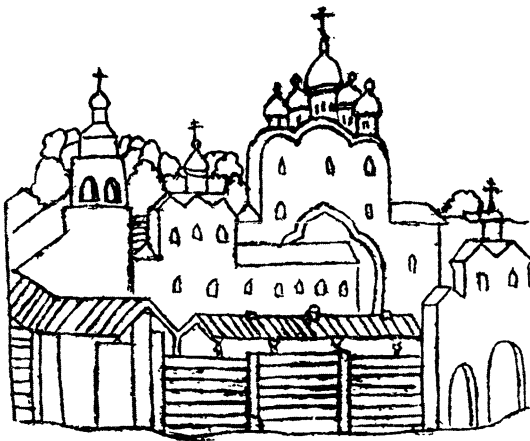

МОСКВА

ЖИЗНЬ

РУССКОГО СРЕДНЕВЕКОВОГО МОНАСТЫРЯ

УДК [947+957]
ББК 63.3(2)4
Р 69

**ФЕДЕРАЛЬНАЯ ПРОГРАММА
КНИГОИЗДАНИЯ РОССИИ**

*Автор и издательство сердечно благодарят
владыку МАКСИМИЛИАНА,
епископа Вологодского и Великоустюжского,
а также Ю. И. ХОЛДИНА и Е. К. РОМАНЕНКО
за предоставленные фотоматериалы*

ISBN 5-235-02437-0

© Романенко Е. В., 2002
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2002
© Холдин Ю. И., фотографии, 2002

Что больше всего удивляет, когда смотришь на уцелевшие ансамбли русских средневековых монастырей? Наверное, контраст архитектурных пропорций. Монастырь прочно уходит своими корнями в землю, а его дух, зримо воплощенный в архитектуре башен, храмов и колоколни, возносится в Небо. Монастырь соединяет собой два Отечества каждого человека: земное и Небесное.

Красота наших обитателей напоминает о давно утраченной гармонии. Мир средневекового русского монастыря был уничтожен еще в XVIII веке последовательно проведенными реформами. Указы Петра I запрещали постригать в монахи всех, кроме инвалидов и престарелых. Нарушивших этот запрет насильно расстригали и отправляли в солдаты. Монастыри обезлюдели, была прервана живая традиция духовной преемственности разных поколений. Указ о штатах 1764 года императрицы Екатерины II разделил все обитатели на три категории (штата), согласно которым они получали государственное жалованье. Монастырские же земли были конфискованы. Часть монастырей вывели за штат, они должны были изыскивать средства к существованию сами, не имея земли. Остальные обитатели (больше половины от прежнего числа) ликвидировали вовсе. Историкам еще предстоит оценить духовно-нравственные последствия этих реформ. Тогда Россия потеряла

одну из своих опор, и, наверное, важнейшую, ибо монастыри всегда были, по выражению святителя Филарета (Дроздова), столпом Православной веры. XX век довершил «реформы» поруганием святыни. До наших дней, да и то кое-где, сохранились только стены былых обителей. Но какая жизнь протекала несколько веков назад внутри этих стен, что составляло душу и содержание этого видимого образа, мы почти не знаем.

Арсений Великий, поистине великий подвижник египетской пустыни, говорил, что душу человека сохраняет безмолвие. Настоящий монах как зеницу ока всегда хранил свой внутренний мир от постороннего любопытства и ненужного общения. Монастыри так же свято берегли свою тайну. Христианский закон странноприимства заставлял обители открывать свои врата для голодного и страждущего мира. Но это было вынужденной уступкой, жертвой во имя любви к ближнему. Общение с миром, как правило, нарушало безмолвие, привносило суету и искушения в монастырскую жизнь. Поэтому монастырь, откликаясь на прошения и мольбы мира, все-таки всегда старался сохранить спасительную дистанцию. Странноприимницы и больницы устраивали обычно за монастырскими стенами, женщины и вовсе не допускались во многие обители. Старцы учили молодых монахов никогда не выносить сор из избы — не обсуждать с мирскими людьми монастырские дела и неустройства.

Намеренная отгороженность монастыря от мира делает его тайной за семью печатями, тем более если речь идет о средневековой обители, отстоящей от нас во времени на пять-шесть веков. Но существуют узкие щелевидные окна в стене между миром и монастырем. Это жития святых. Они позволяют нам не только рассмотреть повседневную жизнь обители, но и пропускают через толщу времен тот яркий духовный свет, который излучали первые «начальники» русских монастырей.

Жития — сложный источник. Перед любым исследователем, который принимается за их изучение, не-

избежно встает вопрос достоверности сообщаемых агиографом сведений. Долгие годы в исторической литературе господствовало довольно скептическое отношение к житиям. Тон задал историк В. О. Ключевский, который был замечательным знатоком русской истории и агиографии. Но в данном случае его высокий авторитет в научном мире сыграл злую шутку. По сути, он вынес отрицательный приговор древнерусским житиям как историческому источнику. Исследователи в один голос заговорили, что почти все жития повторяют друг друга, ибо написаны в рамках жесткого канона, наполнены вымыслом, несуразностями и историческими ошибками.

И. Яхонтов, пересказывая потрясающие в своей реальности подробности из житий северных русских подвижников, тем не менее также вынес им отрицательный вердикт. Невысоко оценивал жития и Н. И. Серебрянский, автор замечательного исследования по истории псковского монашества. Однако самые вдохновенные страницы своего сочинения он написал на основе Жития святого Евфросина Псковского, а через несколько лет после выхода работы в свет издал и само Житие.

Но большинство житийных текстов до сих пор остаются неизданными. Некоторые из них, известные в единственном списке во времена В. О. Ключевского или неутомимого собирателя древнерусской житийной литературы Е. Е. Барсова, ныне утрачены, хотя, возможно, их когда-нибудь найдут на полках хранилищ. К счастью, современная наука осознала многолетнее заблуждение своих предшественников. Сейчас жития святых вновь стали интересны для исследователей. Следствием чего и стала эта книга — результат многолетней работы автора по изучению русской агиографии.

Для исследования повседневной жизни русских монахов мы намеренно выбирали простые «безыскусные» жития северных подвижников. И вот почему. Жития, составленные известными агиографами, написаны великолепным языком и прекрасно композиционно выстроены. Но они имеют один сущест-

венный недостаток для историка повседневности. Их авторы, как правило, хорошо знали житийную традицию и щедро украшали свои произведения сравнениями, а то и прямыми вставками из творений своих предшественников. Поэтому реальность порой бывает трудно отличить в них от прямого следования агиографическому канону. Жития, написанные скромными монастырскими писателями, наоборот, не так захватывают красотой слога и глубиной рассуждений о смысле бытия. Их авторы одинаково буднично описывают и чудо, и простые реалии повседневной жизни, иной раз даже переступая границы дозволенного каноном. Их горизонт не простирается дальше стен их родной обители. Но это как раз то, что нам нужно.

Помимо драгоценных исторических свидетельств в житиях есть все, что мы так ценим в произведениях больших мастеров. Агиографы умели показать переплетение трагического и комического в человеческой жизни, столкновение героического, благородного характера с алчностью и подлостью. В житиях можно найти тонкий юмор и прекрасные пейзажные зарисовки. Но уникальное отличие жития от литературного произведения состоит в том, что любое житие несет на себе печать подлинности, а самая великая литература — это всегда вымысел.

Перечитывая жития, не перестаешь удивляться, как можно было не замечать восхитительной красоты, искренности, а главное — исторической реальности этих текстов. Видимо, стереотипы и дух времени иногда оказываются сильнее, нежели научное знание и интуиция.

В житиях действительно нередко встречаются ошибки и противоречия, но их трудно поставить в вину агиографам. Ведь порой они писали через много лет или столетий после преставления тех, о чьей жизни старались рассказать потомкам. Им приходилось сводить воедино отрывочные рассказы, передававшиеся в монастырях из уст в уста. Но нам дороги и эти, не всегда исчерпывающие повести, ибо «мертвая история пишет, а живая говорит».

Помимо житий для описания повседневной жизни русских монастырей были привлечены разнообразные документы из монастырских архивов: приходно-расходные книги и описи имущества. Бесценным источником являются также монастырские обиходники, в которых описан обиход (то есть обычная жизнь) обители. В келарских обиходниках мы находим подробные указания о трапезе на каждый день года, а в богослужебных обиходниках — порядок богослужения каждой праздничной службы. В своей работе мы использовали обиходники Кирилло-Белозерского, Иосифо-Волоколамского, Троице-Сергиева, Антониево-Сийского, Нило-Сорского монастырей. Картину дополнили монастырские грамоты и акты. Случалось и так, что текст официальной грамоты подтверждался каким-нибудь «чудом» из текста жития. В книге мы еще будем говорить об этих счастливых совпадениях.

Конечно, нельзя объять необъятного. На Руси были тысячи монастырей: больших и малых, великих и затерянных в лесной глуши. Безбрежное море документов встает перед исследователем этой темы. Но выборочный срез отдельных фактов — это тоже достоверный метод исследования, ибо они — составные элементы общей картины. Главные герои нашей книги — монахи общежительных монастырей, ибо именно эти обители, по словам святителя Филарета (Дроздова), составляли и составляют «столп монашества». Мы надеемся, что после этой книги далекий и малознакомый мир русского средневекового монастыря станет ближе и понятнее читателю, как ближе и понятнее он стал автору книги.

И в завершение — несколько замечаний о принципах изложения. Некоторые сложные и пространственные цитаты из древнерусских текстов даны в переводе на современный русский язык, чтобы облегчить их понимание. Если житие не опубликовано, то в скобках указана ссылка (шифр) на хранилище, где находится цитируемая рукопись, если опубликовано — указано издание. Все даты церковных праздников даны по старому стилю.

«МЕСТО СИЕ ЗЕЛО КРАСНО...»

Место для монастыря, как говорят жития, выбиралось не сразу и не вдруг. Подвижники долго ходили по лесам и болотам, пока, наконец, не обрели ту спасительную пустынь, где успокаивалась их душа. Часто выбор места сопровождался чудесными предзнаменованиями. Кто-нибудь из местных жителей или сами монахи слышали колокольный звон или ангельское пение на пустынной лесной поляне, а иногда необычный свет неведомо по каким причинам озарял небо над лесом. Особая Богоизбранность места, где был поставлен монастырь, сохранялась за ним навсегда. Видимо, поэтому люди, приезжая ныне в разоренные, а иногда и разрушенные до основания обители, продолжают чувствовать здесь особую благодать.

Преподобный Арсений Комельский тайно покинул Троице-Сергиев монастырь, где несколько лет был игуменом, и направил свой путь в вологодские земли. Однажды на берегу реки Кохтыш (в 25 верстах от Вологды) тяжелая ноша сама собой упала с его плеч. Усталый путник решил отдохнуть, а когда проснулся, увидел солнечный луч и блистающий свет над Кохтышем. Святой обрадовался такому ясному и чудесному указанию и встал на молитву. Потом он срубил крест в освящение месту и принялся сооружать келью.

Многие годы население тех земель, куда приходил подвижник, жило своей обычной жизнью: люди били зверя, ловили рыбу, спасались от голода и холода, и эта привычная жизнь была им близка и понятна. Но вот среди их заповедного леса появлялся святой, и все естественные законы бытия начинали нарушаться. Необычная история, в которой тесно переплелись чудо и реалии повседневной жизни, предшествовала основанию обители преподобного Адриана Пошехонского. В начале сентября 1540 года из Корнилиево-Комельского монастыря ушли два старца: диакон Адриан и монах Леонид. Вечером 13 сентября они остановились на реке Ветхе между селами Белым и Патроболским. Утром 14 сентября — в праздник Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня — старцы совершили утреню с великим славословием («катавасию всю и прочее правило церковное»), после чего они поставили на большой дуб образ Пречистой Богородицы, а сами пошли искать место, подходящее для строительства келий, а заодно и дорогу в близлежащие села.

Тем временем, вниз по реке, крестьяне из села Белого ловили рыбу. Когда они поднялись выше, как раз к тому дубу, где преподобные оставили икону, то поймали две большие щуки, каких никто в этих местах, ни прежде, ни потом, не ловил. Пока все обсуждали такую невероятную удачу, один из рыбаков решил выйти на берег, и тут на дереве увидел икону. От неожиданности рыбак стал громко звать «свою дружку». А те, думая, что их товарищ обнаружил зверя, быстро примчались к нему. Однако увидели не зверя, а икону. Удивлению рыбаков не было предела, все живо обсуждали, откуда в этих непроходимых лесах взялась икона. Некоторые предположили, что, видимо, кто-то из крестьян хочет занять это место. Тогда рыбак, обнаруживший икону, подойдя к дереву, стал хвалиться, что сейчас он ее снимет и унесет домой, но неведомая сила отшвырнула его на десять локтей от дерева. Товарищи же, обступив его, сказали: «Напрасно, брат, ты сотворил это непотребное дело». Он же словно онемел и не отвечал им. Тогда испуганные рыбаки,

взяв его за руки и ноги, стали трясти, говоря: «Пробудись, брат!» Через некоторое время их дерзкий товарищ очнулся и рассказал, что ему явился неведомый старец и запретил брать образ Пречистой. Пораженные чудом рыбаки оставили под иконой пшеничный хлеб и большую рыбу, а сами ушли восвояси.

Вскоре возвратились старцы Леонид и Адриан. Леонид подошел к дубу первым и стал тихим голосом звать: «Адриан, Адриан, подойди сюда и посмотри. Послала нам Богородица хлеб и рыбу!» (*РГБ. Унд. № 273. Л. 14 об.*). Старец Адриан, подойдя к дереву, воздел руки к небу и произнес молитвы, которые всегда читают при совершении монастырского чина Панагии, завершающего трапезу: «О велико имя Пречистой Троицы! Пресвятая Госпоже Богородице, помогай нам, нищим рабам!» Не переставая удивляться, преподобный Адриан обратился к Богородице с благодарственной молитвой: «Мы, рабы твои, искали в этом диком лесу «высочайшего места» (избранного свыше. — *Е. Р.*), где нам поселиться. Ты же, Царица, захотела на этом естественном месте быть и нам помогать, послав свой хлеб и рыбу».

После такой молитвы преподобные отцы воспели всю катавасию Богородице (ирмос, который поется в конце песен канона всеми сообща): «Преукрашенна Божию славою» (*Там же. Л. 14 об. — 15*) и приступили к чудесной трапезе, после чего начали строить кельи. Так возник монастырь преподобного Адриана Пошехонского. Преподобный, не знавший тогда всей предыстории появления хлеба и рыбы под иконой, был несомненно прав, оценив это как чудо. При всей своей бытовой реальности история носила явно чудесный характер. Белосельцы, как показала жизнь, имели довольно жестокий и корыстный характер (в конце концов они и убили преподобного Адриана, о чем речь пойдет ниже); должно было произойти что-то невероятное, чтобы они не только не похитили икону, а еще оставили под ней дары для незнакомых пришельцев.

Получив твердое уверение в особой Богоизбранности места, подвижники под страхом смерти не хотели его покидать и были готовы к любым труднос-

тям. Местность, где стоял монастырь преподобного Евфросина Псковского, с практической стороны была крайне неудобна для строительства обители. Река, разделявшаяся здесь на рукава, с двух сторон теснила монастырь. Поэтому, когда умножилось число братии, строить новые кельи оказалось негде. Иноки часто говорили преподобному, чтобы он поискал более подходящее место, но преподобный всякий раз отказывался. Когда теснота стала невыносимой, преподобный Евфросин предложил братии скрыть холм, на котором стоял монастырь, и засыпать этой землей один из рукавов реки. «И было слово святого великим делом». Монахи на своих плечах носили корзины с землей и засыпали реку. «С тех пор, — говорит автор жития, — течет та река одним руслом, а другое русло стало сушей посреди обители» (ПДПИ. Т. 173. С. 72).

Большинство русских обителей расположено в дивных по красоте местах. И это не случайно. За внешней суровостью подвижников скрывалось любящее сердце, тонко чувствующее красоту и гармонию окружающей природы и благодарящее за нее Творца. Преподобный Дионисий Глушицкий был суров к себе и братии, ночи он проводил без сна, днем непрестанно трудился, ел один раз в день хлеб с солью, а пил только воду, да и то в меру. На иконах запечатлен его характерный образ: аскетичное худое лицо, запавшие щеки, резко сдвинутые брови, пристальный взгляд из-под бровей. Таким же он предстает перед нами на страницах своего жития. Но вот несколько деталей, замечательно подчеркивающих тонкую красоту его души. Решив поселиться на реке Глушице, преподобный поставил себе келью под цветущей черемухой. Через некоторое время здесь возник Покровский монастырь. Тогда, желая полного уединения, преподобный Дионисий оставил обитель и за несколько поприщ от нее устроил себе безмолвную келью в необычайно красивом месте, которое потом назвали Сосновцом. Это был сосновый бор на высоком берегу реки, «место зело красно и превыше иных мест», — записал агиограф. Перед смертью преподобный завещал похоронить себя на Сосновце.

Берег Сиверского озера, где в 1397 году поселился преподобный Кирилл Белозерский, и по сей день захватывает своей красотой. «Место сие мало и кругло, но очень красиво, всюду, словно стеной, окружено водами», — восхищенно заметил Пахомий Логофет, автор Жития преподобного Кирилла (*Прохоров. С. 76*), который повидал на своем веку немало красот: был Пахомий родом из Сербии, монашество принял на Афоне, выполняя агиографические заказы, исходил всю Русскую землю — от Новгорода до Москвы, и дальше в Заволжье — до обители святого Кирилла Белозерского.

Сам характер природы, окружающей монастырь, может многое рассказать о его основателе. Преподобный Кирилл Белозерский пришел на берег Сиверского озера не один, а вместе со святым Ферапонтом. Но через год Ферапонт покинул преподобного Кирилла, и Пахомий объясняет почему: «не согласовались их обычаи: Кирилл хотел жить тесно и жестко, Ферапонт же пространно и гладко» (*Прохоров. С. 77*). Что значат эти слова? Видимо, преподобному Кириллу была по душе величественная и суровая природа, окружавшая его. Святой хотел подвизаться уединенно, в стороне от людей, потому и выбрал «великий бор, чащу». А преподобный Ферапонт поселился на открытом живописном холме в окружении привольных полей и озер. Труды каждого из подвижников увенчались победой: их обители устояли в веках. Но какие они разные! Могучий и суровый Кириллов, радостный и живописный Ферапонтов. Тонкий художественный вкус не изменил преподобному Ферапонту и в глубокой старости, когда он, по желанию Можайского князя Андрея Дмитриевича, основал в окрестностях Можайска новый монастырь во имя Рождества Пресвятой Богородицы. Лужецкий монастырь стоит на «гладком и просторном месте» и так же необыкновенно красив, как и Ферапонтов.

Красота природы, окружавшей обитель, облегчала подвижникам их трудный подвиг, служила им отрадой и утешением. Под горкой, где, словно снег, белели двенадцать берез, стояла келья преподобного Антония Сийского, который, смиряя свою плоть, от-

давал тело на съедение комарам. Но сугубый подвиг несли те, кто отказывался даже от малого утешения — возможности наблюдать красоту лесных просторов, любоваться синей гладью реки или озера. В мрачном глухом лесу жил одиноким отшельником преподобный Никодим Кожеозерский. Зимой сильной вьюгой заносило его келью по самую крышу, а он жил под снегом, как в пещере, согреваясь молитвами и утоляя жажду снегом. Ничто, даже красота видимой природы, не отвлекало подвижника от безмолвия, созерцания, изучения Божественных писаний — единственного источника Богопознания.

«Место унылое и плачевное», но весьма душеполезное выбрал для себя преподобный Нил Сорский. «Среди... различных угодий, которыми изобильна здешняя светлая, счастливая природа, трудно отыскать убежище более грустное и уединенное, чем эта пустынь», — записал русский историк С. Н. Шевырев, посетивший Сорский скит в 1849 году.

Но такие подвиги уединения в безрадостной пустыни редки в истории русского монашества, они больше свойственны отшельникам и монахам скитов. Общежительные же монастыри почти всегда устраивались на открытых красивых возвышенностях, обязательно в окружении озер или рек, что имело не только свою несомненную хозяйственную целесообразность, но и глубокий символический смысл. В Евангелии пустынные безводные места представляются местопребыванием нечистых духов — бесов: «Когда нечистый дух выйдет из человека, то ходит по безводным местам, ища покоя» (*Лк. 11, 24; Мф. 12, 43*). Поэтому редкие подвижники могли жить в уединенных безводных пустынях, выдерживая здесь тяжелейшую борьбу с помыслами уныния и печали. У общежительного монастыря, более открытого миру, было другое призвание, чем у отшельника пустыни. Красотой своей архитектуры монастырь придавал гармонии природы высший Божественный смысл, и, соединяясь с ней, являл миру горную, неотмирную красоту, становился зримым образом Царствия Небесного уже здесь, на земле.

«НАЧАЛЬНИКИ» ОБИТЕЛЕЙ

Основание монастыря в необжитом и безлюдном месте, в «дикой пустыни», всегда становилось настоящим подвигом. Весь риск неизведанности, непредвиденных случайностей, угрозы для жизни «начальники», то есть основатели монастырей, извели в той же мере, как и первооткрыватели неизвестных и далеких земель.

Авторы житий обычно избегают бытовых, житейских подробностей в рассказах о начале монастыря. Одно из немногих драгоценных свидетельств мы находим в автобиографической повести преподобного Мартирия Зеленецкого. Ради уединенной молитвы он ушел из обжитого монастыря в Великих Луках, где подвизался несколько лет. Вместе с ним на поиск спасительной пустыни отправился некий повар из той же обители, который не был монахом. Они покинули монастырь тайно, когда началась вечерня. Был канун праздника в честь Собора Архистратига Михаила и прочих Небесных Сил бесплотных (8 ноября). В монастыре освящали новый храм во имя Архистратига Михаила, а преподобный Мартирий вместе со своим другом уходил все дальше от обители. За ночь беглецы прошли 60 поприщ (около 54 км). Всю ночь шел снег, и к утру его напало «в колена». Наконец преподобный Мартирий нашел пустынь, кото-

рая ему понравилась. Друзья захотели поставить здесь небольшую «хижину», но мох из-под снега достать было невозможно и мшить стены оказалось нечем. Пришлось выкопать в глинистом берегу реки землянку и покрыть ее еловыми лапами. Через некоторое время преподобный Мартирий послал своего друга разыскать какое-нибудь селение, чтобы достать лопату. Но друг больше не вернулся к Мартирию, а только попросил некоего крестьянина отнести ему лопату. И преподобный Мартирий остался в своей землянке один.

Что реально означало жить в такой пещере, современному человеку трудно себе представить. В 1928 году русский писатель Б. К. Зайцев побывал на Афоне, где видел пещеру, в которой святой Петр Афонский провел целых 53 года в полном одиночестве. Ныне, заметил Зайцев, никто не живет в этой пещере из-за страшного холода зимой, а дерзающие замерзают и погибают. Вряд ли кто, наверное, сейчас смог бы жить также в пещерах преподобных Мартирия Зеленецкого, Кирилла Белозерского, Нила Столобенского и других начальников русских обителей. Даже тогда это было под силу далеко не всем. Из Жития преподобного Александра Ошевенского известно, что вместе с ним в каргопольские леса пришел некий брат, которого благословил игумен Кирилло-Белозерского монастыря в помощь Александру. Когда наступила зима, брат покинул преподобного, не вынеся такого «жесточкого пребывания» и «не имея никакого покоя» (никакого комфорта — сказали бы мы сейчас).

Нележкой оказалась эта зима и для самого преподобного Александра. Видимо, поэтому свой рассказ о поселении преподобного на Каргополье автор Жития заканчивает замечательным гимном весне. Его радостное эмоциональное настроение вырывается за рамки обычно сдержанного житийного канона. «Зимному же времени минувшу, весне убо наставше. Все же добрейши и краснейши бывает. Ныне небо светлейши, мгле отъемшеся. Ныне мраку отшедшу, свету воставшу. Ныне же ветри бурнии быстро дыха-

ние движуще по воздуху, снеготучни облаци раздирают и разношают. И небеса прозрачнейши бывают. Ныне солнце на высоту восходит и теплоту уявляет и студень отгоняет, и ледове раставают, и землю согревает. Ныне ж реки и источники быстро истекают, силнейши изливаются, своих уз отрешившись, и жажу (жажду. — *Е. Р.*) вся земли напояют. Ныне земля радуется, тяготы снежные избывше. Веселит же ся, жажю своя наполняя, и сеяное в ней жито с прибытком возвращает и всякыя овощи плодит, и сады, и траву растит, и цветы различныя украшает. Ныне древеся лиственные изращают и теми одеваются и красуются. И вся тварь обновляется и веселится. И всяко животно радуется и славит Создавшего и прославляет Творца своего. Ветхая мимоидоша и быша вся новая и оттоле цветеше место Христовою благодатию и молитвами преподобнаго отца Александра» (*РГБ. Унд. № 276. Л. 51 об. — 52 об.*).

Такой гимн весне мог написать только человек, сам переживший в уединенной пустыни суровую северную зиму. Не случайно, например, три игумена сменилось на Соловках, прежде чем настоятелем стал преподобный Зосима. Его Житие рассказывает, что сначала новгородский архиепископ святитель Иона поставил сюда некоего Павла, потом Феодосия, однако оба покинули Соловки, не вынеся «пустынного жительства». Зима была серьезным испытанием для подвижника, она становилась еще одним аскетическим монашеским подвигом, в его специфически русском варианте.

«В противоположность впечатляющей красоте восточных пустынь или сирийских гор русская природа исполнена грусти и печали. Она не обещает отшельнику мистических наслаждений. Равномерная смена времен года, медленное умирание и неизменное возрождение природы призывают его к спокойной равномерной работе и терпению всех трудностей. Его делание — молитва, смирение, пост и отречение от мира — главное средство русского аскетизма. Возрождение природы от зимних оков аскет понимает как подобие собственного освобождения от

грехов, как второе рождение для вечной жизни в Боге» (*Смолич. С. 373*).

Но кроме нестерпимых морозов подвижников ожидали на новом месте лесные пожары, дикие звери, разбойники и «бесовские страхования». «Случилось однажды Павлу (Обнорскому. — *Е. Р.*) выйти из келлии и походить по пустыне; когда же он возвратился, увидел келлию свою разметанную до основания; страх человеческий внезапно объял его, и он бежал к преподобному Сергию (Нуромскому. — *Е. Р.*) рассказать свою печаль; но Сергей, более опытный в деле духовном, уразумел, что это только мечтание бесовское, и сказал Павлу псаломское слово: “Бог нам Прибежище и Сила (*Пс. 45, 2*), иди, брат мой Павел, ты обретешь келью свою неразрушенною”. Поверил духовному отцу своему отшельник и, возвратясь, действительно нашел келлию неповрежденною» (*Муравьев. С. 468*).

Житие преподобного Кирилла Белозерского рассказывает, как преподобный, расчищая землю под огород, задумал сжечь хворост. Внезапно подул сильный ветер, вокруг стеной встало пламя, от дыма было ничего не видно, и он не знал, куда бежать. Только чудо спасло преподобного от «напрасной» смерти. В другой раз он ходил по лесу и так захотел спать, что не мог стоять на ногах. Побеждаемый сном, он лег на землю и уснул. Но вдруг услышал голос, настойчиво говоривший: «Беги, Кирилл!» Проснувшись, преподобный быстро отпрыгнул с того места прочь. И тут же большое дерево упало туда, где только что лежал святой.

Преподобный Никодим, пустынный Хозьюгский, однажды отправился за водой на реку. Вдруг на берегу он увидел лежавшую женщину в красном одеянии. Сотворив крестное знамение, преподобный ударил палкой по женщине, и оказалось, что это всего лишь гнилое бревно. Келья преподобного находилась на самом краю болота, неподалеку от реки Хозьюги, потому весной или во время сильных дождей святому Никодиму не раз приходилось спасаться от наводнения на крыше, но всякий раз вода отступала по его молитве.

Буквально несколькими штрихами автор Жития рисует нам непостижимую для обычного мирского человека картину жизни этого святого. Его келья была так мала, что в ней мог поместиться только один человек. Преподобный почти никогда не спал. Когда же он изнемогал на молитве, то стоял, поддерживая себя веревками, обвязанными вокруг тела. В таком положении он и дремал, выполнив свое дневное молитвенное правило, и только иногда позволял себе присесть (*РНБ. Сол. 182 / 182. Л. 40*).

Чем же питались русские подвижники? Из древних патериков известно, что египетские отшельники съедали лишь горсть фиников на закате солнца. Русский путешественник Василий Григорович-Барский, побывавший на Афоне в 1725—1726 и 1744 годах, подробно описал условия жизни святогорских иноков, в том числе и отшельников, живших одиноко в горах. На Афоне, писал он, круглый год растут съедобные каштаны, из которых даже можно выпекать хлеб. На Руси, где более полугода длится зима, нет афонских каштанов и египетских фиников. Русские монахи корчевали лес и возделывали небольшие огороды под овощи. Какие?

В Житии Никодима Хозьюгского сказано, что он сеял репу и еще ловил рыбу «малой удицей» (небольшой удочкой). Однако прежде чем есть рыбу, преподобный всегда сначала выдерживал ее, пока она не покрывалась червями, чтобы не впасть в грех чревообъядения. Показательно упоминание репы в Житии Хозьюгского пустынноика. В разные времена для крестьян северных губерний (Олонецкой, Архангельской) репа неизменно оставалась основным после хлеба и рыбы продуктом питания. Капуста здесь не росла, она практически не свертывалась в кочни, а горох вызревал очень мелкий. Даже репу сеяли обязательно на «палах» — выжженных участках леса. Только там эта неприхотливая культура давала хороший урожай (*Иванов. С. 128*). Репу можно было варить, парить, печь, кроме того, из нее готовили репный квас, а листья и квасная репная опара шли на корм скоту.

В житиях есть свидетельства, что некоторые святые там, где позволяли природные условия, сами выращивали хлеб. Преподобный Александр Куштский, копая мотыгой землю, сеял яровой хлеб. А преподобный Симон Воломский, живший на реке Кичменге в устюжских лесах, в первый год своего поселения на Волмах ходил по окрестным селениям и просил семян на посевы овощей и зерна. Отшельником он прожил пять лет, питаясь скудными урожаями со своего поля и огорода (*РГБ. Волог. № 75. Л. 42*).

На Русском Севере также обязательно выращивали лук и чеснок как главное средство в борьбе с цингой. Даже в XIX веке эта смертоносная болезнь представляла собой реальную угрозу для иноков. Так, в конце 90-х годов XIX века восемь монахов из Артемиева Веркольского монастыря на реке Пинеге в Архангельской области попытались освоить новое место к северу от обители и создать там скит, но семеро из них умерли от цинги. Некоторым подспорьем для подвижников были, конечно, грибы и ягоды, которыми изобилуют северные леса. Но хлеба всегда не хватало или не было вовсе. Поэтому подвижники часто голодали. Соловецкий остров славился как «добрый и благоугодный» для жизни монахов. На острове росли разнообразные ягоды, грибы, в озерах водилось множество рыбы. Но когда преподобный Зосима остался здесь зимовать без муки и масла, которые преподобный Герман не успел привезти с материка, он пережил сильный голод и чудом остался жив.

В Житии преподобного Герасима Болдинского рассказывается, что он, часто подолгу не имея куска хлеба, повесил при дороге «кошницу» (корзину), и прохожие опускали в нее хлеб — милостыню для святого. Также и нищие, шедшие этой дорогой, питались из кошницы преподобного Герасима.

Монахи, жившие не очень далеко от крестьянских поселений, обычно занимались каким-нибудь ремеслом и меняли свое рукоделие на хлеб и другие продукты. Преподобный Мартирий Зеленецкий, живя в своей землянке, плел лапти из лыка («калиги лычны») и посылал их с неким крестьянином в село.

Взамен жители того села отправляли преподобному хлеб или другие продукты, а он за них молил Бога. Преподобный Дионисий Глушицкий делал «спириды» (корзины), работал в кузнице и так питался от труда своих рук. А кроме того, преподобный еще писал иконы. По преданию, именно он написал прижизненный образ святого Кирилла Белозерского.

Обычно жития умалчивают о том, какие муки голода испытывали подвижники, обосновываясь на новом месте. В Житии преподобного Александра Свирского есть рассказ самого преподобного о годах своего отшельничества. Его сохранил боярский сын Андрей Завалишин. Он имел поместье на реке Свирь и любил здесь охотиться. Однажды во время охоты на оленя Завалишин углубился в чашу леса и увидел келью отшельника, так он познакомился с Александром Свирским. Подвижник рассказал ему, что уже семь лет живет в этой келье, не видя лица человеческого. Изумленный Андрей спросил его, чем же он питался все эти годы. Преподобный Александр ответил, что ел он «былие» (траву), росшее в лесу, которое смешивал с «перстью» (землей), хлеба же не имел никогда. На следующий вопрос Завалишина, как он мог перенести такое, подвижник сказал, что сначала он сильно страдал «утробой» и сердечными болями, так что даже катался по земле. А потом посланный от Бога ангел исцелил его.

Что же за «былие» ели отшельники, чтобы выжить в наших северных лесах? Ответ на этот вопрос содержит послание святителя Нектария (Теляшина), архиепископа Сибирского и Тобольского. Будущий святитель был сыном крестьянина Патриаршей Осташковской слободы и еще в детстве поступил в Нило-Столобенскую обитель. Два года он обучался в монастыре грамоте и правилам иноческой жизни, потом принял постриг, стал иеромонахом, а затем и настоятелем монастыря. Но в 1636 году вопреки своему желанию игумен Нектарий был посвящен в архирейский сан и возведен на Сибирскую кафедру. Через три года он попросил царя Михаила Феодоровича вернуть его в родной Нилов монастырь. В проше-

нии он писал: «Како мне забыти труды и раны, и глад, и жажду, и наготу, и босоту? И до смерти мне надобно помнить: какова милость Божия надо мною грешным была в Пустыни, и что мы кушали: вместо хлеба траву папорть и кислицу, ухлевник и дягиль, и дубовые желуди, и дятлевину, и с древес сосновых кору отымали и сушили и, с рыбою смешав, вместе истолкши, а голодом не уморил нас Бог?» (*Нило-Столобенская пустынь. С. 38*).

Замечателен подвиг и первого монаха Столобенского острова — преподобного Нила. Он переправился на остров в 1528 году, перезимовал в пещере, а с наступлением весны построил келью и часовню. Питался преподобный желудями, травами и возделывал землю своими руками. Иногда принимал подаяния от окрестных жителей. Проводя дни и ночи в трудах и молитвах, он не позволял себе присесть или прилечь даже на малое время. А при крайнем изнеможении стоял, опираясь руками на деревянные крючья, вбитые в стену его кельи.

Похожим было пребывание на Демьяне озере другого русского отшельника — святого Никандра Псковского. Он никогда не просил милостыни, питался только тем, что боголюбивые люди приносили сами, а недостаток в пище восполнял все тем же «былием и ужем» (*Житие преподобного Никандра. С. 323*). В беседе с диаконом Петром из Порхова преподобный Никандр однажды рассказал о своих страданиях: «Три года я болел («пренемогал») ногами, а теперь обрел отраду». Когда Петр посмотрел на ноги святого, то увидел, что кости его голеней почти обнажились, а мягкие ткани «отпадоша от ногу его» (*Там же. С. 326*).

Часто, когда обители были уже устроены, подвижники становились жертвами разбойничьих нападений. Причин, как правило, было несколько. Иногда сами святые селились среди разбойничьих «вертепов», чтобы отвратить разбойников от греха. Так обыкновенно поступал преподобный Герасим Болдинский. Он жил среди разбойников, которые грабили и убивали людей на дорогах. Разбойники изби-

вали преподобного, связывали его и таскали по колючим кустарникам, бросали в воду, говоря при этом: «Уйди, монах, от места сего, а не то умрешь злою смертью».

Нередко разбойники нападали на монашеские поселения, думая, что найдут здесь множество богатств. В один из дней на одинокую келью святого Никандра Псковского напали разбойники. Они забрали единственное богатство подвижника — иконы, а самого связали и сильно избили. Один из нападавших даже ударил его копьем. Возвращаясь назад со своей небольшой добычей, разбойники заблудились в лесу. Три дня и три ночи они бродили, тщетно пытаясь найти дорогу. Изнемогая от голода и усталости, они стали роптать на святого, которого сами же и обидели: «Себе не смог помочь своей молитвой и нам не может». Переправляясь по дереву через реку Демьянку, роптавшие разбойники сорвались вниз и утонули. Двое же со слезами возвратились к святому и поставили иконы в красном углу его кельи, умоляя преподобного о прощении. Святой накормил их, чем смог, указал дорогу и отпустил с миром (*Житие преподобного Никандра. С. 539—540*).

Похожая история, произошедшая с преподобным Иовом Ушельским, закончилась более трагично. 5 августа 1628 года на монастырь преподобного Иова (на реке Мезень в Архангельской области) напали разбойники. Вся братия была на уборке сена, и преподобный остался в монастыре один. Пытаясь узнать, где спрятаны монастырские богатства, разбойники жестоко мучили Иова: били, таскали по земле, жгли огнем и, наконец, отсеки ему голову. Иноки, вернувшись с сенокоса, в ужасе увидели истерзанное тело своего старца. Преподобного Иова погребли на другой день — 6 августа у стены построенного им храма в честь Рождества Христова.

Но чаще всего на подвижников нападали местные крестьяне, которые не хотели, чтобы рядом с их землями и промысловыми угодьями возникали монастыри, так как впоследствии эти земли переходили к обителям. Случалось, что после неоднократных за-

пугиваний они убивали подвижников. Так погиб преподобный Агапит Маркушевский (основатель обители на реке Маркуше в Вологодской области). Жители соседней с монастырем деревни Каликино убили его и бросили в реку. Монахи нашли своего настоятеля только потому, что его железные вериги всплыли на поверхности воды, как будто были сделаны из легкого дерева.

Таких скорбных повествований можно немало найти в русских житиях. Мученическую кончину за свой монастырь принял преподобный Симон Воломский. Когда к преподобному собралась братия, он отправился в Москву просить грамоту на землю. Царь Михаил Феодорович повелел отмерить по «десять поприщ» земли на все стороны света от обители и пожаловал их монастырю. Когда преподобный возвратился в обитель, началась распашка земли. Некоторые крестьяне поселились на монастырской земле и стали ее осваивать. Вскоре преподобный вместе с иноком Андреем поставил церковь с трапезной и келарской палатой, под трапезной устроили житницу для хранения зерна. Но крестьянам окрестных селений не понравилось процветание обители, и они решили известить ее. В один из дней, когда монахи обедали в трапезной, кто-то поджег житницу. Увидев дым, иноки бросились тушить пожар, но не успели, церковь сгорела дотла, удалось спасти только немного зерна. Через некоторое время монахи поставили новый храм, и крестьяне решили действовать по-другому. Три человека подошли к преподобному Симону, когда он был один в лесу и рубил деревья. Сначала они попросили добром отдать им царскую жалованную грамоту. Преподобный отказался. Тогда крестьяне, придавив преподобного какой-то «накладой» (видимо, деревянной колодой) и взяв его за волосы, стали угрожать, что они сейчас отсекут ему голову. Симон попросил их подождать, пока он сходит в монастырь и принесет грамоту. Мучители отпустили его. В обители преподобный рассказал братии, что с ним случилось в лесу, иноки побежали в лес, но разбойников уже и след простыл.

Вскоре приблизилось время праздника святого и праведного Прокопия Устюжского. К этому великому дню жители всех окрестных сел и деревень собирались обычно в Устюг. Пошли и монахи Воломской пустыни, а преподобный остался в монастыре. Узнав об этом, его враги решили довести свое дело до конца. Ночью они ворвались в келью святого и стали мучить его: колоть ножом, прижигать огнем, требуя жалованную грамоту. Преподобный попросил их отпустить его, чтобы он сходил в церковь за грамотой. Разбойники обрадовались и отпустили святого. В храме мученик Симон упал на колени перед образом Богородицы и долго молился. После молитвы он приобщился Святых Таин и спокойно вышел на церковное крыльцо. Здесь он сказал убийцам: «Делайте, что хотите». Разъяренные крестьяне еще долго издевались над преподобным, рассекли его тело ножами и только потом отрубили голову. Так 12 июля 1641 года, в возрасте пятидесяти пяти лет, погиб преподобный Симон Воломский. Окровавленное тело мученика несколько дней лежало на земле, но дикие звери и птицы не тронули его, кровь же его застыла, как камень. Спустя годы на месте мученической кончины святого выросла высокая кудрявая береза «на удивление всем» (*РГБ. Волог. № 75. Л. 49 об. — 50 об.*).

Великим постом 1550 года, в ночь с 5 на 6 марта, на память 42 мучеников Амореиских, на монастырь преподобного Адриана Пошехонского напали крестьяне села Белого, вооруженные мечами, копьями, луками, стрелами и рогатинами. Во главе разбойников был священник местной церкви, имевший страшное прозвище — Косарь (так называли большой нож, использовавшийся для резки лука). В Житии сказано, что неправедным путем захотел он себе собрать богатство: по его подсказке белосельцы крали в дальних деревнях скот и разное имущество, а потом перепродавали его в других местах. На подмогу белосельцам пришли жители окрестных селений, разбойники выставили караулы у стен обители и у конюшни, чтобы никто не смог послать за помощью.

Увидев вооруженных людей в своем монастыре, преподобный спрятался под дровяником. Но разбойники нашли его там и, накинув веревку на шею, повели в келью. Здесь они прижигали тело преподобного огнем, наносили ножевые раны, спрашивая: «Где животы ваши и статки (имущество. — *Е. Р.*)?» Игумен Адриан отвечал им: «Животы наши у Всемилоостивого Спаса на небесах и статки наши на земле. Ослабьте мне немного веревку, и отдам их в ваши руки». Мучители развязали веревку, и преподобный, достав сосуд с деньгами (корчажец), отдал им сорок рублей со словами: «Нашими статками и этим серебром мы с братией хотели построить большую церковь во имя Пречистой Богородицы». Разбойники, глумясь над ним, сказали: «Мы тебе ее сами сейчас создадим». На что игумен Адриан грустно заметил: «Горька мне ваша церковь и тошно созидание (творение) ваше».

Преподобный попросил отпустить его в Корнилиево-Комельский монастырь, где был пострижен: «Это серебро — ваше, жизнь моя — в ваших руках, статки наши — не у меня в келье. Отпустите меня, Бога ради, братия, в Корнилиев монастырь монашествовать, больше я сюда уже не вернусь и спасу свою душу там, у отца своего Корнилия (преподобного Корнилия Комельского. — *Е. Р.*)». Но мучители не вняли мольбам старца и, продолжая глумиться, ответили: «Мы сами воздадим тебе шлем спасения и пошлем тебя к Царю Небесному!» (*РГБ. Унд. № 273. Л. 19—19 об.*). Снова накинув ему на шею петлю, они повели игумена из кельи. По дороге преподобный все время молился. Разбойники привязали его к полозьям саней, сани двинулись. Так погиб преподобномученик Адриан Пошехонский.

Помимо простой жажды наживы в репликах и поступках этих белосельцев слышится такая ненависть, какой силам зла свойственно ненавидеть святое. Уходя в одиночку в глухие леса, подвижники были готовы к такому поединку. Каждый из них помнил слова Спасителя: «И будете ненавидимы всеми за имя Мое; претерпевший же до конца спасется» (*Мф. 10, 22*).

После убийства игумена в монастыре начался погром. Разбойники связали и бросили в подполье всех монастырских слуг, а сами побежали к церкви. Выломав замок, они ворвались в храм и прямо через Царские врата — в алтарь. Здесь молились трое учеников преподобного, их силой вытащили в трапезную, связали, били так, что трещали кости, а старца Давида забили насмерть. Из церкви и монастыря забрали все, что можно было увезти: мед, воск, книги, масло, сосуды, ларцы с монашеским платьем и другим имуществом, из конюшни увели коней и возы. Один из разбойников тайно от других похитил ларец игумена, думая, что там хранились монастырские сокровища. Вскрыв его, разбойник увидел множество икон, «вапов» (красок) и кистей. Он не знал, что игумен Адриан был искусным иконописцем.

Недоумеая о находке, он отправился к Косарю. Увидев ларец, Косарь стал сетовать, что крестьянин взял такую бесполезную вещь, которая однако может послужить уликой против них. Он ходил туда-сюда по избе и причитал: «Ни реки, ни пруда у нас нет, не знаю, где спрятать эти святыни». Косарь так надоел причитаниями своему товарищу по прозвищу Баба, что тот в сердцах сказал: «Безумный поп, захотел души человеческие губить и разбой творить, а сам не знает, где положить!» У разбойников были заботы и поважнее. Им надо было спрятать тело убитого игумена. В ту ночь его вывезли далеко за пределы монастыря — к заброшенной Ильинской церкви на реке Ухре. Наутро его хотели сжечь. Но кто-то из участников разбоя тайно от своих братьев похоронил святого под церковным помостом, а на месте погребения посадил рябину для памяти.

Только спустя 76 лет — 19 ноября 1626 года — мощи преподобномученика Адриана были обретенны у той рябины. Его обитель не только не запустела (хотя разбойники надеялись ее извести и все растащить «на свое подворье белосельское»), но и распространилась. А грабители получили воздаяние по заслугам: был пойман один из главарей нападения Иван Матренин, на дыбе он дал показания на своих това-

рищей. Какая участь постигла Косаря, Житие почему-то умалчивает. Но Матренин был повешен, а остальные посажены в тюрьму на срок «до кончины живота», а дома их со всем имуществом и землей проданы. Деньги от той продажи — 50 рублей переданы в Разбойную избу (Приказ по разбойным делам).

Случалось так, что имена одних и тех же разбойников попадали в разные жития. Такой размах приобретали их преступления. В Житии знаменитого вологодского подвижника Дионисия Глушицкого рассказывается, как однажды на его монастырь напали некие Василий Тяжелов и Иван Чурчин и увели семь коней. Правда, разбойники были жестоко наказаны за свое преступление. Они остановились на отдых в поле, там, где веяли хлеб. Внезапно случился пожар. Воры едва сумели спастись, а кони и все награбленное имущество сгорели. В другой раз преподобный Дионисий был жестоко избит и ранен, но остался жив. История с разбойниками, напавшими на преподобного Дионисия, имела свое продолжение. Те же преступники ограбили и убили еще двух лесных отшельников.

В конце XIX века исследователь севернорусских житий священник Николай Коноплев обнаружил в церкви Авнежского монастыря ветхую, еле читаемую рукопись. Это было Житие преподобных Григория и Кассиана Авнежских. Трагично сложилась история их земной жизни. Преподобный Григорий Авнежский пришел в вологодские леса вместе со своим учителем святым Стефаном Махрицким. На берегу реки Сухоны на диком валуне они служили свою первую литургию, освятив эту землю. Несколько столетий спустя в храме одного из авнежских сел хранился деревянный священный сосуд, который святые принесли с собой для совершения литургии. Через некоторое время к ним пришел местный житель Кассиан, принес в дар свое имущество и попросил постричь его в монахи. Прошло несколько лет, и великий князь повелел преподобному Стефану вернуться в свой прежний монастырь на реку Махру. Иноки Григорий и Кассиан остались жить в Авнежской волости. За десять лет они устроили в монасты-

ре три церкви. Однако, как заметил автор Жития, «местная сторона не была еще просвещена благочестием, здесь царили злоба и зависть». Преподобные Григорий и Кассиан были убиты в своем монастыре.

Читая Житие святых, Н. Коноплев неожиданно для себя увидел в тексте Жития уже печально известные имена «Васьки Тяжелова», названного здесь Каином и «коноловом» (конокрадом) и «Ваньки Чурчина», названного прелюбодеем и «баболовом». Именно они убили святых Григория и Кассиана. Расправившись с подвижниками, разбойники сами поселились в монастыре, грабя и убивая по всей округе. Наконец, местным жителям надоело терпеть это разбойничье сборище. Они подожгли монастырь, разбойники бежали в село Рошино, но и там сельчане ополчились на разбойников, и, видимо, в конце концов, они были убиты. «И истребилась память тех злотворцев с шумом», — записал автор Жития. Однако их дурная слава была такой громкой, что имена сохранились в памяти поколений людей.

О нравах местных жителей, среди которых приходилось жить преподобным, выразительно свидетельствует не только Житие святых Григория и Кассиана, но и повесть об обретении их мощей. Прошло несколько лет после гибели святых. На том месте, где они были погребены, стали происходить чудесные явления: огненный столп в виде большой свечи поднимался в ночи над их могилой. По повелению новгородского митрополита Макария над погребением святых была устроена гробница, украшенная иконами и лампадами. Неподалеку же от того места распал свое поле местный поселянин Гавриил Ушаков. Когда он увидел, что все больше людей стало приходиться на поклонение святым, то испугался за свое поле. Если восстановится монастырь, то я не только не передам село своим наследникам, но и совсем потеряю его, думал он, и решился на преступление.

Гавриил позвал к себе в гости игумена Иоакима и иеромонаха Иринарха из Глушицкого монастыря, подарил им медвежью шкуру и 100 серебряников. И те помраченные сребролюбием, как говорит автор

Жития, пошли вместе с Гавриилом и разорили гробницу святых. Какое наказание постигло самих монахов, неизвестно, но Гавриил впал в безумие, десять месяцев он скитался по лесным чащобам, кричал, как дикий зверь, и едва пришел в себя на могиле преподобных Григория и Кассиана.

Однако не только к этим подвижникам враждебно отнеслась Авнежская волость. Однажды сюда пришел преподобный Дмитрий Прилуцкий. На берегу реки Лежи он поставил церковь в честь Воскресения Христова, но жители Авнеги подняли ропот на святого и сказали ему: «Отче, не угодно нам твое здесь пребывание». Святой Дмитрий навсегда покинул эти земли и поселился близ Вологды, где основал знаменитый Спасо-Прилуцкий монастырь.

Гораздо милосерднее людей, помраченных ненавистью и алчностью, к подвижникам относились дикие звери. В древних патериках есть много рассказов о дружбе древних святых со львами, гиенами и даже с крокодилами. На берегу реки Иордан в Палестине жил один подвижник, который часто останавливался на ночлег в львином логовище. Однажды, найдя двух львенков в пещере, он принес их в своем плаще в церковь. «Если бы мы соблюдали заповеди Господа нашего Иисуса Христа, — сказал он, — то звери боялись бы нас. Но за грехи наши мы стали рабами, и теперь — скорее мы боимся их» (*Иоанн Мосх. Луг духовный. С. 24*).

Святость подвижников восстанавливала утраченную райскую гармонию в окружавшем их мире, и хищные звери переставали враждовать с человеком. Преподобный Павел Обнорский, словно птица, три года жил в дупле старой липы. Однажды, когда преподобный Сергей Нуромский пришел навестить своего друга, он увидел такую картину: святой Павел стоял около кельи и кормил птиц, а множество маленьких птичек сидели на голове и плечах старца. Неподалеку же мирно стояли огромный медведь, лисица и заяц и дожидались своей очереди. А страшная гиена (так писал агиограф) кротко ходила вместе с ослом и не нападала ни на кого, по заповеди святого.

В XIX веке остаток липы подвижника хранился в Успенском храме Обнорского монастыря перед иконой преподобного Павла. В Евангелии есть притча, в которой Спаситель говорит, как человек должен относиться к своей повседневной жизни: «Взгляните на птиц небесных: они не сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; И Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их?» (*Мф. 6, 26—27*). «Ищите же прежде Царствия Божия и правды его, и это все приложится вам» (*Мф. 6, 33—34*). Русские святые, стремясь жить по Евангелию, буквально воплощали в соей жизни заповеди Учителя.

Вот описание липы, сделанное А. Н. Муравьевым в 1854 году: «Нельзя было без умиления смотреть на эту необычайную пустынную келью чудного отшельника, в которой не более четырех аршин в окружности, а в высоту уцелело от нее только аршин с четвертью: такими тесными дверьми подвизался он взойти в Царство Небесное, взирая на птиц небесных, в обществе коих обитал, и надеясь, подобно им, получить себе пищу от Небесного Отца» (*Муравьев. С. 484*).

Лесные обитатели становились подчас единственными собеседниками и помощниками преподобных. Так, у Герасима Болдинского был любимый ворон, который охранял кошницу и келью Герасима и громким карканьем всегда предупреждал преподобного, если кто-то приближался к его келье. Однажды некий человек, по прозвищу Куча, бродил в лесу неподалеку от хижины святого. Внезапно он увидел леопарда, выходявшего из чащи. Куча мгновенно взобрался на дерево и стал наблюдать за происходящим. Леопард подошел к кузовцу святого, который был полон хлеба, и, встав на задние лапы, пытался достать его. Ворон, заметив леопарда, стал стремительно летать вокруг зверя, бить его крыльями, когтить голову и в конце концов заставил его уйти ни с чем.

Водил дружбу с «птицами небесными» и преподобный Пафнутий Боровский. Монастырь его стоял в чаще леса, где водилось огромное множество воронов, «черноперых и многоязычных». Преподобный запретил своим инокам трогать птенцов руками или

тем более причинять им какой-либо вред. Однажды тем лесом проезжал сын воеводы Боровского. Привыкшие к полной безопасности вороны сидели на ветках по обе стороны от дороги и каркали на все лады. Юноша решил позабавиться и, обернувшись, выстрелил из лука. Увидев, что стрела попала в цель, он очень обрадовался, но когда захотел повернуть голову в нормальное положение, то не смог. Сразу забыв про веселье, он пришел в ужас. Так и ехал он до монастыря с повернутой на сторону головой.

Преподобный Пафнутий, увидев знатного гостя в таком виде, повелел ударить в било. Братия поспешили из своих келий, удивляясь, что их зовут в столь необычное время. Показав на юношу, игумен сказал им: «Отомстил Господь за кровь ворона», и повелел служить молебен об исцелении наказанного. После молебна он осенил юношу крестом со словами: «Повернись вперед силою Животворящего Креста!» — и голова приняла свое естественное положение (*Житие преподобного Пафнутия Боровского. С. 126*).

В Житии Дионисия Глушицкого рассказывается о необычной дружбе святого с ослом. Перед смертью преподобный завещал похоронить его за четыре поприща от Глушицкого монастыря в Сосновецкой пустыни. Когда святой умер, его тело положили на другого монастырского осла, но тот заупрямился и не захотел сдвинуться с места. Тогда ученик святого Амфилохий повелел привести любимого осла преподобного Дионисия. И этот осел послушно отвез тело святого в пустынь, ни разу не остановившись по дороге.

Частыми гостями лесных отшельников были медведи. Встречи с ними не всегда заканчивались длительной дружбой, как это было, например, у святых Сергия Радонежского и Серафима Саровского. Однако звери почти всегда оставались послушными слову подвижников. Преподобный Трифон Печенгский (основатель обители на Кольском полуострове), собравшись печь хлеб, поставил квашню и вышел из кельи. Тем временем медведь, почуя съестное, забрался в келью, опрокинул квашню и стал есть тесто.

Вернувшись, святой увидел медведя, творившего ему «пакость», и сказал зверю с молитвой: «Иисус Христос, Сын Божий, Бог мой повелевает тебе: выйди из кельи и стань здесь кротко». Медведь вышел из кельи и встал неподвижно около преподобного. Святой Трифон, взяв дубину, стал бить зверя, говоря ему: «Во имя Иисуса Христа наношу тебе раны как грешнику». Наказав зверя, преподобный повелел ему уйти в лес и впредь «не пакостить». После этого звери не причиняли никакого вреда святому Трифону, а монастырский скот без боязни пасли за стенами обители (*Житие Трифона Печенгского. С. 108*).

Надо заметить, что к медведю на Руси относились как к вполне разумному существу, способному грешить и, наоборот, совершать добрые поступки. Он был постоянным персонажем не только сказок, но и житий. В Житии преподобного Саввы Вишерского рассказывается о том, как святой привел медведя на суд новгородского посадника. Он попросил осудить зверя за то, что тот задрал у него две лошади. Суд «приговорил» медведя работать на монастырь вместо лошади.

Чудеса и обычные повседневные труды тесно переплетались в жизни подвижников. «Эти люди, — включает автор Жития преподобного Павла Обнорского, — были такими же людьми, как и мы, но другое имели стремление. Не было у них двух мыслей (о земном и о Небесном. — *Е. Р.*) , как у нас, несмысленных и слабых, но только одна — как спасти свою душу. И потому вместо телесного покоя предпочли они труды и болезни, вместо сна — всеобщее бдение, вместо людских пустых разговоров — молитвенное беседование с Богом, в тишине и в чистоте жили они в стороне безмолвной».

МОНАСТЫРСКАЯ СИСТЕМА ВЫЖИВАНИЯ

В истории русского монашества редки подвиги длительного отшельничества. Уединенная келья подвижника довольно скоро превращалась в скит, где жили сам преподобный и несколько его учеников, а потом и в общежительный монастырь. Выжить не только в одиночку, но и общиной, в суровых условиях Русского Севера было чрезвычайно сложно. Поэтому каждый монастырь создавал свою собственную систему выживания. Но как бы ни была отлажена эта система, любые чрезвычайные обстоятельства — погодные условия, голод, вторжения иноплеменников — могли поставить под удар существование обители. Особенно уязвимы были монастыри в первые два столетия своей истории. Впоследствии во многих из них, как правило, складывалось мощное вотчинное хозяйство (вотчиной обыкновенно называют земли и угодья монастыря, которые находятся в его полной собственности).

Устойчивость монастырской системы выживания зиждилась теперь не на собственном труде и изобретательности монахов, а на использовании чужого труда. Монастыри обрастали крупными денежными средствами, которые позволяли им нормально существовать даже в условиях неурожаев и голода. Эта от-

носителем благополучная страница в истории монастырей интересует нас в меньшей степени. Гораздо интереснее, живее и разнообразнее была монастырская жизнь в эпоху первоначального существования обителей. Попробуем себе ее представить, перелистывая страницы житий и документы из монастырских архивов.

Шесть иноков: Александр, Иоаким, Исайя, Елисей, Александр и Иона поселились вместе с преподобным Антонием Сийским на полуострове Михайловского озера, в которое впадает река Сия. На много верст вокруг стеной стоял лес, простирались непроходимые болота и глубокие озера. Помощи ждать было практически не от кого. Не медля, иноки принялись за расчистку земли под постройки и огороды. Преподобный Антоний первым поставил себе маленькую келью для молитвенного уединения. Когда братия отдыхала после дневных трудов, он, не зная усталости, молился здесь. Через некоторое время кельи появились и у братии. Питались овощами с огородов и съедобными лесными растениями. Особенно тяжело было первые три года. Часто, проснувшись утром, монахи не знали, что будут есть днем. В монастыре не было не только муки, масла, соли или других продуктов, но и хлеба — «всему бо скудость бяше, чего не помяни, того не обретеса».

Однажды братия возропала от голода и хотела разойтись. Преподобный умолял их остаться, уговаривал потерпеть. Выслушав игумена, иноки поклонились ему до земли и разошлись по своим кельям. Наутро, когда преподобный Антоний совершал свое молитвенное правило, пришел какой-то незнакомец и принес хлеб, муку и масло, а также деньги на монастырские нужды. Игумен повелел отнести хлеб в трапезную и перед едой сказал инокам: «Видите ли, братия, дивные чудеса Божии, как посещает это святое место и не оставляет терпящих всякую скорбь с благодарностью». Братия стояли молча, опустив от стыда головы. После этого случая ученики уже не смели роптать на своего настоятеля ни при каких трудностях.

Когда к подвижнику собиралась братия, ему необходимо было получить разрешение светских и духовных властей на создание новой обители. Кроме того, монастырь нуждался в защите от произвола и нападений. По прошествии зимы, которую преподобный Александр Ошевенский провел в одиночестве, он отправился в Новгород к архиепископу Ионе, чтобы получить его святительское благословение на устройство обители. Архиепископ с осторожностью встретил преподобного, долго расспрашивал его наедине, где он принял постриг, как подвизался и, наконец, удобно ли выбранное им место для создания обители. Ответы преподобного Александра понравились архиепископу. Он дал ему игуменскую грамоту, а также святой антиминос на освящение церкви. Поклонившись архиепископу Ионе, святой Александр отправился к новгородской боярыне Анастасии и ее сыну Юрию, которые владели землями по реке Чурьюге (левому притоку Онеги), где стояла келья Александра. Преподобный просил земли у боярыни, и она не отказала ему. Житие сообщает, что Анастасия даже хотела передать Александру во владение всю волость по реке Чурьюге. Но он не принял этот дар, так как в волости жили его родные. Если бы вся земля перешла во владение монастыря, то родные Александра стали бы «монастырскими слугами» и должны были арендовать свою землю у обители. Преподобный знал, что они оскорбятся и уйдут с этих мест, поэтому сказал Анастасии: «Дай мне земли на монастырское строение, а волостской владей сама». Боярыня дала Александру Ошевенскому четыре грамоты.

Согласно первой монастырью выделялись земля и лес для строительства церкви и самой обители. Это была земля «монастырская вековая», игумен не мог ее осваивать (то есть использовать под пашню), продавать, закладывать и т. д. По другой грамоте, Александр получал землю и лес, которые уже мог осваивать под пашню, звать «жильцов» (крестьян) и «сажать» их на этой земле, чтобы они ее обрабатывали. Эта земля освобождалась от всяких податей и повин-

ностей, то есть, если говорить на языке документов того времени, была «белой» землей, вотчиной монастыря. По третьей грамоте монастырь получал пустые пожни по реке Чурьюге под покосы, они также переходили в полную собственность обители, и боярский ключник в них не вступался. На тех же условиях монастырь получил «деревеньку Лисициньскую».

Если монастырь стоял на государевой земле, то его основатель подавал челобитную царю. Так, преподобный Антоний Сийский поручил своим старцам Александру и Исае ехать в Москву к великому князю Василию Иоанновичу, чтобы государь «пожаловал бы богомоление свое, повелел монастырь строити на пустынном месте на диком лесу и братию собирать и пашню пахати» (*РГБ. Троиц. 694. Л. 29—29 об.*). Государь, как правило, жаловал земли и угодья, что подтверждалось жалованной грамотой. Эти грамоты нередко были льготными грамотами, по которым монастыри и все, живущие на монастырской земле, освобождались от выплаты податей государству. Такие льготы обычно давались на 10—15 лет и очень редко — бессрочно. Вместе с жалованной грамотой обычно выдавалась и несудимая, которая освобождала монастырь от подсудности государственным властям. Право судить братию и монастырских людей, кроме уголовных дел — кражи, разбоя и убийства, получал теперь настоятель обители. Если одна грамота давала освобождение от податей и подсудности светским властям, то она называлась «тарханной» или тарханом. Такие грамоты выдавались редко. В XVI веке полным тарханом владел Троице-Сергиев монастырь, а с 1584 года их выдача была прекращена совсем (*Смолч. С. 128, 141*).

Однако, несмотря на жалованные грамоты, подписанные государями или другими благодетелями, монастыри часто, особенно в первые годы своего существования, были беззащитны перед произволом. Лишь милость Божия становилась их единственным покровом. Сборщик податей Новгородского архиепископа Василий Бебрь, думая, что в монастыре Ан-

тония Сийского есть некие сокровища, нанял разбойников, чтобы они ночью ограбили обитель. Когда они подошли к монастырю, то увидели множество вооруженных людей, охранявших его. Разбойники испугались и убежали. Наутро они рассказали Василию об увиденном. Тот послал в монастырь священника расспросить святого, что за люди охраняли обитель. Оказалось, что в монастыре, кроме монахов, никого не было, а святой, по своему обыкновению, всю ночь молился. Пораженный чудом, Василий Бебрь пришел к святому и покаялся перед ним.

Рядом с монастырем преподобных Адриана и Ферапонта Монзенских находилось поместье боярского сына Богдана Карпова. Монастырь поставил свою деревню Кусакино неподалеку от пустоши Богдана, и тот, усмотрев в этом угрозу для своего поместья, «расвирепел» на преподобного Адриана. Надеясь на своих слуг и собственную силу, Богдан решил монастырскую деревню сжечь, жителей разогнать, а игумена вместе с братией избить, чтобы впредь было неповадно. Собрав своих крестьян, Богдан двинулся к монастырю. Жители Кусакино при его приближении разбежались. Доехав до Святых врат монастыря, Богдан слез с коня, намереваясь перекреститься на святые иконы. И в ту же минуту его догнали гонцы, которые сообщили ему, что его дом и засеянные хлебом поля сгорели. Богдан, испугавшись такого немедленного возмездия, покаялся перед игуменом Адрианом в своем «злотворстве», а также дал милостыню в монастырь. После этого происшествия он заповедал детям своим никогда не чинить никаких препон Монзенскому монастырю.

Еще опаснее был произвол государевых наместников, которые пользовались почти неограниченной властью над землей, отданной им в «кормление». По повелению царя Иоанна Васильевича Грозного в Каргополь прибыл новый наместник боярин Иоанн Михайлович Юрьев, родственник царицы Анастасии. Как говорит автор Жития преподобного Александра Ошевенского, он не приехал, а «наехал на город», «надмеваясь» высотой своего положения. Через

некоторое время к наместнику прибыл игумен Ошевенского монастыря Кассиан с монахом Евсевием. Игумен привез дары и монастырскую несудимую грамоту, чтобы сразу внести ясность во взаимоотношения монастыря и наместника. В грамоте говорилось, чтобы наместник и его тиуны не судили игумена, братию и монастырских крестьян ни в чем и сами бы не въезжали в монастырь. Боярин грамоту похвалил, но сказал, что игумен и крестьяне монастырской вотчины должны уплатить ему некую пошлину. Поскольку пошлина была незаконной, старец Евсевий, до той поры все время молчавший, возразил боярину: «Нет, господин, тебе никакого дела до нас, и мы тебе не дадим». Боярин пришел в ярость и гневно сказал: «Как повелю брать с вас, так и возьму». Но старец был неробкого десятка и ответил: «Тогда будет, когда возьмешь!» (РГБ. Унд. № 276. Л. 111 об.). От такой дерзости боярин взревел, как зверь: «Царь государь меня пожаловал градом Каргополом и всей рекой Онегой и прилежащим Поморьем, а этот чернец не хочет мне повиноваться, да еще вопреки глаголет!» Выгнав монахов, Юрьев еще долго кричал и бушевал на крыльце своих палат, а потом созвал приближенных и устроил пир. Тут пришла ему в голову мысль послать слуг в монастырь, схватить непокорного Евсевия и посадить в темницу, а там он еще подумает, что с ним сделать. С этими мыслями сильно выпивший боярин уснул.

Тем временем монахи возвращались в обитель. По дороге игумен выговаривал старцу Евсевию: «Как ты мог говорить вопреки такому великому человеку, славному боярину!» Когда они приехали в монастырь, игумен созвал братию и рассказал все бывшее с ними. Монахи сильно испугались и накиннулись на Евсевия с такими словами: «Большое зло ты сотворил. Если ты не вернешься и не утолишь гнева боярина, он сам пошлет за тобой, и с великим бесчестием возьмут тебя. Мы же тебя сами отдадим как некоего злодея. И если тебе случится пострадать, то мы тебе помогать не будем». Услышав такие недвусмысленные угрозы от родной братии, Евсевий удалился в ке-

лю и здесь всю ночь со слезами молился Богу. Наутро он поехал в Каргополь. Спасло его чудо. Когда боярин немного проспался, ему явились два вооруженных старца. Один из них сказал: «Если не покаешься, то умрешь злой смертью». А второй добавил: «Если не послушаешь святого Николы и меня, то живым тебе не быть, вскоре умрешь». После этих слов боярин в ужасе узнал в первом старце святителя Николая. Он спросил у святителя, как зовут второго старца, на что святой Никола сказал: «Разве ты его не знаешь? Ты же хочешь его Богом созданную обитель разорить, а учеников его, Богом собранное стадо, разогнать. Это преподобный Александр, начальник той обители, меня же он взял с собой, потому что и мне Богом повелено хранить это место, так как есть там церковь во имя мое». Еще больший ужас охватил боярина, он стал просить прощения у преподобных и дал обет во всем помогать монастырю. На этом боярин проснулся и, призвав к себе священника, рассказал ему свой страшный сон.

Уже светало, когда монах Евсевий в тоске ехал по безлюдным улицам Каргополя. Тут его встретил тот самый священник, возвращавшийся от боярина, и, удержав его, сказал: «Радуйся, брат Евсевий!» Старец решил, что священник издевается над ним. Но тот повторил: «Радуйся, брат, ибо Бог помиловал вас» (*РГБ. Унд. № 276. Л. 113*). Далее он рассказал старцу о чудесной перемене, случившейся с боярином. Наместник с честью принял старца и сказал ему: «Если бы я знал, что ваш монастырь находится под такой благодатью Божьей, то, приехав в город, сначала бы поехал не на свой двор, а в ваш монастырь помолиться Спасу, Пречистой Богородице и Николе Чудотворцу, и ко гробу начальника Александра приложился бы». Дав в обитель большую милостыню, он отпустил старца.

Эту повесть с боярином Юрьевым автор Жития завершил любопытным примечанием, что как-то он сам был на пиру у боярина и слышал его рассказ, также и старец Евсевий поведал ему о себе, он же, объединив оба рассказа, честно все изложил. К этому можно только добавить, что хорошо то, что хорошо кончается.

После того как была получена жалованная грамота на землю, ее можно было осваивать. Иноки расчищали землю от леса, чтобы поставить церковь, кельи, посадить огород, распахать пашню. Бывало, что монастырю помогали наемные люди, если у обители были средства и благодетели. Так, в 1400 году преподобный Дионисий Глушицкий послал князю Дмитрию Васильевичу Заозерскому, владевшему землями вокруг Кубенского озера, свою просьбу прислать «делателей», чтобы выкорчевать деревья. Князь Дмитрий прислал своих делателей, и уже в 1402 году на рощисти (на расчищенном месте) были построены кельи. Затем преподобный Дионисий отправился к Ростовскому архиепископу Григорию и получил у него благословение на монастырь. В 1403 году в Глушицкой обители построили церковь в честь праздника Покрова Пресвятой Богородицы и «ина елика потребна суть братии».

Преподобный Герасим Болдинский сам со своими учениками таскал бревна, строил церковь и кельи, до этого иноки жили в «лесных куцах» (хижинах из веток, стоявших в чаще леса). Замечательной хозяйственной смекалкой обладал преподобный Александр Свирский, чему немало подтверждений мы находим в его Житии. Как-то раз преподобный обнаружил большие запасы глины около своего монастыря и задумал делать из нее кирпичи, чтобы построить в обители каменную церковь. Братия роптала на святого, средств у монастыря не было никаких, и всякое строительство казалось невозможным. Но преподобный Александр не отступал. Через некоторое время в монастыре было приготовлено достаточное количество кирпича, извести, с берега озера иноки натаскали валунов. Тогда Александр Свирский послал к великому князю Василию Иоанновичу трех своих учеников — Антония, Леонтия и Иродиона с просьбой прислать каменщиков в обитель. Великий князь исполнил просьбу преподобного, в монастырь прибыли каменных дел мастера и «дозиратель постройки»

(архитектор), сам же Василий Иоаннович просил преподобного молить Бога о даровании наследника. В скором времени в обители был построен каменный храм, трапезная и монашеские кельи.

Историки часто спорят о том, что же являлось основой монастырского хозяйства. Некоторые говорят, что не земля составляла главное богатство монастырей, а многочисленные пожертвования деньгами, драгоценностями и другим движимым имуществом. Другие исследователи, продолжая эту мысль, утверждают, что земельные владения вовсе не нужны были монастырям, а приобретались только из одной монашеской страсти к стяжательству (накопительству). Мы же возьмем на себя смелость утверждать, что именно земля была основой монастырского хозяйственного уклада.

Да, земля подчас была неплодородна и в климатических условиях Русского Севера не приносила большого дохода. Но крестьянин, кем в сущности и был русский монах, не мыслил себя без земли. Эта связь осознавалась им почти мистически. На Руси обычно говорили: не стоит земля без праведника. Перефразируя эту поговорку, можно было бы сказать: не стоит и монастырь без земли. Поэтому так отчаянно сопротивлялись монастыри любым попыткам отнять у них землю. Поэтому все основатели монастырей добивались в первую очередь именно земельных пожалований, только тогда они могли быть спокойны, что сделали все (в земном, практическом отношении) для надежного существования своего монастыря. Сама неумолимая логика жизни требовала от них этого.

Так, в обители преподобного Диодора Юрьевского (в Архангельской области) первое время часто случался сильный голод. Монастырь был значительно удален от мирских поселений, и надежды на милостыню мирских людей не было никакой. Однажды голодная братия начала роптать на святого и обвинять его в неразумной растрате денег на строительство сразу трех церквей, келий и оград. «Сначала надо было один храм поставить, потом другой, а не в

одно время. И ныне нам чем питаться? Не можем голод терпеть, наутро все разойдемся, каждый, куда хочет!» — ругали они преподобного Диодора.

В эти трудные дни ему явился преподобный Александр Ошевенский и сказал: «Не малодушествуй и братию укрепляй! Вспомни, сколько человек Бог пропитал в пустыни. Вас ли не может прокормить! Только трудитесь с благодарением и ловите рыбу на озерах!» (*Житие преподобного Диодора. С. 789—780*). Улов оказался так велик, что иноки не только сами питались этой рыбой в течение долгого времени, но еще и продавали ее и покупали другие продукты. В следующий раз любимый ученик преподобного Прохор во время молитвы услышал голос, исходивший от иконы Пресвятой Богородицы: «Не скорбите, имейте между собой любовь, трудитесь! Бог вас на этом месте не оставит. Идите на озеро, ловите рыбу». И вновь богатый улов спас монахов от голодной смерти.

В третий раз иноки поймали черную лисицу и продали ее за 8 рублей. Чтобы на будущее обезопасить монастырь от голода, преподобный Диодор решил ехать в Москву и выхлопотать земельные владения для монастыря. В 1629 и 1632 годах он, действительно, был в Москве и получил царские жалованные грамоты на землю, после чего жизнь в монастыре стала налаживаться, преподобный и братия «начаша землю пахати, лес под пашню сеци и тем питатися». Это разумное отношение к земле следует отличать от стяжательства, страсти приобретения излишнего ради обогащения, которые впоследствии стали, увы, характерны для монастырской жизни.

Поскольку нужда в хлебе была самой насущной, монастырская пашня всегда являлась предметом особой заботы братии. Из житий преподобных Кирилла Белозерского, Александра Ошевенского и других святых известно, что сами преподобные возделывали землю. Хлеб, который выращивали на монастырской пашне, назывался «припашной». Монастырские старцы заботились о том, чтобы амбары были полны хлеба, и держали его про запас. Все работы на пашне были под контролем игумена и келаря. В

Житии преподобного Корнилия Комельского рассказывается о том, что святой часто ходил на монастырское поле наблюдать за работами. Так же поступал и преподобный Дмитрий Прилуцкий. Эти заботы о монастырском хозяйстве едва не стоили преподобному Корнилию жизни. Напасти сыпались одна за другой. Как-то, когда преподобный возвращался с поля, на него упало дерево, хотя стояла тихая и безветренная погода. Иноки принесли его в монастырь, двенадцать недель преподобный пролежал без движения. Оправившись после болезни, он вновь пошел проведать работников и упал с высокого обрыва, так что разболелся пуще прежнего. В другой раз на него снова упало дерево, и его нашли лежащим, с разбитой головой.

Отдельными видами работ руководили специально поставленные для этого старцы. Из монахов Комельского монастыря обычно назначалось несколько «нарядников», которые наблюдали за наемными рабочими-«делателями». Старец-«житник» ведал приходом и расходом хлеба, старец «купчина-казначей» покупал земледельческий инвентарь, платил наемным рабочим, трудившимся на пашне (*Прокофьева. С. 11*). С увеличением монастыря к распашке земли привлекались на различных условиях наемные люди, они также упоминаются уже в житиях основателей монастырей. Это были «половники», «бобыли», «казаки», монастырские слуги, «детеныши» и т. д. Мы сейчас не будем останавливаться на характеристике всех категорий зависимых от монастыря людей. На первых порах в монастырях занимались подсечным земледелием. Некоторые валаамские подвижники, жившие одиноко в глубине острова, брали на себя сугубый подвиг: не принимая никакой помощи от монастыря, сами выращивали хлеб, копая «жесточайшую ту каменную землю» копорулею, даже без помощи скота (*Сказание о Валаамском монастыре. С. 133—134*).

Монахи, жившие в монастырях нынешней Архангельской области или Карелии, вынуждены были постоянно заниматься подсечным земледелием. Пло-

дородные почвы, как правило, находились под болотами и требовали большого труда при их разработке. Подсечное же земледелие позволяло делать запашки в лесах без использования лошадей и удобрений. Вот как происходил этот процесс в XIX веке: сначала рубили и выжигали лес, причем зола заменяла собой впоследствии искусственное удобрение. Свалив деревья, их оставляли сохнуть до будущей весны, а в ясные сухие дни сжигали. На разработанной из-под леса пашне сеяли озимый хлеб в течение трех и более лет. Почва после поджога давала хороший урожай, а потом чем дальше, тем хуже. На новинах рожь в первые годы родилась сам-10, сам-12, а иногда и сам-50, особенно на местах из-под крупного леса; овес два года подряд родился сам-10, сам-15. Потом землю забрасывали, запущенные палы возобновляли через 15 лет (*Иванов. С. 124*). Вероятнее всего, именно так обрабатывали землю основатели и первые насельники монастырей. Не случайно в житиях часто встречаются рассказы о том, каким опасностям подвергались святые, когда жгли лес или хворост.

Довольно быстро в монастырях, расположенных на плодородных землях, переходили к правильно организованному трехполью. Там, где позволяли природные условия, зерновое хозяйство велось на высоком уровне, землю добротнo обрабатывали, систематически вносили удобрения. При обработке земли употреблялись соха (в Карелии это были простые одноконные сохи), плуг, борона из еловых сучьев, при уборке урожая — серп, цепь и коса. Сеяли, как правило, рожь (в 1621 году в Кирилло-Белозерском монастыре ее посеяли 789 четей) и овес (1564 чети) и в значительно меньшем количестве — ячмень (192 чети) и пшеницу (20 четей). Лен и коноплю монастыри, как правило, не выращивали, хотя постоянно покупали льняное и конопляное масло, лен на нити и коноплю. Гораздо дешевле их было купить, чем заниматься такими трудоемкими культурами в собственном хозяйстве.

Хлеба высевались яровые и озимые. В Прилуцком монастыре (близ Вологды) яровые (овес, ячмень,

пшеницу, редко — рожь) сеяли в апреле или в мае. Озимую рожь (такой была большая часть, именно она кормила монастырь) сеяли в августе. Уборка урожая начиналась в конце июля и заканчивалась в августе. Лишь в те годы, когда стояла особо плохая погода, окончание уборочных работ падало на сентябрь. Самый же разгар страды приходился, как правило, на август. Урожаи зависели от погодных условий, количества рабочих рук и всегда получались разными, но, как правило, стабильно высокими. Л. С. Прокофьева, детально изучившая хозяйство Спасо-Прилуцкого монастыря, отмечает в своем исследовании, что неурожая в этой обители практически не было. Даже в голодные годы, которыми начинался XVII век, урожай на монастырском поле был относительно высок. В 1601 году урожай ржи составил сам-3,6, овса — сам-2,6, ячменя — сам-6,4. Такими были средние урожаи на территории центральной части Русского государства в обычные годы. Монастырские старцы сетовали только, что хлеб в этот год уродился весь «зяблый», то есть не годился на семена, но все-таки его было достаточно, чтобы прокормить монастырских людей. А бывали годы, когда урожаи выдавались особенно высокие. Так, в 1642 году в том же монастыре ржи уродилось сам-10, овса — сам-5,8, ячменя — сам-10. Причем на монастырской пашне урожаи были всегда выше, чем в селах, расположенных неподалеку от монастыря (*Прокофьева. С. 21*). Достигалось это высоким уровнем обработки пашни. Некоторые обители полностью обеспечивали себя хлебом, но почти никогда им не торговали, даже когда амбары ломились от хлеба. Наоборот, монастыри всегда старались его закупать про запас и только немногие обители торговали своим хлебом (так, Троице-Сергиев монастырь вывозил в Астрахань муку, которая мололась на его мельницах из его собственного зерна).

Большинство же русских монастырей, расположенных в неблагоприятных для сельского хозяйства районах, не могли прокормить себя хлебом сами, зерно приходилось докупать или просить помощи у

государства или иных благотворителей. В Псково-Печерском монастыре в начальную пору его существования часто случались перебои с хлебом. Получив от благотворителей жито и овес, монахи ссыпали их вместе и из этой смеси пекли хлеб.

Мельницы не сразу появлялись в монастырях. На первых порах монахи перемалывали зерно с помощью ручных жерновов. В Житии преподобного Трифона Печенгского рассказывается, как преподобный купил ручные жернова в городе Кола. Они были «немалы и тяжки», но Трифон всю дорогу до монастыря нес их на своих плечах. Путь был неблизким, преподобный прошел 150 стадий по холмистой, а иногда болотистой местности. К тому же, как замечает автор Жития, было это Великим постом, и преподобный ничего не ел. Эти жернова много лет служили монастырю, а потом хранились в обители в память о святом Трифоне.

Однако молоть ручными жерновами было чрезвычайно трудным делом. Все зерно обычно делилось на части — «уроки» и распределялось между иноками монастыря. Если кто брал на себя чужой урок, то в житиях такой поступок оценивается как особый подвиг. Преподобный Герасим Болдинский, который от природы был «крепок и мощен зело» и мог работать за двоих, часто, жалея иноков, выполнял за них эту тяжелую работу. Так же поступал и преподобный Антоний Сийский. Некоторое время он жил в уединенной пустыни неподалеку от монастыря. По ночам, вычитав все положенные молитвы, он молот хлеб. А чтобы усугубить подвиг, раздевался по пояс и отдавал свое тело на съедение комарам. Они облепляли его так, рассказывает автор Жития, что не оставалось места и для кончика пальца. Всю муку преподобный Антоний отправлял в монастырь, себе же оставлял только малую часть на пропитание.

В Благовещенском монастыре преподобных Адриана и Ферапонта Монзенских жил некий брат по имени Феодосий. Он был слепым, однако всю свою монашескую жизнь проработал в «пекальнице» — пе-

карне. Здесь он пек хлеб для братии. Поскольку монастырь был тогда беден, хлеб молотили жерновами, и Феодосий часто брал на себя братские «уроки». У некоторых он забирал рожь тайно, а потом ставил им в сенях уже готовую муку. Феодосий работал по ночам, а также в полдень, когда вся братия по обыкновению отдыхала. За свой подвижнический труд он стал свидетелем чуда: ему явился святой Ферапонт Монзенский, и на некоторое время слепой Феодосий ясно увидел свою пекарню и Благовещенскую церковь. Преподобный предрек ему, что после смерти он будет положен внутри церкви рядом с ракой святого. После явления преподобного Ферапонта свет снова померк в глазах Феодосия, но он до конца жизни оставался на своем послушании. Когда инок представился, братия увидели белого голубя, сидевшего на крыше его кельи. Феодосия погребли в приделе во имя святителя Николая Чудотворца Благовещенской церкви рядом с ракой святого Ферапонта, как это и было ему предсказано.

Но то, что могли выдержать святые, часто было не под силу остальной братии. Иноки из монастыря преподобного Александра Свирского все время роптали на святого за то, что у них нет мельницы. Однажды преподобный Александр, взяв с собой старейших монахов, отправился на гору рядом с монастырем. Обитель стояла на берегу озера, а над ней на расстоянии полета двух стрел находилось еще горное озеро. Преподобный рассудил, что если прокопать русло из верхнего озера в нижнее, то можно будет устроить мельницу. Сотворив молитву, преподобный Александр стал копать русло, братия, взяв «рыла», помогали ему. Через некоторое время огромные потоки воды с сильным шумом устремились вниз. От быстро прибывавшей воды под монастырем образовался большой ров, грозивший здешним постройкам падением. Преподобный перекрестил водный поток и встал на молитву, которая и спасла тогда Александро-Свирский монастырь. Вскоре иноки устроили на нижнем озере мельницу. Она молола и толкла «на всякую потребу монастырскую».

Кроме пашни монастырскую землю использовали под огороды и сенокосы. Если рабочих рук для обработки пашни не хватало, то она быстро превращалась из «живущего» в «пусто». Эти опустевшие пашенные земли отводили под покосы, которые сдавали в аренду либо косили сами. Из житий святых видно, что монастыри обзаводились стадами скота уже на первых порах своего существования. В Житии преподобного Арсения Комельского есть рассказ о медведе, который чуть было не напал на корову из монастырского стада. Преподобный Арсений «связал зверя молитвой» и повелел своему ученику наказать его. Ученик, взяв лозу, высек медведя, после чего медведь поклонился преподобному и удалился. С тех пор звери перестали нападать на монастырский скот.

В небогатом монастыре святого Симона Воломского братии и наемных работников было немного, рабочих рук на все не хватало, и скот пасся в лесу без присмотра пастуха. Однажды стадо из леса не вернулось. Монахи, проработав в поле до глубокого вечера, так устали, что не нашли в себе сил пойти в лес. Но весь следующий день, а затем второй и третий они провели в поисках пропавшей скотины, однако все было напрасно. Огорченные иноки возвратились в монастырь, некоторые плакали, потому что в монастыре, как всегда, остро не хватало продуктов, а приближался праздник святых апостолов Петра и Павла. Братии оставалось только молиться этим святым и своему покровителю — преподобному Симону Воломскому. Накануне праздника монахи, выйдя из церкви после вечерни, услышали странный шум, доносившийся из леса. Когда все посмотрели в ту сторону, то увидели, как монастырское стадо быстро бежит к обители, а вокруг него с ревом прыгает медведь и не дает животным отклониться в сторону. Медведь пригнал стадо на скотный двор и исчез (*РГБ. Волог. № 75. Л. 63 об. — 64 об.*).

Монастырские старцы всегда заботились о том, чтобы поголовье скота в их обителях постоянно увеличивалось. Кирилло-Белозерскому монастырю, согласно описи 1601 года, принадлежало 1086 лоша-

дей, кроме того, «было всякие животины» — 516 коров, быков и телят, 319 овец и баранов, 68 свиней, а к 1621 году добавилось еще 3 козы. Для такого количества скота требовалось много сена, и его заготовка была одной из насущных монастырских забот. На лучших Шехонских пожнях (по берегам реки Шексны), принадлежавших Кирилловской обители, косили сено «околомонастырские люди» под надзором старцев. Часть пустошей братия сдавала в аренду при условии, что монастырь будет получать каждую третью или четвертую копну. Другую часть пожен крестьяне косили вместо повинности.

Огороды обычно находились на территории самого монастыря. По уставу Александро-Свирского монастыря иноки ранним утром после чтения утренних молитв выходили работать на огороды («зеленаго ради растения»). Огороды в северных монастырях, как правило, удобряли, чтобы получить на них хороший урожай. Традиционно разводили капусту, редьку, брюкву, морковь, свеклу, лук и чеснок. В Кирилло-Белозерском монастыре для правильного орошения гряд рыли каналы и прокладывали водопроводные трубы. Излишки капусты этот монастырь иногда даже продавал. Так, в июне 1606 года старец Варлаам огородник отдал келарю «огородных денег, что продавал с огорода капусту и росаду, итого 3 рубля денег».

По мере того как обители богатели, они все меньше внимания уделяли огородничеству. Монастыри стремились покупать лук, чеснок, репу, а не заниматься их разведением. Так, Кирилло-Белозерский монастырь закупал овощи в Белозерске, Вологде и других городах. Причем огурцы покупались в очень больших количествах. В приходно-расходной книге монастыря за 1581 год записано: «Нечай Вашковец на Белеозере (то есть в Белозерске. — *Е. Р.*) купил на братью три тысячи пол четверта ста огурцев свежих, дал рубль; Семен Сенюшкин на Белеозере на братью купил 4600 огурцов свежих» (*Никольский. Т.1. Вып. 2. С. 108. Прим. 7*). Судя по тому, что при монастырях существовали больницы, видимо, на огородах существовали и специальные посевы лекарственных

трав. Так, например, известно, что патриарх Никон, находившийся в ссылке в Ферапонтовом монастыре, специально разводил лекарственные травы. Кроме того, в монастырях традиционно занимались и пчеловодством.

Рыбная ловля и морской промысел

Важным подспорьем в хозяйстве всех русских монастырей были рыбная ловля и рыбный промысел. Рыба являлась основной пищей в непостные дни, а также разрешалась в некоторые посты. Для тех монастырей, которые находились на Крайнем Севере и располагали скудными земельными угодьями, рыба и вовсе становилась практически основным продуктом питания. В грамоте Николо-Корельского монастыря за 1607 год сказано, что игумен с братией кормятся своими трудами — рыбной ловлей, а пашенных мест у их монастыря нет, потому что с трех сторон болота, а с четвертой — море, и вообще «место убогое» (*АИ. Т. 2. № 77. С. 105*).

Таким же важным был рыбный промысел и для братии монастыря преподобного Трифона Печенгского. Не случайно многие рассказы о чудесах этого святого связаны с происшествиями, случившимися на рыбной ловле. На Крестовой тоне Печенгского монастыря долгие годы трудился некий рыбак из города Колы, по имени Иларион Грохотов. Его приходу в обитель предшествовала удивительная история. Однажды на рыбалке он проткнул удочкой веко, рыбаки повезли его в город. Когда боль становилась нестерпимой, Иларион молился преподобному Трифону и дал обет в случае исцеления всю жизнь работать на монастырь. К удивлению своих товарищей, его рана затянулась, глаз остался цел, и Иларион, как и обещал, пошел в монастырь (*РНБ. Сол. № 188 / 188. Л. 30*).

Рыба была настолько важным продуктом питания, что о рыбалке упоминают практически все древние жития святых. В памяти соловецких монахов остался старец Леонид, ученик преподобного Зо-

симы Соловецкого. Многие годы он трудился на обитель на рыбной ловле. Жил старец за четыре версты от монастыря, днем с монастырским слугой ловил рыбу на озерах, а ночью прилежно исполнял свое молитвенное правило (*Минеева. С. 422*). Однажды, когда в монастыре преподобного Пафнутия Боровского нечем стало кормить братию, он попросил у некоего князя, владевшего рыбной тоней на реке Оке, позволения три дня ловить здесь рыбу с условием, что весь улов пойдет в обитель. Князь согласился, и преподобный благословил одного монастырского служебника на ловлю рыбы. При этом он дал ему пять гривен серебра, чтобы тот на все деньги купил сосудов для засолки рыбы. Служебник очень удивился и сказал, что не нужно столько посуды для трех дней. Пафнутий сильно рассердился на непослушного слугу и приказал исполнить повеленное. Каково же было потом удивление братии, когда слуга поймал за три дня 730 больших рыб. Столько здесь никогда не ловили за весь год.

Рыба, как правило, добывалась не на продажу, а на собственный обиход. Близ Соловецкой обители находилось несколько морских тоней для ловли сельди, которую добывали летом и солили впрок, а все лето, по словам архимандрита Досифея, братия могла утешаться жирной и вкусной ухой. Один из путешественников, побывавший в монастыре в 1828 году, заметил, что «уха из здешних сельдей вкусом почти не уступает стерляжьей» (*Московские ведомости 1828. № 75. С. 317*). Кроме сельди соловецкие монахи ловили в море семгу, камбалу, треску и корюшку. В зимнее время в морских губах крючками ловили навагу. Около берегов в море добывали морскую капусту, листья которой достигали в длину двух аршин, а в ширину — больше восьми вершков.

Ловили рыбу разными способами: «керегоды и переметы, веригами и удами и иными всякими ловлями». Кирилло-Белозерский монастырь при жизни своего основателя владел рыбными ловлями в Сиверском, Уломском озерах и неводами на Белом озере. Интересно, что в Сиверском озере, на берегу ко-

того стоит Кирилловский монастырь, рыбу ловили удочками, и только на праздник Успения Пресвятой Богородицы преподобный разрешал ловить сетями. Возникает вопрос, почему святой игумен установил такие ограничения на рыбную ловлю. В этом проявилось, видимо, бережное отношение подвижника к окружающему его миру. Но была и другая причина. Пахомий Логофет отметил в Житии преподобного Кирилла, что святой всегда отличался строгим воздержанием. На трапезе он вкушал от всех блюд, но не до сытости. Так он советовал поступать и своим ученикам. Рыба для кирилловских монахов была праздничным блюдом, а если и разрешалась, то не до сытости. Единственным днем, когда не действовали никакие ограничения на рыбу, был престольный праздник монастыря.

С увеличением числа монастырской братии увеличивалась и потребность в рыбе. Поэтому кирилловские игумены неуклонно расширяли свои рыбные владения. Игумен Кассиан купил за полтора рубля «полночи» в Островском езу на реке Шексне (то есть право ловить рыбу в течение половины ночного времени), игумен Филофей купил за 1 рубль ночь в Особомском езу на Шексне. В 1539 году великий князь Василий Иоаннович дал монастырю право на беспощадную рыбную ловлю в Белом озере: зимой (поледенную ловлю) — одним неводом, а весной и осенью можно было ловить двумя лодками, четверем человеком и одним неводом. Но рыбы на монастырь все равно не хватало, ее приходилось закупать, что видно по заметкам келаря в его записных книжках «обиходниках». Ситуация круто изменилась после того, как в 1570-х годах обитель получила рыбные ловли на побережье Белого моря — «Умбские ловли». Здесь добывали столько семги, что часть ее продавали. В 1620 году в монастырской казне от продажи семги с «Умбских ловель» было 255 рублей. Кроме того, в эти же годы монастырь получал с трех езов по реке Шексне по 100 осетров каждый год, да в озерах (Сиверском и Бабьем) рыбу мелкую «плотицы и окуни, щучки и ерши».

«Езы» давали самые большие уловы. Их ставили весной, «на полой воде, как лед пройдет». Это называлось «делать ез» и было трудной «мешкотной» работой. Так ез Целинский (принадлежал Кирилло-Белозерскому монастырю) били 15 человек с мастером целых 4 недели. По обеим берегам реки забивались козлы (до 30) с перекладинами, на них ставилась клетка. Самая работа состояла в том, что «сперва высекали засов и вывозили на ез», «забивали на езу кол и кол засовывали засовом». Осенью кол и засов вынимали, но на езу оставались жить монастырские люди вместо сторожей. На поправку и постройку еза требовалось много леса, поэтому за каждым езом был закреплен свой лесной участок (*Никольский. Т. 1. Вып. 1. С. 115*).

Другой весьма распространенный способ рыбной ловли назывался керегоды. Керегодили, как правило, так: две лодки выезжали на озеро, забрасывались сети, потом становились на якорь и начинали их собирать. В житиях керегодами часто называют рыболовные снасти вообще, и порой трудно понять, что на самом деле означает это слово. Известно, что керегодами ловили соловецкие монахи. В 1485 году в Соловецкой обители сторела трапезная со всем монастырским запасом. Монахи остались буквально ни с чем и сильно голодали. Часть иноков ушла за милостыней в новгородские земли, а старец Савватий решил поехать на побережье в монастырскую волость Вирму, где находились рыбные ловли. Монастырский ватаман (начальник промысла, ватаги промысловиков) благословил старца идти с мужиками на озера. Рыбаки снарядили лыжи и кережи и отправились на ловлю. Улов оказался большим, но случился «ростороп» (сильная оттепель), вернуться на монастырское подворье казалось делом безнадежным, а соли для засолки рыбы с собой не было. В отчаянии рыбаки стали призывать на помощь преподобных Зосиму и Савватия Соловецких. И каким-то чудом им удалось благополучно добраться до монастыря. Казалось бы, самая простая история. Но тогда от ее исхода зависело дальнейшее существование полуголодной монастырской братии, поэтому она и попала на страницы жития.

Один из способов рыбной ловли назывался забор. Он предназначался для ловли семги, возвращавшейся обратно в море с верховьев рек, где она метала икру. Забор ставился в устьях рек и состоял из бревен или кольев, вбитых в дно реки. В заборе делались отверстия, в которые вставляли верши (сетки). Так ловили рыбу на Русском Севере вплоть до начала XX века. Чтобы пересечь реку, приходилось строить длинные заборы. В 1683 году в устье реки Кеми стоял забор длиной 161 сажень, в котором было 6 верш. Поскольку забор ставили соловецкие иноки пополам с окрестными крестьянами, то улов тоже делили пополам. Вниз по Кеми рыбу ловили неводами длиной 10—15 сажен на парных карбасах. Это называлось ловить поездами («поездовщики поездовали»). Кроме того, существовали еще «приколы». В 1683 году на Кеми Соловецкий монастырь имел 5 «приколов». Это были вбитые в дно реки и переплетенные жердями (слегами) колья. У прикола также ставились сети-гарвы.

За редким исключением, рыбный промысел не приносил обитателям значительных доходов, так как рыба дешево стоила и расход ее был большим. Обитатели, как правило, разрешали местным жителям пользоваться своими угодьями, но за это часть своего улова рыбаки отдавали в монастырь. На первых порах, когда взаимоотношения отличались простотой, этот договор был устным и нигде не фиксировался. Как-то раз преподобный Арсений Комельский разрешил крестьянам, жившим около монастыря, ловить рыбу в реке Леже и попросил несколько рыбин для братии. Улов оказался на редкость богатым, рыбаки принесли его в монастырь, но одну, самую большую рыбину скрыли. Преподобный, посмотрев на улов, сказал: «Столько я вижу рыб, а одну почему скрыли, почему благословенное крадете?» Рыбаки раскаялись в своем лукавстве и обещали впредь так не поступать.

Ловля рыбы на озерах и морях также была сопряжена с тяжелым трудом и немалым риском, о чем свидетельствует множество чудес, записанных в жи-

тиях. Однажды преподобный Кирилл Белозерский послал рыбаков на Сиверское озеро ловить рыбу. И когда рыбаки были уже на середине озера, поднялась сильная буря, волны вздымались и угрожали рыбакам смертью. Не в силах справиться с волнами, рыбаки не могли подплыть к берегу. Некий человек, по имени Флор, стоял в это время на берегу и видел терпящих бедствие. Он быстро побежал к святому и сказал ему: «Рыбаки тонут!» Святой, взяв в руки крест, поспешил на берег озера. Он перекрестил озеро, и оно тотчас же перестало волноваться, став совершенно тихим. В тот день рыбаки поймали множество рыбы, больше, чем в прежние дни. Однажды старец из обители преподобного Арсения Коневского вместе с монастырскими рыбаками отправился на ловлю рыбы в Ладожское озеро. Время было осеннее, и когда рыбаки уже возвращались назад, поднялась сильная буря, лодку теснило льдинами, рыбаки обратились в молитве к заступничеству преподобного Арсения и спаслись.

Другая история рассказывает, как из Печенгского монастыря в реку Печенгу пошел на рыбный промысел монастырский корабль. Главным («приказным») на том корабле был инок Вениамин. Когда корабль вышел в открытое море, поднялась сильная буря, волны захлестывали судно, его то бросало к каменистому берегу, то обратно уносило в море. Рыбаки пришли в отчаяние, но инок Вениамин не сдавался. Корабль принесло в устье реки Ворьемы, рыбаки пришли в ужас, потому что здесь было множество мелей, и корабль стал трещать. Тогда по приказу Вениамина с корабля спустили карбас, на котором люди поплыли к берегу. Монах Вениамин с одним мирянином, трудившемся в обители на поварне, остался на корабле стеречь казну и монастырские запасы. Среди бури они в голос кричали: «Пресвятая Троица, помогай нам», через некоторое время ветер утих, и корабль без потерь вернулся в Печенгу (*РНБ. Сал. № 188 / 188. Л. 27—28 об.*).

Монастыри, стоявшие на морском побережье, уделяли большое внимание «мурманскому промыслу».

Основной продукт промысла — ворвань, то есть китовое, моржовое и тюленьё сало, охотно покупали в Холмогорах, Каргополе и даже за рубежом. Поэтому монастыри старались «мурманского рыбного промысла не запустить» и держали на самом берегу своих «покрутчиков» (приказчиков). Печенгская обитель традиционно получала наибольший доход от морского промысла. Поскольку пожертвования в виде денег за молебны и панихиды здесь составляли крайне скудную цифру из-за нищеты местного населения — лопарей, и прокормиться рыбалкой или скудными урожаями было невозможно, преподобный Трифон вместе с игуменом монастыря Гурием отправился в Москву просить угодий для морских промыслов. Царь Иоанн Грозный дал монастырю в вотчину Печенгскую, Тонкую, Лицкую, Урскую, Позрецкую и Новденскую морские губы со всеми рыбными ловлями и выметом морским (если из моря выбрасывало кита или моржа), а также со всем морским берегом, пашнями и лесами, озерами и звериными ловлями, «чтобы тем монастырь мог обстраиваться и питаться». Монастырь быстро освоил свои угодья и даже начал торговать. Каждое лето сюда приходил купеческий корабль из Гамбурга, купцы брали в обители семгу, китовое сало, а взамен давали соль, крупы, вино и другие припасы с приплатой деньгами.

Практически у всех поморских монастырей были свои морские промыслы. В 1653 году царь Алексей Михайлович пожаловал Красногорской обители промыслы в Северном океане, на Новой Земле и по берегам Белого моря. Здесь добывали морского зверя, белых медведей, белых и черных песцов. Летом монастырские наемные люди отправлялись на двух «кочах», весной — на двух карбасах. Свою добычу они привозили сначала в Архангельск, Холмогоры и Мезень, где таможенные головы и целовальники осматривали ее и отделяли десятую часть в казну, о чем монастырю выдавались расписки с таможенными печатями. В этих же городах монастырь старался сбыть морского зверя, чтобы на вырученные деньги закупить хлеб, соль, одежду, а также воск, ладан и мед.

Соловецкий монастырь также всегда высылал своих трудников на морской промысел. Он начинался весной, когда ломало лед на море, и потому назывался «веснованием». Добывали белугу, нерпу, тюленей. Кожи выделывали на собственном кожевенном заводе, а сало использовалось для освещения монастыря долгой зимой. На морских зверей охотились на карбасах, небольших узких и легких лодках, которые моряки больших торговых судов обычно всегда брали с собой, так как в случае непогоды на карбасе можно было высадиться там, куда не могло подойти ни одно судно. На таком карбасе, например, высаживался на берег Пертоминского монастыря царь Петр I, когда буря застигла его по пути на Соловки. Для ночевки охотники вытаскивали свои карбасы на большую льдину, карбас закрывали буйном, и так на дне лодки проводили ночь.

Но морской промысел был связан с большим риском. Особенности и опасности промысла хорошо описаны в северных житиях. Однажды жители поморской волости Варзуги вышли на промысел. Долго плавали они по морю, но зверя нигде не было видно, потому что одни льды унесло далеко в море, а другие растаяли. День уже клонился к вечеру, охотники приняли решение вернуться назад, но едва нашли льдину, на которой можно было заночевать. Вытащив карбасы на льдину длиной с версту или немного больше и подкрепившись хлебом, они уснули. Во сне одному из них явился благообразный старец и сказал, чтобы они просыпались и немедленно брались за работу. Человек тот разбудил дружину, и когда все откинули свои буйны, то увидели на льдине множество морских зверей. Вскочив в одних рубашках и чулках, они стали стрелять и с большой добычей вернулись домой (*РНБ. Соф. № 452. Л. 330 об. — 331*). В другой раз мощные льды едва не поломали льдину, на которой спали охотники, в море уже унесло их рыболовецкие снасти, но преподобный Иринарх Соловецкий, явившись во сне одному из охотников, вовремя разбудил их.

В 1700 году строитель Красногорского монастыря иеромонах Авраамий (Митусов) отправил к Новой

Земле четырнадцать человек в двух кочах с хлебными припасами. Но, затертые льдами, они были вынуждены зимовать там и возвратились только летом следующего года. При возвращении одну кочь разбило у острова Вайгач, вся добыча (14 белых медведей, 156 белых песцов, 5 черных) и промысловые снаряды утонули (*Описание Красногорского монастыря. С. 20*).

Солеварение

Самым доходным из монастырских промыслов, и к тому же не таким рискованным, как рыбная ловля, было солеварение. Основные расходы на содержание солеварен были связаны с использованием большого количества дров. На морском берегу рыли колодцы глубиной до 5—6 сажен, в них собиралась вода, содержание рассола в этой воде составляло обычно около 11%. Около колодцев стояли варницы (простые сараи), в которых на железных крюках над печью были подвешены четырехугольные железные сковородки — црены. Рассол кипятился в црене несколько суток, потом остывал и загустевал. Каждый отдельный процесс (полуваря) занимал в среднем семь-восемь дней, в результате полувари получалось около 190 пудов соли (*Прокофьева. С. 47*).

Интересное свидетельство об устройстве црена есть в Житии преподобных Зосимы и Савватия Соловецких. Оказывается, црен был устроен так, что на нем можно было переплывать по морю небольшие расстояния, и эта посуда была устойчива даже в бурю. В 1539 году некий Андрей — наемный работник одного поморского солеvara — переправлял црен от солеварницы к дому своего хозяина, находившемуся за десять поприщ от солеварни. Встав на црен, он понемногу продвигался вперед, а на «утлины» (?) положил дерн. Когда он достиг места, где было множество камней, и стал обходить их, внезапно подул сильный ветер в сторону моря, и в мгновение ока он оказался так далеко, что уже не видел высоких береговых гор. Сильно испугавшись, Андрей сначала

зарыдал, а потом, по обычаю всех жителей Поморья, попадавших в беду, принялся молиться святым Зосиме и Савватию. Но избавление пришло не сразу, два дня и две ночи его носило по волнам, он не ел и не пил и уже едва дышал. К тому же пошел сильный дождь, дерн на углинах размыло, вместо дерна он подложил свои рукавицы и встал на них, но под конец совсем изнемог и уже не мог ни стоять, ни сидеть. Тогда Андрей взмолился преподобным со словами: «Либо спасите, либо погубите, только сделайте это поскорее» и упал в беспамятстве на црен. Находясь в забытии, он услышал повеление оглядеться вокруг. Очнувшись, Андрей увидел берег. Его црен зацепился за плоский камень, Андрей вылез из него и побрел к берегу, вода доходила ему до шеи. Когда вода спала, он без труда вытащил црен на берег. После этого происшествия Андрей пришел в Соловецкий монастырь, где дал обет работать на обитель до конца своей жизни (*РНБ. Соф. № 452. Л. 116—118*).

Почти все северные монастыри занимались солеварением, даже те, которые располагались далеко от морского побережья. Монастыри покупали здесь участки и строили свои соляные варницы. На каждой варнице находился монастырский двор с хозяйственными постройками, стояли обычно кузница, изба, навесы для хранения дров, амбары, в которых хранились запасы соли, хлеба и продуктов. Монахи, работавшие на промыслах, часто кормили себя сами. Поэтому кроме солеварения приходилось еще заниматься земледелием (*Прокофьева. С. 40*).

Полученная соль в основном шла на продажу. Именно продажа соли позволяла, например, Николо-Корельскому монастырю «всякий монастырский запас покупать». В 1642 году этой обители было разрешено провозить беспошлинно 6 тысяч пудов соли в одном «дощаннике» в Вологду, Архангельск, Великий Устюг, Тотьму и другие северные города. Позднее у монастыря появились даже свои соляные заводы. Монастырь преподобного Корнилия Комельского торговал беспошлинно солью во всех московских городах, это право ему было дано великим князем

Иоанном Васильевичем в 1538 году. Летом соль везли в насаде (мореходное гребное судно) или в двух дощанниках, посуху — на телегах, зимой на санях, и с тех дощанников, телег и саней княжеские таможенники никаких пошлин не собирали.

В Житии преподобного Александра Ошевенского рассказывается, что после его кончины для монастыря, который всегда жил очень небогато, и вовсе наступили тяжелые времена. Многие монахи покинули обитель, унося с собой последнее монастырское имущество. Автор Жития по этому поводу горько заметил: «Хоть и знали писания божественные, но хуже неверных творили; ведь и многие поганые спасаются, а эти, знающие закон, немилостиво осудятся» (*РГБ. Унд. № 276. Л. 69*). Только пять иноков остались в монастыре, решив лучше умереть от голода, чем покинуть это место. Их стойкость была вознаграждена, через некоторое время в обители появился новый настоятель, священник, возобновились службы, но продуктов по-прежнему не хватало.

Все значительно изменилось к лучшему после того, как игумену удалось купить один соляной колодец. В селении Пияля, за сто или семьдесят верст от Ошевенского монастыря вниз по реке Онеге вдруг пробился источник соленой воды. Местные жители, не имея навыков солеварения, не знали, что с ним делать. Но вскоре к ним по случаю пришел из Лук Морских старец Тарасий, искусный в этом промысле. Жители уговорили его заняться источником, выделив старцу его долю. Тарасий отвел из реки воду и устроил на берегу колодец соленой воды («росола»), отделив при этом воду от рассола. Часть своей доли — на один црен — он пожертвовал Соловецкому монастырю, другую часть — на полцрена — отдал Ошевенской обители. Игумен Максим, приехав на место, выкупил остальные полцрена, а также землю для монастырского подворья и участок берега с лесом, чтобы можно было заготавливать дрова для варки соли. Так начался солеваренный промысел Ошевенского монастыря. Многие годы монахи продавали соль, полученную в Пияле, и покупали на эти

деньги одежду, обувь и все необходимое для строительства обители. Впоследствии жители Пиялы добавили еще одну деревню к монастырскому промыслу (РГБ. Унд. № 276. Л. 79 об. — 80 об.).

Образцовым примером монастырской системы выживания в сложнейших условиях Русского Севера, да еще на острове, было хозяйство Соловецкой обители, созданное при святителе Филиппе (Колычеве). Он был соловецким игуменом восемнадцать лет (с 1548 по 1566 год) и за эти годы благодаря своей недюжинной практической смекалке и умению хозяйствовать не только заново отстроил монастырь — теперь уже в камне, но создал такое мощное хозяйство, которое оставалось основой материального благополучия обители вплоть до начала XX века.

Соловецкие острова мало пригодны для земледелия. Архимандрит Досифей — автор большого исследования по истории Соловецкого монастыря, отмечал, что земля Соловков «по качеству своему и по самой суровости северного климата к производству хлебопашества весьма неспособная. Неоднократные опыты в посеве ячменя на способных и искусством удобренных местах хотя и были предпринимаемы; но по слабому действию солнечной теплоты оный никогда созреть не мог, а безвременные и ранние морозы истребляли его во время самого цвета» (Досифей. Т. 1. С. 26). Даже сенокосные луга необходимо было удобрять навозом, чтобы до первых холодных северных ветров успевала вырасти трава. В таких условиях игумен Филипп сделал ставку на развитие разнообразных промыслов и технические достижения. Чтобы осушить заболоченный Соловецкий остров, он соединил его семьдесят озер системой специально прорытых каналов. Лишняя вода перетекала из одного озера в другое и так спускалась к Святому озеру, расположенному неподалеку от монастыря. Оттуда воду посредством двух каналов спускали в гавань. До игумена Филиппа монастырские мельницы находились вне монастыря, он же провел воду из Святого озера внутрь стен обители и устроил здесь каменную мельницу и «толчею». Предприимчивый

игумен перегородил каменной плотиной морскую губу неподалеку от обители и развел в ней треску, которая, как сказано в монастырском летописце, «благословением его» весьма расплодилась (*РНБ. Соф. № 452. Л. 267*). Кроме того, святитель Филипп испросил у государя соляные и рыбные промыслы для монастыря, построил кирпичный завод, провел дороги, расчистил сенокосные пожни, а на острове Муксолме, который соединил с Соловецким дамбой, устроил коровий двор. На трех лесистых островах: Соловецком, Анзерском и Муксолме он развел лапландских оленей. В случае нужды их ловили тенетами, кожа использовалась на сапоги, шерсть для набивки тюфяков и подушек, а мясо шло в пищу мирским людям, работавшим на обитель (*Досифей. Т. 1. С. 29*). Упорный труд и хозяйственная изобретательность монахов, которыми нам — современным людям — можно только восхищаться, позволяли выжить в тяжелейшем единоборстве с северной природой.

Отважные мореходы

Инокам островных или прибрежных монастырей частенько приходилось предпринимать опасные путешествия по морю за провизией или по другим монастырским делам. Многие из них были опытными мореходами, и зачастую в этих плаваниях испытывались не только опыт и умение, но и сила веры. Однажды в октябре с Двины плыли стрелецкие и купеческие корабли (лодья), на одной из них, принадлежащей жителю города Кола, находился инок Печенгского монастыря по имени Аркадий с частью монастырских запасов. В урочище «Семь островов» поднялась сильная буря и корабль понесло к крутому и каменистому берегу. Моряки бросили якорь, но волны захлестывали корабль. Тогда отчаявшиеся люди пересели в карбас и поплыли к берегу. С карбаса они смотрели на корабль, который так швыряло на волнах, что казалось, через минуту он уйдет в пучину. Промокшие и замерзшие, они плыли к берегу,

не говоря ничего, кроме: «Господи помилуй». И тут кто-то увидел стоявшего на воздухе преподобного Трифона, который какой-то чудесной веревкой удерживал их судно. Только этот единственный корабль целым вернулся в Колу, остальные семь со всем своим грузом утонули. Люди, к счастью, остались живы (*РНБ. Сол. № 188/188. Л. 28 об. — 29 об.*).

Но далеко не всегда подобные путешествия имели счастливый конец. В 1561 году из устья реки Двины вышли пятнадцать соловецких судов с известью для монастырских построек, по дороге они были разбиты бурей. Во время кораблекрушения погибли два монаха Вассиан и Иона, а с ними шесть человек мирских людей. Море выбросило на берег Пертоминской бухты тела монахов, их мощи были обретены нетленными. Впоследствии над могилой Вассиана и Ионы стало происходить столько чудес, что здесь возник Пертоминский монастырь, а сами монахи были причислены к лику святых.

Отважным мореходом и монахом с непоколебимой надеждой на помощь Божию предстает перед нами на страницах Жития Зосимы и Савватия Соловецких монах Савватий (названный при постриге в честь основателя монастыря). Выше уже рассказывалось о его походе за рыбой в Вирму, когда сгорела монастырская трапеза. А вот предыстория этого похода. Перед отправлением на Вирму Савватий пошел в лес рубить лес для постройки новой трапезы. Ночуя в лесу, он несколько раз во сне видел некоего старца, который говорил ему: «Савватий, будь готов ехать на море, за Сальму, чтобы проводить братию, которых отправили на службу».

Вернувшись в монастырь, он узнал, что иноки, которых снарядили в Новгород за милостыней для монастыря, возвратились назад, потому что на море оказалось много плавающих льдин. Братия поручила Савватию их проводить. Помолившись перед опасным плаванием у гроба преподобного Зосимы, Савватий благополучно проводил иноков до местечка Луда, где они остановились на ночлег. Судно оставили у берега, хотя Савватий советовал втащить его

повыше на берег. Утром обнаружилось, что весла унесло в море, плыть дальше было невозможно. Савватий сказал инокам: «Смотрите теперь, какая беда случилась из-за вашего непослушания!»

Помолившись преподобным, они через некоторое время увидели, что весла плывут назад к берегу. На море стало меньше льда, и монахи смогли продолжить свое путешествие в Новгород. Савватий же отправился к реке Шуге, отсюда он должен был попасть в Вирму, но по дороге силы оставили его. Тут неожиданно он увидел человека, быстро ехавшего на дровнях. «Далеко ли, господине, едешь?» — спросил он его. Человек, которого звали Еремеем, ответил: «Не знаю, кто-то пришел ко мне и послал меня за тобой». Еремей и отвез старца Савватия в Вирму.

Любое житие пишется прежде всего для того, чтобы создать цельный образ святого, этому служит рассказ о жизни святого и о его чудесах. Но порой жизнь обычных монахов удивляет и восхищает не меньше жития преподобных. Незадолго до Пасхи Савватий строил с другими иноками новую трапезу. Неожиданно к ним подошел игумен Исайя. На глазах у игумена блестели слезы, и вид у него был несколько странный, как будто случилось что-то необычное. Не объясняя ничего, игумен спросил у монахов: «Кто из вас, братия, хочет потрудиться (доплыть) до Шужь-мая острова?» Остров находился за шестьдесят верст от монастыря, все знали, что море еще не очистилось ото льда и путешествие обещало быть очень опасным, поэтому добровольцев не оказалось.

Тогда игумен Исайя сказал, что ему известно о попавших в великую беду православных христианах. Савватий захотел помочь несчастным людям, но почему-то не сообщил об этом игумену. В тот день на остров так никто и не поехал. Через некоторое время игумен послал монахов Савватия и Ферапонта в Вирму за монастырскими запасами. Готовясь к плаванью, на берегу Савватий оглянулся назад, чтобы еще раз помолиться на церковь, и увидел летящую с востока огненную плащаницу, которая остановилась над гробницей преподобного Зосимы, а потом стала

невидима. Поняв, что это некое знамение, Савватий отправился в путь. Ветер был попутным, и монахи скоро достигли местности под названием Луда. Отсюда был виден остров Шужьмай, и глядя на него, Савватий вспомнил о недавней просьбе игумена. С острова призывно поднимались два небольших багряных столпа. Время было холодное, монахи разложили костер и решили здесь переночевать. Лежа у костра, Савватий неожиданно услышал голос, кто-то спрашивал его: «Савватий, поедете ли вы на остров Шужьмай?» Монах ответил: «Если Бог повелит и начальники Зосима и Савватий благословят ехать», и услышал на это: «Бог тебя благословит, поезжай!»

Утром монахи приехали в Вирму, здесь Савватий стал расспрашивать жителей, зимует ли кто на Шужьмае. Ему ответили, что еще в прошлом году там разбилось судно, а больше они ничего не знают. Погрузив запас, монахи двинулись в обратный путь, и тут Савватий с большим трудом уговорил Ферапонта повернуть к острову. Ветер был попутным, и они довольно быстро достигли цели, но здесь долго бродили по глубоко сугробам, ища сами не зная кого. Наконец у большого валуна монахи увидели маленькую хижину, в которой находились два голых и голодных человека. Ноги у них почти сгнили, а сами они были чуть живы. Накормив голодных, монахи перенесли их в лодку и поплыли к монастырю. Внезапно посреди моря к лодке принесло множество льдин. Ферапонт стал укорять Савватия за то, что он взял на лодку лишних людей. Но с помощью Божией они благополучно прибыли в обитель.

В следующий раз игумен послал монаха Савватия вместе с иноками Даниилом, Филаретом и Елисеем ловить рыбу на реку Выгу у порога Золотца. Когда рыбаки ставили сети, монах Даниил по какому-то внушению свыше сказал Елисею: «Зачем, Елисей, напрасно трудишься, ставя эти сети? Твоя ловля уже прошла, больше не ловить тебе рыбы, ибо приблизилась твоя смерть». Елисея охватила скорбь, потому что он хотел умереть в схиме, а среди них не было ни одного иеромонаха, кто мог бы его постричь. Стар-

цы посоветовали монаху возложить на себя схиму, которую он, видимо, носил с собой, с молитвой «Достойно есть» и призвав благословение преподобных Зосимы и Савватия. Наутро монах проснулся без схимы, которую нашел висевшей на дереве. Поняв, что из-за вражеских козней постриг не совершился, он стал умолять старцев придумать что-нибудь, чтобы постричь его. Те, по совету старца Савватия, положили его в лодку и поплыли в Суму, где было монастырское подворье. Как только они оказались в открытом море, началась сильная буря, ветер порвал парус, сломал мачту, волны захлестывали судно, все стали упрекать монахов Савватия и Елисея, втянувших их в опасное предприятие. Они плыли в такой тьме, что, сидя рядом на лодке, не видели друг друга. Но Елисей утешал братию, говоря им, что он видит на носу лодки преподобного Зосиму. Когда монахи наконец-то достигли Сумы и нашли священника, им показалось, что Елисей уже умер. Со слезами старцы стали молиться преподобному Зосиме: «О, преподобный отче, зачем мы столько труда положили, такую беду в море перенесли, надеясь на твои молитвы и помощь?» Но в конце концов решимость и надежда монаха Елисея и смелость Савватия не были посрамлены. Неожиданно умерший стал проявлять признаки жизни, на него немедленно возложили схиму, он причастился и мирно почил. Это последняя история, в которой упоминается старец Савватий. Однако известно, что он прожил в монастыре, подвизаясь в столь опасных предприятиях, около пятидесяти лет.

МОНАСТЫРСКИЙ ЧЕТЫРЕХУГОЛЬНИК

Со времен древних палестинских лавр святых Феодосия Великого (529) и Евфимия Великого (473) общежительные монастыри строились по плану четырехугольника. Эту традицию не нарушали и в русских обителях. Преподобный Дионисий обошел понравившееся ему место на реке Глушице и очертил его границы «по лаврскому обычаю» — то есть четырехугольником. Преподобный Корнилий Комельский так же «устроил четверуголен образ монастырю». Такая планировка имела не случайный, но символический характер: Небесный град Иерусалим, в котором будут жить спасенные народы, описан в «Откровении святого Иоанна Богослова» как «четвероугольник», «и длина его такая же, как и широта» (*Откр. 21, 16*). «Он имеет большую и высокую стену» и «ворота на все стороны света: с востока, с севера, с юга и с запада» (*Откр. 21, 12*). Монастырь как земной образ Царствия Небесного строился по плану Небесного Иерусалима. Его четырехугольник обносили стеной с воротами на все стороны света. В центре «обители всегда ставили храм как «некое око, взирающее на монастырь». В Небесном Иерусалиме, по описанию апостола Иоанна Богослова, нет храма, «ибо Господь Бог Вседержитель храм его, и Агнец» (*Откр. 21, 22*). Но пока не законче-

на земная история, храм остается центром обители как жилище Бога, как место, где совершается Божественная литургия. Рядом с храмом в монастырях всегда находилась трапезная, ибо монастырская трапеза является как бы частью и продолжением богослужения.

Первый монастырский храм был, как правило, холдным. Его посвящение давало имя всей обители. Вскоре рядом с ним появлялся теплый храм для богослужения в зимнее время; такой храм устраивали обычно вместе с трапезной. Рядом с церковью возводили звонницу или колокольню, колокола могли размещаться также на открытой галерее, устроенной над церковью и именуемой ярусом звона. «Присутствие колокольни в чреде храмов тоже имеет внутреннюю закономерность. Колокольный звон, минуя века, несет нам ту благую весть, которую на заре нашего спасения услышала Богородица от архангела Гавриила. Колокольный звон освящает воздух и, подробно кресту, соединяет небо и землю» (*Рыбин. Знамение креста. С. 36*).

Монашеские кельи строили полукругом с восточной стороны от храмов, так чтобы монах в оконце своей кельи мог всегда видеть храм и его святой алтарь. Территория внутри монастырской ограды считалась священной и предназначалась только для «ангельского чина» — монашествующих. Поэтому гостиницы для богомольцев находились у Святых врат, при входе в монастырь. В Кирилло-Белозерском монастыре даже дубовые кельи царя Иоанна Грозного находились не в главном — Успенском монастыре, а в Иоанновской обители, служившей богадельней для немощных и больных монахов. В монастыре преподобного Корнилия Комельского богадельня, где принимали странников, была устроена, по повелению святого Корнилия, за стенами обители. Игумен Соловецкого монастыря — святитель Филлипп — поставил каменную палату «на пристанище» богомольцам и приезжим людям вообще за пять поприщ от монастыря — на Заяцком острове (*РНБ. Соф. № 452. Л. 267*).

Входили в монастырь через главные — Святые врата. Прежде чем войти, обязательно останавливались и молились на иконы, установленные над ними. Часто Святые врата расписывали фресками. Размышляя над содержанием росписи, человек должен был проникнуться пониманием того, куда и зачем он идет. В 1585 году старцем Александром с «Оmeliном (Емельяном. — *Е. Р.*) и Никитою» были расписаны Святые врата Кирилло-Белозерского монастыря. Примечательно, что на щеке северной подпружной арки врат старцы написали видение Моисеем Неопалимой Купины на Синае (*Рыбин. Знамение креста. С. 35*). Моисей изображен снимающим сандалии, что согласуется с рассказом Библии: когда Моисей пошел посмотреть на удивительный терновник, который горел, но не сгорал, то из среды горящего куста к нему воззвал Господь и сказал: «Не подходи сюда; сними обувь твою с ног твоих, ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая» (*Исх. 3, 5—6*). Так и входящий в монастырь должен был оставить за монастырской оградой все греховное и нечистое, прежде чем ступить на святую землю обители. Стоя у монастырских стен, каждый человек должен был вспомнить о Небесном Иерусалиме, о котором в «Откровении Иоанна Богослова» сказано так: «И не войдет в него ничто нечистое и никто преданный мерзости и лжи, а только те, которые написаны у Агнца в книге жизни» (*Откр. 21, 27*). На полукруглых столбах Святых врат Кириллова монастыря изображены архангелы Михаил и Гавриил. Архангел Михаил как глава Небесного воинства охраняет обитель, а архангел Гавриил держит в руках свиток — книгу жизни. И те, «кто не был записан в книге жизни, тот был брошен в озеро огненное», — говорится в «Откровении» (*Откр. 20, 15*). Такие серьезные размышления о конце мира и участи собственной души тревожили всех, входивших в обитель, от монаха до простого паломника.

Но оставим до времени монастырскую символику и попытаемся рассмотреть планировку конкретного монастыря XVI века со всеми его службами и постройками. Наиболее интересно представить себе,

какой была обитель при ее основателе. Мы имеем редкий случай увидеть монастырь в самом начале его истории, так как сохранилась опись Антониево-Сийской обители, составленная незадолго до преставления Антония. В конце описи стоит подпись самого преподобного игумена. При жизни святого в его монастыре за деревянной оградой стояло две церкви: главная шатровая церковь во имя Святой Троицы, на двух ее папертях были установлены часы, которые отбивали монастырское время, шесть колоколов и железное клепало (било). Рядом находился теплый храм с трапезой — в честь Благовещения Пресвятой Богородицы. Над Святыми воротами обители возвышался храм во имя преподобного Сергия Радонежского. Вокруг церковей располагались кельи, в которых жили игумен, священники и 73 монаха. В той части монастыря, где располагались кельи, не было никаких хозяйственных построек. По справедливому замечанию историка Н. К. Никольского, такая планировка создавалась намеренно. Монахи питались только в общей монастырской трапезной, есть в кельях или где-либо еще, а также иметь свои припасы запрещалось. Чтобы оградить братию от соблазнов и искушений, все службы, где хранили продукты или готовили трапезу, устраивали в противоположной от келий стороне монастыря.

Трапезные постройки составляли отдельный комплекс из самой трапезной палаты, поварни, хлебни, ледников, амбаров. Под трапезной было небольшое хранилище для крупы (во времена преподобного Антония здесь хранилось десять четвертей ячневой крупы). Основной запас хлеба и крупы находился под казенной палатой: «девять четвертей толокна, четыре четверти семени конопляного, три четверти гороха, двадцать четвертей пшеницы старого и нового привоза, полмеры пшена, три меры заспы (крупы) грешневой, две четверти овсяной, девять мер муки белой ржаной». Казенная палата в монастырях предназначалась, как правило, для хранения казны, почему и получила такое название. Но крупа и хлеб на Руси ценились всегда на вес золота, потому было

уместно их нахождение в казне. Кроме того, в казенной палате хранили иконы, ризы, жалованные грамоты, приходно-расходные книги и «всякую рухлядь»: монашескую одежду, посуду, скатерти, часы, дорожную упряжь, земледельческий инвентарь, запас бумаги, воска, тимьяна, льна и конопли. Мука и солод хранились в хлебном амбаре, стоявшем неподалеку. Рядом с трапезной находились поварня и хлебня со своим нехитрым имуществом: здесь были разные котлы — на 20, 10, 5, 4, 3, 2 и одно ведро, сковороды, цепи для подвешивания котлов, таган и железный горшок. Продукты, подверженные порче, хранили в погребах — ледниках. В леднике Сийского монастыря находился запас масла: в двух кадках, четырнадцати горшках и одной кадочке, а также почему-то девять пудов соли. Сушило (палата, в которой поддерживался сухой микроклимат) было хранилищем сушеной рыбы. Рыбный запас монастыря во времена преподобного составлял 16 рыбин семги вислой, «беремени» (вязанки) шук и лещей и мера суща мелкого. Нехитрое монастырское имущество, предназначенное для кузнечного и мельничного дела, рыбной ловли и солеварения, находилось в амбаре: полбочки смолы, полбочки сала ворвань, полбочки дегтя, хомуты, кузнечная снасть (клещи, мехи, молоты), мельничная снасть, пешни пробивать лед, неводные сетки, рогозины, матица — главная труба, использовавшаяся при солеварении, лыко, седло и возжи.

Около монастыря находились конюшенный и гостиный дворы, а дальше, уже за озером — «коровий двор». Скотные дворы и конюшни всегда старались размещать подальше от монастыря, чтобы не осквернить монастырскую землю. Согласно древнему Студийскому уставу лошади и волы в монастыри не допускались. В Пертоминском монастыре был такой случай: иноки неосмотрительно поставили скотный двор близко к обители. Но в неделю мясопустную он сгорел, в пожаре погибли весь корм и две коровы. Монахи сильно горевали о потере, так как в монастыре всегда было скудно с продовольствием. Но вскоре

после пожара старцу Авраамиию во сне явились святые Вассиан и Иона Пертоминские и ободрили иноков. «Не скорбите, братия, о случившемся пожаре, — сказали святые, — ибо все сгоревшее восполнит вам Господь; тот двор стоял нехорошо — близко от монастыря, теперь же снова устройте этот двор, но около своего озера» (*РНБ. Соф. № 182 / 182. Л. 194*). И действительно, через три дня после чудесного явления святых в монастырь прибежала росомаха; братия поймали зверя и продали его за двадцать гривен серебра. На эту сумму они построили новый скотный двор около озера. А Соловецкий игумен святитель Филипп (Колычев) предусмотрительно построил коровий двор далеко за монастырем — на Муксолме.

«За внешними службами заканчивался круг монастырских строений и начиналась вотчина — “подмонастырье”» (*Никольский. Т. 1. Вып. 1. С. 274*). В трех деревнях, принадлежавших Сийскому монастырю в 1556 году, стояли житницы, где также хранился хлеб. Между озерами Михайловским и Долгим была устроена мельница (*Макарий. Антониев Сийский монастырь. С. 5, 8—13*).

По мере того как монастырь богател, расширялся, его хозяйство становилось все более разветвленным, соответственно увеличивалось количество служебных построек и дворов. В конце XVI века Кирилло-Белозерский монастырь был одним из самых богатых среди русских обителей и самым большим по занимаемой территории. «Если бы путешественник в конце XVI в. вошел через “Святые ворота” на монастырский двор, — писал Н. К. Никольский, замечательный знаток истории и быта Кирилловской обители, — и направился к церкви Успения, то прежде всего он увидел бы направо от ворот, насупротив трапезы, две игуменские келлии, между ними “сенцы дощатые” и рядом с кельями на той же стороне (в 1601 г.) — до пяти братских келий. Обратясь налево (при входе во “Святые ворота”) он увидел бы напротив игуменского жилья длинную полосу братских келий, тянувшуюся вдоль каменной ограды и образовавшую полукруг около церкви Успения и Архан-

гела Гавриила» (*Никольский. С. 216*). Налево от Святых врат, под алтарем церкви Иоанна Лествичника находилась «сторожня» для старцев — сторожей, «которые у ворот берегут». Келейный ряд заканчивался у церкви Преображения, в 1601 году в монастыре насчитывалось по описи 47 келий. Все кельи стояли отдельно друг от друга, а не образовывали единые корпуса, как перестроили их позже — в XVII веке. Между Успенским собором и трапезной (то есть рядом с теми зданиями, где чаще всего использовались книги) размещалась книгохранительная палатка.

В противоположной стороне монастыря, за игуменскими кельями и казенной палатой, располагавшейся направо от Святых врат, «тянулся длинный пояс одноэтажных и двухэтажных, каменных и деревянных хозяйственных строений, средоточием для которых служила монастырская трапеза. Ближайшее назначение этих строений было по преимуществу кухонное» (*Там же. С. 219*).

Когда в обителях сооружали каменные трапезные палаты, то под ними обычно устраивали пекарню. Теплый воздух от печей по воздухоотводам внутри стен подавался вверх — в трапезную и примыкавшую к ней церковь и отапливал их. Подобным образом были устроены трапезные в Кирилло-Белозерском, Соловецком, Саввино-Сторожевском и других монастырях. Их мудрое и оригинальное устройство поразило архидиакона Павла Алеппского, сопровождавшего в середине XVII века в Москву Антиохийского патриарха Макария. Вот что он писал об уникальной четырехэтажной трапезной Саввино-Сторожевского монастыря: «Нас... повели в монастырскую трапезную, огромную, удивляющую своей стройной архитектурой, величиной, простором и обширностью своего изумительного свода; она не имеет подобной себе ни в монастыре Святой Троицы, ни в знаменитом Новгородском монастыре Святого Георгия. Она имеет кругом окна со стеклами, все углы ее связаны железом, и такие же связи идут от арки до арки. Вся она утверждена на одном столпе, но толщина ее фундамента и стен огромна. Удивительно

искусство ее постройки и ее архитектура! Она построена посреди монастырского двора. Когда клали ее основание, то устроили в нижней ее части ... погреб для монастырских напитков, — это первый этаж. Над ним — второй этаж, где помещается монастырская кухня, кругом которой идут кельи для служителей. В них множество печей, которые, равно как и трубы от кухонной печи, все искусно проведены по стенам и выходят в трапезную, которая поэтому зимой всегда бывает теплою. Третий этаж — помещение трапезной; переднюю часть ее занимает пятая малая церковь, еще не достроенная, во имя святого царя Владимира. Потом повели нас в четвертый этаж, находящийся над всем остальным (помещением), одинаковой величины с трапезной; он называется монастырской казной и имеет кругом многочисленные окна. Утверждают, что если даже монастырь будет осажден несколько лет, то одежды, облачения, редкостные украшения, мебель, материи, ему принадлежащие, не пострадают от плесени, моли и прочего, ибо под всем потолком здания сделан переплет из железных и деревянных балок, и на них расстилают одежды, ковры и облачения: воздух проникает в изобилии через окна и вещи не портятся» (*Путешествие Антиохийского патриарха Макария. С. 131—132*).

К трапезной примыкала братская большая поварня, кроме нее в монастыре было еще пять поварен. При службах обычно жили старцы, которые ими заведовали. Так, около кирилловской трапезной стояли две каменные кельи, где находился склад посуды и жили два подкеларника и чашник, в ведении которых был этот склад. Рядом с сытной палаткой, где ставили «квас медвяной», находилась воскобойня — каменная келья, в которой делали восковые свечи и жили пономари. На втором этаже сытной палатки и воскобойни находилось одно из сушил, здесь хранили хлеб и крупу для расходов поварни, располагавшейся рядом. Неподалеку от поварни стояли две деревянные кельи, одну из них занимал большой поваренный старец, в другой жили помогавшие ему «служебники» или «детеныши». Кроме того, существова-

ла еще поваренная изба, в которой поваренные старцы жили летом.

За поварней, ближе к городской стене, находилась квасоварня со своим амбаром. Около нее размещалось трехэтажное строение, в нижнем этаже которого находился квасной ледник (погреб, где хранили квас), на втором — палатка, еще выше — сушило. Кроме квасного ледника, в монастыре было еще пять каменных ледников. Они размещались за игуменскими кельями. Верх ледников, как обычно, занимали два деревянных дощаных сушила, в одном из них хранили запас вяленой и сушеной рыбы, в другом держали «старческое всякое платье».

Большие монастыри были, как правило, крепостью не только духовной, но и военной. Они устраивались в неприступных местах, имели мощные оборонительные стены с башнями и бойницами. Были в монастырях и свои «оружные» палатки, где хранили оружие: его покупали, добывали как трофей в ходе военных операций, получали от жертвователей в качестве вклада. В Кирилло-Белозерском монастыре первая «оружная палатка» появилась после 1601 года, ее построили при входе в обитель, направо от Святых врат. Но и ранее этого времени монастырь имел свое оружие: пищали английской работы, «московского дела», «домашнего дела» (то есть местного производства), самопалы «корельские, свитцкие, московского дела, шкотцкие». Холодное оружие изготавливали преимущественно окрестные крестьяне.

Размещение всех служб в монастыре было компактным и продуманным. Например, на территории малой Ивановской обители, составлявшей часть Кирилло-Белозерского монастыря, размещались огороды. Здесь же у ограды находились небольшая деревянная поварня, в которой варили капусту, выросшую на этих самых огородах, и деревянные погреба, где капусту хранили в соленом и свежем виде. Около огородов располагались кельи, где жили «старец огородник да детеныши».

Башни крепостных стен также не пустовали, а функционально использовались. По берегу Сивер-

ского озера следовали Свиточная, большая и малая Мереженные башни. Свое название они получили от служб, которые в них размещались. Под Свиточной башней находилась келья, где жили «детеныши», которые «мыли на братию свитки». Свиточная башня Кирилло-Белозерского монастыря в своем первоначальном древнем виде XVI века сохранилась до наших дней. К малой Мереженной башне (мережа — рыболовная сеть; мережник — рыбак) были приделаны палатки, в которой чистили рыбу, которую ловили в Сиверском озере, а потом отправляли в поварню. На углу восточной стены, выходившей к озеру, находилась Кузнечная башня, около которой размещалась монастырская кузница. В 1601 году в этой кузнице находилось семь горнов, семь больших наковален «да семеры мехи большие». В самой башне размещалась каменная келья, в ней жил старец, которому было приказано кузнечное дело. В монастырской стене существовала палатка, где делали медные котлы.

В монастырях обычно устраивались больницы, в которых жили больные и немощные старцы. В Иосифо-Волоцком монастыре еду для этих старцев носили из братской трапезной. В Кирилло-Белозерском монастыре сложилось так, что вокруг больниц выстроился свой особый монастырь со своим храмом, трапезной палатой и различными погребями при ней.

Согласно древнему Студийскому уставу, разработанному в IX веке на основе правил Студийского монастыря в Константинополе и до XV века остававшегося образцом для русских обитателей, в монастырях различалось два круга хозяйственных служб — работ: службы «домовые», внутренние, где работы производились руками монахов, и службы внешние, которые иноки исполнять не могли (например, работы на скотном дворе). Внешние службы размещались за монастырем, и монахи только наблюдали за работой мирян и слуг. Впоследствии это правило признал и Стоглавый собор. В XVI веке внутри монастырской ограды Кириллова монастыря, как мы уже видели, находились службы, занятые, главным образом, при-

готовлением и хранением еды, а также прачечная, воскобойня, кузница, оружейная, библиотека, часть огородов. Все остальное находилось за стенами обители.

Напротив Святых врат располагался «гостиный двор», который предназначался для гостей, приезжавших на монастырские ярмарки. Здесь размещались амбары для хранения товаров, избы, клети, повалуша (изба, служившая общей спальней), конюшня.

Здесь же неподалеку размещался «двор служен» с помещениями для монастырских слуг. На дворе стояли 30 рубленых клетей на подклетах с дощатыми чуланами и пять низких клетей без подклетов, горенка на подклете и повалуша на подклете, соединенные сенями (наверху сеней был устроен чердачок) да шесть изб низких, соединенных сенцами рублеными и дощатыми. Кроме того, за двором направо было еще десять помещений — «а живут в них монастырские слуги и деловые люди». По количеству жилых помещений этого двора можно судить о большом количестве слуг, трудившихся на монастырь.

Через территорию монастыря в Сиверское озеро протекала река. Ныне она узкая и заболоченная, а в прежние времена приводила в движение две мельницы, которые мололи солод. Здесь же располагались житные службы: четыре житных амбара, в которых хранился ячневый, ржаной, овсяный солод, крупы и толокно. Рядом стояла келья мельничного старца. За речкой находилась солодежня, в которой растили и сушили солод. К востоку от нее, напротив северной стены малого монастыря, стояло десять житниц под одной кровлей, они занимали 172 квадратные сажени. «Это был главный склад монастырского хлеба... который сюда свозился из вотчин. В начале XVII в. здесь хранилось несколько тысяч четвертей ржи, пшеницы, ячменя, солод... и толокно». Рядом с солодежней размещалась келья с сенями, где жили старцы, в ведении которых был всякий монастырский хлеб.

Кроме житного двора в монастыре был еще санный двор. На дворе стояли три избы: в одной из них

делали сани, в других жили около 40 человек нищих и «робята пустошки» (люди без всякого имущества), которых кормили из монастыря. Здесь же на дворе было четыре амбара, в которых держали «сани, и телеги, и оси, и дуги, и оглобли и всякой санной и тележной запас». Кроме того, около житных амбаров стояли амбары, в которые убирали «сани старческие» (сани старцев), «вяземские» и пошевни (широкие сани-розвальни, обшитые лубом — липовой корой). На санном дворе находилась еще одна изба с клетью, где иногда работали серебряных дел мастера.

Конюшенный монастырский двор был обнесен стеной с воротами. Здесь стояла келья с сенями дощатыми, в которую приходил старец, заведовавший двором. В избе по соседству размещались конюхи и «детеныши». На дворе находились четыре огромные конюшни, денник, где кормили лошадей овсом, и два амбара с «рухлядью». К конюшенному двору относились также две житницы, стоявшие около озера: в одной из них хранили овес, в другой — седла, узды, подушки, попоны, косы, полсти, возжи.

Плотники и мастера каменного дела жили в трех избах на своем дворе; их материалы хранились в двух амбарах. У восточной стены малого монастыря размещался шваленный двор со швальней — мастерскими для портняжных, кожевенных и других работ. Это было довольно древнее монастырское заведение, существовавшее уже в 1569 году. Около швальни жили разные мастерские люди: иконники, токарники, оконники, портные, сапожники, кожевники. Здесь же стояли два кожевенных амбара. За двором располагались кладовые, где токари держали «дерева вязовое и березовое», и кузнечный двор. Около озера был построен амбар для угля.

Интересные особенности имела планировка Соловецкого монастыря. Каждое здание этой удивительной северной крепости было по-своему уникально. В центре монастыря, как и полагается, находилась соборная площадь. Ее образовывали четыре каменных храма. Первой была построена церковь в честь Успения Пресвятой Богородицы (1552—1557).

К церкви примыкают колоссальных размеров одно-столпная трапезная и келарская палата. Трапезная имеет общую площадь в 500 квадратных метров и в былые времена вмещала несколько сотен человек. Под церковью и трапезной находились хлебня с мукосейной, просвирня, квасной и хлебный погреба. Над трапезной была устроена высокая колокольня с боевыми часами и двумя колоколами. В один колокол благовестили к литургии и к вечерне и звонили ко «Славам» на службах часов. В другой колокол звонили к обеду и ужину, созывая братию, служебников и трудников.

Сразу же после освящения Успенской церкви началось строительство главного собора обители — Преображенского храма (1558—1566). Он был устроен на погребах. В Соловецком летописце сказано, что братия возражали против строительства храма, считая, что в обители недостаточно средств, но игумен Филипп настоял на своем. К собору пристроили церковь во имя Зосимы и Савватия Соловецких, под которой также находилось два кладовых погреба. В 1577 году в монастыре поставили еще одну церковь — во имя святителя Николая. Вскоре крытые каменные переходы, устроенные, по соловецкому обычаю, на валунном основании, соединили сначала трапезную с Преображенским собором, а потом и все церкви между собой. В условиях северной непогоды и стужи эти переходы значительно облегчали жизнь. Вокруг церквей находились монашеские кельи и некоторые службы. Древние кельи были построены в два или три этажа, все они были неравной ширины и высоты, имели окна разных размеров.

В 1582 году, по государеву указу, началось строительство каменной Соловецкой крепости. Работами руководили соловецкий постриженник монах Трифон и вологодский мастер Иван Михайлов. Крепость — «монастырский город» — построили в 1594 году, и с тех пор Соловецкая обитель стала неприступной. «Как и многие старинные крепости, соловецкая являет собой удивительный образец русского фортификационного искусства, монастырские баш-

ни решительно выдвинуты за спрямленные участки стен и снабжены несколькими ярусами боя. Площадка боевого хода проходит по всему периметру стен, позволяя вести круговую оборону. Прикрытые водными преградами, длинные восточные и западные стены гораздо более низкие и пологие, чем открытые для приступа северные и южные, высота которых достигает 10—11 метров» (*Соловецкий монастырь*. С. 86). Стены и башни Соловецкой крепости сложены из природных валунов, некоторые из них весят более 500 пудов. «Как доставлялись к месту эти многотонные глыбы, неизвестно; можно только предположить, что их перевозили на санях по первому снегу, или на больших телегах, или по воде на плотках. Подниматься же они могли специальными устройствами, изобретенными самим святителем Филиппом» (*Там же*. С. 86). И при нынешних технологиях крепость поражает своей исполинской мощью. Имя ее архитектора навечно вписано в братский синодик обители.

После строительства стен монастырь приобрел форму пятиугольника. Особенности рельефа и требования обороны заставили архитекторов немного отступить от привычной символической формы монастыря. Над Святыми воротами обители в 1601 году была устроена Благовещенская церковь. Благой вестью встречала Соловецкая обитель каждого, кто с верой и надеждой подходил к ее воротам.

Основные хозяйственные службы находились в стороне от соборной площади и монашеских келий. Они разместились у стен и башен монастыря. В 1614 году построили каменную палату, в одной части которой устроили иконописные мастерские, в другой — «чеботную швальню» — мастерскую по изготовлению обуви. Под иконописной мастерской находилась больница для мирян, а под чеботной — жилые кельи для дьячков. Впоследствии в монастыре поставили большую одностолпную палату, в верхнем этаже которой разместили другую швальню, в которой шили «порты». Именно в этой швальне проходил послушание будущий преподобный Симон Воломский,

который еще в юности, оставшись без родителей, выучился портняжному делу. В 1619 году в обители появилась каменная казенная палата. В ней, по монастырскому обычаю, хранили воск, свечи, ладан, медную и оловянную посуду и монашеское платье — однорядки (свитки). В 1621 году к монастырской стене пристроили поварню — «поваренный пристенок». В его расположении и устройстве проявилась редкая смекалка соловецких иноков. Здесь «примечателен по своей древности и удобности даже в зимнее и осадное время колодезь, в который вода из Святого озера проведена подземною трубою под крепостную стену, и дабы не замерзала помпа, то для сего устроена печь. Сей колодезь обнесен деревянным крытым строением, из коего по желобам пропускается вода и для квасоварения» (*Досифей. Т. 1. С. 239*). Над поварней было устроено сушило для хранения небольшого количества круп и сушеной рыбы. Рядом с поварней находились погреба для чистки рыбы, а над ними были устроены кельи для поваров.

В западной стороне монастыря в конце XVII века были устроены больничные кельи, а напротив них — больничная церковь во имя святителя Филиппа. Здесь же находились кельи для вдовых богомольцев и трудников. Особенностью соловецкой планировки, в отличие от Кирилловой обители, стало размещение большинства хозяйственных служб на территории монастыря. Видимо, это было вызвано пограничным местоположением обители. Монастырь должен был, по замыслу своих строителей, представлять совершенно автономную хозяйственную систему, способную выдерживать длительные осады. Еще во времена игумена Филиппа на территории обители поставили мельницу. В XVII веке рядом с мельницей находилась каменная солодежня, в нижнем этаже которой растили солод. Верхний этаж служил сушилом, где в зимнее время года сушили белье. У Белой башни находилось сушило, где хранили приготовленную к молотье рожь. Соловецкий монастырь значительно уступал по своим размерам Кирилловской обители, но компактное и продуманное до ме-

лочей размещение хозяйственных служб и помещений создавало все условия для образцовой работы его хозяйственной системы.

Контрастом с великими обителями смотрятся малые монастыри. В этих обителях служб было гораздо меньше, а размеры кладовых намного скромнее. В 1622—1629 годах посреди Красногорского монастыря стояла деревянная церковь в честь Похвалы Пресвятой Богородицы, рядом находилась колокольня, а на ней — четыре колокола. Вокруг храма располагались кельи — одна игуменская да девять братских и «служних» (то есть «слуги» жили в самом монастыре). За монастырем располагался один «коровий двор», других хозяйственных дворов у обители не было (*Описание Красногорского монастыря. С. 9*).

«Монах — рыболов чувствуетея... из-за тех отрывистых сухих данных, которые приводятся писцовой книгой, описавшей Кандалакшский монастырь в 1608 году» (*Богословский. С. 283*). В центре обители стояли, как и полагается, храм с трапезной и келарской, поварня, хлебня, монашеские кельи. Кроме того, в обители было две больницы, швальня и «дружинная» (дружинами называли на севере рыболовецкие отряды). В стороне от обители находился скотный двор, амбары «да за монастырем на другой стороне от моря амбар монастырский же, а держат в нем судовую снасть» (*Там же*). Все обители, большие и малые, строились по одному канону, но реальная жизнь приносила свой колорит. Так создавался неподражаемый образ каждого монастыря.

МОНАСТЫРСКИЕ ПОСЛУШАНИЯ

Основные монастырские должности — «послушания» определились со времен Студийского и Иерусалимского уставов. В Студийском монастыре главными должностными лицами обители были эконо́м, келарь, кутник (заведовавший трапезой), «деместик церковный» (старец, отвечающий за порядок в церкви и соблюдение церковного устава), пономарь, книжный хранитель, старец, отвечающий за больницу, «ключарь житницы» (старец, у которого хранились ключи от хлебных амбаров). Когда преподобный Александр Ошевенский создавал свой монастырь, то первые должности, которые он ввел, были послушания типика (то есть еkkлесиарха), пономаря, келаря, казначея; иного монаха он послал в хлебню; другого в поварню (*РГБ. Унд. № 273. Л. 54*). Все это преподобный устроил, как говорит автор его Жития, в согласии с Иерусалимским уставом.

Келарь был первым помощником игумена по ведению монастырского хозяйства и имел самое высокое положение в обители. В царском указе суздальскому Спасо-Евфимиеву монастырю (1640) подробно перечислены все обязанности келаря: хранение монастырской казны, выдача и прием денег, надзор за своевременным поступлением оброка и крестьянскими повинностями, ведение монастырских рас-

четных книг, участие монастыря в работе государевых приказов и другие (ААЭ. Т. 3. № 298). Не случайно на хозяйственных документах Троице-Сергиева монастыря ставилась даже особая келарская печать.

К традиционным обязанностям келаря относились хранение и распределение съестных припасов. Такое послушание, обремененное серьезной материальной ответственностью, обычно доверялось монаху самых высоких нравственных качеств. Злоупотребление своим положением, неодинаковое отношение ко всем монахам со стороны келаря могли буквально «взрывать» монастырский порядок. Поэтому все составители монастырских уставов и настоятели обителей уделяли особое внимание келарской должности. «В отношении к тому, кто по испытании вверил ему снабжение кладовой, должен помнить самого Господа, сказавшаго: не могу Аз о Себе творити ничесоже (Ин. 5, 30); а в отношении к тем, кто на его попечении, должен иметь в виду потребность каждого; потому что написано: *даяшеся коемуждо, егоже аще кто требоваше* (Деян. 4, 35)» (Василий Великий. С. 240).

Кроме того, келарь принимал гостей обители. Некий беснующийся отрок пришел в Ошевенский монастырь. Игумен, совершив над ним молебен, послал его к келарю, тот повел гостя в трапезную, накормил, выделил ему место «на почивание» (для сна) и дал монаха-приставника «на бережение», чтобы сопровождать его повсюду. У келаря были свои помощники: подкеларники, чашники и подчашники. Все они трудились в службах, связанных с монастырской трапезой. Управлять монастырскими имениями келарю помогали посельские старцы или приказчики.

Одним из знаменитых келарей Троицкого монастыря был старец Александр (Булатников). Он происходил из знатной фамилии, постригся в Соловецком монастыре, но двадцать лет своей жизни (с 1622 по 1641 год) провел у Троицы на послушании келаря. Он пользовался неизменным расположением царя Михаила Федоровича и крестил его детей: наследника Алексея (будущего царя Алексея Михайловича), царевича Иоанна, царевен Ирину, Пелагею, Анну.

Старец Александр неоднократно упоминается на страницах Жития преподобного Диодора Юрьегорского. Именно к нему обратился за помощью святой Диодор, когда в 1628 году он оказался в безвыходном положении. Голодная братия угрожала ему покинуть монастырь, а у самого преподобного Диодора не было ни единой «медницы» на устройство монастыря и пропитание для братии. Тогда он пошел в Троице-Сергиев монастырь искать помощи у старца Александра Булатникова. Но старца на месте не оказалось, Диодор нашел его только в Москве. Труды преподобного, предпринявшего столь длительное путешествие, оказались не напрасны. Старец Александр рассказал о бедственном положении преподобного матери царя Михаила — инокине Марфе Иоанновне, та приняла его у себя, расспросила о месте, где пребывает, и дала ему церковные сосуды, иконы, книги, ризы, колокола и 200 рублей денег на строительство церквей. Сам старец Александр пожертвовал на монастырь ризы, книги и колокола и, самое главное, дал сопроводительное письмо к Новгородскому митрополиту Киприану, который благодаря такой рекомендации дал преподобному благословенную игуменскую грамоту, антиминсы на освящение церквей и «несудимую грамоту». Через несколько лет, в 1632 году, преподобный Диодор получил царскую грамоту на владение землями вокруг Юрьевой горы (*Житие Диодора Юрьегорского. С. 789*). Келари Троице-Сергиевой лавры были, как правило, выдающимися деятелями и оставили заметный след в русской истории.

Ближайшим помощником келаря был эконом или ключник. В ведении эконома находились погреба, амбары, кухня, конюшни, скотный двор и т. д. Эконом избирался братией на определенный срок. Ему подчинялось множество людей: подключник, ведавший погребами и складами, хлебник, трапезник, конюший, ризничий вместе с подризничими. Существовал даже особый чин на поставление эконома: ключи от монастырских амбаров и хранилищ полагались на престоле в алтаре храма, а затем игумен

или священник с надлежащим наставлением передавал их новому эконому. Потом возносилась ектеня о здравии и «благом поспешении» вновь избранного (*Горский С. 226*).

Хранение монастырской казны, расход денег, их учет (о чем делались записи в приходно-расходных книгах) относились к ведению **казначей**, иногда келаря; за состояние монастырской казны казначей отчитывался перед игуменом. В бедных русских монастырях у казначеев были совсем другие задачи: не посчитать, а найти деньги и пропитание для братии. Однажды в Пертоминском монастыре наступили голодные времена. За милостыней в Архангельск отправился самый искусный в таких делах инок — казначей Варсонофий. Он очень не хотел идти в город и долго спорил с братией, но в конце концов, за послушание, пошел. Монахи, обрадовавшись, что казначей согласился, стали усердно молиться в часовне преподобных Вассиана и Ионы, чтобы святые послали пропитание для обители. Казначей долго бродил по городу, но безуспешно. Тогда он отправился к одному из благодетелей монастыря Стефану Дмитриеву, но и он отказал ему. «Нет у меня ничего для тебя и не знаю никого, кто мог бы дать», — таким неутешительным был его ответ. На самом деле Стефан хотел поделиться своим достатком, но ему запрещала его скупая жена Мария. «Нет, господин мой», — говорила она мужу, — даже и не мысли дать хлеба из нашей житницы этим чернецам» и всячески ругала иноков и монашеское житие. Днем, когда Мария уснула после обеда, она увидела во сне двух иноков, лица которых ей показались знакомы. Иноки сказали ей: «Мария! Пожалей наших чернецов Пертоминской пустыни и не умори их голодом, не запрещай мужу своему сделать благое дело — дать им хлеба, а Господь Бог наполнит всем вашу житницу». Женщина проснулась, но рядом с ней не было никого. «Почему пустыми отпустили иноков?» — спросила она у своих домашних. Но ей ответили, что никого в доме не было. Тогда она взглянула на икону преподобных Вассиана и Ионы и поняла, кто к ней приходил. Со сле-

зами просила она прощения перед иконой и велела мужу «без скупости снабдить обитель». Стефан дал Варсонофию тридцать мер хлеба. Обрадованный казначей до земли поклонился своему благодетелю, погрузил хлеб в свой карбас и возвратился к братии (*РНБ. Сол. № 182 / 182. Л. 204—206 об.*).

К числу важных монастырских послушаний относились те, которые были связаны с совершением богослужения. Когда преподобный Корнилий Комельский построил первую церковь в своем монастыре, он поставил в ней служителей: священников и диаконов, чтецов и певцов, ектесиаρχа и весь чин, как принято в великих лаврах. Священниками в монастыре чаще всего были сами монашествующие — иеромонахи, но иногда, за плату, приглашали священников со стороны. Преподобный Пафнутий Боровский перед смертью просил братию не обижать священников, «держатъ ихъ честно» и не лишать обещанного вознаграждения — оброка, чтобы не прерывалось богослужение в монастыре (*Ключевский. С. 446*). У стен Кирилло-Белозерской обители в конце XVI века стояли две избы, где жили белые (то есть немонашествующие) священники и диаконы, которые совершали службы в церкви Святого Иоанна Предтечи малого Иоанновского монастыря (*Никольский. Т. 1. Вып. 1. С. 274*). Перед совершением богослужения священник всегда приходил к игумену и брал у него благословение.

Ектесиаρχ, или типик (на Руси его называли уставщиком), вел церковную службу и внимательно следил за тем, чтобы не было никаких нарушений устава. Ектесиаρχ давал указания пономарю, когда зажигать или гасить свечи, иногда сам раздавал их братии. За порядком в храме следил **пономарь** («кадиловозжигатель»), он зажигал и гасил свечи, лампы, паникадила, звонил в колокол или било, созывая братию на службу, открывал и запирали церковные двери, у него хранились ключи от церкви.

В монастырях существовал особый чин на поставление **чтеца и певца**; певцов, конечно, было несколько, а в больших монастырях существовали це-

лые хоры, разделенные на два клироса (в 1601 году в Кирилло-Белозерском монастыре было 20 человек головщиков и клирошан). Канонарх во время вечерни возглашал прокимны и вообще руководил церковным пением.

Ряд монахов отвечал за общий порядок в монастыре. В некоторых обителях были **будильники**; так, например, в уставе Новгородского Хутынского монастыря сказано об обязательности этого послушания. Будильник вставал первым и будил игумена и братию к заутрене. Сначала он шел к келье игумена и, став под окном, произносил: «Благослови и помолися за мя, отче святой». Игумен отвечал ему: «Бог спасет тя». После этого будильник, ударяя в малое било, совершал обход келий, громко восклицая под окном каждой: «Благословите, святые!» Разбудив всех, будильник призывал пономаря, а тот ударял уже в большое било или колокол. В это время все монахи собирались в церкви (*Казанский. С. 30—31*).

Специально поставленные «**назиратели**» следили, чтобы никто не выходил за монастырские ворота без благословения, чтобы иноки не стояли без дела и не беседовали; обо всем «назиратели» сообщали игумену. Открывал и закрывал Святые врата, а также наблюдал за входившими в обитель монастырский **сторож**. В Нило-Сорском скиту сторож выполнял и другие обязанности: следил за скитскими часами, в зимнее время топил печи в притворе церкви, каждый день навещал всех иноков скита и сообщал об их здоровье настоятелю (так как скитские иноки виделись только два раза в неделю за общим богослужением). Если кто-то из монахов заболел, то сторож служил ему, пока брат не выздоровлял.

Монахи традиционно трудились в пекарнях и поварнях, буквально следуя за словами святого апостола Павла: «Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (*2 Фес. 3, 10*). В общежительных монастырях было так много разных хозяйственных послушаний, что никто не смог бы сказать инокам: «Или без рук вы, почему не работаете, как другие люди?» (Василий Ве-

ликий) (*РГБ. Унд. № 273. Л. 53*). Если монахи сами не работали в каких-то службах, то осуществляли общий надзор за ними: житные старцы — за сбором и сохранностью зерна в амбарах, поселские — за сельскохозяйственными работами в вотчинах, конюший — за конюшней, один из старцев следил за сохранностью монастырского леса и т. д. Если у монастырей были промыслы, то старцы подолгу жили вдалеке от обители и несли тяжелое послушание, руководя работой соляных и рыболовецких промыслов. Большие монастыри имели также подворья в крупных городах: в Москве, Ярославле, где также жили монахи, осуществлявшие торговые и иные дела. Старцы и монахи, занятые в определенных службах, назывались служебниками (так же именовались иногда и монастырские слуги, занятые в этих службах). В XVI веке в Волоколамском монастыре и «за монастырем» было 65 служебников, «больших и меньших», кроме тех старцев, которые по государеву повелению жили в Москве, а также тех, кого игумен и старцы посылали в разные города по монастырским всяким делам: «сукон купити, и меду, и масла, и рыбы, и всякого обиходу» (*Обиходник Иосифова монастыря. XVI в. // Горский. С. 402*). Кроме того, монахи могли выполнять разовые поручения игумена: купить что-нибудь, провести межу с соседним монастырем или владением и т. д.

Как реально проходила «служба» на монастырь, рассказывают опять же жития. Ермил Иванов, Павлов сын, принял постриг в Ошевенском монастыре с именем Елисей. Жизнь в обители у него, по всей видимости, была несладкой. А тут еще игумен послал его в село Турчасово, где у монастыря возникла тяжба с неким соперником за одну из деревень. Старец Елисей должен был разрешить этот конфликт в пользу монастыря. Соперник его знал толк в таких делах, был «лаячив» и до того довел старца оскорблениями, что тот, не вытерпев, бросил все, пришел в монастырь и расплакался в своей келье. В слезах он встал перед иконой преподобного Александра Ошевенского и принялся укорять святого: «Я надеялся, что

ты поможешь мне. Ты же ввергнул меня в такие напасти. Ни в монастыре, ни вне монастыря я не могу избежать зла. Если ты не пожалеешь меня, то я, не стерпев этих бед, уйду прочь из твоего монастыря и поселюсь Бог знает где» (*РГБ. Унд. № 276. Л. 120*). Наутро старец ослеп. Осознав свой грех, он просил прощения у преподобного и был исцелен им. Вскоре состоялся суд по поводу спорной деревни, и судьи, как это ни удивительно, справедливо решили дело: они оправдали молчаливого старца, а его красноречивого соперника лишили деревни.

Искушения в монастыре не обходили стороной не только рядовых старцев, но и тех, кто занимал довольно высокие должности. Был в Ошевенском монастыре казначеем старец Варлаам, он отличался мастерством ковать металл («бе ковачь хитр»), а брат его «белец» (то есть мирянин) Григорий сторожил монастырь. Некий Симеон, Алексеев сын, пожертвовал в монастырь серебро на строительство церкви, но вскоре серебро пропало. В краже обвинили старца Варлаама и его брата, игумен «отставил» их от послушаний и посадил в железных оковах в темницу. А около монастыря в это время жил некий «пришелец» — убогий человек, который зарабатывал себе на жизнь тем, что обрабатывал поле у одного крестьянина, но платили ему плохо, и он стал приходиться в обитель и выполнять здесь всякую работу. Сговорившись с неким «хромцом», он украл серебро. Началась долгая, почти детективная история по расследованию этого дела. Сюжет развивался столь замысловато, что занял в Житии десяток листов. В конце концов жертвователю Симеону нашел свое серебро, он вызвал из Каргополя сотника, «нарочитых людей», «мучителей» и обвинил перед ними «лукавого хромца» и другого вора — «пришельца», а ни в чем не повинные монахи наконец были оправданы.

В другой раз серебро пропало уже по вине инока, недобросовестно выполнявшего свое послушание. Игумен Ошевенского монастыря поставил инока Закхея приказчиком на монастырском соляном промысле в селе Пияле. Когда настало положенное вре-

мя, он пришел в обитель, отдал игумену и братии свой отчет и положил заработанное серебро. Но по «научению дьявола» утаил семь рублей и спрятал их в своей келье. Этот Закхей водил дружбу с «бельцом» Василием, который пришел в монастырь неизвестно откуда и выполнял портняжные работы для обители («шил порты»). Василий был частым гостем в келье монаха. Узнав о серебре, он украл его и сбежал. Монах Закхей спохватился не сразу, а среди братии уже поползли слухи, что инок утаил деньги. Однажды ночью одному древнему старцу явился во сне преподобный Александр и указал, где находится Василий — похититель денег. Преподобный сказал, что вор долго блуждал, не зная дороги, устал и сейчас отдыхает в соседнем селении. Послали погоню и вернули монастырские деньги.

Но подобные злоупотребления были скорее редкостью, чем правилом в монастырях. Исполняя любое послушание, иноки трудились так, как будто служили Самому Христу. Только такой труд по совести, соединенный с непрестанной молитвой, мог превратить непроходимые болота и лесные дебри Русского Севера в плодородные пашни, воздвигнуть храмы и крепостные стены, красотой и мощью которых мы любуемся до сих пор. Кирилл Серков — крестьянин монастырского села Шидьяра был создателем уникальной крепости Кирилло-Белозерского монастыря. Он стал главным архитектором Нового города, будучи еще мирским человеком, но в конце строительства постригся в монахи с именем Карион. «Строительство крепости материальной совершалось у него вместе с укреплением крепости духовной» (*Рыбин. Имя, как освящение некое. С. 31*), и это было законом монастырской жизни.

ИГУМЕН И БРАТИЯ

Первым настоятелем монастыря обыкновенно становился сам основатель обители, даже если он не имел игуменского сана. Так, преподобный Евфросин Псковский не был священником и игуменом, во главе его обители стоял назначенный им игумен, однако реально именно преподобный Евфросин управлял монастырем до конца своей жизни. Умирая, игумен, как правило, называл своего преемника либо братия сама избирала его. Однажды преподобный Иосиф Волоцкий призвал к себе старейших монахов и сказал: «Господа мои и братия во Христе! Немошь мою вы и сами видите. День моей жизни уже клонится к вечеру и ничего другого мне не обещает, как только смерть. Выберите себе игумена по совету вашему и по обычаю монастырскому».

Старцы ответили: «Ты, господин, знаешь, кто на это дело пригож». Преподобный же сказал: «Так и есть, как вы говорите. Но не хочу я без вашего совета ставить игумена. А то вы начнете говорить: не по нашему совету он поставил игумена или, еще хуже, — новый игумен не станет с вами советоваться, говоря: меня поставил Иосиф». Тогда монахи стали приводить к преподобному Иосифу кандидатов на игуменство, спрашивая: «Тот или этот?» Преподобный отве-

чал: «Я всех знаю, но вы себе сами изберите из них, кого хотите». И повелел им собраться отдельно и без него принять решение. И тогда братия выбрала игуменом Даниила Рязанца (*ВМЧ. Сентябрь. Стб. 491*).

Однако случалось, что настоятель умирал и не успевал благословить себе преемника. Тогда это грозило всякими неурядицами в монастыре. Если по каким-то причинам новый настоятель не был назван, монахи поступали в согласии с уставом, то есть избирали игумена из числа братии. Причем во многих монастырях действовало обязательное правило, согласно которому игуменом мог стать только тот монах, который был пострижен в этом монастыре. Предполагалось, что он знает до тонкостей устав и обычаи своей обители и не будет их нарушать. Выбор братии записывался на особую бумагу, которая называлась «излюбленной». Так, 15 июля 1646 года в Красногорском монастыре келарь, казначей, старцы, вся братия и все вкладчики «излюбили и выбрали» иеромонаха Симеона на следующих условиях: «быти ему у нас в строителях... и нас покоити, а нам его слушати».

Далее в грамоте перечислялись обязанности настоятеля (в XVII веке его часто называли строителем) и братии. Он должен был заниматься строительством в монастыре и закупать для братии одежду, провизию и прочее. При этом совершать все постройки и покупки, а также подавать челобитные царю настоятель мог только по совету с братией, вместе с братией же он проверял казначея в расходовании денег. Кроме того, деньги, которые игумен получал от вкладчиков и за молебны, он должен был строго класть в казну. Если между иноками случалась какая-нибудь ссора или обида, настоятель должен был рассудить их по монашеским правилам. Братия, ставя подписи под грамотой, обязывались «покоить и кормить» настоятеля, когда он состарится, до смерти (*Описание Красногорского монастыря. С. 27—28*). С этой грамотой новый настоятель ехал к архиерею или митрополиту, которые и возводили его в игуменский сан. Существовал особый чин «на провозведе-

ние игумена»: архиерей трижды осенял крестом игумена, читал две молитвы и возлагал на него новую мантию взамен той, что он носил раньше (*Требник. Конец XIV — начало XV в. // Горский. С. 144*).

Описание встречи новопоставленного игумена есть в Житии преподобного Александра Ошевенского. Спустя много лет после преставления преподобного Новгородский архиепископ поставил, по выбору братии, игуменом Ошевенского монастыря иеромонаха Максима. Монахи под звон колоколов встречали нового игумена за воротами монастыря, потом все направились в храм и здесь служили благодарственный молебен за «православного царя, великого князя и за архиепископа, и за все православное христианство» (*РГБ. Унд. № 276. Л. 76 об.*). Обычно в этот день устраивалась праздничная трапеза — корм для братии.

Пришлые игумены, как правило, оказывались плохими настоятелями, «не пастырями, а наемниками», о чем свидетельствует история Александро-Ошевенского, Антониево-Сийского и многих других обителей. После смерти игумена Максима среди братии Ошевенского монастыря начался раздор: часть иноков хотела видеть своим настоятелем иеромонаха Корнилия, другие же предлагали пригласить игумена со стороны. В это время в обитель пришел иеромонах Маркелл, уроженец Москвы. Оценив ситуацию, он стал всячески «обольщать братию». Противники старца Корнилия решили выбрать своим настоятелем Маркелла, а другие монахи смиренно не стали им прекословить.

Старец Маркелл поехал в Великий Новгород, архиепископ возвел его в игуменский сан и дал благословенную грамоту. Из Новгорода Маркелл вернулся не один, а с неким чернецом и его слугой. Через некоторое время началась распря между новым отцом настоятелем и священником Корнилием, и последний был вынужден оставить обитель. Почувствовав свободу, настоятель льстивыми словами стал уговаривать братию отпустить его в Москву: «Я, братия, хочу ехать к Москве плакать и бить челом царю-госуда-

рю, великому князю и просить у него милостыню». Иноки, бывшие его сторонниками, не ведая обмана, убедили остальную братию согласиться с ним. «Бог послал нам отца игумена и строителя, который печется о делах монастыря», — говорили они. «А человек он добрый, речистый, житель Москвы и весь обычай знает».

Поддавшись на уговоры, монахи собрали игумена в дорогу: он взял с собой «три лучших мерина» из стада, двадцать рублей серебра из монастырской казны, большой запас продуктов, церковные книги и ризы, забрал даже рукописное Житие преподобного Александра Ошевенского с полным описанием его чудес и пророчеств, объяснив это тем, что покажет его митрополиту, а тот царю. Поцеловав братию напоследок, игумен Маркелл в сопровождении новгородского чернеца, его слуги и монаха Ионы, которого братия приставила к нему, поехал из монастыря. Когда они доехали до озера Воже, Маркелл стал отправлять старца Иону назад в монастырь, но тот не хотел возвращаться.

Тогда игумен пригрозил ему: «Если не послушаешься, то вскоре умрешь. В этом озере и утопим тебя». Отняв у старца все его нехитрое имущество, нечестивые монахи бежали. Избитый Иона возвратился в монастырь, и здесь с ним случилось то, чему обычно подвергаются люди, принесшие дурную весть: монахи обвинили его во всем случившемся, и он, не вынеся напрасных обвинений, ушел прочь из обители. Людская молва потом донесла, что игумен Маркелл, доехав до некоего места, принял лютую смерть от разбойников (*РГБ. Унд. № 276. Л. 88 об. — 90*).

После смерти учеников преподобного Антония Сийского его монастырь осиротел. По образному выражению Жития, монастырь стоял незащищенный, как город без стен. Братия пригласила к себе в настоятели монаха из другой обители, но он оказался пастырем только по имени и не соблюдал заповедей преподобного Антония. Новый игумен привел с собой двух монахов и стал с ними «питие пьянственное держати и неподобно жити». В монастыре был

еще жив последний ученик преподобного, иеромонах Тит, и братия просила его указать новому игумену на его недостойную жизнь. Но монах Тит был человеком простым и робким, с иноками он скорбел о поведении игумена, а когда оставался с игуменом наедине, то боялся ему перечить.

Однажды ночью, по окончании молитвенного правила, Тит задремал и в тонком сне увидел, что к нему в келью пришел преподобный Антоний с двумя монахами. В руках у святого был «обычный жезл», а у иноков — «наказательные прутья». Попеняв иеромонаху на то, что он не исправлял игумена, преподобный Антоний повелел одному из пришедших с ним склонить Тита, а другому — бить его нещадно прутьями. После такого наказания монах Тит пообещал основателю монастыря поговорить с игуменом. А преподобный, вновь повелев Титу «без боязни вспоминати игумену о своем предании», стал невидим. Наутро монах Тит рассказал игумену о ночном видении, и мало-помалу в обители прекратился «пиянственный обычай» (*РНБ. Соф. № 230. Л. 221—224*).

Кроме игумена братия избирала двенадцать соборных старцев по числу апостолов, учеников Христа. Как правило, это были люди духовные и рассудительные. Все монастырские дела игумен решал вместе с соборными старцами. По уставу преподобного Герасима Болдинского игумен не мог «соборовать» только с двумя или тремя старцами, допускалось отсутствие только тех старцев, которые уехали из обители по каким-нибудь делам. В Волоколамском монастыре игумен мог решать простые текущие дела вместе с келарем и казначеем, для решения же более сложных вопросов призывались соборные старцы.

Какие вопросы могли обсуждаться на монастырских соборах? Самые разные. Например, 5 февраля 1588 года игумен Кирилловского монастыря Сергей и соборные старцы обсуждали порядок совершения сорокоустов по почившим инокам. Собор «приговорил» выдавать священникам деньги из казны, чтобы они служил сорокоусты о упокоении тех монахов, которые не успели или не сумели заказать по себе со-

рокоуст сами. А 20 мая 1594 года игумен Марк, келарь старец Порфирий Латынин, казначей старец Иона и все соборные старцы решили на соборе нанять плотников, чтобы сделать новый ез в местечке Взвоз (*РНБ. Кир-Бел. № 84 / 1322. Л. 98*).

Дела особо важные объявлялись всем инокам и решались сообща. Порядок монастырского собора обычно был таким. После повечерия или заутрени один из монахов по благословию игумена вставал у церковных дверей или у входа в трапезную (если дело было зимой, то соборы проходили в трапезной) и никого не выпускал из храма, а также не впускал. Прежде чем начать обсуждение, настоятель, повернувшись лицом к братии, читал молитву, призывая Божие благословение на предстоящий собор: «За молитв Пречистой Твоей Матери, преподобных и богоносных отец наших, Господи Иисусе Христе Сыне Божий Наш, помилуй нас!» После молитвы настоятель начинал говорить. Братия, внимательно и смиренно выслушав его, по одному, а не все вместе, тихо, «без воплей и крика», высказывали свое мнение. В конце собора, когда решение было принято, настоятель, обратившись к святым иконам, читал громко молитву «Достойно есть», братия повторяла вместе с ним. После отпуска игумен всех благословлял, и монахи расходились по кельям.

Иногда такие собрания проходили в келье игумена, а в его отсутствие — у келаря (по уставу Антониево-Сийского монастыря, соборы собирались в келье игумена, даже когда он уезжал из монастыря). Войдя в келью, монахи, по обыкновению, трижды кланялись земным поклоном перед святыми иконами и крестом, потом перед настоятелем, брали у него благословение и садились на лавку. Дальше все шло своим чередом. Если настоятеля не было, то монастырские дела вели келарь и казначей, в сложных вопросах келарь созывал собор (*ВМЧ. Сентябрь. Стб. 607—608*). Однако келарь мог решать только «внешние», хозяйственные вопросы, за разрешением духовных проблем братия в отсутствие настоятеля обращалась к священнику. А обычно монахи обо всех духовных и

внешних делах советовались в первую очередь с настоятелем и только после его благословения обращались к келарю, казначею или другим старцам.

Соборные старцы помогали игумену присматривать за порядком в монастыре. Одни старцы днем и ночью обходили обитель через каждый час и проверяли, чтобы все иноки находились в своих кельях и занимались трудами, а не бродили без дела. Другие наблюдали за благочинием в трапезе. Третьи во время богослужения обходили церковь, чтобы видеть, все ли иноки присутствуют в ней. Четвертые становились в притворе и у церковных дверей, чтобы стоящие в притворе не разговаривали, не смеялись, не выходили из церкви во время службы. Такой регламентированной и поднадзорной была жизнь в общежительных монастырях. Скиты же отличались большим доверием к совести человека, однако случалось, что и там по причине падения нравственности среди братии приходилось вводить общежительный устав. В собор старцев входили не только старейшие монахи обители, но и иноки, которые несли самые важные послушания по управлению монастырем: келарь, эконо́м, казначей.

Вопросы духовной жизни находились в преимущественном ведении настоятеля. Игумен был прежде всего духовником, а уже потом администратором. Святитель Макарий, архиепископ Великого Новгорода и Пскова, объясняя игумену и братии псковского Свято-Духова монастыря их взаимоотношения, писал в своей грамоте: «Жить игумену по-чернечески и иметь любовь ко всей братии, а не выситься властительно; братии же иметь игумена своим отцом и учителем, слушаться его во всем и к нему приходить для исповеди, а не держать себе духовных отцов в городе, или на посаде, или по селам» (*Макарий. Кн. 4. Ч. 1. С. 245*).

Ближайшими помощниками игумена в духовном руководстве иноками были духовники, которые не входили в число соборных старцев. Настоятель мог благословить какого-нибудь старца быть духовником всей обители. При поставлении в духовника чи-

талась молитва: «Владыко Господи Иисусе Христе Боже Наш, иже ключе Царствия Твоего Небесного верховному Твоему апостолу поручив...» и отрывок из Евангелия от Матфея, в котором рассказывается, как Господь, обращаясь к апостолу Петру, сказал: «Ты — Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее; и дам тебе ключи Царства Небесного: и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах, и что разрешишь на земле, будет разрешено на небесах» (*Мф. 16, 18—19*).

Двойная система управления обителью посредством игумена и соборных старцев создавала равновесие в монастыре: с одной стороны, устанавливалось единоначалие, с другой — сохранялся основной принцип церковной жизни — соборность. Соборные старцы могли поправить игумена или что-то посоветовать ему. Однако ни одна система земной власти, как известно, не бывает совершенной. Большие права соборных старцев иногда становились источником раздоров в обители. Известно немало примеров, когда игумен, пытавшийся бороться с нарушениями устава и нерадивой братией, терпел поражение. Великий князь Иоанн III назначил старца Паисия Ярославова, монаха строгой и аскетической жизни, игуменом Троице-Сергиева монастыря, дабы возобновить в нем дух былого подвижничества. После трех лет упорной борьбы с братией (1479—1482) старец Паисий был вынужден удалиться в свой родной Спасо-Каменный монастырь.

На протяжении многих лет отношения игумена и соборных старцев в Троицком монастыре оставались весьма непростыми. Их итогом стал уникальный документ, очень дерзкий по тону, если не сказать, — нагловатый. Это своего рода указ игумену, как вести себя в монастыре. В 1584 году собор старцев Троице-Сергиевой лавры предложил архимандриту Митрофану (Дмитровцу) следующие условия: «Стой в церкви со страхом и на своем месте, а с места без дела не сходи и ни с кем не говори, только смотри на божественные иконы и со слезами Бога моли за здоровье Государя и Государыни и за всех православных

христиан. А если нужно поговорить о монастырском деле, то выходи в паперть. А ни в какие монастырские дела не вмешивайся, против бесчинников и ропотников стой с келарем и с казначеем и с соборными старцами за одно. Сам же живи по монастырскому чину, как прежние древние преподобные наши игумены жили, а от пьянственного питания воздерживайся, постись и молись по силе. Пьяниц в монастыре унимай вместе с келарем и со старцами. А у себя в келье бесед, пиров и собраний бездельных не устраивай. В трапезу ходи каждый день к обеду и ужину, сиди тихо, смиренно, без ропота и братию тому же учи: сидите, братия, с молитвой. Если келарь и старцы пошлют служебников или слугу на какое дело монастырское, то ты благослови без ропота, а келарю, казначею и старцам не перечь ни в чем» (*Серебрянский. Кн. 3. С. 263—264*). И хотя составители этого документа ссылались на авторитет старых книг и монастырского уложения, ничего подобного при преподобном Сергии и его учениках в монастыре не бывало. Наоборот, такие порядки относятся к вопиющим нарушениям общежительного устава.

Большую власть соборные старцы забрали также в псковском Снетогорском монастыре. Одним из монахов этой обители был замечательный русский подвижник преподобный Евфросин Псковский. Видимо, он хорошо прочувствовал на себе снетогорские порядки, поэтому когда он сам стал настоятелем, то не оставил и доли власти соборным старцам, все дела в его монастыре вершил игумен. Впоследствии, в XVII веке, общим правилом стало не выбирать игумена, а назначать его, что значительно упрочило положение настоятеля.

Бывали и примеры наоборот, когда игумены сами нарушали древний устав монастыря. Такие случаи тоже предусмотрены в монастырских уставах. Преподобный Герасим Болдинский писал в своем «Завещании», что нерадивых игуменов надо «с честью посылать в рядовую братскую келью». При этом святой особо предупреждал, что делать это надо без ярости и рукоприкладства, с любовью и кротостью. Святи-

тель Макарий в уставной грамоте в Свято-Духов монастырь поучал братию в том же духе: «Если игумен начнет нерадеть о своих обязанностях, братии отнюдь не молчать, а напомнить ему со смирением и любовью; а если не исправится, то донести архиепископу» (*АИ. Т. 1. № 292*). Но надо было иметь большое личное мужество, чтобы последовать этому совету.

В Кирилло-Белозерском монастыре после представления преподобного Кирилла и его учеников Иннокентия и Христофора надолго воцарилась смута, новые настоятели открыто нарушали заветы святого Кирилла. Среди братии нашлись старцы, которые не молчали, но возражали игумену. Случалось, что несогласные подвергались тяжким побоям. Однажды старец Досифей (Неведомицын) обличил настоятеля в том, что тот разоряет предание преподобного, за что настоятель сбросил его с трапезного помоста.

Некоторое время старец пролежал без сознания, а когда пришел в себя, сказал игумену: «Даже если ты захочешь и смерти меня предать, все равно не перестану говорить тебе об этом» (*ВМЧ. Сентябрь. Стб. 551*). После этого пришел другой игумен, который любил творить неподобные беседы во время церковной службы или в трапезе. Старцы Илия (Чапей), Игнатий (Бурмака) и другие указали ему на это. Настоятель бил старцев жезлом, но потом, устыдившись собственной жестокости, оставил монастырь.

Братия, хлебнувшая горя с пришлыми игуменами, решила выбрать настоятеля из постриженников Кириллова монастыря — монаха Серапиона, но выбранный игумен также не собирался соблюдать устав святого основателя обители. От великого князя Иоанна III он принял вклад — тридцать деревень и починков, от чего в свое время отказался преподобный Кирилл, заповедовавший монахам соблюдать нестяжание. Отчаявшись когда-либо увидеть порядок в своем монастыре, пятнадцать старцев покинули его в конце июля 1483 года. «Развращенное творим, и думаем, что добродетельно живем», — с горечью писал об этой ситуации преподобный Нил Сорский, который тоже ушел из Кириллова.

Старцы вернулись в свои кельи 21 марта 1484 года, когда удельный князь Михаил Андреевич выгнал из монастыря сребролюбивого Серапиона. Новым игуменом стал монах Гурий, по прозванию Тушин. Он отказался от княжеского вклада, а взамен попросил жалованье (ругу) хлебом. Гурий Тушин оставался игуменом меньше года. Видимо, он сам сложил с себя настоятельство, так как больше всего любил проводить тихую духовную жизнь, читать и переписывать книги. Однако за недолгое время своего игуменства монах Гурий сумел наладить жизнь в монастыре.

В Житии преподобного Трифона Печенгского есть рассказ о том, как один из игуменов Печенгского монастыря — по имени Иоанн — разорил собственную обитель из-за неумеренной страсти к властолюбию. Поехав однажды в Москву хлопотать о монастырских делах, он убедил святейшего патриарха Никона, что братия его обители мечтает быть приписной к Крестному монастырю, основанному Патриархом. Никон, поверив игумену Иоанну, поставил его настоятелем обеих обителей.

Получив новое назначение, Иоанн повел себя по отношению к своей прежней обители как обыкновенный вор. Явившись в Печенгский монастырь, он собрал все иконы в драгоценных окладах, дорогую церковную утварь и одежды, «денежную и ефимочную казну» — всю, без остатка, и отправил в Крестный монастырь. Правда, среди братии ходили разговоры, что большую часть монастырского имущества игумен присвоил себе. Помрачившись умом, настоятель даже хотел выкопать мощи преподобного Трифона и увезти их в Крестный монастырь. Но неведомая сила поразила его во время дерзких раскопок. Игумен был вынужден без мощей отправиться в Крестный монастырь. Здесь он через некоторое время впал в тяжелую болезнь. Чрево его «расселось», как у древнего еретика Ария, и настоятель скончался злой смертью (*РНБ. Сол. № 188 / 188. Л. 31 об. — 32*).

В идеале игумен являлся образцом монаха для братии. В монастырь приходили люди разных характеров, привычек и понятий. Настоятель должен

был учитывать все эти разнообразные особенности и направлять их во благо самого монаха и обители. «В действительности мне кажется искусством искусств и наукой наук руководить людьми, этими различными и разнообразными существами», — говорил святой Григорий Назианзин (*цит. по кн.: Смоллич. С. 371*). Самое сильное воздействие на монахов, несомненно, оказывал личный пример игумена. «Если многие живописцы будут списывать черты одного лица, то все изображения будут сходны между собою, потому что сходны с одним лицом. Так, если многие нравы будут устремлены к подражанию нравов одного, во всех равно будет сиять добрый образ жизни. Поэтому с избранием одного останутся в бездействии все частные произволения...» (*Василий Великий. С. 66*).

На первых порах, пока братия в обителях была многочисленной, иноки ежедневно исповедовали игумену (когда число братии увеличивалось, его заменяли духовники) свои помыслы. Игумен отвечал перед Богом за спасение души каждого монаха. «Настоятель, если даже и свое житие хорошо устроит, но не заботится о тех, кто под его рукою, вместе с лукавыми в геену отходит», — говорил святой Иоанн Златоуст (*ВМЧ. Сентябрь. Стб. 547—548*). Бремя ответственности игумена было очень тяжелым. Поэтому многие преподобные подолгу отказывались от настоятельства, считая себя недостойными. Так, преподобный Нил Сорский, по своему великому смирению, говорил о себе: «Какой разум у грешника? Только грехи».

По причине огромной ответственности настоятеля за братию и монастырь отношения в киновии в идеале должны были строиться на строгом послушании монахов игумену. Суздальский архиепископ Дионисий в своей уставной грамоте для псковского Снетогорского монастыря писал: «Послушание и покорение иметь к игумену во всем: если кто начнет говорить вопреки игумену и воздвигать свары, таковой да будет заключен в темницу, пока не покается; а непокорливаго монаха по первом, втором и третьем

наказании изгонять вон из монастыря и не отдавать ему ничего, что было им внесено в монастырь» (*Маркрий. Кн. 3. С. 138*).

В одном поучении неизвестного игумена XVII века сказано, что иноки не должны допускать в себе ни одной злой мысли об отце-игумене, а тем более произносить их вслух. Монахам, собирающимся вместе в келье, следовало соблюдать осторожность, чтобы беседа их была духовной, а не превращалась в злое обсуждение поступков игумена: «Вы же, братия моя, Богом соединенная, стадо Христово избранное, не мозите зла помыслить о своем игумене... пусть беседа ваша будет о посте, о молитве, о грехах и поклонах, о бесовских нападениях и о войне с ними, о печали и о терпении» (*РГБ. Тр. № 626. Л. 558 об. — 559*).

Согласно этому же поучению монах должен был все свои помыслы исповедовать игумену, не утаивая от него ничего. Если иннок чувствовал, что впадает в уныние, леность, ропот или другие греховные состояния, то немедленно вставал на молитву. Поклонившись перед иконами, он трижды читал Иисусову молитву, прибегая к заступничеству своего игумена: «Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй Пречистыя Твоя Матери молитвами и господина моего игумена молитвами» (*Там же. Л. 560*). После этого быстро шел к игумену на исповедь. Исповедавшись, монах творил земной поклон перед игуменом и говорил ему: «Господине, отче, помолися о своем чаде!» А игумен утешал и наставлял брата поучениями из творений святых отцов. Но без дела игумена беспокоить запрещалось.

Строгостью отличались отношения игумена и братии в Пельшемском монастыре. Основатель обители — преподобный Григорий имел крутой и непреклонный характер. Про него рассказывали, что он не убоялся даже печально известного князя Дмитрия Шемяку, не имевшего, по словам русских летописцев, ни закона, ни страха Божьего. Однажды мятежный князь осадил Вологду. Пока продолжалась осада, Шемяка немилосердно грабил окрестные селения. На дворе стояла лютая зима. Люди, выгнанные из

своих жилищ, погибали от голода и холода. Многие из них приходили в Пельшемский монастырь, надеясь здесь найти пристанище.

Видя такую беду православных людей, преподобный взял свой игуменский жезл и отправился к Шемяке. Не тратя времени на предисловия, преподобный Григорий сказал князю: «Не свои дела, князь, творишь, но поганские. Поганые (то есть некрещенные. — *Е. Р.*) народы такие дела творят, но они Бога не знают и закона Божьего, и Писания Божественного не чтут. А ты, князь, православной веры и свою Русь воюешь, а воинство твое православных христиан горькой смерти предает». Разъярившись на преподобного, Шемяка повелел его сбросить с помоста, на котором тот стоял. Долгое время преподобный Григорий лежал без чувств, потом встал, предрек Шемяке горький конец и пошел в свой монастырь (*РГБ. Унд. № 298. Л. 15—15 об.*)

Из этого житийного рассказа видно, что преподобный Григорий не боялся даже сильных мира сего, поэтому нет ничего удивительного в том, что в его монастыре никто не смел противоречить преподобному. Впрочем, нашелся один монах — Никодим. Сначала игумен увещевал его всякими духовными беседами, потом стал оставлять без благословения (реально это означало быть голодным весь день) и назначать ему епитимьи. Но брат не вразумлялся, тогда игумен изгнал его из обители. Преподобный Григорий завещал братии и после своего преставления не пускать Никодима в стены монастыря.

Выгнанный инок скитался по округе. Однажды он услышал, что игумен Григорий отошел ко Господу. Вскоре разнеслась молва о многочисленных исцелениях больных людей у его гроба. Тогда Никодима осенила одна мысль, от которой он потерял покой: его игумен был святым старцем, а он оскорбил преподобного своим непослушанием и дерзостью. Никодим поспешил в монастырь, но братия не впустили его. Не зная, что предпринять, монах отправился в Глушицкий монастырь к игумену Амфилохию, человеку духовному и рассудительному. Никодим покалял-

ся перед Амфилохием и попросил совета, тот благословил его идти в Пельшемский монастырь и просить у святого Григория прощения.

На этот раз иноки впустили Никодима в обитель, тот день и ночь молился у гроба преподобного, прося какого-нибудь знамения о своем прощении. Монахи, видя его раскаяние, тоже молились преподобному Григорию. От слез и переживаний Никодим даже заболел. И вот, в одну из ночей, новому игумену Александру, ученику преподобного Григория, явился сам преподобный и сказал: «Скажи брату Никодиму, пусть не скорбит и не докучает мне, я не имею обиды на него» (*РГБ. Тр. № 664. Л. 602 об.*). Игумен Александр рассказал обо всем братии, иноки поняли, что их брат прощен, и допустили его к причастию. Вскоре Никодим умер со спокойной душой. Этот житийный рассказ ярко характеризует психологию монастырской жизни: непослушание и оскорбление игумену — это непослушание Самому Христу.

Без благословения игумена не разрешалось покидать обитель или выполнять какую-либо работу, даже для себя: переписывать книги или делать выписки из них, вырезать ложки, плести корзины, писать иконы или заниматься каким-либо другим рукоделием. Истинное и совершенное послушание монахов своему настоятелю выражалось не только в том, чтобы «удерживаться от несообразного, но чтобы без его воли не делать даже и похвального» (*Василий Великий. С. 66*). Когда инок Глушицкого монастыря Пафнутий наловил много рыбы для братии, не спросив у игумена, и пришел к нему похвастаться своим уловом, тот приказал все выбросить собакам как «плод преслушания». На Пафнутия наложили епитимью, преподобный Дионисий простил его только после того, как сам инок покался, и вся братия просила за него (*РГБ. Троиц. № 603. Л. 31 об. — 32*).

Такие истории описаны во многих житиях. И всегда настоятели строго наказывали непослушных. Однажды в монастыре преподобного Корнилия Комельского хлебник испек хлеб без благословения игумена. Преподобный повелел выбросить хлеб за

ограду обители, чтобы никто из братии не вкусил «неблагословенного хлеба» (*РГБ. Троиц. № 676. Л. 518 об.*).

Если кто-либо из родственников и знакомых навещал инока в его монастыре, то без благословения игумена он не мог с ними беседовать, а тем более приглашать в свою келью (*Устав Корнилия Комельского. С. 680*). Также, если инок получал письмо, то нес его настоятелю, не распечатав; прежде чем принять от кого-нибудь подарок или посылку, он показывал их игумену, и если хотел отправить письмо, то поступал так же.

Но обладая такой полнотой власти, игумен тем не менее должен был оставаться в равном положении с братией. Преподобный Евфросин Псковский перед смертью так наставлял иноков своего монастыря: «В игумена изберите себе человека благоразумного, духовного и “богородного”, который бы желал служить единственно Богу и святой Церкви, а не заботился иметь что-либо лишнее против братии, ни риз более светлых и мягких, ни пищи более вкусной» (*Серебрянский. Т. 4. С. 513*). Правило общежительных монастырей — не иметь ничего в своей келье — распространялось и на игумена. Одежду настоятель получал у келаря, отдельной трапезы не имел, а питался вместе с монахами. Когда в монастырь приезжали гости, то игумен не должен был угощать их в своей келье и хранить в ней «яства и пития» для гостей.

Это правило строго соблюдали первые «начальники» монастырей. Но преподобный Арсений Коневский (подвизался на острове Коневце в Ладожском озере) одно время угощал благодетелей монастыря и «честных мирян» у себя в келье. Однажды некий духовный старец услышал разговор двух бесов. Один из них говорил, что в жизни Арсения его утешает только то, что он держит в своей келье пищу (*БАН. Археограф. № 3. Л. 18 об. — 19*). После этого преподобный Арсений повелел келарю ставить для всех одну трапезу. Строго-настрога он повторил этот наказ в своем завещании (*Там же. Л. 27—29 об.*).

Из житий святых начальников монастырей известно, что они всегда избирали себе самые худые ризы — те, которые никто из братии не хотел носить.

Однажды к преподобному Корнилию Комельскому подошел убогий инок Закхей, носивший по бедности вязанную из лыка мантию (видимо, на первых порах полного равенства не удавалось достичь и в общежительных монастырях), и попросил игумена, чтобы ему выдали другую, лучшую. Преподобный Корнилий снял с себя мантию и отдал Закхею, а сам стал носить из лыка.

Как-то раз в Троице-Сергиев монастырь на богомолье приехал великий князь Василий III. Игуменом обители был тогда преподобный Арсений Комельский. Увидев игумена в «странном образе» — одетого в худые и залатанные ризы, Василий Иоаннович, по-видавший на своем веку многих преподобных, не выдержал и спросил у братии: «Что это у вас игумен ваш так ходит?» Братия же ответила: «Наставник наш — раб Божий и по Богу живет» (*РГБ. Волог. № 65. Л. 26—26 об.*)

Особая скромность, свойственная только святым, отличала преподобного Даниила Переяславского. Он был в большой чести у великого князя Василия III и крестил двух его сыновей: Иоанна — будущего царя Иоанна Грозного и Георгия. О том, что игумен поехал в Москву крестить княжеского сына, знала вся округа. Поэтому, когда преподобный возвратился, в монастырь пришли люди, чтобы посмотреть на царского кума. Каково же было их удивление, когда они увидели его в хлеву. Преподобный своими руками, «мотыкой» (заступом) и «лыскарем» (лопатой) чистил грязь, которую работники за все время его отсутствия не удосужились убрать. Причем делал это святой беззлобно, не укоряя нерадивых трудников (*Смирнов. С. 56*).

В другой раз, когда преподобный вернулся после долгого отсутствия, ему пришлось чистить монашеские туалеты («нужная места утробных потребности»), к которым другие не хотели прикасаться. Пожалуй, про любого преподобного можно рассказать подобную историю. И не потому, что таков был агиографический канон. А потому, что, стремясь уподобиться Христу, святые основатели монастырей становились

похожими друг на друга, но не чертами характера (каждый из них был яркой индивидуальностью), а своим отношением к жизни и людям. Каким же контрастом смотрится это смирение по сравнению с жизнью их отдаленных во времени преемников.

Заботясь о благополучии своего монастыря, игумен иногда выезжал в Москву, чтобы подать челобитные или по другим важным делам. Когда игумен уезжал из монастыря, вся братия провожала его за ворота с квасом (так было в Антониево-Сийском монастыре). Игумен угощал иноков, подавая каждому по ковшу кваса. Затем все вместе молились перед дорогой — читали молитву «Достойно есть» и прощались: игумен просил прощения у братии, а те — у него. Благословив иноков, игумен отправлялся в путь. Братия, вернувшись в обитель, служили молебен о здравии путешествующего настоятеля. В этот день на трапезе монахам полагалось угощение (корм), чтобы дорога у игумена оказалась доброй и благополучной.

Когда игумен возвращался, в монастыре благовестили в колокол, а вся братия, выйдя за ворота, встречала своего отца-настоятеля. Выйдя из возка подальше от Святых врат, настоятель благословлял иноков, все вместе читали молитву «Достойно есть» и, не разговаривая у ворот, шли в храм. Здесь опять читали молитву «Достойно есть» и прикладывались к иконам. Священник выносил игумену из алтаря епитрахиль, а диакон — крест на блюде. Возложив на себя епитрахиль, настоятель благословлял братию крестом. А затем, отдав епитрахиль и крест, рассказывал о своей поездке: передавал от великого князя поклон и пожелания здравия, благословение от епископа и челобитие (просьбу) о молитве от бояр, перечисляя, кто что пожертвовал в монастырь. На трапезе в этот день братию ждало великое утешение (большое угощение) (*Устав Сийского монастыря. Конец XVI—XVII вв. // Горский. С. 407—408*).

Игумен принимал в монастырь новых иноков. Для этого требовались большое духовное рассуждение и опыт, ведь последствия могли быть самыми губительными: один волк мог расхитить все стадо. Не слу-

чайно Московский митрополит святитель Фотий предупреждал преподобного Павла Обнорского в своем письме: «Будь внимателен к тому, кого и откуда принимаешь к себе». И преподобный Евфросин Псковский советовал своим преемникам быть осторожными: «Игумен должен смотреть, какого человека принимать в обитель: принимайте смиренного, кроткого, тихого и терпеливого, и то не вдруг, а после трех лет искуса или более; такой человек дороже серебра и золота». Однако все предусмотреть было невозможно, и в монастырях оказывались такие «неискусные иноки», которые «шли в обитель часто только по увлечению или избегая земского труда, и потому вскоре разочаровывались в своем поступке, встретившись лицом к лицу с суровой трудовой монастырской жизнью» (*Яхонтов. С. 285*).

Был некий боярин в Великом Новгороде, по имени Василий. Он отличался буйством природы и вел несуразное житие. Однако захотел покаяться в грехах своей жизни и принял постриг в Соловецком монастыре. Некоторое время он подвизался вместе с братьей, но вскоре его натура не выдержала монастырских строгостей, и он решил бежать. Выбрав время, когда все иноки спали, Василий украл карбас, погрузил туда монастырские книги, платье и другое имущество и пустился в плавание.

Ветром его прибило к Анзерскому острову. Утомленный своими ночными подвигами, он захотел спать и причалил к берегу. Во сне ему явились два старца. «Как, окаянный, ты обокрал меня?» — гневно спросил один из них. «Я созидаю, а ты разоряешь», — продолжал он. «Отче, прости!» — стал во сне каяться Василий. «Прощение получишь, — ответил старец, — но сидеть тебе у меня на этом месте три дня и плакать» (*Минеева. С. 64—65*). Когда Василий проснулся, на берегу не оказалось ни старцев, ни лодки, ему пришлось просидеть на берегу три дня, пока купцы, ехавшие с Двины, не подобрали его и не привезли в монастырь. А карбас со всем снаряжением пристал за 500 верст от Соловков, на реке Умбе, как раз там, где монастырские старцы ловили рыбу.

К непослушным инокам игумен применял разные воспитательные меры: увещевал, исправлял духовным советом, иногда дело доходило даже до рукоприкладства. Так, святой Савва, игумен тверского Саввина монастыря, становился обыкновенно в дверях церкви с жезлом в руках. Если кто из монахов опаздывал на службу или уходил раньше отпуска, разговаривал или переходил с места на место, то он запрещал (делал замечание). А тех, кто прекословил или бесчинствовал, игумен Савва бил жезлом, а иногда посылал в затвор. Естественно, что не всем нравилось такое воспитание, и игумену приходилось иногда сталкиваться с открытой неприязнью к себе.

Однажды преподобный Савва, заглянув в окно кельи своего монаха, увидел, что тот творит нечто неподобное, и хотел вразумить его. Но монах, обнаружив непрошеного гостя, схватил его двумя руками за бороду и всю состриг, оставив лишь ее малую часть, а потом бежал. Братия поймала дерзкого инока и привела к Савве. Поставив виновного перед преподобным, монахи спросили своего настоятеля: «Как повелишь отомстить ему?» Он же ответил: «Я и жезлом бью, и под замок сажаю за нарушения монастырского устава и обиды, наносимые инокам, но за свою обиду не подобает мстить» (*ВМЧ. Сентябрь. Стб. 553*). Согрешивший монах раскаялся в преступлении и до конца жизни прожил в монастыре у преподобного Саввы в полном послушании. Больше пятидесяти лет святой Савва оставался игуменом. По словам преподобного Иосифа Волоцкого, он был жесток тогда, когда надо, и милостив, когда следовало (*Там же*).

Вообще, несмотря на богатый опыт, накопленный монашеством за свою длительную историю, каждый игумен сам решал, как ему относиться к нарушителям монастырского благочиния. Одни просто выгоняли из монастыря после серьезных проступков, другие до последнего не оставляли надежды исправить согрешающего. Преподобный Иосиф Волоцкий до конца боролся за душу согрешающего монаха. Он говорил: «Если он досаждаёт или что-нибудь резкое говорит, но ты не оставляй врачевания: если

он тебе сегодня враг, то наутро друг будет; если же и наутро врагом будет, но Бог другом тебе будет» (*ВМЧ. Сентябрь. Стб. 509*). Правда, иногда монахи, не выдержав суровой жизни в монастыре преподобного, сами покидали его. Уходя, они всячески бранили преподобного Иосифа и говорили: «Жестоко слово его. Кто может его послушать?» (*Там же. Стб. 468*).

Преподобный Нил Сорский был строг к самочинникам, но он не надеялся на долгие исправления и выгонял из скита. «К ним не приходил я, желая начальствовать, — говорил преподобный, — но они сами вынудили меня на это. Если находящиеся у нас не хотят слушать слов моих, которые говорю им от святых писаний, я за их самочиние отвечать не хочу, и нет в том моей вины». Объяснить эту разницу в подходах двух настоятелей можно тем, что перед ними стояли разные задачи. Преподобный Иосиф был настоятелем общежительного монастыря; в житиях древних святых отцов про таких игуменов говорили, что они детям наставники, потому что под их началом находились разные монахи, часто неопытные или юные, новоначальные. Преподобный Нил был игуменом скита, то есть наставником уже опытных подвижников, примерно равных ему по опыту. Поэтому не было необходимости долго объяснять им, как надо жить в монастыре.

Какие наказания существовали в монастыре и за что наказывали? Четко определены были наказания в обители преподобного Иосифа. Каждый из монахов знал, сколько поклонов и дней сухоядения он получит в случае своего злонамеренного проступка. Если кто из иноков без благословения настоятеля или келаря брал какую-либо вещь и не покаялся, а был обличен другими монахами, то приравнивался к ворам и наказывался на пять дней сухоядением (хлеб и вода). Под подобное же «запрещение» (наказание) подпадал монах, знавший о преступлении своего собрата, но не донесший об этом настоятелю. Когда же это повторялось не один раз, то такой монах наказывался темницей и оковами. В крайнем случае изгоняли из обители. Если в монастыре несколько раз заме-

чали, что кто-то из иноков отлучается из обители и возвращается пьяным, или находили у него в келье «пьянственное питие», то такого монаха в оковах сажали в темницу или изгоняли прочь (*ВМЧ. Сентябрь. Стб. 613—614*).

Преподобный Кирилл Белозерский основывался в своей игуменской деятельности на «Правилах святых отцов», выписки из которых находятся в одной из его рукописей. Согласно правилам, за непосещение службы без причины монах наказывался сухоядением на шесть дней, кроме того он должен был совершать по тридцать земных поклонов в течение этих дней. За смех и разговоры во время службы инок получал наказание в двенадцать дней поста и сто ежедневных поклонов. За ложь монах наказывался неделей сухоядения и шестьюдесятью земными поклонами.

За клевету полагалась епитимья в сорок дней сухоядения и восемьдесят ежедневных поклонов, за злопамятство — две недели сухоядения и сто поклонов на день. Существовало даже наказание за ропот на плохую погоду, оно расценивалось как хула на творение Божие: «Похуливше что-любо: дождь, или снег, тварь Божию, — да имат епитимию: 3 дний сухо да ясть, поклона 25» (*Прохоров. С. 29*). Однако в Житии преподобного Кирилла Белозерского нет ни одного упоминания о том, чтобы преподобный применял какие-либо наказания по отношению к братии.

Преподобный Евфросин Псковский, который любил строгость в монастырской жизни, изгонял из своего монастыря только в нескольких случаях — если кто укорял другого брата, что тот беден и не принес в монастырь никакого вклада, или если кто воздвигал свары против игумена. Такого монаха сначала запирали в темницу, пока не покается. А если монах не смирялся, его после первого, второго и третьего наказания изгоняли из монастыря (*Серебрянский. Т. 4. С. 523*). Однако митрополит Фотий расценивал изгнание из монастыря как слишком суровое наказание даже тогда, когда монах намеренно уклонялся от исповеди или от святого причастия, и

предупреждал в своем послании снетогорского игумена от применения таких мер.

Никакой монастырский устав и дисциплинарные строгости не могли удержать порядок в монастыре, если его не удерживал игумен силой своей личности. В 90-е годы XVI века в Кирилло-Белозерский монастырь прибыл старец Александр, бывший настоятель подворья Кириллова монастыря в Москве. Прихватив с подворья казну и никому не отчитываясь, он стал строить пустынь за стенами обители. В своей пустыни он проводил большую часть времени, из монастырского казнохранилища, погребов и из сушила брал себе всякие запасы, с мельниц вывозил муку и солод, из монастырских сел — хлеб и все это свозил в пустынь. Кроме того, он вел даже свою собственную торговлю солью: «Лодки у него с солью ходили опрочь монастырских» (*Никольский. Общинная и келейная жизнь. 1908. Т. 6. С. 884—885*).

Старец Александр имел слуг и лошадей, причем ездил всегда с оружием: «саадаками и саблями, и ручницами» (кандалами). Бывая иногда в Кириллове монастыре, он жил не по чину монастырскому: не ходил в церковь, пил хмельные напитки у погреба со своими людьми. Среди братии старец Александр имел немало сторонников, поэтому он приобрел в монастыре такую власть, что не стеснялся обзывать («лаять») бранными словами игумена и соборных старцев, некоторых из них — старцев Христофора, Кассиана, Геронтия, Иова, Мисаила и Геласия выгнал из обители и отправил «к морю», видимо на монастырские службы на морском побережье. Непокорную братию он колол «остном», бил плетями, некоторых сажал на цепь и в «железа». Остальных иноков все время запугивал: «грозит хочет в цепь и железа сажати на смерть», а также угрожал оговорить старцев и братию перед государем. От этих бесчинств старца Александра братия Кириллова монастыря стала разбегаться («бегут розно»), о чем соборные старцы и игумен, который не мог навести порядок в своем монастыре, доносили царю Иоанну Васильевичу Грозному (под челобитной подписалось 47 человек).

Подобные неуправляемые ситуации часто случались в монастырях, если игумен не обладал достаточной волей и духовным авторитетом. Удержать порядок в обители, в которой собиралось множество людей различных характеров, воспитания и социального положения в прошлом, было непросто, но и недостаточно. Игумен отвечал перед Богом за спасение души каждого монаха, а заставить спасаться только дисциплинарными правилами невозможно. В идеале настоятель должен был обладать такой силой духовного воздействия, чтобы братия старалась достичь его меры духовного совершенства, самим видом своим он должен был напоминать Спасителя. Состояние человека, которому посчастливилось на земле встретить преподобного, похожего на Христа, великолепно передано в Житии преподобного Мартиниана Белозерского. Преподобный Мартиниан был родом из вологодского села Сяма. Будучи еще отроком он пришел в Кириллов монастырь. Когда он подошел под благословение к преподобному Кириллу, то, увидев его, упал на колени со словами: «Отче, возьми меня к себе». Отныне его душа хотела только одного — быть рядом с преподобным.

Преподобный Кирилл обладал особым даром духовного исправления. Достаточно было одного его слова, чтобы изменить дурное намерение инока. Некий брат, по имени Феодор, жил далеко от Кирилло-Белозерского монастыря, но много слышал о святом Кирилле. Он пришел в обитель и упросил святого принять его. Некоторое время Феодор трудился вместе с братией, а потом вдруг возненавидел игумена. И насколько прежде он почитал святого Кирилла, настолько же теперь стал его ненавидеть, так что не мог ни видеть, ни слышать его. В своей ненависти он покаялся старцу Игнатию. Тот выслушал его и посоветовал терпеть и не уходить из обители. Прошел год, а ненависть продолжала мучить Феодора. Тогда он пошел к преподобному, чтобы исповедовать свой грех. Но когда он пришел в келью святого, то устыдился его святых седин и хотел уйти, не сказав, зачем приходил.

Прозорливый старец удержал брата и сам стал рассказывать ему, с какими мыслями тот к нему шел. Феодор, «исполнившись срама и стыда», просил прощения у игумена. Святой Кирилл, утешая его, сказал: «Не огорчайся, брат Феодор! Ведь все ошиблись во мне, один лишь ты был прав и понял, что я грешник. Ибо кто же я такой, как не грешный человек и непотребный?» (*Прохоров. С. 95*). Брат еще больше стал сокрушаться, что напрасно ненавидел его. Преподобный Кирилл, видя его истинное покаяние, отпустил его и сказал: «Иди, брат, с миром в свою келью. Больше не придет на тебя такая напасть». С той поры Феодор обрел великую веру в святого. Соблюдая все монашеские заповеди, он подвизался в обители преподобного до конца своих дней.

Несмотря на то, что устав каждого монастыря требовал от монахов послушания своему настоятелю, отношения каждого конкретного игумена с монахами своей обители могли складываться по-разному. В Саввино-Сторожевском монастыре случилось так, что иноки написали великому князю Иоанну Васильевичу ложный донос на своего игумена — старца Дионисия. Государь повелел настоятелю и монахам явиться к нему лично. Всю ночь накануне игумен не спал, скорбя о поступке братии и страшась незаслуженного наказания.

На какое-то время он забылся в тонком сне, и ему явился сам основатель обители — преподобный Савва Сторожевский. Святой ободрил игумена: «Что скорбишь, брат? Иди скорей и отвечай с дерзновением, нисколько не сомневаясь. Господь будет с тобой, помогая тебе». В ту же ночь зачинщики смуты тоже видели во сне грозного игумена Савву, который сказал им: «Для того ли вы оставили мир, чтобы в роптании совершить подвиг вашего монашества? Вы ропщете, а игумен о вас со слезами молится. Что одолеет: ваше ли роптание или отца вашего молитва? Знайте и то, дети, что в сердцах ропщущих нет ни смирения, ни благословения Божьего» (*ВМЧ. Декабрь. Дни 1—5. Стб. 76*). Когда игумен с братией пришли на государев суд, то монахи были так расте-

ряны, что не смогли ничего сказать, а настоятель Дионисий был оправдан и с честью вернулся в монастырь.

Особенная любовь к братии и постоянная забота о спасении души каждого инока отличала преподобного Евфросина Псковского. Однажды в монастырь преподобного пришел инок Конон. Он захотел остаться в монастыре и предложил святому Евфросину свое серебро в качестве вклада. Но преподобный не принимал вкладов, потому что впоследствии вкладчики начинали считать себя свободными от всяких монастырских обязанностей: не ходили в церковь, на послушания, говоря: «Я свое ем и пью». Также и в этот раз преподобный Евфросин не хотел принимать вклад, но Конон настаивал. Тогда преподобный сказал ему: «Брат, если хочешь дать нам серебро от своей милости ради Бога, то иди в церковь и положи его перед алтарем. Раз Богу принес, Ему и дай, а не нам» (*ПДПИ. Т. 173. С. 49*).

Конон так и сделал, но преподобный, проницательно заметя неустойчивость характера нового инока, повелел эконому деньги не тратить и сохранить это серебро все до копейки. Давая вклад в монастырь, Конон, видимо, надеялся на какой-то почет или особые условия своего пребывания в обители. Но у преподобного Евфросина все иноки были равны, и вскоре Конон возненавидел преподобного. В один из дней он подошел к нему и сказал: «Отныне, отче, не заботься обо мне, потому что больше не хочу жить у тебя. Отдай мое серебро, и пойду, куда сам захочу».

Преподобному не нужно было серебро инока, и он сразу же отдал бы его, но понимал, что Конон погубит себя. И потому отказал ему: «Ты же знаешь, брат, что ты Богу отдал, у Него проси и возьми серебро свое. Меня же не беспокой, потому что я никогда не брал твое серебро у тебя» (*Там же. С. 50*). Конон изменился в лице и, задохнувшись от ярости, ничего не сказал. Молча он ушел в свою келью, но отныне все его мысли были заняты только одним — как бы отомстить преподобному.

Однажды святой пошел во «внутреннюю пустыню» (уединенное место за несколько поприщ от монастыря), где имел обыкновение молиться. Заметив это, Конон решил, что наступил его час. Спрятав топор под мантию, он быстро пошел за святым. Догнав его в лесу, он преградил ему дорогу. Схватив за котыгу (свитку), он занес топор над головой преподобного Евфросина. Но поскольку все в нем kloкотало от ярости и гнева, он решил поглумиться над преподобным: «Эта голова твоя, монах-лихоимец, сейчас за просто отнята будет, и душу твою извлеку из тебя, а место это станет твоим гробом. Скажи ты мне, окаянный, отдашь ли мое серебро?»

Преподобный попытался успокоить разгневанного монаха: «Укротись, брат, Бога ради, оставь ярость и гнев. Цело твое серебро лежит, с тех пор, как отдал его нам, и скоро возвращу его в твои руки. Помнишь ли, что сразу, видя тебя, не хотел я брать серебра твоего? Более того, не говорил ли я тебе: если хочешь, оставайся здесь без серебра, терпя с нами (трудности монашеского жития. — *Е. Р.*), Бога ради? Пойдем сейчас вместе в монастырь с любовью, но будь осторожен, чтобы из братии никто не узнал о крамоле, бывшей между нами в этой пустыни» (*Там же. С. 51—52*).

Вернувшись в монастырь, святой сразу, даже не заходя в свою келью, позвал эконома и велел отдать деньги Конону. Тот, поклонившись святому, покинул обитель. Некоторое время он жил в другом монастыре, но здесь его посетил тяжкий недуг: он ослеп. И тогда Конон понял, что болезнь эта — наказание за тяжкое оскорбление, нанесенное святому. Он вернулся в монастырь преподобного и, припав к ногам Евфросина, раскаялся в содеянном и пообещал отныне безысходно жить в его обители в полном послушании.

Преподобный Евфросин с радостью принял его и сказал: «Бог да простит тебя, брат. С этого дня оставайся с нами смиренными, как и сам хочешь, потому что я всегда хотел спасения для твоей души». Преподобный достиг главного: дав человеку увидеть меру его падения, он отвратил его от погибельного пути.

Так тихо и разумно, хотя и с риском для жизни, святой разрешил этот конфликт. По словам биографа святого, он и на других, буйных сердцем людей, оказывал умиротворяющее воздействие одним своим внешним видом: «Мысль их сокрушалась и буйство сердца таяло, как воск».

Остальная же братия монастыря очень любила своего настоятеля и слушалась его беспрекословно. Однажды преподобный заблудился «во внутренней пустыни» и сутки не мог найти дорогу в обитель. День близился к концу, а святой все не возвращался. Все иноки после вечерни разошлись по лесу в поисках преподобного. Вернулись уже за полночь, но так и не нашли его. После заутрени они опять искали своего настоятеля. Когда к вечеру преподобный вернулся в обитель, он увидел, что все монахи собрались вместе и озабоченно обсуждали, что предпринять. Настоятеля встретили упреками: «Почему, отче, многую печаль сотворил нам вчера днем и сегодня ночью?» (*ЛДПИ. Т. 173. С. 306*). Но Евфросин не обиделся на эти вопросы, потому что в словах своих монахов он услышал пережитую тревогу и искреннее беспокойство, сменившееся настоящей радостью.

Преподобному Диодору Юрьегорскому меньше повезло с братией. Это был подвижник чрезвычайно трудной судьбы. Гонения и тяжкие оскорбления сопровождали его в течение всей жизни. Когда святой жил в Соловецком монастыре у старца Иосифа, тот поведал ему о своих духовных чадах — Василии Кенозерце и других иноках, которые жили в глубине острова, никому не известные, и подвизались здесь как отшельники. Этот рассказ сильно поразил будущего преподобного, и он отправился на их поиски. После долгих блужданий по острову Диодору удалось отыскать некоторых подвижников, и с тех пор он стал проводить с ними много времени в духовных беседах.

Однажды, подражая их подвигам, он сорок дней бродил по острову без еды и питья. Монастырская братия нашла его умирающего в лесу под деревом. На носилках Диодора принесли в монастырь и заста-

вили съесть хлеба с солью и выпить квасу, после чего он пришел в себя. Некоторое время преподобный Диодор тайно продолжал ходить к пустынноикам и носить им пищу из монастыря. Но когда братия узнала об этом, началась настоящая война против Диодора, и он был вынужден покинуть обитель. Переправившись на карбасе на материк, он поселился у Кенозера. Однако местные жители, которые били здесь зверя и ловили рыбу, стали гнать преподобного. Они сожгли его карбас и келью. Самого избили до полусмерти, сказав напоследок: «Если не уйдешь отсюда, уьем тебя» (*Житие преподобного Диодора. С. 777*).

Изгнанный старец ушел на реку Онегу и здесь случайно повстречал ярославского купца Надею Светешникова. Купец заставил его рассказать о своих злоключениях, после чего пошел к кенозерскому судье и пригрозил, что сообщит обо всем государю. Местные жители испугались и стали просить преподобного вернуться, тот поселился на Юрьевой горе близ озера Водлю. Когда-то здесь была деревня, но она запустела из-за «хлебной скудости». Через некоторое время к преподобному собралась братия и при помощи московских благотворителей был устроен монастырь.

Место было скудное, и братия часто голодала и роптала на святого. Но всякий раз, с большим трудом, удавалось накормить монахов и погасить конфликт. Однако преподобного ждали еще более тяжелые испытания. Как-то (около 1630—1633 годов) в его монастырь святейший патриарх Филарет прислал в ссылку опального старца по имени Феодосий. По каким-то причинам тот невзлюбил святого Диодора и однажды, выбрав удобный момент, сказал ему: «Пойдем в пустынь!» Преподобный, ничего не подозревая, отправился с ним. В лесу Феодосий сбил его с ног, стал избивать, а потом душить. Решив, что преподобный умер, он затащил его под дерево и вернулся в монастырь. Придя в себя через некоторое время, святой Диодор с большим трудом дошел до своей кельи. Увидев его в монастыре живым, Феодосий испугался и, упав ему в ноги, стал просить прощения, умо-

ля никому не рассказывать. Преподобный обещал, сказав ему: «То дело бесовское, а не твое» (*Там же. С. 791—792*).

Прошло немного времени, но Феодосий не успокоился. Теперь он стал смущать новопостриженных иноков и подбивать их уйти из монастыря. Однажды братия работали в лесу, рубили лес. Феодосий вырезал на бревне изображение лица преподобного Диодора и стал бить бревно шелыгами, издеваясь над преподобным. К тому же он склонил остальных монахов, бывших с ним в лесу. Насмеявшись над преподобным, они пришли в монастырь, забрали казну и все, что могли унести, и сбежали. Обитель покинуло тогда семнадцать человек. Старец Диодор не расстроился о пропаже казны, не стал преследовать их, он только обрадовался, что Феодосий оставил монастырь и более не будет соблазнять братию. Но на этом скорби святого Диодора не закончились. Автор его Жития глухо упоминает и о других «ненаказанных людях», которые делали многие пакости святому, но он никогда не мстил им.

Такой мученической была порой жизнь настоятелей монастырей. Подобные эпизоды — подтверждение того, что уставы пишутся на бумаге, а реальная жизнь оказывается намного сложнее. Порой в ней случается такое, чего не придумать никакому писателю. Составителей житий часто упрекают в выдумывании фантастических историй. Однако подобные факты убеждают в том, что агиографы были «реалистами» (*Некрасов. С. 48*) как в описании чуда, так и в изображении бытовой повседневной жизни.

НОВОНАЧАЛЬНЫЕ

Наступало время, когда человек оставлял мир и приходил в монастырь. У каждого был свой путь и свои обстоятельства. В монастырь приходили люди разных сословий, бедные и богатые, книжные и неграмотные. Монастырь должен был научить человека, как правильно спасти свою бессмертную душу. Отречение от мира становилось «началом уподобления Христу» (*Василий Великий. С. 103*). Видимым и невидимым образом стены обители служили оградой и защитой от сетей злокозненного мира.

Преподобный Александр Ошевенский был вымоленным, а потому любимым ребенком у своих родителей Никифора и Фотинии. До пострига его звали Алексием. Когда Алексею исполнилось 19 лет, родители решили сочетать его законным браком и уже подыскивали невесту. Алексей очень любил отца и мать, но чувствовал в своей душе пока еще неясное желание иной судьбы. Он попросил отпустить его вместе с односельчанами на богомолье в Кирилло-Белозерский монастырь, находившийся не так далеко от его родного села. Приближался день памяти преподобного Кирилла — 9 июня. Для всей округи это был большой праздник, и родители согласились.

Но мать, словно предчувствуя, что сын навсегда покидает родительский дом, долго обнимала и целовала его. Наконец, наказав скорее возвращаться, она отпустила сына с миром. Отойдя от дома, будущий преподобный последний раз оглянулся на него и сказал: «Господи, имени ради твоего я оставил дом свой. Так не затвори от меня дверей Царствия Твоего» (*ГИМ. Син. № 413. Л. 32—32 об.*).

Дорога к монастырю пролегла по холмистой местности, и уже издалека Алексей увидел храм Успения Пресвятой Богородицы. Не входя в обитель, он опустился на колени и долго молился Всемиловитому Спасу и Богородице так: «Благодарю Тя, Господи мой, что не отринул (не оттолкнул. — *Е. Р.*) меня, грешного и недостойного раба Твоего, и сподобил видеть дом Пречистой Твоей Матери. Сподоби меня жить или служить в нем и причисли меня избранному Твоему Стаду». В монастыре Алексей и его спутники нашли игумена Кассиана, благословились у него и пошли поклониться раке преподобного Кирилла Белозерского, которая находилась у южной стены Успенского собора. Здесь богомольцы отслужили молебен чудотворцу Кириллу, а потом вместе с братией монастыря и многочисленными паломниками встретили светлый день его памяти.

После праздничной трапезы, за которой угощали всех богомольцев, знакомые Алексея покинули монастырь, а он остался, отправив с ними письмо отцу и матери: «Господие мои родители, не прогневайтесь на мя. Да зде пребуду, служба во обители сей неколико время. И паки к вам возвращуся, угодная вам творя. Весте (знайте. — *Е. Р.*) же, яко николиже ослушахся вас, ни вопреки глаголах. Мнози бо зде служаще от бояр и от велмож, и от простых людей, Бога ради труждающесе. И аще укоснит ми ся (и если промедлю. — *Е. Р.*), не прогневайтесь и, о Господе, здравствуйте» (*Там же. Л. 34*). Когда Никифор и его жена получили письмо, они заплакали по сыну, как по мертвому. Никифор, не зная, что ему предпринять, ругал сына досадными словами, а Фотиния причитала «от жалости сердца».

Тем временем Алексей, выбрав удобный момент, пришел к игумену Кассиану и рассказал ему о себе. Прозорливый игумен, видя смирение и душевную чистоту юноши, спросил его: «Хочешь ли, чадо, иноком быть и Господу работать?» Алексей ответил: «Да, отче, воистину желаю, но пока еще юн и боюсь козней общего нашего врага, поколебавшего много святых. И если повелит твоя святыня, то послужу здесь три года на святую братию и испытаю свою юность. И Господь примет мои худые труды и на лучшее позовет» (*ГИМ. Син. № 413. Л. 45 об.*). Игумен, услышав такой ответ, понял, что юноша не просторечив, а знает божественные писания. Он спросил Алексея: «Учился ли ты, чадо, святым книгам?» По своему смирению тот ответил: «Мало, отче, немного в детстве научился, а потом пребывал в небрежении». Игумен же сказал: «И это тебе, чадо, будет на великий успех к твоему спасению». Он повелел выдать Алексею одежду, обувь и все необходимое и послал его к монастырскому дьяку, чтобы тот обучил нового послушника божественным писаниям и правилам монашеской жизни.

Монастырские дьяки, будучи грамотными, книжными людьми, обычно вели канцелярские дела монастыря: составляли описи имущества, писали грамоты, памяти, выписки и другие документы. Кроме того, они же иногда обучали новоначальных иноков грамоте. Видимо, когда игумен особо выделял какого-нибудь послушника и хотел получше подготовить его к монашеству, то отдавал его в научение дьяку. Такая традиция существовала в Кирилло-Белозерском монастыре, и основание ей положил сам преподобный Кирилл. Однажды к нему в монастырь пришел из вологодского селения Сяма отрок Михаил, будущий преподобный Мартиниан Белозерский. Святой Кирилл призвал к себе дьяка Олешу Павлова и сказал: «Друг, сделай божеское дело: выучи мне этого мальчика, которого ты видишь, грамоте. И вот еще что говорю тебе перед Богом: сохрани его, как зеницу ока, во всяческой чистоте». И тот, приняв отрока, по благословиению святого, начал усердно с ним за-

ниматься (*Прохоров. С. 237*). И пока новоначальные учились, игумен наблюдал за ними, стараясь понять, к чему те способны.

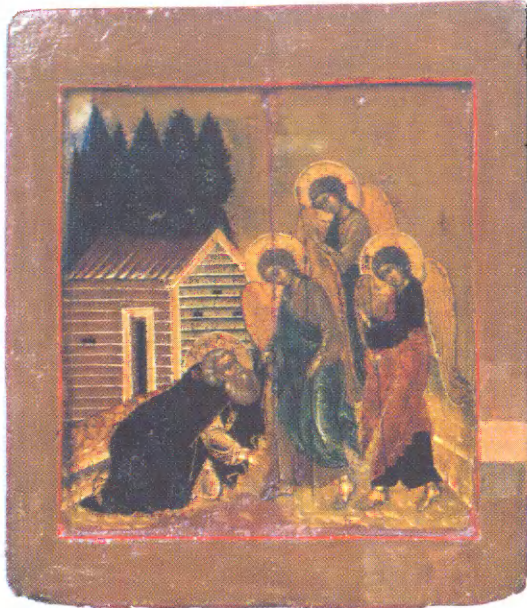
Однако не все послушники жили у дьяков. Остальные пребывали, видимо, в кельях, специально отведенных для монастырских работников. Обычно искус послушания продолжался три года. И в это время будущие иноки больше походили на трудников: они трудились на монастырь в хлебнях, поварнях и на других тяжелых работах, испытывая себя в добродетелях терпения и послушания. Труд и послушание — это все, чем, по мнению старцев, должен быть занят новоначальный. Поскольку послушники считались еще мирскими людьми, они, по-видимому, не допускались в монашеские кельи. О таком порядке свидетельствуют жития святых. На Соловках новоначальные жили в общих или отдельных кельях. Иоанн — трудник Соловецкого монастыря — работал в кузнице и жил в отдельной келье. Потом он заболел и его перевели в «среднюю дружину», трудники жили все вместе в общей келье. Причем юные, еще безбородые послушники, по уставу, должны были жить за пределами обители, а в зимнее время их вывозили на материк трудиться на монастырских подворьях.

Преподобный Диодор Юрьегорский (в миру Диомид) пришел в Соловецкий монастырь в возрасте пятнадцати лет помолиться. В монастыре ему понравилось, и он решил остаться. Три года он трудился в келарской и прочих службах. В Житии не говорится, где он жил: в монастыре или вне его, но ясно, что не в монашеской келье. Когда Диомиду пошел девятнадцатый год, он пришел к игумену Антонию и со слезами попросил постричь его. Игумен облек юношу в иноческий образ с именем Дамиан. И только тогда благословил жить с искусным и совершенным старцем — иеромонахом Иосифом Новгородцем.

Правда, как и всегда в жизни, бывали исключения. Они допускались тогда, когда игумен видел особую избранность желавшего поступить в монастырь. Преподобный Антоний Сийский, будучи еще мирским человеком, пришел в обитель преподобного

Видение преп. Александра Свирского о месте основания
будущего Свирского монастыря.
Миниатюра из Жития преп. Александра Свирского
XVIII в. РГАДА

Явление Троицы
преп. Александру
Свирскому.
Икона XVIII в
Церковно-
археологический
кабинет Московской
духовной академии

Алекса́ндро-
Сви́рский
монасты́рь.
Современное фото

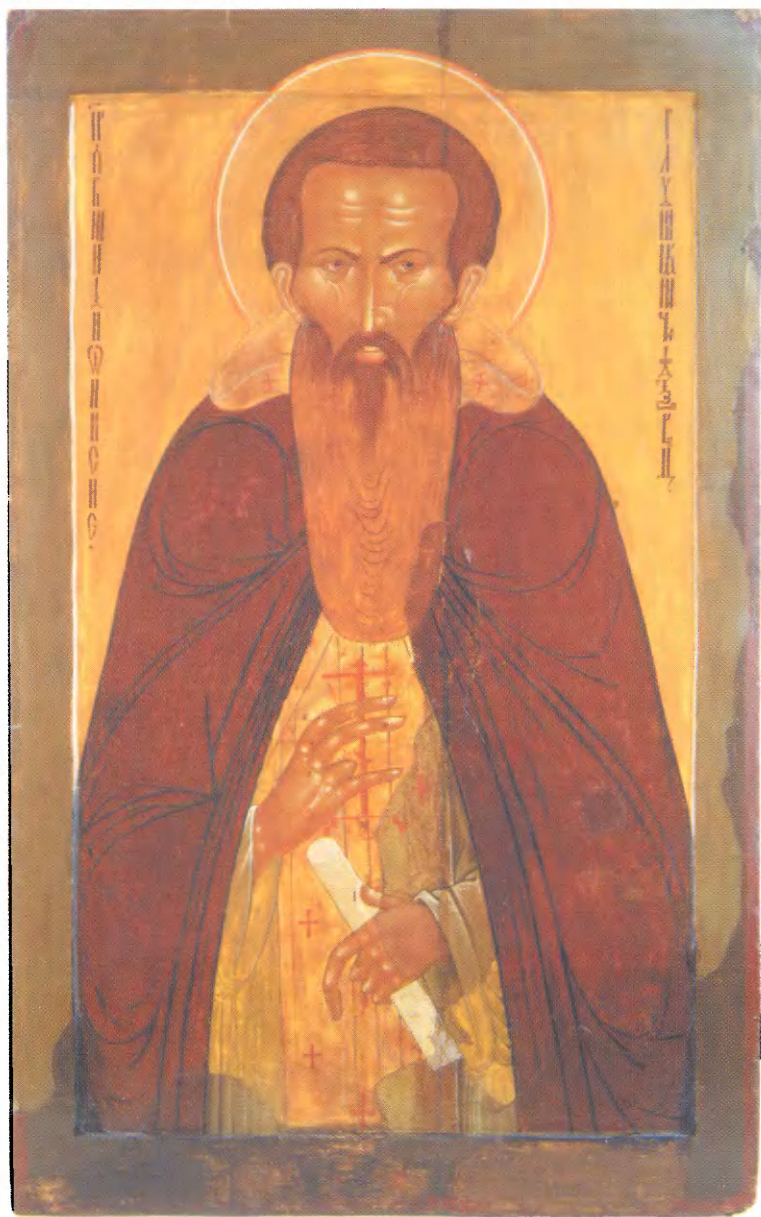

Преп. Александр
Ошевенский и его
монастырь. Икона
Конец XVII в.
Каргополь

Антониево-Сийский
монастырь.
Современное фото

Преп. Дионисий Глушицкий. Икона XVII в.
Кирилло-Белозерский музей.

Преп. Дионисий ставит крест на реке Глушице. Клеймо иконы «Дионисий Глушицкий в житии» XVII в Вологодский музей

Покровский храм обители преп. Дионисия Глушицкого. Современное фото

Преп. Дионисий ставит келью под черемухой. Клеймо иконы «Дионисий Глушицкий в житии».

Сосновец.
Современное фото.
Слева — место погребения преп. Дионисия Глушицкого.

Преп. Дионисий изгоняет бесов с места своего поселения. Внизу — преп. Дионисий копает себе могилу. Клейма иконы «Дионисий Глушицкий в житии».

Преп. Корнилий Комельский устраивает монастырь: сечет лес, строит монастырь, наблюдает за монастырскими работниками. Внизу слева: разбойники, замышляющие убийство святого.

Преп. Корнилий Комельский устраивает монастырь: принимает дары от окрестных крестьян, идет на монастырское поле (под мостом его поджидают злые разбойники), сечет лес *Миниатюры нач. XVIII в ГИМ*

174
КНЗ ГЛБЛА КОЕ ПАТИНОВИЧА ПОСЪДЪ БЖИЮРИНЕ
СОШАКОШ ПРОВОУ КЛАМЕНЬСКОМЪ

ИЗЪДО
ШАЕ СЪ
ПЕНЬЕГО
СПАРИ
ПЪСЬ,
ИНОЖИ
ПЪЛИ

Основание Спасского монастыря на Каменном острове.
Миниатюра нач XVIII в ГИМ.

Спасо-Каменный монастырь на Кубенском озере.
Современное фото

Симоно-Воломский монастырь. *Современное фото.*

Преп. Павел Обнорский в дупле дерева. Клеймо иконы
«Павел Обнорский в житии». XVIII в Вологодский музей.

Исцеление монаха,
хотевшего тайно
приготовить квас
в своей келье.
Клеймо иконы
«Павел Обнорский
в житии»

Павло-Обнорский
монастырь.
Современное фото

Наказание монахов, тайно готовивших еду в своей келье.
Клеймо иконы «Павел Обнорский в житии».

Пахомия Кенского. Игумен принял его и повелел жить в своей келье, чтобы самому научить послушника монашеской жизни. Но такие случаи были большой редкостью. Более того, уставная грамота святителя Макария, архиепископа Новгородского, строго запрещала игуменам иметь у себя келейников из мирских людей; в игуменской келье могли жить только чернецы (*Макарий. Кн. 4. Ч. 1. С. 246*).

Интересные правила приема новых людей в монастырь существовали в обители самого преподобного Антония Сийского. Если брат хотел поступить в монастырь, то он «бил челом» игумену наедине. Игумен сообщал о новопришедшем соборным старцам. Старцы смотрели на брата, и если он им нравился, то игумен благословлял брата ходить по кельям старцев и просить их принять его в обитель. Но если пришелец не нравился монастырскому собору, то его по кельям не посылали. А игумен вежливо отказывал ему в таких выражениях: «Довольно у нас, господин, ныне братии. Число исполнилось» (*Горский. С. 408*).

Похожий обычай был принят в скиту преподобного Нила Сорского с той только разницей, что в монастырь преподобного Нила принимали не мирских людей, а иноков, уже поживших в общежительных монастырях. Когда приходил в скит новый монах, настоятель и старцы собирались все вместе в одной келье и испытывали терпение пришедшего, задавая ему всякие неприятные вопросы. Так иноки скита поступали не со злобы, но проверяли, сможет ли брат жить с ними в скиту, а тем более один в келье. Если иннок проходил это испытание, он некоторое время жил в келье настоятеля, а затем по очереди у всех монахов скита. Каждый иннок рассказывал ему, какие искушения приходится терпеть здесь. Только после такого испытания новый монах принимал окончательное решение остаться или уйти.

Когда в монастырь принимали новичка, намеревавшегося стать монахом, то над ним совершался особый чин, который не был посвящением в монашество — постригом, но содержал в себе особую молитву, чтобы Господь укрепил нового брата в его на-

мерении. Чин совершался так. Братия собиралась в храме, священник начинал по обыкновению: «Благословен Бог Наш», клирос пел начальные молитвы, после которых братии раздавались свечи. Далее клирос пел тропарь: «Яко посреде ученик своих прииде Спасе, мир дая им, прииди к нам и спаси нас». На «Славе» следовал тропарь храму, и на «Ныне» — Богородице: «Молитвами, Господи, всех святых и Богородицы, твой мир даждь нам, и помилуй нас яко един щедр». После этих молитв новый брат творил один поклон Святым вратам, другой — на правую сторону Святых врат, третий — на левую. Потом, повернувшись лицом к братии, кланялся клиросам и игумену. Тот, положив на его голову молитвослов, произносил: «Господу помолимся» и читал молитву, которая заканчивалась прошением к Богу о новопришедшем брате. Игумен молился, чтобы Господь сохранил доброе намерение брата, защитил его от зависти и злобы, благословил все его «входы и исходы», научил, как потратить нажитое в миру богатство на благие дела (*Никольский К. С. 393—394*).

В монастырях существовал еще особый, промежуточный, чин — рясофорные монахи. Эти послушники носили монашескую одежду — рясу и камилавку, которые получали во время своеобразного малого пострига, но еще не давали монашеских обетов. Чин пострижения в рясофор проходил так: желавший его принять перед началом литургии благословлялся у игумена, который спрашивал его: «С усердием ли и многодуховным смотрением (рассуждением) хочешь это принять?» Дав утвердительный ответ, послушник трижды кланялся перед Царскими вратами, а также игумену и братии. После часов начинался чин пострига. Читались начальные молитвы, псалмы, молитвы этого чина. После чего игумен, взяв ножницы у новонаначального, постригал ему волосы крестообразно, говоря при этом: «Брат наш постригает власы главы своея, во имя Отца и Сына и Святаго Духа». Братия в ответ пела «Господи, помилуй». После игумена новонаначального постригала еще и братия: с пением 50-го псалма ему на голове выстрига-

лось так называемое «гуменцо» — венец от верха до полуглавы, что символизировало собой терновый венец Христа. Чин заканчивался тем, что игумен одевал послушника в рясу и камилавку и читал наставления из Апостола. Во время чтения все монахи подходили к новопостриженному и целовали его.

Ряса, которую получал рясофорный послушник, в древнерусском обиходе называлась еще «однорядкой», «свиткой», а в псковских монастырях — котыгой. Эта древняя монашеская одежда (современный подрясник) представляла собой греческий хитон, передняя сторона которого разрезалась на полы для удобства движения. Само слово «ряса» в переводе с греческого означает вытертую, невзрачную одежду из дешевой и грубой материи, чем она и отличалась от мирского хитона. Слово «камилавка» в переводе с греческого означает «непомерный жар», так называли шапку, защищавшую голову от солнца. Спустя пять или шесть столетий сложно себе представить, как выглядела древняя камилавка. Скорее всего, она была похожа на тот вязаный «колпачек», который сохранился в числе вещей преподобного Кирилла Белозерского. Это маленькая шапочка из овечьей шерсти, вязанная по кругу. В XVI веке камилавку стали чаще называть скуфьей, то же название древняя камилавка имеет и сейчас, но ее современная форма появилась только во времена патриарха Никона.

Рясофорный послушник, наверное, уже мог жить в монашеской келье вместе с опытным монахом, который именовался старцем. Словом «старец» на Руси обозначали не возраст, а степень духовной мудрости. Преподобного Паисия Величковского уже в 24 года называли старцем, про него так и говорили: «юный старец». Старец — это монах, «прошедший тяжелый путь самоотречения и взявший под свое духовное руководство молодых монахов и мирян. Свою задачу он видит прежде всего в руководстве и заботе о душе, воспитании воли тех, кто не имеет большого духовного опыта, стремясь провести их через все искушения и горести этой жизни. По собст-

венной жизни и опыту он знает о разнообразии темных путей, на которых поджидает нас искушитель. Незнакомым, пришедшим извне, он дает советы, чтобы уберечь их от ошибок» (*Смолич. С. 376*).

Получив новичка из рук игумена, старец приводил его в свою келью и объяснял, как он должен себя вести, показывал его место в сенях и в келье, где ему сидеть и где спать. Ученик не должен был садиться на место старца или другого инока, переставлять предметы с места на место или брать чужое. А если все-таки приходилось что-нибудь переставить или воспользоваться чужой иголкой, то надо было немедленно попросить прощения: «Старец (или брат), господин, Бога ради прости, по грехам случилось».

Если ученик и старец вместе приходили в келью, то сесть можно было только после того, как сядет старец. Спрашивать и отвечать на вопросы разрешалось только тихим голосом. Будущего монаха обязательно приучали к тому, что монашеский (ангельский) сан это «безмолвное житие» и все «хождение, говорение и седение» должно быть тихим. Даже выходя или входя в келью, надо было внимательно смотреть, чтобы не скрипнула дверь, дабы не побеспокоить (не смутить) брата в соседней келье. При входе в келью полагалось сначала трижды поклониться иконам, благословиться у старца и только после этого заниматься делами.

Первое, чему учил старец, — это послушание. Ученик не мог ступить и «перечнем ступени» ни на какое дело без благословения старца. Перед любой работой ученик спрашивал: «Отче, во имя Божие, прости меня и благослови?» А выполнив всю работу, снова просил благословения. Святые отцы говорили, что послушание выше, чем пост и молитва. В древних патериках есть немало назидательных рассказов об иноческом послушании. Некий послушник по благословию своего старца ходил за водой каждый день по раскаленной пустыне за несколько поприщ от монастыря, хотя был источник неподалеку. Изнемогая, он стал роптать на старца и тут увидел ангела, который считал его шаги. Ангел сказал ему, что он со-

общает Богу о каждом дне послушника, а капли его пота приравняются к крови мученика.

Старцы отдавали одно приказание нелепей другого, а послушники должны были, не рассуждая, выполнять их. Почему? «От послушания смирение», — говорили святые отцы. Смирением вводится в душу мир Божий, а мир Божий — это духовное небо; «вошедшие в это небо... приносят чистую, святую молитву, которая в преуспевших есть точно песнь и песнь песней» (*Святитель Игнатий (Брянчанинов). Т. 1. С. 273*). Святой Симеон Новый Богослов считал, что послушание, оказываемое духовному отцу, делает человека беспопечительным, ему не о чем заботиться, все за него решает старец. Попечения и пристрастия являются причиной развлеченности на молитве, а гордость — причиной ожесточения сердца, при котором молитва мертва. Послушание же уничтожает и рассеянность, и ожесточение (*Там же. С. 274*).

Живя в келье со старцем, ученик служил ему: приносил дрова, щипал лучину, высекал огонь камнем и топил печь, старательно размешивая при этом дрова кочергой, чтобы они горели весело. Когда дрова прогорали, надо было тщательно разворошить угли, чтобы не осталось головни. Несмотря на свою простоту, наставления старцев новоначальным инокам не были пустым делом, так как из житий известно немало случаев, когда незначительные оплошности приводили к серьезным последствиям.

Управляясь с несложным келейным хозяйством, послушник приносил воду, наливал ее в ракушечник, выносил лохань и подметал в келье. Монах должен был любить чистоту в келье, но и не проявлять ненужной ревности. Свое послушание будущий монах воспитывал не только в келейном быту, но и на тяжелых монастырских работах. Наверное, никто из новоначальных не избежал послушаний в поварне и хлебне. В поварне долгие годы трудился преподобный Кирилл Белозерский. «И часто, глядя на огонь, говорил он себе: “Терпи, Кирилл, этот огонь, чтобы с помощью этого огня смог ты избежать огня тамошнего”» (то есть огня вечных мучений) (*Прохоров. С. 67*).

В хлебнях Кирилло-Белозерского монастыря трудились будущие святые Корнилий Комельский и Александр Ошевенский. Когда будущий игумен Соловецкой обители — святитель Филипп проходил послушание в монастырской хлебне, ему явилась Пречистая Дева. По видению святителя была написана «Хлебная икона Пресвятой Богородицы», которая как святыня хранилась в Преображенском храме Соловецкого монастыря. Послушание поварне и хлебне старцы считали настолько полезным и благословенным занятием для монаха, что советовали новоначальным инокам почаще трудиться там, особенно когда досаждают помыслы уныния (*РГБ. Унд. № 52. Л. 367*).

Спали в монастыре всегда одетыми: в свитке и камилавке. Монаху не разрешалось обнажать своего тела, дабы не отгонять тем ангела-хранителя, который охраняет человека во сне. Переворачиваясь во сне на другой бок, надо было перекрестить себя два раз крестным знамением и прочитать Иисусову молитву. В бессонницу тихо лежали в постели, читая Иисусову молитву и размышляли о Боге. Когда случалась болезнь, старец не сразу благословлял ученика ложиться в постель. Полагалось сначала прочитать молитвы Богородице с тремя земными поклонами, молитвы разным святым и Иисусову молитву. «Направь свой разум от всех земных помышлений к Богу, вспомни Страшный суд и ад и тогда ложись в постель», — наставлял старец свое духовное чадо.

Придя в келью после богослужения или трапезы, инок всякий раз творил двенадцать земных поклонов (или поясных, если не полагалось в этот день земных). И если в монастыре умирал кто-то из иноков, то столько же за него.

Обычно без дела в келье никогда не сидели: монахи читали Священное Писание, занимались рукоделием или делали какую-нибудь работу. В келье проводили немного времени. Понятия отдыха в монастыре просто не существовало. Старцы говорили, что «истинному иноку нет на земле ни праздника, ни

Пасхи. Пасха наступит тогда, когда он перейдет от суеты в вечный покой» (РГБ. Унд. № 52. Л. 366). Более восьми часов монахи находились в церкви за богослужением, около двух часов — за трапезой. Немало времени уходило на попечения о монастырском хозяйстве.

Перед восходом солнца звон колоколов призывал братию в церковь к заутрене, которая продолжалась четыре или четыре с половиной часа. После ее окончания монахи расходились по кельям или на послушания. Спать после всеобщего бдения или заутрени в монастырях не разрешалось. Только в случае крайней немощи, если инок был болен или утрудился на тяжелом послушании, он мог немного отдохнуть после заутрени. Отдыхали обычно после обеда (один-два часа), да и то только летом. Зимой, поскольку день и так короток, спать после обеда не полагалось. Распорядок в монастыре зависел от дневного и ночного количества часов, которое сильно различается в зимнее и летнее время года. Так, например, в Кирилло-Белозерском монастыре 9 декабря на дневное время приходится 6 часов и 18 — на ночное. А 7 июня, наоборот, 18 часов продолжается день и 6 часов — ночь.

Летом, когда день долгот, через четыре часа после заутрени братия собиралась к обедне, зимой обедню служили через два с половиной или три с половиной часа после заутрени. Обедня обыкновенно продолжалась два часа, а если служил игумен, то два с половиной. После обедни иноки спешили в трапезу на обед, который заканчивался через час-полтора. После обеда все расходились по кельям. Примерно через три — три с половиной часа после трапезы следовала вечерня, продолжавшаяся обычно час с четвертью, а если служили панихиду, то около двух часов. После вечерни до ужина было полчаса; ужин тянулся «час большой». Когда ужина не было, этот час проводили в кельях, но спать не разрешалось. Если одолевала немощь или болезнь, можно было немного отдохнуть. Через час после вечерни снова шли в церковь к «нефимону» («повечернице»), который про-

должался немного больше часа (*Никольский. Келейная и общинная жизнь. С. 896—897*). После повечерия братья расходились по кельям для сна. У каждого было еще свое келейное молитвенное правило, которое старались неукоснительно выполнять. Ночная молитва, когда стихали все тревоги и заботы минувшего дня, считалась самой дорогой.

Конечно, новоначальные не сразу входили в этот трудный цикл монастырских служб и работ. Так и будущий преподобный Александр Ошевенский постепенно обучался монастырской жизни. Его ночные молитвы становились все протяженнее и усерднее, а пост все более суровым. Учитель же Алексия, видя его смирение и покорность, относился к нему уже не как к ученику, а как к своему брату.

И еще одну важную науку должны были освоить новоначальные иноки — искусство общения с братией. Привыкая жить в монастыре, будущий монах должен был осознать себя самым недостойным и всех остальных почитать как святых. Встречая брата, он первый кланялся неразленным поклоном и смиренно просил его святых молитв: «Благослови, господин, помяни меня в молитве своей к Богу». На это другой брат отвечал: «Бог да спасет тебя своей благодатью». При встрече с игуменом по монастырским правилам полагалось сделать земной поклон и потом, со страхом взирая на игумена как на Самого Христа, стоять и мысленно говорить Иисусову молитву, пока игумен не пройдет. Разговаривать с игуменом, если тот сам не спросит, не разрешалось.

Уважение к личности другого монаха и уничижение своего «Я» были основными правилами монашеского общения. Особенно ярко это видно в описании порядка посещения одного брата другим. Если кто-то хотел посетить другого инока в его келье, то, встав под окном, произносил Иисусову молитву. Еще на подходе к келье можно было кашлянуть, чтобы загодя предупредить о своем приходе. Услышав молитву, брат в келье отвечал: «Аминь». Если ответа не было, то молитва повторялась, и так до трех раз. На третий раз разрешалось постучать тихонько в окошко.

Если все-таки никто не отвечал, полагалось уйти, чтобы не искушать брата. В свою очередь, инок, услышав, что к нему пришли, после первой или второй молитвы отвечал: «Аминь». Просунув голову в окно, но так, чтобы не было видно всего лица, он спрашивал: «Для чего ты пришел, господин?»

Входя в чужую келью, брат произносил молитву и кланялся, а если хозяин кельи был старше, то падал пред ним ниц и просил благословения. Только после этого можно было излагать свою просьбу или вопрос. Уходя, гость снова кланялся и просил благословения: «Господин, помяни меня, грешного в твоих святых молитвах Богу нашему, Господу Иисусу Христу и Пречистой Божьей Матери». На это хозяин кельи отвечал: «Бог, Который любит всех людей, научая и воспитывая их по своей воле, да помянет тебя и меня так, насколько посчитает полезным. Аминь».

Шесть лет работал преподобный Александр Ошевенский на братию и никак не мог решиться на постриг. Наконец, игумен вызвал его к себе и сказал: «Вижу, что душа твоя сильно возлюбила Бога. Но поторопись, брат, как бы не прельстил тебя враг рода человеческого». На это будущий преподобный ответил, что боится огорчить своих родителей. Игумен возразил ему словами из Евангелия, что Господь пришел на землю, чтобы принести не мир, а меч, дабы отделить людей духовных от материальных, верных от неверных. Алексей согласился с его доводами, и был назначен день пострига.

Постриг

Во время чтения часов перед литургией епископ («начальник церкви») вводил в церковь брата, намеревающегося принять постриг. Брат три раза падал ниц перед Царскими вратами, кланялся игумену, который благословлял его. Потом епископ выводил его на паперть около западных дверей церкви. Здесь новоначальный снимал с себя свою обычную одежду и стоял в одной рубашке без пояса, обуви и

верхней одежды, что символизировало его отречение от мира и нищету перед лицом Бога. Как кающийся грешник, он стоял перед Раем и Небом, умоляя о входе в церковь, которая олицетворяет собой земное Небо (*Иннокентий, архим. С. 206*).

После малого Выхода с Евангелием во время пения антифонов все иноки монастыря выходили на встречу к церковным дверям. Постригаемый брат в одной рубашке, покрытый мантиями иноков, медленно двигался к Царским вратам. В алтаре, внутри Царских врат, в полном облачении стоял настоятель. Постригаемый брат своим видом символизировал евангельского блудного сына, который в чужой стране расточил данное ему от Отца богатство и во время голода нанялся на работу к немилостивому господину, кормившему его свинными рожками. Измученный голодом, он, наконец, вернулся к своему Отцу.

Когда постригаемого вели к настоятелю, олицетворявшему собой Господа, братский хор трижды пел тропарь Недели о блудном сыне: «Объятия Отча отверзти ми потщися, блудно мое иждих житие, на богатство неиждиваемое взираяй щедрот Твоих, Спасе, ныне обнищавшее мое да не презриши сердце. Тебе бо, Господи, умилением зову: согреших на небо и пред Тобою». С каждым повторением тропаря постригаемый трижды падал ниц во свидетельство решительности своего намерения и трижды вставал в знамение восстания от падения. Пение тропаря заканчивалось, и брат подходил к аналою, на котором лежало святое Евангелие и ножницы, игумен же выходил из алтаря и становился близ столпов иконостаса. Екклесиарх в это время раздавал братии свечи, возжжение которых, по толкованию святого Симеона Солунского, означало даруемому новому брату благодать, просвещение и радость духовную.

Встречая брата как бы в дверях отчего дома, игумен говорил ему краткое поучение, чтобы он нелицемерно и без притворства исповедал истинное покаяние. После этого игумен спрашивал брата: «Что прииде, брате, припадая ко святому жертвеннику и святой дружине сей?» Брат отвечал: «Желаю жития

подвижнического, честный отче». Игумен снова спрашивал его: «Желаешь ли сподобиться ангельского образа и вчинену быти лику монашествующих?» — «Ей, Богу содействующу (Да, при помощи Божией. — *Е. Р.*), честный отче», — смиренно отвечал послушник. Игумен одобрял его благое намерение такими словами: «Воистину добро дело и блаженно избрал еси: но аще и совершиши е, добрая бо дела трудом стяжываются и болезнь исправляются (Воистину доброе и благое дело ты избрал, но сможешь ли совершить его, ведь добрая дела трудом совершаются и в болезни совершенствуются. — *Е. Р.*)».

Не довольствуясь первым согласием послушника, игумен более подробно испытывал его:

— Вольною ли мыслию приступаешь к Богу, а не от нужды и насилия?

— Пребудешь ли в монастыре и постничестве даже до последнего издыхания?

— Сохранишь ли себя в девстве, и целомудрии, и благоговении, и в послушании к настоятелю и братии?

— Потерпишь ли всякую скорбь и тесноту жития монашеского, ради Царствия Небесного?

И на все вопросы будущий инок смиренно отвечал: «Ей, Богу содействующу, честный отче», давая тем самым монашеские обеты целомудрия, нестяжания, послушания, отречения от мира. После того как были произнесены обеты, начинался сам постриг, который совершал священник, а игумен был восприемником постригаемого. Удостоверившись в доброй воле постригающегося, священник произносил «оглашение малого ангельского образа», в котором объяснял образ новой совершенной (ангельской) жизни. В XV веке вслед за оглашением священник читал три молитвы, перед чтением второй постригаемый преклонял голову, и священник во время чтения держал над ней молитвослов. После молитв священник брал постригаемого за правую руку и вел к аналою, на котором лежало Святое Евангелие. Указывая на Евангелие, священник говорил ему: «Се Христос невидимо предстоит zde (здесь. — *Е. Р.*), блюди, кому

обещаешься (смотри, кому обещаешь. — *Е. Р.*)». Постригаемый целовал Евангелие, и священник приказывал ему подать ножницы. Послушник давал их игумену, а тот священнику. Священник постригал волосы нового инока крестообразно со словами: «Брат наш [Алексий] стрижет власы главы своея». С постригом волос изменялось имя. Послушник Алексий стал монахом Александром. При тихом пении всеми иноками «Господи помилуй» священник облачал нового инока в монашеские одежды, объясняя при этом их духовное значение. При облачении соблюдалась строгая последовательность. Сначала надевали свитку — «хитон вольной нищеты и нестяжания», затем параман — четырехугольный плат с вышитыми на нем буквами: I. C. X. H. K. — «щит спасения». Параман крестообразно возлагался на плечи и грудь посредством четырех шнурков. Он знаменовал собой крест Господень, который монах принимал на свои плечи и никогда не снимал. Кроме того, стягивая свободную одежду, параман делал монаха способным исполнять любую работу.

Дальше монах покрывался мантией — «ризой спасения и броней правды». Мантия символизировала собой «строгость, благоговение и смирение монашеской жизни» (*Святой Симеон Солунский. С. 245*). «Для чего мы носим мантию, не имеющую рукавов? — говорил святой авва Дорофей. — Рукава суть подобия рук, а руки принимаются для обозначения действия. И так, когда приходит нам помысл сделать что-либо руками ветхого нашего человека (то есть человека, не очистившегося от греховных привычек. — *Е. Р.*), как например: украсть или ударить... то мы должны обратить внимание на одеяние наше и вспомнить, что не имеем рукавов, то есть не имеем рук» (*Авва Дорофей. С. 30*).

При ношении мантии инок должен был соблюдать особую осторожность: ни в коем случае не разрешалось садиться на мантию. В Кирилло-Белозерском монастыре монахи носили короткие и длинные мантии. Длинные были особо торжественной одеждой, в которую облачались на великие праздники: к утрене

и вечерне на праздники Введения, Рождества Христова, Богоявления, Благовещения, Успения, в Вербное воскресенье и на память преподобного Кирилла Белозерского. На Пасху в длинных мантиях ходили всю неделю. Интересно, что в день Сретения братия приходили к службе в коротких мантиях, а готовясь к крестному ходу вокруг обители, передевались в длинные (*РНБ. Кир.-Бел. № 60 / 1137. Л. 119*).

Затем инок перепоясывался кожаным поясом «в умерщвление тела» и обувался в сандалии «во уготовление благовествования мира». Монашеские сандалии служили духовной защитой иноку, чтобы он «не был уязвлен мысленными змиями в пяту помыслов», подобно мифологическому Ахиллесу, погибшему от укуса змеи в пятку (*Святой Симеон Солунский. С. 245*). Камилавка возлагалась священником отдельно после молитвы: «Господи, Боже наш, возведый раба Твоего [имя] в духовный Твой двор» со словами: «Брат наш [имя] приял обручение великаго ангельского образа и облекся во вся оружия, во имя Отца и Сына и Святаго Духа».

В XV веке в числе монашеской одежды стал упоминаться еще клобук. Как он выглядел тогда, можно понять по изображениям русских святых на иконах XV—XVI веков. В одном «старческом поучении» сказано, что монах, прежде чем надеть клобук, должен поцеловать его «в крыльца», то есть древний клобук имел нечто вроде ушей, как у шапки. Кроме того, идя в церковь, монах должен был закутаться в клобук, чтобы его лица почти не было видно. Судя по этим описаниям, древний монашеский клобук имел форму кукуля (капюшона).

Как носили клобук в древности, известно совершенно точно, опять же из наставлений старцев. Так же, как и сейчас, он надевался вместе с камилавкой (скуфьей), при этом клобук является верхним головным убором, а камилавка нижним. Перед причастием инок снимал камилавку и клобук и клал их за левую пазуху. Клобук символизировал собой монашеское смирение и незлобие. Подобно тому, как младенец носит капюшон (чепчик), так монах носит ку-

коль. Кроме того, «куколь есть также подобие благодати Божией, потому что как куколь покрывает и греет главу младенца, так и благодать Божия покрывает ум» монаха (*Авва Дорофей. С. 32—33*).

После того как брат был одет в монашеские одежды, братия отводила нового монаха в диаконник и там с пением кафизмы «Блаженны непорочнии» снова постригала его: выстригала на его голове «гуменцо». Дальше продолжалась литургия с того места, на котором она была прервана постригом. После чтения Евангелия оно давалось в руки новопостриженному, к нему подходили игумен с братией и целовали сначала Евангелие, потом нового монаха. После братского целования он становился там, где указывал ему игумен. Удостоенный пострига в ангельский образ монах приобщался Святых Христовых Таин в течение семи дней, а затем игумен отдавал его под руководство духовного старца.

Старец поучал новичка, что со сменой одежды и имени необходимо изменить весь образ жизни — отказать от мирских обычаев и только Бога Единого иметь в своих мыслях, предав свою волю в руки старца. Кроме послушания старец учил своего подопечного наблюдать за помыслами (мыслями) и молиться. Как плохие мысли рождают плохие дела и поступки, так и наоборот. Святые отцы различали восемь греховных помыслов, которые являются первопричиной страстей и злых дел: сребролюбия, чревоуядения, тщеславия, гордости, уныния, печали, гнева и блуда. Большое искусство требовалось, чтобы отсесть помысел в самом начале. Но немал подвиг — уловить его в себе и пытаться переменить злой помысел на добрый, что достигалось молитвой.

Чтобы сохранить ум и сердце от злых мыслей, старцы советовали все время читать Иисусову молитву, считая молитвы по четкам. Молитва эта такова: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного». Одна молитва соответствовала одному узелку на четках, которые называли лестовками. Когда прочитывали сто молитв, отодвигали одну большую четку, называвшуюся закладной, по подо-

бию закладки, чтобы не забыть, сколько уже прочитано. Упражняться в Иисусовой молитве старцы советовали везде: в церкви, в келье, во время работы, до тех пор, пока глаза не закроются для сна. Но молиться надо было сокровенно, чтобы только свое ухо слышало молитву.

Имея большой опыт, старец хорошо знал, какие опасности могут подстергать монаха, и поэтому мог дать новичку ряд простых, но полезных советов: с мирскими не говорить, особенно с женщинами; детей книгам не учить и с ними никак не общаться; безумных старцев, говорящих неподобающее, избегать; закрывать свое лицо клобуком от посторонних взглядов; в церкви к целованию Евангелия или иконы за мирскими людьми не подходить, но следовать только за монахами, чтобы невзначай не коснуться женского платка или чужого лица; никогда не смеяться так, чтобы обнажались зубы; и ряд других подобных советов.

Новоначальный монах находился в полном послушании у своего старца. Уходя на богослужение или монастырскую работу, приступая к любому делу, он должен был обязательно получить его благословение. Если инок заболел и не мог идти в трапезу или на молитву, то прежде всего он говорил об этом старцу, а тот, в свою очередь, сообщал о состоянии своего подопечного служебнику. Живя в келье со старцем, постоянно наблюдая его в бытовой повседневной жизни, монах должен был обязательно соблюдать определенный такт: не рассказывать никому о том, что происходит в келье, сообщать старцу, если слышал, что кто-нибудь говорил о нем в монастыре. Это все было необходимо, чтобы не подорвать спасительного уважения ученика к своему учителю.

Полное послушание было возможно только в том случае, если ученик всецело доверял своему наставнику. Если он слышал нечто неподобающее о своем учителе, часто распространявшееся из-за одной только человеческой зависти, и оставался с этими мыслями наедине, то его уважение к старцу могло быть сильно поколеблено. Когда же он доверял слухи и сомнения

старцу, тот мог духовно объяснить их причину и природу. Но все остальные монастырские пересуды и все неподобное, случавшееся в монастыре и не касавшееся монаха и его старца, он не должен был пересказывать в келье. Новопостриженный знал только церковь, трапезу и свою келью.

Почти во всех житиях можно найти рассказы о взаимоотношениях старца и его ученика. Особым даром духовного рассуждения обладал преподобный Корнилий Комельский. Традиция духовничества была развита и в Павло-Обнорском монастыре. «Великим старцем» современники называли преподобного Нила Сорского. Житие преподобного Иннокентия Комельского рассказывает, что преподобный пришел в Кирилло-Белозерский монастырь еще в юном возрасте. Здесь он стал преданным учеником старца Нила. Желая жить с преподобным, он обратился к нему со словами: «О честный отче, Бог Провидец всего, хотя меня спасти, привел к твоей святыне. Что повелишь мне сотворить, все сотворю, только спаси меня». Старец Нил принял его к себе в послушание и, поучая, сказал: «Сыне, если пришел работать для Господа, то уготовь душу свою терпеть искушения и страдания, наводимые от врагов. Да претерпев их, получишь воздаяние на небесах».

О каких искушениях предупреждал старец Нил, как и прочие старцы, своего ученика? Они могли быть самыми разными, а иногда очень жестокими. Вот, например, что произошло с монахом Игнатием из Александро-Ошевенского монастыря. Собрав свое небольшое имение, Игнатий продал его, а деньги принес в Ошевенскую обитель, где скоро принял постриг. Сорок дней новопостриженный монах, согласно общему монастырскому обычаю, не выходил из своей кельи, он посещал только церковные службы, и никто не нарушал его молитвенное безмолвие.

Затем настоятель послал его в поварню. Здесь Игнатий, как мог, трудился на братию, но по зависти был оклеветан. Инока обвинили в том, что он раздавал хлеб, рыбу и разное имущество за пределы монастыря. Среди братии поднялся ропот. Новонаначально-

го инока посадили в темницу, а руки и ноги заковали в кандалы. Такое жестокое наказание, если бы Игнатий действительно был виноват, можно было бы объяснить тем, что все древние монашеские уставы строго запрещали инокам раздавать монастырское имущество на сторону. В темнице Игнатий провел немало времени. Особенно мучили его боли в правой руке, сильно стиснутой железными путами. Монах молился всем святым, каких только знал, чтобы немного высвободить правую руку, но безуспешно. Тогда он мысленно обратился к преподобному Александру: «Слышал я о многих чудесах твоих, но не верю им, потому что малoverен и не могу поверить услышанному, не испытал на себе. Помилуй меня, малoverного, чтобы я начал верить чудесам твоим».

Помолившись так, Игнатий дотронулся левой рукой до правой, и кандалы упали с правой руки. От радости и изумления он перекрестился. Чтобы не быть обнаруженным, Игнатий придумал маленькую хитрость. Когда к нему приходил кто-нибудь из братии или стражник приносил еду, то он возлагал на руку кандалы, а когда уходили, то снимал их. Через некоторое время Игнатия оправдали и выпустили из тюрьмы, а он рассказал братии о чуде, случившемся с ним (*РГБ. Унд. № 276. Л. 105 — 106 об.*).

В идеале монашеское общежитие должно было быть «союзом любви»; инок не мог радоваться падениям или недостаткам своих братьев, держать на сердце неприязнь, а тем более строить какие-либо козни. Однако человек всегда остается человеком, и в монастыре он только учится преодолевать свою греховную природу, потому что искушения были неизбежны.

Искушение другого рода произошло с неким первоначальным иноком, который жил в келье у преподобного Пафнутия Боровского. Однажды он вышел за ворота обители по какому-то делу. По дороге ему повстречалось множество мирских людей, мужчин и женщин. По уставу Боровского монастыря, женщинам на территорию обители входить запрещалось, и инок, давно не видевший женских лиц, невольно обратил на них внимание. В сердце его вспыхнули уже

забытые чувства и помыслы, но он нашел в себе силы вернуться в монастырь.

Когда монах пришел в келью, старец мирно читал Божественные писания. Увидев ученика, он отвернулся от него и ничего не сказал, а потом промолвил: «Это мой...» — и назвал имя ученика, но не монашеское, а мирское (по понятным причинам оно в Житии не называется). Инок испугался, но ничего не сказал старцу, а рассказал обо всем другому ученику святого Пафнутия — будущему преподобному Иосифу Волоцкому. Иосиф посоветовал ему не медля покаяться перед старцем, что инок и сделал (*Житие Пафнутия Боровского. С. 129*). Так, под руководством своего наставника новоначальный медленно и не всегда «без преткновений» поднимался все выше по лестнице монашеских добродетелей.

БОГОСЛУЖЕНИЕ

Слово «богослужение» буквально раскрывается как служение Богу. Вся монашеская жизнь была не чем иным, как постоянной, ежеминутной службой Богу, и церковное богослужение всегда составляло сердцевину и главный смысл монастырского бытия. На молитве в храме или в келье монах проводил большую часть времени, но церковная молитва почиталась святыми отцами неизмеримо выше молитвы келейной. Преподобный Евфросин Псковский говорил так: «Если и всю ночь стоишь в своей келье на молитве, это не сравняется одному общему «Господи помилуй» (*Серебрянский. Т. 4. С. 522*). А преподобный Иосиф Волоцкий добавлял: «Помолиться дома можно, но помолиться так, как в церкви, где множество отцов, где единодушно воссылается к Богу пение, где единомыслие, и согласие, и союз любви, — невозможно. В это время... не только люди вопиют трепетным гласом, но и ангелы припадают к Владыке, и архангелы молятся» (*Просветитель. С. 202*).

До конца XIV века богослужение русских монастырей совершалось исключительно по Студийскому уставу, который был составлен во второй четверти XI века константинопольским патриархом Алексием Студитом. В основу устава была положена традиция

знаменитого Студийского монастыря в Константинополе. В начале XV века на Руси получил распространение Иерусалимский богослужебный устав (его происхождение связано с лаврой Саввы Освященного, находящейся близ Иерусалима), который постепенно вытеснил Студийский. Поскольку эта замена везде шла неодновременно, то богослужение русских монастырей в XV—XVI веках отличалось большим разнообразием. Даже в XVI веке еще существовали обители, в которых службы совершались по Студийскому уставу, и монастыри (например, Кирилло-Белозерский), где сосуществовали оба пласта богослужебной культуры.

В большинстве монастырей службы были ежедневными, то есть совершались каждый день. Из них складывались три круга богослужений: суточный, недельный и годовой. Центром этих трех своеобразных орбит стало главное священное событие мировой истории — Распятие и Воскресение Спасителя. Именно события Страстной пятницы определили смысл и порядок суточных служб. Время взятия Спасителя в саду Гефсиманском и осуждения Его архиереями и старейшинами на страдания и смерть Церковь ознаменовала богослужением утрени; время ведения Спасителя на суд к Пилату — богослужением первого часа; время осуждения Христа на суде у Пилата — совершением третьего часа; время крестных страданий Христа — шестым часом; а снятие тела Христова со креста службой девятого часа и вечерней (*Дебольский. Т. 2. С. 146*).

Суточный круг богослужений

В монастырях обычно совершалось семь богослужений в сутки. Они разделялись на три времени: богослужение вечернее (им начинается новый день, поскольку при сотворении мира (*Быт. 1, 5*) вечер предшествовал дню), утреннее и дневное.

В состав вечернего богослужения входят: девятый час, вечерня и повечерие. Время каждого богослуже-

ния в монастыре определялось часами, установленными самой природой. Первый час дня наступал с восходом солнца, последний — с заходом, после захода начинался отсчет ночного времени, но в сутках обязательно считалось, как и сейчас, 24 часа. Служба девятого часа примерно соответствовала четвертому, пятому или шестому часам дня по нашему исчислению времени, так как девятый час считался от восхода солнца. Однако понятно, что в разное время года начало девятого часа, как и всех остальных служб, варьировалось. Девятый час обычно поется перед вечерней, хотя порядок его совершения может меняться.

Вечерня начиналась в монастырях с заходом солнца. Объясняя смысл этого богослужения, святой Василий Великий писал: «Отцы наши не хотели принимать в молчании благодать вечерняго света, но тотчас, как он наступал, приносили благодарение» (*Скабалланович. Вып. 2. С. 134*). С древнейших времен христиане выражали свою благодарность Богу за прожитый день и дивный вечерний свет в словах одного из песнопений вечерни — «Свете тихий». По Церковному преданию его автором был иерусалимский патриарх Софроний (634—644), который однажды, любуясь закатом солнца, воспел из глубины своего любящего сердца: «Свете тихий святых славы бессмертнаго Отца Небеснаго святаго, блаженнаго. Пришедшие на запад солнца, видевшие свет вечерний, поем Отца, Сына и Святаго Духа Бога» [«Ты, Христе, свет тихий (в виду вечера) святой славы бессмертнаго Отца Небеснаго, святаго, блаженнаго. Дожив до заката, мы, в благодарность за это, воспеваем Святую Троицу: Отца, Сына и Святаго Духа» (*Там же. С. 132*)]. Историки оспаривают принадлежность этой песни патриарху Софронию, однако совершенно точно известно, что во времена этого патриарха Церковь уже знала молитву «Свете тихий».

Когда солнце начинало садиться, пономарь приходил к игумену, а если его не было, то к ектесиаρχу, и просил благословения на службу. Получив его и поклонившись игумену, он шел оповестить братию о

службе, медленно, с интервалами, звонил в колокол или било («било» — от слова «бить» — деревянная или металлическая доска). В древности в монастырях предпочитали било, считая колокола «латинским» (католическим) изобретением. В новгородском Хутыньском монастыре в разных случаях использовали два била: деревянное или железное. Призывая братию к вечерне, пономарь сначала ударял в деревянное било, при этом он читал двенадцать раз 50-й псалом «Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей и по множеству щедрот Твоих, очисти беззаконие мое...» (*Горский. С. 289*). Затем шел в церковь, приготавливал кадило и ставил зажженную свечу перед Царскими вратами. После этого он выходил из храма и вновь ударял в било, теперь уже железное, более настоятельно созывая братию на службу. В псковском монастыре преподобного Евфросина в колокола звонили только на праздники, а в обычные дни — в било.

Услышав благовест, монахи должны были все оставить, как будто их укусила змея или случился пожар, и идти в церковь. Поучая новоначальных иноков, старцы говорили так: «Если к тебе пришел брат или даже келарь, а в это время возвестили к службе, оставь беседу и другие дела, не боясь никого обидеть». Развивая это поучение, преподобный Иосиф Волоцкий писал: в церковь надо спешить как на раздачу царской милости. Ведь если царь раздает дары, то пришедший раньше больше и получит. Также если кто придет раньше в храм, больше обогатится, но не земным, а Небесным богатством. Поэтому никогда нельзя думать: вот приду раньше и буду долго ждать и бесполезно сидеть (*ВМЧ. Сентябрь. Стб. 504*).

Одеваясь на службу, монах возлагал на себя мантию и клобук, поцеловав его «в крыльца». При этом он произносил молитвы: «Достойно есть» с земным поклоном, «Слава и ныне», «Господи, помилуй» дважды и отпуст с тремя земными поклонами. В церковь шли сосредоточенно, покрывшись клобуком, не озираясь по сторонам и не останавливаясь для разговоров с братией. Руки держали прижатыми к груди, монашеская походка, как учили старцы, должна быть

«ни сурова, ни ленива». Входили в церковь со страхом и трепетом, как на земное Небо. У каждого инока в храме было свое место, определенное настоятелем, на чужое становиться запрещалось. В Кирилло-Белозерском монастыре игумен стоял у правого столба Успенского собора, соборные старцы и священники неподалеку от него, а рядовая братия размещалась на левой стороне храма.

Встав на своем месте, монах творил пять земных поклонов (если в этот день они полагались) с молитвами: «Боже, милостив буди мне грешному», «Боже, очисти мя грешнаго и помилуй мя», «Без числа согрешших, Господи, прости мя», «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и святое Воскресение Твое славим», «Достойно есть», «Слава и Ныне», «Господи помилуй» дважды, «Господи благослови» и отпуст. Во время отпуста инок три раза кланялся поясным поклоном Царским вратам, один раз игумену земным поклоном (если игумена не было, то месту, где он обычно стоял), потом братии на обе стороны и просил благословения у монахов, стоящих рядом. Кланяясь и благословляясь, инок не должен был выступать со своего места. Эти поклоны назывались входными или начальными. Так молились перед началом любого богослужения и прежде чем приступить к келейной молитве.

Когда начиналась вечерня, пономарь выходил со свечой из алтаря и говорил: «Востаните!» После него выходил священник с кадилом и возглашал: «Слава Святей Единосущней и Животворящей Троице» и кадил храм и братию. Правый клирос отвечал: «Аминь», и следовали начальные молитвы вечерни. Если монах по каким-то причинам опаздывал в храм на службу, то начальные молитвы и поклоны он не творил. Опоздавший кланялся игумену, прося прощения, и на обе стороны — клиросам, где стояли клиросные монахи (которые пели и читали на службе). Если монах не успевал по каким-то причинам получить прощения за опоздание, то не мог на этой службе брать просфору, святой антидор или «хлебец Пречистой» — Богородичную просфору.

Вернувшись в келью после службы, он вычитывал все молитвы, которые пропустил («то проговорити, что проходил» — сказано в уставе). В Иосифо-Волоцком монастыре за опоздание на богослужение по собственной небрежности назначалась епитимья (наказание) в 50 земных поклонов, которые могли заменяться одним днем сухоядения (под сухоядением в монастырях подразумевались хлеб и вода).

Внешний монастырский устав, а также духовные наставления старцев требовали, чтобы монах в храме стоял так, как стоял бы перед земным царем: сосредоточенно, с благоговением, не озираясь по сторонам, не кашляя и не сморкаясь. «Стисни свои руки и соедини свои ноги, и очи сомкни и ум собери, мысль же свою и сердце возьми на Небо», — сказано в духовной грамоте преподобного Иосифа Волоцкого (*ВМЧ. Сентябрь. Стб. 505*). Того, кто ходил по храму во время службы, преподобный Иосиф и преподобный Корнилий Комельский наказывали одним днем сухоядения или поклонами, числом 50. А тех, кто смеялся или беседовал, а также выходил из храма во время службы, — сотней поклонов. Старец, наблюдавший за церковным благочинием (порядком), предупреждал нарушителей, а при повторном замечании и вовсе изгонял из церкви. Строго-настроено запрещалось сходить со своего места или переговариваться даже по какому-нибудь важному, неотложному делу во время чтения святого Евангелия, пения Херувимской песни, Богородичного песнопения «Величит душа моя Господа», во время чтения «Символа веры» и молитвы «Достойно есть», а также когда священник кадил храм или братия совершала земные поклоны. Даже немощным не рекомендовалось тогда прислоняться к стене или клиросу, лежать на посохе или просто держать его в руках.

Однако старцы всегда предупреждали монахов, что одного чинного стояния на службе недостаточно. Можно исполнять все внешние правила, говорили они, но если ум будет занят мыслями о собственных или монастырских делах, такой монах не получает никакой пользы от своего присутствия в храме.

Наоборот, он будет осужден, ибо Господь видит сердце каждого человека. Лучше было бы ему тогда совсем не приходиться в церковь.

Молитвенное состояние иноков во многом зависело от того, насколько четко и благоговейно читались молитвы, от пения хора. Поэтому настоятель и ектесиах всегда особенно заботились о красоте и благочинии богослужения. Преподобный Евфросин Псковский требовал, чтобы братия пели «с тихостью и разумно, а не козлогласованием» (*Серебрянский. Т. 4. С. 522*), а шестопсалмие читали бы тихим голосом, со вниманием, как будто беседовали с Самим Христом (*Там же. С. 385*). Преподобный Пафнутий Боровский, если случалось ему не расслышать стихира или только одно слово в стихе, повелевал канонарху возвратиться и несколько раз повторить этот стих, чтобы до конца понять его смысл.

Освещение в храме также настраивало иноков на сосредоточенную молитву. В храме обычно царил полумрак. Когда служили вечерню или заутреню, за окном было темно. Даже в дневное время узкие щелевидные окна пропускали немного света (не случайно в XVIII столетии, когда стремились к внешнему благолепию, такие окна растесывали и прорубали новые). Солнечные лучи проникали сверху и освещали иконостас, а не стоящих в храме монахов. Большинство светильников (паникадил и свечей) также размещалось перед иконостасом. В Успенском соборе Кирилло-Белозерского монастыря напротив деисуса висело три медных паникадила, а немного западнее еще три: два деревянных и одно медное. Напротив местных икон в нижнем ярусе иконостаса стояло двенадцать поставных свеч (подсвечники у них были глиняными, а насвечники, куда вставляли свечи, — медными). Горящие кусты паникадил и мерцание отдельных свечей освещали дивной красоты иконостас. «Это сосредотачивало взоры молящихся на священных изображениях, собирало их силы для умной молитвы, отчуждая их от всего земного» (*Никольский. Т. 1. Вып. 1. С. 138*). В храме звучал знаменный распев — торжественное, спокойно-сосредото-

ченное молитвенное пение, вытесненное в XVIII веке ариями партесного пения. Этот синтез разных искусств превращал храм в настоящее земное Небо.

Во время службы монахи, чтобы не рассеиваться, читали тихо, про себя Иисусову молитву (однако эти молитвы не входили в то число, которое инок должен был вычитывать в келье). «Во едино слово», то есть не отставая от хора, инок произносил вместе с братией: «Господи помилуй». Разрешалось также повторять за читающим псалмы, но только так, чтобы слышно было самому себе. Инок не должен был в храме держать в руках книги, заглядывать в устав и изучать его, но только внимать общей молитве.

На службе соблюдался строгий порядок. Все монахи знали, когда, сколько и каких творить поклонов, когда креститься. Новоначальным этот порядок объясняли старцы. На вечерне по три земных поклона полагалось делать, когда читали молитву «Святой Боже», «Аллилуйя», «Приидите поклонимся»; после молитвы «Честнейшую херувим» делали один поклон. Однако земные поклоны творили не всегда. В уставе отмечены дни, в которые земные поклоны не разрешались ни в церкви, ни в кельях. К таким дням относились: субботы (кроме Великой субботы на Страстной седмице) и воскресенья (поклоны в воскресенье творили только на отпуске повечерия), двенадцатые праздники, праздники Рождества и Усекновения честной главы святого Иоанна Предтечи, дни памяти святых апостолов Петра и Павла, Иоанна Богослова, дни от Рождества Христова до отдания праздника Крещения, время от Пасхи до Троицы (Пятидесятница), неделя о мытаре и фарисее (перед Великим постом). В дни памяти больших «святых трезвонных» (то есть когда перед службой святому звонили во все колокола трезвонном и служили утрению с великим славословием) вместо земных клали поясные поклоны, а земной — только после молитвы «Достойно есть».

Особые правила существовали и для поклонения святым иконам. В двенадцатые праздники и в «трезвонные» иноки ходили по храму и прикладывались

(по одному) к иконам. Перед целованием надо было два раза поклониться образу. Образ Спасителя полагалось целовать «в ножку», «Нерукотворный образ» и икону святого Иоанна Предтечи — «в косу», образы Богородицы, святителей и преподобных — «в ручки», а мучеников — в сердце (*Серебрянский. Т. 4. С. 566*).

В обычные дни через час-полтора после вечерни братия собиралась в храме и к повечерию (мефимону, от греческих слов — «с нами», потому что на повечерии произносятся слова: «С нами Бог, разумеите языцы»). Подводя итог минувшему дню и готовясь ко дню грядущему, монахи обязательно за вечерним богослужением (на всенощной или повечернице) исповедовали свои согрешения. «Пусть ни один вечер не пройдет без исповеди страха ради смертного», — сказано в духовной грамоте преподобного Иосифа Волоцкого (*ВМЧ. Сентябрь. Стб. 528*). После повечерия монахи обычно ходили «прощаться» (благословляться) ко гробу основателя монастыря. Здесь у раки читали начальные молитвы, тропарь главному храмовому празднику обители (в Кирилло-Белозерском монастыре — Успению, в Павло-Обнорском — Троице) и преподобному, потом после «Славы» — кондак святому и на «Ныне» — кондак празднику. Подойдя ко гробу святого, творили три земных поклона с молитвой: «Прости мя, Отче святыи преподобный [Кирилл], благослови и помолись о мне грешнем» и прикладывались к раке. Отступив от нее, опять читали ту же молитву, клали земные поклоны, кто сколько хотел, и в молчании расходились по кельям.

До сна уже не ели и не пили, даже воды; исключение делалось только для больных и немощных. Монастырский устав строго запрещал после повечерия собираться вместе в келье либо «стоять на монастыре» и беседовать, ибо «навечерница — ключ и исполнение (итог. — *Е. Р.*) всего дня». После повечерия преподобный Пафнутий Боровский не зажигал даже свечу в своей келье, но всегда молился без света. Часто он так и засыпал — сидя, держа в руках четки, с Иисусовой молитвой на губах. У преподобных Сергия Радонежского, Кирилла Белозерского, Иосифа

Волоцкого и других святых был обычай обходить монастырь после повечерия. И если святые отцы слышали, что иноки беседовали в келье, то ударяли пальцем в окно, сообщая о своем посещении, и уходили (*ВМЧ. Сентябрь. Стб. 470*). Однажды некому брату из обители преподобного Даниила Переяславского довелось поговорить с другим монахом. Беседа происходила в пекарне, где упомянутый брат проходил послушание. Иноки беседовали «сокровенно», в полной уверенности, что их никто не слышит. Может быть, оно так и было, но наутро игумен Даниил вызвал инока и сказал ему: «Некрасиво, брат, некрасиво после повечернего правила разорять безмолвие. Ты же этой ночью беседовал в пекарне с братом, оставь эти привычки, брат!» Обличенный инок упал в ноги святому и просил у него прощения (*Смирнов. С. 46*).

Кроме того, за порядком в ночном монастыре у преподобного Иосифа Волоцкого следил «церковный назиратель». Он внимательно смотрел, чтобы никто из иноков не ходил по кельям и не выходил за ограду обители. Если замечал подобное, то обязательно сообщал настоятелю или келарю. Он же проверял, закрыты ли монастырские ворота, чтобы от малой небрежности не случилось большого греха (*ВМЧ. Сентябрь. Стб. 528—529*).

После полуночи начинался черед служб утреннего богослужения: полунощница, утрениа и первый час. Следует заметить, что полночь монастырская не соответствовала современному исчислению времени, поскольку считалась от захода солнца, и если 9 декабря в Кирилло-Белозерской обители ночь продолжалась 17 часов, а солнце заходило около четырех вечера, то полночь наступала около часа ночи, и в течение года ее время постоянно менялось. Церковная служба, совершаемая в полночь или любой час ночи до восхода солнца, называется полунощницей. Монахи, в зависимости от устава, совершали полунощницу в храме или в кельях. Эта служба призывает подражать ангелам, которые ночью прославляют Бога, а также напоминает о ночной молитве Спасителя в Гефсиманском саду и о грядущем Втором

Пришествии Христа, которое, по толкованию Церкви, произойдет в полночь.

Утренняя (заутреня) начиналась в монастырях перед восходом солнца. Подтверждение этому находим не только в монастырских уставах, но и в житиях. Однажды в Горицком монастыре преподобного Даниила Переяславского инок Иона, болевший ногами, услышал ночью колокольный звон и увидел свет в храме. Иона решил, что началась заутреня, и пополз к церкви. Каково же было его удивление, когда он увидел, что храм закрыт и там никого нет. На обратном пути Иона встретил монастырского сторожа и спросил его: «Неужели минуло утреннее пение?» Тот ответил: «Еще, отче, петухи не пели, и нигде в кинувиях к утреннему славословию звона не было». Оказалось, что свет, который видел Иона, исходил от раки преподобного Даниила (*Смирнов. С. 93*).

Если звон к заутрене заставал инока еще на постели, то он, «от одра вставая», должен был произнести «Душе моя, востани, что спиши» и другие утренние молитвы. А услышав благовест, монах читал молитву «Глас радости и спасения». Когда одевался, то по обыкновению так же творил молитвы. Препоясываясь, он произносил: «Препоясываю чресла своя нечистая во образы: образ Пречистыя Ти (Твоея. — *Е. Р.*) Матери и Петра, и Павла, и прочих апостол; огради мя (меня. — *Е. Р.*), Господи, молитвами их и воздвижи мысль от земных сластей, настави мя небесныя искати и тех любити и Тебе кланяться ныне и присно и во веки веков. Аминь» (*Никольский. Общинная и келейная жизнь. С. 898—899*).

Заутреня продолжалась четыре или четыре с половиной часа. В зависимости от того, какой праздник приходился на этот день, утреня могла совершаться с великим славословием или полиелеем (в переводе с греческого языка слово «полиелей» означает «великая милость»). В будни служили утреню без полиелея и великого славословия (оно на такой утрене читалось, а не пелось). Если в монастыре совершалось богослужение по Студийскому уставу, то вечерню и утреню служили отдельно. Если обитель

придерживалась Иерусалимского устава, то накануне воскресного дня и великих праздников великую вечерню соединяли с утреней и служили всенощное бдение (в Студийском уставе такая служба, как всенощное бдение, отсутствует). Так, например, в Волоколамском монастыре в XVI веке на все двенадцатые и великие праздники служили всенощное бдение, а в Кирилло-Белозерской обители на двенадцатые праздники (кроме Благовещения, если оно совпадало с воскресным днем), в дни Усекновения главы пророка Иоанна Предтечи, святых апостолов Петра и Павла служили вечерню и утреню, а на остальные великие и большие праздники — всенощное бдение.

Всенощное бдение могло продолжаться около семи часов. Святитель Игнатий (Брянчанинов), оценивая духовное воздействие этой долгой и трудной службы на монаха, говорил, что «проведший в молитве значительную часть ночи с должным благоговением и вниманием, ощущает на следующий день особенную легкость, свежесть, чистоту ума, способность к богомыслию» (*Святитель Игнатий (Брянчанинов)*. Т. 2. С. 179).

Одним из самых священных и торжественных моментов богослужения, особенно праздничной утрени, является чтение святого Евангелия. Когда хор перед выносом Евангелия пел «Хвалите имя Господне», ектесиарх раздавал всем свечи. Игумен и все священнослужители («собор») облачались в праздничные ризы. Во время пения величания и чтения Евангелия все монахи стояли с зажженными свечами. Святое Евангелие, как и крест, который священник выносит из алтаря, символизирует собой Воскрешшего из гроба Спасителя (престол в алтаре символизирует гроб Спасителя). Поэтому целование Евангелия знаменует собой радостное приветствие Спасителя с Его Воскресением (*Скабалланович*. Вып. 2. С. 251). К целованию Евангелия подходил сначала настоятель, потом иноки попарно, по старшинству («по чину»). Перед Евангелием полагалось кланяться трижды поясным поклоном и произносить молитву: «Со страхом и любовью приступаем Ти,

Христе, и веруем словесем твоим; страхом убо греха ради (со страхом, потому что грешны. — *Е. Р.*), любовью же спасения ради (с любовью же из-за того, что спасены Тобой. — *Е. Р.*)». После целования, отступив от аналоя и сделав поклон, говорили: «Веруем, Господи, во святое Твое Евангелие, Христе Боже, помози (помоги) нам и спаси души наши». И затем иноки просили прощения у клиросов, положив земные поклоны.

Поскольку всенощное бдение было чрезвычайно длительной службой, для подкрепления сил братии после псалма «Благословлю Господа на всякое время», когда священник говорил: «Благословение Господне на всех», монахам раздавались благословенные хлеб и вино, освященные на вечерне (в Кирилло-Белозерском монастыре инокам полагалось по две чаши вина (*РНБ. Кир.-Бел. № 60/1137. Л. 130*)).

Служба утрени была построена так, что с первым проблеском утренней зари священник, повернувшись лицом к алтарю, торжественно возглашал: «Слава Тебе, показавшему нам свет». Начиналось «Великое славословие», древнейшая, как и «Свете тихий», христианская песнь. «Вид рождающегося из ночной тьмы утреннего света настраивал молящихся к созерцанию Бога как несозданного света («во свете Твоем узрим свет»)» (*Скабалланович. С. 305*). «В этом прославлении... мысль уже... всецело погружается в благодарное созерцание всей высоты Божией и всего ничтожества и недостойнства нашего перед Ним». Великое славословие является зенитом утрени, во время его пения все монахи, как и во время чтения Евангелия, стояли с зажженными свечами и гасили их, когда заканчивалась песнь.

В конце первого часа утрени совершалось елеопомазание, которому предшествовал особый процесс приготовления освященного масла. Перед иконой праздника, который совершался в этот день, ставили лампаду (кандилию), в нее наливали масло и перед чтением Евангелия зажигали. После Евангелия масло гасили и снова зажигали на девятом каноне утрени, теперь оно уже горело до самого конца утрени.

К елеопомазанию подходили в том же порядке, что и сейчас: сначала целовали праздничную икону, потом помазывались — святым маслом начертывался крест на челе (на лбу). В монастырях служащий священник первым помазывал игумена, затем игумен помазывал священника и остальную братию, через некоторое время священник менял игумена. Помазывая иноков, игумен называл их имена и говорил молитву: «Благословение Господа Бога и Спаса Нашего Иисуса Христа, на рабе Божиим (имя) на здравие и на спасение, на оставление грехов» (*Устав церковный Иосифова монастыря // Горский. С. 324*).

В некоторых общежительных монастырях вседневное бдение служили по скитскому обычаю, например, в обители преподобного Евфросина Псковского. Такой порядок службы преподобный, видимо, выбрал, чтобы усугубить подвиг, который несли его монахи. От службы общежительных монастырей скитское вседневное отличалось своим составом и продолжительностью. Оно начиналось после вечерней трапезы, в первом или втором часу ночи (считая от захода солнца), и продолжалось всю ночь до утренних зорь. После обычных начальных молитв вычитывали сразу три кафизмы (из Псалтыри) подряд, канон Пресвятой Богородице. После молитвы «Достойно есть» все садились и слушали божественные писания. Чтение продолжалось час или два (по усмотрению настоятеля). Читали внятно, не торопясь, как бы рассказывая, чтобы все было понятно. Если кто из монахов что-то не понимал, то спрашивал и слушал объяснения. В это время проходила исповедь.

Затем вновь читали три кафизмы, канон Иисусу Христу или тот, который повелит настоятель. И опять три кафизмы, стихиры празднику, в канун которого собралась братия. Если это была воскресная служба, то читался канон Святой Троице. После канона пели молитву «Достойно есть», служили литию («всенародное моление», общее моление, совершаемое в притворе храма), далее следовали молитвы «Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко», «Богородице Дево, радуйся» (три раза), «Буди имя Господне»

(три раза) и опять следовало чтение божественных писаний. Потом звонили к заутрене. Читали «Трисвятое», тропарь «Спаси, Господи, люди твоя», шестопсалмие, тропарь Воскресению или предстоящему празднику и 17-ю кафизму (таким образом, на скитском всенощном вычитывали десять кафизм). После тропарей «Ангельский собор» совершался выход с Евангелием. Затем следовало чтение канона, на седьмой песни канона читали Пролог, в это время можно было сидеть. Затем следовала «Песнь Богородицы»: «Величит душа моя Господа» (ее не пели, а говорили на скитской службе), канон, «Великое славословие» (по правилу скитской службы, все молитвы, тропари, кондаки читались, пели только «Достойно есть» и «Великое славословие»), молитвы и отпуст, затем молитвы первого часа дня и отпуст, после которого все благословлялись у настоятеля и расходились по кельям. Повечерие и полунощницу иноки скита вычитывали в кельях.

Нетрудно догадаться, что такая служба была под силу далеко не всем и требовала определенного навыка. Однажды в монастырь преподобного Евфросина пришел некий священник из Великого Новгорода. Он считал себя духовным подвижником и в глубине души даже гордился этим. Священник много слышал о подвигах монахов Елеазарова монастыря и решил сравнить их со своими. Преподобный Евфросин принял его с радостью и даже выделил ему отдельную келью для отдыха душевного и телесного. Весь день священник трудился вместе с братией, а как село солнце, пошел на службу. Уже было глубоко за полночь, когда прочитали почти полпсалтыря, каноны и закончилось «великое чтение» (видимо, чтение божественных писаний) и половина «прочего пения» (то есть других молитв).

Это перечисление состава службы в Житии преподобного Евфросина говорит о том, что служили именно скитское всенощное. Кроме того, если бы служили обычную службу, она бы не вызвала удивления у священника. А тут он, не понимая состава странной службы и утомившись от дневных трудов,

стал впадать в малодушие. Сон валил его с ног, он шатался как пьяный, прислонялся к стене, часто кивал головой, которая падала ему на грудь; глаза закрывались сами собой. Наконец, немного справившись со сном и не видя ни конца, ни края службе, он подошел к одному из клириков и спросил его: «Уже далеко за полночь. И что это за пение (то есть служба. — *Е. Р.*): то псалтырь, то каноны, то продолжение чтения. И будет ли этому конец или мне конец придет?» (*ЛДПИ. Т. 173. С. 73*). Опять же из перечисленного состава службы видно, что священник достоял только до конца вечерни. Клирик ответил: «Когда час дня начнется (то есть в седьмом часу утра. — *Е. Р.*), тогда закончится служба».

Ничего не сказав на это, священник достал лентеон (полотенце), опоясался им, связал концы вместе и накинул их на спицу, торчавшую из стены, потому что стоять он уже не мог, а в церкви, видимо, не было даже скамеек, чтобы сидеть во время чтения святоотеческих творений. На полотенце священник провисел до конца бдения. В монастыре преподобного он прожил еще десять дней, «едва скорота» их. Когда вернулся в Новгород, к нему собрались домашние и знакомые и спросили его, какое впечатление на него произвели иноки обители преподобного Евфросина. Помолчав немного, он ответил: «Видите ли вы это дерево? Оно не требует ни сна, ни дремания, никакого покоя. Так и он (Евфросин) пребывает там с братией: железный с железными». Они же услышав такой ответ, спросили его: «Ты еще пойдешь туда, где такие многие духовные труды совершаются?» Он же ответил им: «Не могу я, плотской человек, перестоять дерево и превзойти бесплотных в трудах» (*Там же. С. 75*).

Когда завершалась служба первого часа дня, начинался цикл дневного богослужения, состоящий из третьего часа, шестого часа и литургии. Третий час соответствует нашему десятому, одиннадцатому и двенадцатому часам дня; шестой соответствует первому, второму и третьему часам после полудня. Суточное богослужение завершалось обедней, за кото-

рой служили литургию — самое важное христианское богослужение, ибо за литургией совершается таинство евхаристии — приношение Богу таинственной жертвы Тела и Крови Христовой под видом хлеба и вина в воспоминание совершенного Им искупления мира.

Обедня

Обедня в обычные дни начиналась через два с половиной — три с половиной часа после заутрени. Когда звонили к обедне, пономарь зажигал свечу на престоле, перед Царскими вратами и «перед Пречистой» (иконой Пресвятой Богородицы). Чин литургии в XV—XVI веках почти не отличался от нынешнего за исключением некоторых богослужебных особенностей — проскомидию совершали на трех и пяти просфорах. При возгласе «Возлюбим друг друга» священник говорил особую «Молитву в любовь, еже есть мир»: «Господи Иисусе Христе, любви творче и дателю благых, дай же нам рабом твоим любити друг друга, якоже ны (нас. — *Е. Р.*) Ты возлюби, да единою любовью уединени сущи к Тебе Богу приближаемся и хвалы Тебе воссылаем и причастимся Святых Твоих Таин» (*Горский. С. 21—22*).

На литургии, как на любой монастырской службе, соблюдалось четкое правило о поклонах и возжжении свеч. Монахи творили земные поклоны на выходе с Евангелием, на ектеньях и на сугубых (особых) ектеньях за царя — по три поклона, на Херувимской песни — два поклона поясные, один земной. Во время чтения «Символа веры» («Символ» раньше читали, а не пели, как сейчас) каждый человек, как гласит устав, должен перекреститься. После молитвы «Отче наш» следовал земной поклон. Перед Святым причастием, когда священник говорил: «Со страхом Божиим», и на благодарственной молитве после причастия «Да исполнятся уста наша» иноки творили один земной поклон. В конце литургии, на молитве «Буди имя Господне», и на отпусте часов следовало три поклона.

Перед чтением Евангелия зажигали свечу у иконы Спасителя в местном ряду иконостаса. Когда после Евангелия читали молитвы за усопших (в монастырях в это время прочитывали синодики), свечу гасили. Во время различных священнодействий на литургии — при начале Великого входа, при внесении Святых Даров в алтарь и когда священник перед причастием возглашал «Со страхом Божиим» — иноки должны были произносить про себя особые молитвы. Молитва «Верую, Господи, и исповедую, яко Ты еси Сын Божий», которую сейчас читают перед Святым причастием, раньше произносилась монахами еще в начале Великого входа, причем она немного отличалась от современной (*Никольский. Общинная и келейная жизнь. С. 906*).

Во время причастия соблюдалось строгое благочиние. Когда ожидали причастия, братия по двое подходили к настоятелю или священнику (если не было игумена) и просили у него прощения, затем у клироса и у остальной братии, после чего целовали образы Спасителя и Пресвятой Богородицы. К святыне шли уже по одному, положив три земных поклона и поцеловав праздничную икону. Схимники причащались в схимах, монахи малой схимы — с непокрытой головой, сняв клобук и скуфью и положив их за пазуху. После причастия вкушали просфору, запивая ее «укропом» — теплой водой, после чего умывали уста над лоханью. Ко дню причастия монахи всегда готовились особенно тщательно: постились несколько дней, усиливали свое молитвенное правило.

Преподобный Пафнутий Боровский, например, когда хотел причаститься, то накануне целую неделю ни с кем не разговаривал: не только с мирянами и братией, но и со своими келейниками, даже о неотложных делах. Пост перед причастием преподобный Пафнутий не оставлял и во время болезни. Повесть о последних днях Пафнутия, написанная его келейником Иннокентием, рассказывает, как, предчувствуя свое преставление, святой стал готовиться к последнему причастию. Преподобный был уже очень слаб,

и братья уговаривали его поестъ, к тому же наступила праздничная суббота накануне дня Святой Троицы. Но на все уговоры святой ответил так: «Я и сам знаю, что суббота и Пятидесятница, но написано в правилах: хоть и очень тяжело будет, но три дня поститься болящему ради причащения Святых Таин». Услышав такой ответ, иноки удивились великой предосторожности святого и больше не докучали ему (*Ключевский. С. 443*).

Раньше отпуска службы из церкви выходить не разрешалось, кроме случаев болезни или крайней необходимости. Причем инок, который находился под руководством старца, мог уйти только с его благословения и сказав ему о причине. Один старый монах Волоколамского монастыря рассказал крутицкому епископу Савве Черному — автору Жития преподобного Иосифа Волоцкого, что во времена преподобного монахи никогда не дерзали покидать храм прежде отпуска. Тогда в обители еще не было теплой церкви, служба даже зимой проходила в единственном неотапливаемом храме монастыря. Ни у кого из монахов не было шуб, «и у обедни стояли те доблестные Христовы страдальцы в одной ризе», не ропща, а вспоминая адский холод, ожидающий грешников. Зима же стояла такая студеная, что птицы замерзали на лету (*ВМЧ. Сентябрь. Стб. 467—468*).

Чин Панагии

После литургии братья всегда ждала, когда вынесут Панагию. «А доколе панагии не вынесут, и ты с места своего не мози ступати», — сказано в уставе Кирилло-Белозерского монастыря (*Никольский. Общинная и келейная жизнь. С. 907. Прим. 2*). Этот чин иноку не следовало оставлять даже во время путешествия. Слово «Панагия» в переводе с греческого языка значит «Всесвятая», так именуется обычно Богородица, но в чине Панагии это название относится к просфоре, из которой на литургии была изъята частица в честь Пресвятой Богородицы. По окончании

литургии эта просфора переносится из храма в монастырскую трапезу, где ее полагают на особом блюде в «устроенном месте» — на аналое под иконами; рядом помещаются иконы Святой Троицы и Пречистой Девы, необходимые для совершения чина. Чин Панагии соединяет трапезу с только что окончившейся литургией настолько, что литургия передает свою благодать трапезе. Благодаря чину Панагии монастырский обед превращается в настоящее богослужение (*Скабалланович. Вып. 2. С. 51*).

История этого монастырского чина уходит в апостольские времена. Согласно церковному преданию, апостолы после Сошествия на них Святаго Духа жили вместе и обычно за столом оставляли незанятое место для Христа, полагая там «укрух» (кусок) хлеба. По окончании обеда и благодарственных молитв они поднимали этот укрух со словами: «Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе. Слава Отцу и Сыну и Святому Духу. Велико имя Святой Троицы. Господи Иисусе Христе помогай нам». Этот чин они совершали и отдельно, когда разошлись для проповеди Евангелия по всему свету. Собранные чудесно на Успение Божией Матери и совершив ее погребение, они на третий день сидели вместе за трапезой. Когда после обеда апостолы по своему обыкновению подняли укрух и произнесли: «Велико имя...», то увидели на воздухе Пресвятую Богородицу, окруженную ангелами. Она обещала пребывать с ними всегда. Тогда апостолы невольно воскликнули вместо «Господи Иисусе Христе, помогай нам» — «Пресвятая Богородице, помогай нам» (*Там же. С. 58*).

В XV—XVI веках чин Панагии в русском монастыре происходил так: первым из храма в трапезную шел священник, служивший литургию, он нес на особом блюде Панагию; за ним следовал игумен и вся братия строго по одному («един по единому») с пением 144-го псалма (неумеющие грамоте читали про себя Иисусову молитву). Псалом пелся так, чтобы его можно было закончить со входом в трапезную. Войдя в трапезную, священник становился на правой стороне и читал молитву «Господи, Боже наш, небес-

ный, животворящий...». По окончании молитвы священник кланялся игумену и вынимал частицу из Панагии, которая называлась «Хлебец Пречистой» (в XVI веке в Кирилло-Белозерском монастыре возносили не всю просфору, а ту часть, которую вынимали перед трапезой), говоря тропарь Благовещению Пресвятой Богородицы: «Днесь спасению нашему начаток». Вынутую частицу полагали на панагиаре и ставили в трапезной на аналое. Затем читали молитвы перед вкушением пищи, и начиналась трапеза.

По окончании обеда следовало краткое благодарение за трапезу, все вставали и молились, прося благословения на совершение чина Панагии. Возношение мог совершать диакон, чтец, келарь или один из иноков. В Кирилловском монастыре игумен передавал «Хлебец» диакону. Тот просил прощения у игумена, готовя себя к священнодействию: «Прости мя, отче святой...» И игумен отвечал: «Благодатию Своею Бог да простит и помилует». Диакон, сняв куколь, брал просфору тремя пальцами (двумя с правой руки и одним с левой), а остальными делал сень над просфорой и поднимал ее немного над иконой Святой Троицы, громко говоря: «Велико имя». А настоятель отвечал: «Пресвятая Троица». Далее диакон переносил просфору и крестообразно знаменовал ею икону Богородицы, говоря: «Пресвятая Госпоже Богородице, помогай нам». И клиросные монахи отвечали: «Тоя (Ее. — *Е. Р.*) молитвами, Христе Боже, помилуй и спаси душа наша», «Блажим Тя вси роди, Богородице Дево». Далее клирос пел: «Блажим Тя вси роди, Богородице Дево, преблаженную и непорочную и Матерь Бога нашего. Тебе, Богородице, блажим вси роди, Ты бо молиши за нас Христа Бога нашего». Потом пели молитву «Достойно есть». Игумен говорил молитву: «Милостив и щедр Господь, пищу дал есть боящимся Его». То же повторял клирос. После этого игумен раздроблял «Хлебец Пречистой» и раздавал братии. Далее читали «Трисвятое» и после молитвы «Отче наш» кондак празднику или благодарственные тропари и молитвы («Чин о Панагии» опубл.: *Шаблова. О трапезе. С. 35—36*).

После заключительных благодарственных молитв игумен говорил: «Благословен Бог, милуяй...» и благодарил всех, служивших за трапезой. Так заканчивалась трапеза и Чин Панагии.

Годовой круг богослужений

Суточные службы не совершаются отдельно от служб недели или года. Их разнообразный состав определяется тем, что к одной и той же службе: вечерне, утрени и литургии присоединяются чтения и пения, связанные с воспоминаниями определенного дня недели или праздника года.

В каждом монастыре существовал особый календарь, где подробно перечислялись все службы на каждый день года. Все праздники, по Иерусалимскому уставу, принятому Русской Церковью в XV веке, делились на несколько степеней: великие, средние и малые. Великие праздники в календаре обозначались крестом в круге. Они имели дополнительные дни празднования: предпразднства и попразднства. К числу великих праздников относились не только двенадцатые праздники (Рождество Пресвятой Богородицы, Воздвижение Честного Креста, Введение во храм Пресвятой Богородицы, Рождество Христово, Крещение Господне, Сретение Господне, Благовещение Пресвятой Богородицы, Вход Господень во Иерусалим, Вознесение Господне, Пятидесятница или Троица, Преображение, Успение Пресвятой Богородицы), но и дни великих святых, апостолов Иоанна Богослова, Петра и Павла, Рождество и Усекновение честной главы святого пророка Иоанна Предтечи.

По чину великих праздников в монастырях праздновались дни памяти местных святых. В Кирилло-Белозерском монастыре к великим праздникам по чину богослужения были причислены также день преставления преподобного Сергия Радонежского (25 сентября), день памяти апостола Иоанна Богослова (26 сентября), день святого Варлаама Хутын-

ского (6 ноября), преподобного Димитрия Прилуцкого (11 февраля), преподобного Зосимы Соловецкого (16 апреля), хотя устав о трапезе в эти дни был все-таки на ранг ниже, чем в двенадцатые и великие праздники. В великие праздники отменялись службы часов, поклоны и работы на монастырь в течение всего дня. В средние праздники братия освобождалась от службы часов, поклонов и от работ до обеда. В менее крупные праздники отменялись часы и поклоны, но не отменялись послушания. В каждом монастыре разные праздники (кроме основных великих) могли попасть в разные категории в зависимости от установившейся традиции и воли настоятеля.

Неподвижный круг праздников

Церковный год — «новолетие» начинался 1 сентября, в этот день также празднуется память святого Симеона Столпника. Накануне праздника служили великую вечерню. К службе звонили трезвоном, но без большого колокола. В самый день праздника служили утреню с великим славословием и литургию, по окончании которой в некоторых монастырях совершался особый древний чин, заимствованный из Византии, — «чин летопроводства». Прошедший год — лето — провожали молением, дабы Господь благословил его «венец» (конец). В храме совершали молебен и литию, а затем Крестным ходом обходили монастырь, завершали «чин летопроводства» молебном. На молебне священник или игумен возносил ектеньи «О благочестивом царе нашем, о всей палате и воинстве его и о христоролюбивых людех» и обо всей Русской земле: «О еже не движиму и не сожигаему и не обагряему сохранитися граду нашему и всякому граду и стране». После ектеньи священник трижды знаменовал народ крестом на все четыре стороны и следовало чтение из Евангелия от Луки о проповеди Господа Иисуса Христа в Назарете (*Лк. 4, 16—22*). В конце молебна священник всех поздравлял с «новолетием» — с Новым годом. Крестный ход возвращал-

ся в храм с пением стихир уже новому лету (*Никольский К. С. 112*).

8 сентября подходил первый двенадцатый праздник года — Рождество Пресвятой Богородицы. В навечерие праздника звонили во все колокола. В Волоколамском монастыре совершали всенощное бдение, как и полагалось по Иерусалимскому уставу. А в Кирилло-Белозерском монастыре служили вечерню, повечерие и утреню, которая предварялась полунощницей. Утренняя начиналась с шестопсалмия в конце пятого часа ночи (то есть около трех утра по нашему исчислению). Игумен служил с большим кадилом, на величании он и священники облачались в камчатые ризы (из камки — шелковой цветной ткани с разными узорами и разводами), а на литургии — в жемчужные. На утрене в начале первого часа совершалось помазание освященным маслом (элеопомазание).

14 сентября — Воздвижение Креста Господня. Накануне предпразднества Воздвижения ризничий возлагал крест на жертвенник. Когда начинали звонить к вечерне, священник облачался в ризы и вместе с диаконом кадил крест. На вечерне, после пения тропаря и кондака Кресту, священник возлагал крест на голову и переносил его на престол, на евангельское место, а Евангелие перекладывалось на Горнее место. Перед крестом ставили возжженную свечу на всю ночь. Этот обычай имеет свое историческое объяснение. Светильник, зажженный перед крестом на всю ночь в предпразднество Воздвижения, напоминает о лучезарном свете, среди которого крест явился на Небе византийскому императору Константину Великому (*Дебольский. Ч. 1. С. 90*).

Придворный историк императора Евсевий Кесарийский рассказывает об этом чуде так. Константин Великий собирался сразиться с Максенцием, но силы его были гораздо слабее войска противника. Император, понимая, что ему нужна помощь свыше, раздумывал, какого Бога призвать себе на помощь. И вот однажды в полуденные часы Константин и его войско увидели «составившееся из света и лежавшее

на солнце знамение креста с надписью: сим (этим. — *Е. Р.*) побеждай. Это зрелище объяло ужасом как его самого, так и все войско, которое, само не зная куда, следовало за ним и продолжало созерцать явившееся чудо» (*Евсевий Памфил. С. 44*).

Сам праздник Воздвижения связан с обретением в 326 году императрицей Еленой (матерью императора Константина) креста, на котором был распят Иисус Христос. Императрица, иерусалимский патриарх Макарий и множество людей поклонялись обретенному кресту на Голгофе, но из-за большого стечения народа не все могли видеть Животворящий крест. И тогда патриарх Макарий, взяв крест, стал воздвигать (поднимать) его, показывая народу. А христиане, видя крест, с благоговением молились: «Господи помилуй!»

Чин Воздвижения Креста в монастырях совершал игумен или священник, служивший утреню. Когда клирос пел великое славословие, игумен облачался в ризы и во время пения последнего «Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный, помилуй нас!» возлагал себе на голову блюдо с крестом и выходил северными дверями из алтаря. Перед ним торжественно несли два светильника. В это время отворялись Царские врата. Игумен полагал крест на аналое, устроенном среди церкви перед Царскими вратами, и, взяв кадило у диакона, кадил крестообразно крест, потом трижды кланялся кресту до земли. Диакон возглашал: «Премудрость прости», а клирос трижды пел тропарь Кресту: «Спаси, Господи, люди своя», диакон возглашал ектенью, после чего игумен, встав с крестом перед аналоем, лицом к востоку, громко произносил: «Помилуй нас, Боже» и воздвигал крест на четыре стороны света: сначала на восток, потом на юг, на запад, на север и снова на восток. Чин воздвижения сопровождался пением «Господи помилуй». Интересную особенность этот чин имел в Антониево-Сийском монастыре. Когда священник воздвигал крест, диаконы, подложив ему «под пазухи» полотенце, придерживали его за концы (*Дмитриевский. С. 150*).

После пятикратного воздвижения креста при пении кондака празднику «Вознесыйся на крест волею» он полагался на дискосе, лежавшем на аналое. Игумен и священники целовали крест и просили прощения с земным поклоном у клиросов и уходили через Царские врата в алтарь. Далее к целованию креста подходили братия по двое: поцеловав крест, иноки также просили прощения у клиросов. А братский хор до конца целования все время пел тропарь Кресту. В самый день праздника игумен служил литургию в жемчужных ризах. Крест на аналое лежал до отдания праздника — до 21 сентября, в этот день после обедни священник с диаконом уносили крест в алтарь (*РНБ. Кир.-Бел. № 60/1137. Л.48 об. — 50 об.*).

Великим праздником, как уже говорилось выше, в Кирилло-Белозерском монастыре был день преставления преподобного Сергия Радонежского — 25 сентября. Чин богослужения в этот день совершался так же, как и в великий праздник: служили всенощное бдение с елеопомазанием, к службе звонили во все колокола. Утром совершали «монастырский молебен» (более торжественный, чем рядовой), а литургию служил игумен со всем «собором». Братии на праздник преподобного Сергия полагался большой корм, как в двенадцатые праздники.

Праздник Покрова Пресвятой Богородицы (1 октября) всегда был большим и любимым праздником на Руси. Греческая Церковь его не знала. Накануне вечерни в Кирилло-Белозерском монастыре звонили во все колокола, утреню служили с полиелеем. В день праздника совершался монастырский молебен, но литургию совершал не «собор» с игуменом, а «прибылой священник» — из тех, кого монастырь иногда нанимал для совершения богослужений.

Накануне предпразднества Введения Пресвятой Богородицы, которое совершалось 20 ноября, вечером звонили только в два колокола, братия в этот день до вечерни ничего не вкушали, кроме одной просфоры, и квас перед мефимоном не пили («на погреб келарь не зовет»). На следующий день, накануне

самого праздника, служили вечерню. Все иноки на службу одевали «долгие» (длинные) мантии. В девятом часу ночи, то есть около четырех утра, после будила звонили во все колокола к полунощнице, потом служили утреню и обедню.

Далее подходил черед величайшего праздника — Рождества Христова (25 декабря). В последний день перед праздником совершается навечерие Рождества Христова, свидетельствующее об особенной важности наступающего торжества. В навечерие совершаются часы, именуемые Царскими, потому что в древности при этом богослужении пели многолетие царям (*Дебольский. Т. 1. С. 32*). Древний обычай Греческой Церкви был принят и на Руси, в некоторых монастырях многолетие — «Обыденное многолетно» совершалось на Царских часах, в других — в конце вечерни. Пономарь во время чтения 33-го псалма ставил напротив Царских дверей зажженную свечу. По окончании псалма диакон возглашал: «Премудрость». Правый клирос пел: «Достойно есть», левый: «Слава и ныне», «Господи помилуй» (дважды), «Господи благослови». После отпуста левый клирос пел тропарь празднику, правый — кондак, а затем левый — многолетие: «Многолетны устрой Бог благородныя, христоробивыя, богоизбранныя князья наша многа лета». Затем следовало многолетие митрополиту: «Многолетна устрой, Боже, преосвященного господина нашего митрополита киевского всея Руси на многа лета». И в конце пожелание многолетия звучало в адрес игумена и братии: «Спаси, Христе Боже, преподобного отца нашего (имя), со всею ему о Христе братиею» (*Дмитриевский. С. 159*).

Царские часы совершаются при открытых Царских вратах, среди храма, перед Евангелием, положенным на аналое, как бы в знамение того, что Спаситель уже не таится, как некогда во мраке вертепа, но сияет всем народам. За час до вечера, то есть около четырех вечера, совершали литургию Василия Великого и вечерню (*РНБ. Кур.-Бел. № 60/1137. Л. 59*). Столь позднее совершение литургии в сочельник является особенностью древнего монастырского бого-

служения, в настоящее время литургия так поздно никогда не служится. После литургии и вечерни «на третьем часу ночи», то есть в седьмом часу вечера по нашему исчислению, совершалась трапеза «при свечах» (*Волоколамский обиходник. С. 11*). Такая трапеза полагалась по монастырскому уставу только в навечерие Рождества и Крещения (Богоявления). Понятно, что любая вечерняя трапеза проходила при свечах. Но это особое указание типикона подчеркивает торжественность обстановки трапезы, во время которой зажигалось, видимо, множество свечей. Поскольку трапеза в монастыре всегда тесным образом связана с богослужением, то подобный характер трапезы имел свой богословский смысл. Тема света буквально пронизывает песнопения Рождественской службы: «Рождество Твое, Христе Боже наш, возсия мирови свет разума».

После трапезы братия расходились по кельям. В сам праздник Рождества в Волоколамском монастыре совершалось всенощное бдение: перед чтением Евангелия игумен со всем собором облачался в «большие саженные ризы», а еkkлесиарх раздавал братии и мирянам свечи. А в Кирилло-Белозерском монастыре служили великую вечерню и в конце девятого часа ночи (около четырех утра) утреню. Молебен и обедню служили в первом часу дня (то есть в шестом-седьмом часу утра по нашему исчислению).

Служба на Богоявление (6 января) совершалась по тому же порядку, как и на Рождество, ибо эти два праздника связаны между собой неразрывно и составляют как бы одно торжество. В стихире службы празднику Крещения Церковь так и говорит: «От Вифлеема на Иордан прейдем» (*Дебольский. Кн. 1. С. 58*). В древности Богоявление называли еще «праздником светов», «святыми светами» или «просвещением». Если в Рождестве своим Сын Божий явился еще «сокровенно» (слова блаженного Иеронима), то в день Крещения этот Божественный свет стал явленным для всех. Когда Спаситель крестился в водах Иорданских, произошло явление Пресвятой Троицы. «Бог Отец явился из отверзтых небес, гласом свидетельствуя о

Христе крестившемся: “Сей есть Сын мой возлюбленный, о нем же благоволих” (Мф. 3, 17)». И подтверждая глас Бога Отца, явился Дух Святой в виде голубя. Особо торжественно в этот день была явлена Божественная природа Спасителя, «вступившего в свое открытое служение для искупления мира» (*Дебольский. Т. 1. С. 54*). Поэтому тема света, которая как бы только разгоралась в рождественских песнопениях, в службе празднику Богоявления становится доминантной.

Крещению предшествует празднование Навечерия, именуемое Крещенским сочельником. К литургии звонили за два часа до вечера, то есть около трех часов дня, а к вечерне — за час до вечера (около четырех часов). После литургии и вечерни в храме игумен, облаченный в праздничные ризы, освящал воду. Возложив блюдо с крестом себе на голову, он выходил через северные двери алтаря в храм, впереди шли диаконы со свечами, а позади священники и диаконы без скуфей. Во время освящения воды священники и клиросные монахи стояли с зажженными свечами. После великого освящения воды крест клали рядом с Евангелием на аналое. После целования креста братия причащалась святой воде и вкушала антидор. В Волоколамском монастыре вся братия, освятит воду, направлялась в трапезную. Здесь один священник «знаменовал» монахов крестом, а другой кропил их водой. Затем монахи вкушали антидор (частицы просфоры, из которой на проскомидии вынимается Агнец) и освященную воду, после чего произносился отпуст службы.

Накануне самого праздника в Волоколамском монастыре совершалось всенощное бдение. В Кирилло-Белозерском монастыре утренняя начиналась в половине девятого часа ночи (то есть в половине четвертого утра). Подчеркивая богословский смысл праздника, на службе зажигались все светильники. Так, например, в обиходнике Волоколамского монастыря особо оговорено, что на службе Богоявлению в храме должны гореть все паникадила, и не только братия, но и миряне должны стоять с зажженными свечами (*Волоколамский обиходник. С. 12*).

После всенощной или утрени во втором часу дня (то есть в седьмом-восьмом часу утра по нашему исчислению) братия шествовала Крестным ходом («со кресты») при колокольном звоне, свете светильников и пении праздничных песнопений на Иордан — прорубь на реке, вырубленную крестообразно. Здесь совершалось великое освящение воды в воспоминание Крещения Иисуса Христа «в водах Иорданских». Священник, читая молитву «Велий еси Господи», трижды благословлял воду рукой. У «Иордана» стояли диаконы с тремя зажженными свечами в руках, когда священник говорил прошение: «Сам и ныне владыко освяти воду сию Духом твоим святым и огнем», горящие свечи погружали в воду (*Горский. С. 77—78*). Это действие символизировало собой нисхождение на воду Святаго Духа, который в день Пятидесятницы сошел на апостолов в виде огненных языков (*Одинцов. С. 291—292*).

В завершение чина в воду троекратно погружали Крест с молитвой «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа» в знак того, что Господь, принимая крещение, трижды погружался в Иордан. Завершая великое освящение воды, пели тропари Кресту. Вернувшись с Иордана в храм, братия во главе с игуменом служили всем собором праздничный молебен. После молебна священник кропил крещенской водой иноков и мирян. Далее следовала обедня, которую совершал игумен с собором. Освященную воду обыкновенно посылали государю.

Праздник Сретения (2 февраля) был установлен Церковью в воспоминание встречи (сретения) праведного старца Симеона и младенца Христа, которого по исполнении сорока дней от Рождества Дева Мария и Иосиф принесли в храм на посвящение Богу. В день Сретения, принимая на свои руки Младенца Христа, старец Симеон (которого так и прозвали — Богоприимец) засвидетельствовал перед всеми, что Младенец, которого он держит в своих объятиях, — сам Господь. Согласно церковному преданию, праздник Сретения стал торжественно совершаться при византийском императоре Юстиниане I (527—565) после трагиче-

ских событий, потрясших империю. Сначала в Антиохии случилось страшное десятидневное землетрясение, спустя несколько лет в Константинополе и его окрестностях распространилась моровая язва, унесшая тысячи жизней. По откровению свыше было совершено всенощное бдение празднику Сретения и Крестный ход, после чего бедствия прекратились (*Дебольский. Ч. 1. С. 52*). В русских монастырях (например, в Волоколамском, Кирилло-Белозерском) сохранился обычай после всенощного бдения или утрени совершать Крестный ход вокруг обители с пением литии и канона празднику, на статиях (остановках) читались ектеньи (прошения) о даровании здоровья, спасения и мира благоверным князьям и княгиням, братии обители и всем православным христианам. Торжественность сретенского Крестного хода подчеркивалась тем, что все монахи, стоявшие до этого на службе в коротких мантиях, переодевались на Крестный ход в длинные мантии, которые носили даже не на каждый двенадцатый праздник. После Крестного хода все возвращались в храм и совершали обедню.

Праздник Благовещения Пресвятой Богородицы приходится обычно на Великий пост (в редких случаях он может совпадать по времени с Пасхой). Накануне праздника в Волоколамском монастыре служили всенощное бдение, игумен облачался в белые ризы, все священники — в «камчатые». Утрени в Кирилло-Белозерском начиналась ангельским славословием, воспетым при Рождестве Спасителя: «Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение» (*Лк. 2, 14*). После кафизмы начиналась самая торжественная часть утрени — полиелей. Перед пением величания празднику братии раздавали свечи. Великое славословие на этой службе не пели, как в другие праздники. После службы, во втором часу дня (то есть в восьмом часу утра по нашему исчислению), как и на праздник Сретения, братия совершала Крестный ход вокруг обители, на статиях возносили ектеньи, после Крестного хода все возвращались в храм к обедне. В Кирилло-Белозерском монастыре игумен и священники служили обедню в жемчужных ризах.

Подвижный круг праздников (триодный круг) начинается тремя подготовительными неделями к Великому посту. Далее следуют шесть недель Великого поста, Страстная седмица, семь седмиц Пятидесятницы, и заканчивается круг седмицей после Пятидесятницы. Сейчас на службах подготовительных недель поются покаянные стихи: «Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче». В прежние времена в это время пели только одну стихирю: «Множество содеянных ми зол». Последняя, именуемая Сырной, седмица перед Святой Четыредесятницей завершается воскресением, посвященным воспоминанию изгнания прародителей — Адама и Евы из рая. На литургии словами Евангелия Церковь учит всех, что для получения от Бога прощения своих грехов надо прежде всего простить ближних: «Аще бо отпускаете человеку согрешения их, отпустит и вам Отец ваш небесный» (*Мф. 6, 14—20*).

Вечерню в воскресенье Сырной седмицы совершали уже в черных великопостных ризах. В древние времена пустытники египетские собирались в Сырную неделю последний раз за общим богослужением и, испросив друг у друга прощение, уходили в пустыню, чтобы в молитве и безмолвии совершать подвиг Четыредесятницы. В неделю Ваий они возвращались в монастырь. Этот обычай прощения перед Великим постом сохранился и в последующей истории Церкви. Интересные особенности чина прощения имел в русских обителях. В Троице-Сергиевом монастыре он совершался так. После отпуска вечерни на аналое помещали образ Пресвятой Богородицы. Архимандрит прикладывался к раке преподобного Сергия и аналойному образу, потом просил прощения, положив земные поклоны, у монахов на клиросах. За архимандритом следовали священники по двое и братья по двое. Приложившись к раке и иконе, они просили прощения у архимандрита (тот благословлял их рукой) и у клиросов. Во время чина к образам только прикладывались, но не целовали. Затем ино-

ки просили прощения у келаря, казначея и друг у друга. Все это время клирос пел покаянные стихиры. В Кирилло-Белозерском монастыре чин прощения совершался у иконы Пресвятой Богородицы, которую после заупокойной литии выносили в середину храма для целования. Братия ходили по двое и прощались у клиросов. Если кто по болезни не мог присутствовать в храме, то игумен ходил к нему прощаться в келью.

Обид за год действительно накапливалось немало. В одной рукописи XVI века, принадлежавшей Кирилло-Белозерскому монастырю, среди текстов служб находятся весьма необычные стихи, положенные на ноты. Стихи называются «Убо живу и како терплю» (РНБ. Кир.-Бел. № 649/906. Л. 142—144). Это слезная жалоба клиросного монаха на игумена, келаря, подкеларников и чашников, то есть на все монастырское начальство. Монах жалуется, что живут они, как на чужбине. Игумен, келарь и подкеларники упрекают и порицают их за любую мелочь, а сами, впав в грехи самолюбия, скупости и братоненавидения, творят непотребные дела: вкушают не в установленное время различные яства, а монахам и худых не дают, сами пьют вино, а они ни одной чаши не получают, хвалятся богатством одежд, а нищих и странников не милуют и оскорбляют. Стихи заканчиваются молитвой: «Владыко Царю Небесный Христе Боже наш, подаждь нам терпение противу их оскорбления и избави от насилия их и спаси ны Господи, яко чело-веколюбец» (Там же. Л. 144). Ропот на игумена и соборных старцев был тяжелым грехом для монаха, видно и то, что автор стихов — инок явно не подвижнического склада души. Но в монастыри приходили люди разные, были и малодушные. Как любой человеческий коллектив, монастырь не избегал противоречий и столкновений интересов и характеров. И лучшим способом их разрешить было покаяние и прощение друг друга.

На вечерней трапезе после чина прощения троицкий архимандрит угощал всю братию, слуг и служебников монастыря медом как бы в знак того, что ника-

кой горечи обид не осталось в сердцах иноков перед Великим постом. Это угощение совершалось очень торжественно. Монахи сидели в трапезе за столами, клирос пел стихи, диакон держал большую зажженную свечу, а архимандрит обходил всех: сначала священников, потом клиросных монахов и остальную братию. Каждому он подавал по два ковша меду: «обварного» и паточного. Затем садился на скамью, устланную ковром, к нему подходили слуги и также получали по ковшу меда (*Горский. С. 383*).

В Волоколамском монастыре игумен после вечерни посещал в кельях всех немощных и больных, кто не смог прийти в храм. В тот же день игумен обязательно посещал всех страждущих и престарелых старцев в Богорадном монастыре. «Сей бо есть долг наш неотложен, — сказано в обиходнике монастыря, — нужнейший всех других дел. Ради этого мы и сами помилованы будем» (*Горский. С. 393*).

Монашеский подвиг, смысл которого — труды покаяния и спасения собственной души, еще более усугубляется во время Великого поста. «Душе моя, душе моя, востани, что спиши, конец приближается» — в этих проникновенных и горьких словах звучат призыв и надежда, что душа сможет стряхнуть с себя сонное дремание в грехах и труды покаяния увенчаются успехом: «Воспрями убо, да пощадит тя Христос Бог».

На первой неделе Великого поста все ворота обители, большие и малые, затворялись до пятницы. Никто из монастырских слуг или гостей не входил в монастырь. В понедельник первой недели в девятом часу ночи (около пяти часов утра по нашему исчислению) звонили к утрени, потом следовали часы. Службы первой недели совершались в том же порядке, что и сейчас. Четыре дня — в понедельник, вторник, среду и четверг — служили, по уставу, великое повечерие с Великим покаянным канонам преподобного Андрея Критского. В среду и пятницу служили литургию преждеосвященных даров. Обедня начиналась в четвертом часу дня (то есть около десяти утра). Трапезник к службе «припасал» укроп, на целование в Ки-

рилло-Белозерском монастыре ставили образ Пресвятой Богородицы. После целования братия просила прощения у служившего священника, а на мефимонах первой недели поста (до пятницы) прощения не просили, как это обычно было в монастырях. В пятницу на обедне совершался такой же чин прощения, как и в Прощеное воскресенье, исповедь в этот день совершалась еще и на мефимоне.

В пятницу после литургии, начинавшейся на полчаса раньше, чем в среду, пели канон великомученику Феодору Стратилату и священник освящал «кутью» (коливо, сочиво — пшеницу, сваренную с медом). После освящения священник раздавал монахам антидор и кутью. Обычай вкушения колива в Православной Церкви является выражением веры в воскресение из мертвых, уподобленное зерну, которое, будучи брошенным в землю, хотя и подвергается тлению, но затем возрастает и приносит совершенный плод. В некоторых монастырях во время вкушения колива читали псалом «Благословлю Господа на всякое время» (в Кирилловом монастыре его читали сразу после литургии, еще до освящения колива).

Первая седмица (неделя) Великого поста в обиходниках русских монастырей именуется «Федоровой» в честь святого Федора Тирона. Воскресный день этой недели носит название Торжества Православия. Служба в этот день напоминает о драматических событиях борьбы за святые иконы в Византийской империи. В 727 году император Лев Исавр обнародовал указ, запрещающий почитать иконы. В империи наступила страшная эпоха иконоборчества, продолжавшаяся с перерывами более сотни лет. Святые иконы и мощи бросали в болота, в море и во всякие нечистые места, разрубали секирами, уничтожали фрески и мозаики, иконопочитателей подвергали пыткам, убивали и ссылали. Византийские монастыри опустели, иноки были вынуждены бежать во внутренние районы империи.

Последним из гонителей святых икон был император Феофил. В конце жизни его постигла жестокая болезнь, от которой уста его разверзлись до самой

гортани. Жена Феофила — благочестивая царица Феодора увидела во сне Пресвятую Богородицу в окружении сонма ангелов, которые наносили Феофилу многочисленные раны. Феофил все время кивал головой и кричал: «Горе мне бедному! Меня бьют за непоклонение иконам, за неуважение к ним меня мучат» (*Дебольский. Ч. 2. С. 86*). В 842 году после смерти императора Феодора повелела освободить всех узников, пострадавших за почитание икон. Восстановив иконопочитание, царица просила константинопольского патриарха Мефодия молиться о своем муже, чтобы Господь простил ему грех иконоборчества. С тех пор, по уставу Церкви, в течение Четырехдесятницы после часов в притворе храмов совершаются литии по усопшим. Особым поминальным днем является суббота. Так, в Волоколамском монастыре, как и в других русских обителях, каждую субботу Великого поста (кроме Великой) перед обедней игумен со всем собором служил панихиду.

Восстановление иконопочитания в Византии было ознаменовано торжественным Крестным ходом с иконами в первое воскресенье Великого поста, после которого при большом стечении народа была произнесена анафема гонителям святых икон. С той поры, по уставу Церкви, накануне праздника Торжества Православия совершается всенощное бдение. На праздничной службе в Кирилло-Белозерском монастыре читали «Слово» о явлении Пречистой Богородицы царице Феодоре, которое называлось так: «Если кто не покланяется образу, написанному на иконе, да будет проклят». Его дочитывали еще в понедельник на утрене (*РНБ. Кир.-Бел. № 60/1137. Л. 88—88 об.*).

Каждое воскресенье Великого поста, по церковному уставу, служится литургия святого Василия Великого. На этой литургии полагается петь задостойник «О тебе радуется, обрадованная, всякая тварь, ангельский собор и человеческий род». Однажды во время исполнения этого песнопения преподобный Елеазар Анзерский удостоился видения Пресвятой Богородицы. Сначала Она стояла у левого клироса лицом к храму. Когда запели «О тебе радуется», Богородица

переместилась в центр храма и стояла так до окончания стиха. Пропев молитву, иноки по обычаю поклонились алтарю, Пречистая Дева поклонилась монахам и стала невидима (*Крушельницкая. С. 332*).

Особенно торжественно в монастырях всегда праздновалась третья неделя Великого поста — Крестопоклонная. В навечерие Крестопоклонной недели, как и на праздник Воздвижения, крест на всю ночь оставляли на престоле, а перед ним ставили зажженную свечу. На утрене праздничной службы, во время пения Великого славословия, игумен, облаченный в «большие постные» ризы, переносил крест на аналой и кадил большим кадиллом, после чего вся братия прикладывались к кресту. В понедельник четвертой недели поста священник с диаконом выносил крест для поклонения в трапезу. Священник кадил крест и трижды пел со всем священным собором тропарь кресту, после чего клирос пел также трижды тропарь, потом стихиры и снова тропарь, во время пения которого братия подходили на целование ко кресту. После целования крест уносили в храм. Такой же чин совершался и во вторник. В пятницу четвертой недели крест выносили в начале службы часов. На шестом часу диакон кадил крест, игумен пел трижды тропарь кресту, клирос трижды повторял тропарь, стихиры и снова тропарь, братия подходили к целованию креста, а псаломщик начинал читать девятый час, после целования крест уносили в алтарь (*РНБ. Кир.-Бел. № 60/1137. Л. 89—89 об.*).

На утрене в четверг пятой недели поста по уставу полностью читаются Великий покаянный канон преподобного Андрея Критского и Житие преподобной Марии Египетской. Вечерня в Волоколамском и Кирилло-Белозерском монастырях начиналась в четвертом часу ночи (то есть в одиннадцать-двенадцать часов ночи по нашему исчислению). К службе звонили в четыре колокола. После вечерни, «без расхода по кельям», служили утреню. Перед канонем во всех монастырях читали «слово» из творений святого Ефрема Сирина. В Нило-Сорском скиту служба Великого канона проходила в трапезном храме. Брат, стоя

посреди трапезы, читал канон, положенный на аналое, а все остальные в молчании творили земные поклоны (*РНБ. Соф. № 1519. Л. 74—74 об.*). В больших монастырях канон читал канонарх. Перед каждой песней канона исполнялся припев: «Господи, услыши молитву раб твоих», а на каждом стихе канона полагалось творить три земных поклона. Житие преподобной Марии Египетской делили на две части: первую читали после третьей песни канона, а вторую — после шестой. На седьмой песни канона читали пролог и синаксарь. После утрени ради «труда бденного» служили литургию преждеосвященных даров.

В субботу пятой недели Великого поста Церковь совершает празднование Похвалы Пресвятой Богородицы, на праздничной службе поется акафист Богородице, поэтому праздник еще называют субботой Акафиста. Накануне служили мефимон меньшей. Ко всенощной звонили во все колокола, кроме большого, в конце пятого часа (около часа ночи). Акафист на утрени поется не весь сразу, а делится на четыре выхода, каждый выход начинается первым кондаком «Взбранной воеводе». Перед чтением акафиста на середине храма ставилась зажженная свеча на подсвечнике, на котором еще висело кадило с зажженным ладаном и благовониями. Канон читали перед аналоем, на котором лежало Евангелие. Во время первого икоса игумен или священник облачались в ризы, под ноги игумена расстилали ковер, на котором он и священники стояли во время чтения акафиста. Песни канона утрени пели, а не говорили, при пении начального кондака «Взбранной воеводе» ектесиарх кадил весь храм (*РНБ. Кир.-Бел. № 60/1137. Л. 92 об.—93*). В Кирилло-Белозерском монастыре слова: «Радуйся, Невесто Неневестная» сначала пел правый клирос, а «Аллилуйя» — левый, потом наоборот. Кондак «Взбранной воеводе» повторяли оба клироса на середине храма. В конце службы Акафиста Евангелие уносили в алтарь, а братия прощались у клиросов.

В пятницу шестой недели накануне Лазаревой субботы на монастырских службах предлагалось

много чтений из патерика, «Лествицы» святого Иоанна Лествичника и творений преподобного Ефрема Сирина, который среди Отцов Церкви именуется «учителем покаяния». Приближалась Страстная седмица, и проникновенные слова святых отцов должны были еще раз напомнить монашествующим о покаянии перед великими и страшными событиями последней недели Великого поста.

Накануне Страстной седмицы Церковь празднует Вход Господень в Иерусалим. В этот день Церковь вспоминает, как Господь вступал на свои страдания и смерть в Иерусалим, а народ встречал Его как победителя ада и смерти, потому что перед Входом в Иерусалим Господь воскресил из мертвых Лазаря. В Евангелии рассказывается, как перед Христом, кротко шествующим на молодом осленке, люди постилали свои одежды, резали ветви финиковых пальм и радостно восклицали: «Осанна Сыну Давидову. Благословен грядый во имя Господне, царь Израилев, осанна в вышних». В древности финик был символом победы, ветвями финиковых пальм приветствовали царей, возвращавшихся с победой. В IV—V веках в богослужении Церкви появилась традиция праздновать Вход Господень в Иерусалим с пальмовыми ветвями и свечами, поэтому праздник получил название «Недели Ваий», или «Недели цветоносной». Святой Кирилл Александрийский в своем слове на неделю Ваий так говорит об этом обычае: «Свечи наши светлы возьмем, одежды душевные изменим; ветви как победоносцы понесем» (*Дебольский. Т. 2. С. 125*).

На Руси пальмовые ветви и цветы заменила верба, а сам праздник в просторечии стал называться Вербным воскресеньем. Накануне праздника в Волоколамском монастыре служили всенощное бдение, а в Кирилло-Белозерском — вечерню и утреню с полунощницей. На утрене во время величания настоятель кадил храм, впереди шел диакон со свечою в правой руке и с «серебряной ладоницей» в левой. Пономарь в это время постилал на клиросах ковры, на которых сидели игумен и священники во время «чтений» из творений святых отцов. Перед Евангелием в

Волоколамском монастыре братии монастыря и мирянам раздавали свечи, они горели до великого словословия, их гасили только во время «чтений».

После целования Евангелия игумен раздавал всем священникам, братии и мирянам освященную перед этим вербу, с которой все, стоящие в храме, как бы выходили на встречу Господа, прославляемого в песнопениях канона утрени. Такая традиция существовала, видимо, во всех обителях, даже в скитах; она описана, например, в правиле всенощного бдения Нило-Сорского скита. В Кирилло-Белозерском монастыре игумен раздавал свечи не на величании, а вместе с вербой после Евангелия перед каноном. После утрени, в седьмом-восьмом часу утра (по нашему исчислению) в монастырях, как на праздники Сретения и Благовещения, совершался Крестный ход, все его участники несли в своих руках вербу (*Дмитриевский. С. 207*). Обедню в этот день также служили в белых ризах.

Наступала Страстная неделя. После Входа в Иерусалим, согласно Евангелию от Луки, Иисус Христос каждый день бывал в Иерусалимском храме, творя чудеса и уча народ. Чтобы послушать его, люди собирались с самого утра (*Лк. 21, 37—38*). В это время он среди других поучений произнес: «Внемлите себе, да не когда отягчают сердца ваша объядением и пианством и печальми житейскими» (*Лк. 21, 34—36*). Поэтому на время Страстной седмицы, по уставу Церкви, устанавливается сугубый пост. В древности монастырские ворота закрывались, и никто из мирян до Великой субботы не входил в обитель, дабы никакие тревоги и заботы житейские не тревожили иноков.

В Великий понедельник и Великую среду служили литургию преждеосвященных даров. В Великую среду, когда Церковь вспоминает предательство Христа Иудой, во время совершения богослужения девятого часа в монастырях (например, в Нило-Сорском скиту, Кирилло-Белозерской обители) читали слово святого Ефрема Сирина об Иосифе Прекрасном. Жизнь Иосифа (*Быт. 37, 39—50*), проданного в рабство своими родными братьями, прообразовала, по тол-

кованию святого Ефрема, первое пришествие Христа, преданного и распятого, и Его Второе пришествие в славе для Страшного суда над человечеством (*Творения святого Ефрема Сирина. С. 29*).

В Великий четверг Церковь вспоминает Тайную вечерю, когда Иисусом Христом было установлено таинство Святого причащения. Накануне, в Великую среду, как и в Прощеное воскресенье, монахи просили прощения друг у друга. После отпуска службы девятого часа наступал черед обычного «земного прощения»: братья с земным поклоном «прощались» друг с другом. После этого игумен возносил ектению за всех православных христиан и просил прощения у братии, а те, в свою очередь, ему отвечали: «Бог да простит и помилует всех нас». Потом монахи по двое прощались у игумена, говоря так: «Прости мя, отче святой, и благослови грешнаго, елико (за то, что. — *Е. Р.*) согреших во вся дни живота моего и в ночи, и во всю святую Четыредесятницу словом и делом, и помышлением, в разуме и недоведании (неведении. — *Е. Р.*), и всеми моими чувствами (чувствами. — *Е. Р.*)» (*РНБ. Соф. № 1519. Л. 82—82 об.*). Перед наступающей службой Великого четверга книгохранитель готовил какие-то «списочки», видимо, в них были перечислены все причащающиеся (*РНБ. Кур.-Бел. № 60/1137. Л. 100 об.*).

Вечером в среду служили большой мезимон, за которым молились за всех усопших православных христиан. Так, помолившись за всех и простив всем, живым и мертвым, их согрешения, братия вступала в день Тайной вечери, исполняя завет Спасителя, сказавшего: «Аще ли же вы не отпускаете, ни Отец ваш, Иже есть на Небесех, отпустит вам согрешений ваших» («Если же не прощаете, то и Отец ваш Небесный не простит вам согрешений ваших») (*Мк. 11, 26*). В Кирилло-Белозерском монастыре к утрени звонили в обычные колокола в шестом часу ночи (около трех ночи по нашему исчислению). Утрени начиналась с шестопсалмия, после которого читали сдержанный в своей скорби тропарь об апостолах, причащавшихся Тайной вечери и Иуде, замышлявшем в

это время свое страшное предательство. После тропаря все внимательно слушали чтение из слов святого Иоанна Златоуста: «Да не будет здесь ни одного Иуды, ни одного сребролюбца. Если кто не ученик Христов, тот да удалится; трапеза не допускает тех, кои не из числа учеников. Ибо Христос говорит: “Сотворю Пасху со ученики Моими” (*Мф. 26, 18*)» (*Дебольский. Ч. 2. С. 143*).

После утрени читали правило для причастников и звонили в малые колокола к исповеди. В два часа дня (около девяти утра) глухие удары в било созывали братию к службе часов, которые говорили просто, без чтения «Блаженны» и без Апостола. В конце пятого часа дня (около двенадцати дня) звонили к обедне. В этот день обедню служил сам игумен, а вся братия причащались Святых Христовых Таин. Перед обедней в Волоколамском монастыре еще служили панихиду. Воспоминание Тайной вечери было настолько значительным событием для каждого монаха, что в этот день соловецкие отшельники, жившие в тайном уединении на островах, собирались в монастырь, чтобы причаститься Святых Таин. Житие преподобного Зосимы Соловецкого рассказывает, как отшельник Герман, пришедший в Великий четверг в монастырскую церковь, с удивлением увидел стоящего среди братии давно почившего преподобного Зосиму. Преподобный сказал Герману: «Иди и ты причастись». После окончания причастия святой стал невидим (*Яхонтов. С. 271—272*).

В Великий четверг Церковь вспоминает также умошение ног апостолов, совершенное Иисусом Христом. «Внушая, что в Царстве Божиим, которое не от мира сего, не земное величие и слава, но любовь, смирение и чистота духа отличают истинных членов, Господь, восстав от вечери, умыл ноги своим ученикам» (*Дебольский. Т. 2. С. 141*). В некоторых монастырях после литургии во время чтения Евангелия совершался особый обряд священного умошения ног, в Троице-Сергиевом монастыре его совершал архимандрит.

На утрени Великой пятницы «пели страсти», то есть читали двенадцать евангельских чтений, назы-

ваемых страстными Евангелиями — «благовестие о страданиях и смерти Богочеловека». Накануне службы в Волоколамском монастыре звонили во все колокола, в Кирилловом — в два колокола. Утренняя началась в пять часов ночи (около двух утра). После шестопсалмия трижды читали тропарь и раздавали братии свечи. Игумен и священники облачались в «постные камчатые» ризы и, выходя каждый раз по одному, читали Евангелие (игумен обязательно читал первое и последнее Евангелие). Диаконья кадили клиросы и всю братию. Перед каждым чтением Евангелия и после него пели «Слава страстем Твоим, Господи». Слушая слова Евангелия, иноки держали в руках зажженные свечи, что символизировало «торжество и славу, сопровождавшие Сына Божия и во время Его крайнего уничижения среди поругания и страданий и свидетельствующие о Его высочайшей святости и Божестве» (*Дебольский. Т. 2. С. 141*). После седьмого Евангелия читали пролог и синаксарь.

В Нило-Сорском скиту на шестом часу ночи (в первом часу ночи по нашему исчислению) пономарь звонил в колокол, ставил посреди церкви аналой, покрытый паволокою. Священник, держа в руке свечу, звонил в колокол, призывая братию на службу. Когда монахи собирались в храм, священник возлагал на себя епитрахиль, поручи и ризы и, взяв Святое Евангелие, нес его в трапезу. Впереди шел со свечой пономарь, позади вся братия. Евангелие полагалось на аналое, священник кадил Евангелие, и начиналась утренняя (*РНБ. Соф. № 1519. Л. 85—85 об.*).

В Великую пятницу на пятом часу дня (то есть в двенадцатом часу дня по нашему исчислению) в Волоколамском монастыре раздавались удары в деревянное било, сначала в малое, потом в большое. Братию созывали в церковь к Царским часам, которые заключают в себе богослужение первого, третьего, шестого и девятого часа. Когда все монахи собирались в храме, игумен со священниками, взяв мощи святых из Успенского собора, на серебряных блюдах несли их на своих головах в трапезу. В это время в монастыре звонили во все колокола. В трапезе были

приготовлены столы, по обе стороны от которых горели две витые свечи, в центре между столов стояло большое Распятие, перед ним горела третья витая свеча. На столы ставили серебряные блюда с мощами. Здесь, в трапезе всем собором пели Царские часы. По окончании службы девятого часа монахи целовали сначала Распятие, потом мощи. Во время целования хор пел стих «Приидите, ублажим вси», затем совершали отпуст девятого часа. Мощи несли в Успенский собор, диакон возглашал здесь ектенью, и следовал отпуст часам.

В Нило-Сорском скиту к Царским часам братия, слышав удары в «доску» (било), собиралась в три часа дня (в десять утра по нашему исчислению). Во время богослужения девятого часа в монастырях читалось слово святого Ефрема Сирина «О великих страстях Господних» (*РНБ. Соф. № 1519. Л. 88*).

Время снятия со Креста Тела Христова Церковь освящает в Великую пятницу великой вечерней, которая состоит из пророческих, апостольских и евангельских чтений о страданиях и смерти Иисуса Христа. В Нило-Сорском скиту она начиналась за два часа до ночи (то есть около восьми вечера). В Волоколамском монастыре вечерня совершалась в Успенском соборе, все колокола созывали братию на службу. Вечерня служилась при открытых Царских вратах. Священник, стоя во вратах, читал Евангелие, которое держал перед ним диакон. В наше время в Страстную пятницу для поклонения верующим из алтаря выносятся Святая Плащаница. В прежние времена Плащаница в этот день оставалась в алтаре. Великое повечерие, на котором читается канон под названием «Плач Пресвятой Богородицы», иноки вычитывали в кельях.

В Великую субботу Церковь вспоминает телесное погребение Иисуса Христа и сошествие Его во ад. На утрени Великой субботы совершается образ погребения Христова. В Кирилло-Белозерском монастыре утрени начиналась в шестом часу ночи (около двух ночи). Повечерие и начало утрени в Волоколамском и Кирилловом монастырях служили в трапезе. После

шестопсалмия пономарь раздавал братии свечи. Посреди трапезы хор пел 17-ю — погребальную кафизму, разделенную на три статьи (части), псалмы дополнялись стихирами и чтениями из творений святых Георгия Никомидийского и Григория Антиохийского. Во время пения кафизмы на середину трапезы выходил игумен со священниками и становился перед аналоем, на котором лежала икона «Положения во гроб». Во время пения величания игумен кадил трапезу, а братия зажигали свечи (*РНБ. Кир.-Бел. № 60/1137. Л. 103—103 об.*).

На девятой песни канона игумен и братия со свечами шли в собор, где продолжалась служба. После великого славословия священники, благоговейно взяв «Святой воздух» (Плащаницу) и возложив на свои головы, при надгробном пении «Святой Боже» выносили Плащаницу из алтаря в жертвенник, а потом в храм. Впереди шли диаконы, кадившие Плащаницу, и пономари с большими витыми свечами. Закрыл процессию игумен, который нес Святое Евангелие. Плащаницу несли медленно — «косно», пока продолжалось пение «Святой Боже». Зажженные свечи буквально иллюстрировали слова церковных песнопений Великой субботы, которые называют гроб Христов светлейшим, ибо он — источник нашего Воскресения (*Дебольский. Т. 2. С. 168*).

Когда другой клирос начинал петь «Святой Боже», вся процессия через Царские врата входила в алтарь. В некоторых монастырях воздух и Евангелие помещали в центре храма для целования братией, а потом уносили в алтарь. Здесь Плащаница и Евангелие полагались на престоле, воздух покрывал престол всю пасхальную седмицу до субботы (*Дмитриевский. С. 222*). После чина погребения следовало чтение паремий, Апостола, Евангелия. В Кирилло-Белозерском монастыре после отпуста утрени игумен, священники и диаконы, облаченные в ризы, подходили в алтаре к целованию Плащаницы. В это время хор пел «Приидите, ублажим вси». Остальная братия по двое подходили к целованию иконы «Положение во гроб» (к Плащанице кирилловские монахи не прикладыва-

лись), около которой совершался надгробный канон. Затем к целованию иконы выходили священники, диаконы и игумен.

В десятом часу дня (то есть около четырех часов дня) в монастыре звонили во все колокола, служили вечерню и литургию святого Василия Великого. В то же время (за четыре часа до ночи — в четыре дня) совершались вечерня и литургия в Нило-Сорском скиту. На вечерне читается 15 паремий, содержащих пророчества об уничтожении Господа и о Божественном Его прославлении. Литургия в Великую субботу совершается позже литургий всех дней года. Она предвещает всем о приблизившемся времени Воскресения Иисуса Христа. Игумен и священники в самом начале вечерни облачались в праздничные белые ризы, что символизировало преддверие Пасхальной радости. Сейчас священники начинают службу в черных великопостных ризах и только после чтения Апостола, во время пения «Воскресни, Боже, суди земли» облачаются в белые ризы. Литургия заканчивалась около восьми часов вечера. Поскольку пост в Великую субботу такой же строгий, как и в Великую пятницу (те, кому это было по силам, не вкушали ничего), то Церковь постановила по окончании литургии благословлять пять хлебов для телесного подкрепления верующих. В монастыре преподобного Иосифа Волоцкого после отпуста литургии священник совершал молитву над пятью хлебами, освещая принесенные калачи и квас, которые ставили посреди храма. Потом калачи и квас несли в трапезную, здесь братия в молчании (на этой трапезе не читали, как обычно, житий и поучений святых отцов), сев на свои места, получали от трапезников по полукалачу и «малую мерку медового кваса» и, вкусив их, расходились по своим кельям. В Нило-Сорском скиту и на Соловках братия вкушала «укрухи». Это была единственная пища монахов за два последних дня Страстной седмицы.

В час ночи (около девяти вечера) пономарь трижды ударял в колокол. Братия вновь собирались в храме на предпасхальное бдение, которое подчеркивало

Преп. Игнатий Вологодский устраивает монастырь. *Миниатюра нач. XVIII в. ГИМ.* Внизу — местные пастухи приносят преп. Игнатию дары; работа крестьян на монастырской пашне.

Изгнание
преп. Димитрия
Прилуцкого
с Авнеги. Клеймо
иконы «Димитрий
Прилуцкий
в житии».
Иконописец
Дионисий.
Конец XV —
нач. XVI в.
Вологодский музей.

Спасо-Прилуцкий монастырь. Современное фото.

Вериги. Слева — преп. Димитрия Прилуцкого;
справа — преп. Александра Куштского.

Александрo-Куштский монастырь.
Современное фото.

Преп. Нил Сорский и его скит. *Миниатюра нач. XVIII в. ГИМ.*

Власяница и четки преп. Нила Сорского.
Кирилло-Белозерский музей

Монашеская келья на Аляске. *Современное фото* Вероятно, именно так были устроены кельи первых русских подвижников.

Преп. Зосима и Савватий Соловецкие строят монастырскую трапезу.
Клеймо иконы «Зосима и Савватий Соловецкие в житии»

Преп. Зосима и Савватий Соловецкие работают на соляной варнице.
Клеймо иконы «Зосима и Савватий Соловецкие в житии».

Ангелы приносят хлеб преп. Зосиме Соловецкому. Клеймо иконы «Зосима и Савватий Соловецкие в житии». Вторая половина XVI в. ГИМ.

Ручные жернова. Саввино-Сторожевский монастырь. Фрагмент.

Преп. Кирилл
Белозерский.
*Икона письма
преп. Дионисия
Глушицкого.
1424 г. ГТГ.*

Кирилло-
Белозерский
монастырь.
На мысу —
Свиточная башня
XVI в.
Современное фото.

Ковш
преп. Кирилла
Белозерского.
*Кирилло-
Белозерский
музей.*

Кожаная сумка
преп. Кирилла
Белозерского.

Вещи
преп. Кирилла
Белозерского:
калита с поясом,
футляр и ковш.

Шуба преп. Кирилла Белозерского

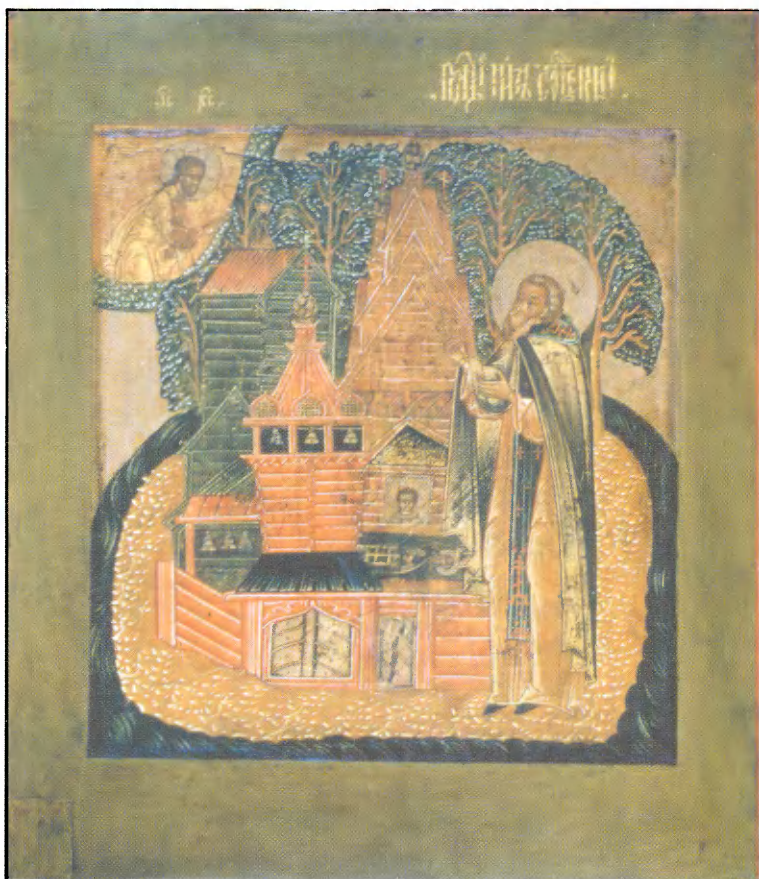
Фелонь преп. Кирилла Белозерского.

Сень над крестом преп. Кирилла Белозерского. ►
Современное фото

Камилавка преп. Кирилла Белозерского.

Преп. Нил Столбенский *Икона XVIII в*
Музей имени Андрея Рублева (Москва)

высокую важность ожидания предстоящего события. На клиросе читали Деяния святых апостолов. После чтения ударяли в деревянное било, и начиналась предпраздничная полунощница, во время которой повторяли надгробный канон, составляющий продолжение и окончание богослужения Великой субботы. После канона читали «Слово» святого Епифания Кипрского, диакон возглашал ектенью. После отпуста все расходились на полчаса по кельям. В Нило-Сорском скиту монахи после окончания бдения, до Пасхальной заутрени, творили келейные поклоны.

В седьмом часу ночи (то есть около двух часов ночи) начиналась Пасхальная заутреня. В Кирилло-Белозерском монастыре еще до Пасхального благовеста перед образом Пресвятой Богородицы ставили лампаду и разжигали в ней ладан (*РНБ. Кир.-Бел. № 60 / 1137. Л. 105—105 об.*). В других монастырях канонарх ставил на середине храма и у Царских врат два сосуда с горячими угольями, в алтаре помещалось кадило с зажженным ладаном. Это делалось для того, чтобы всю церковь наполнить благовонными ароматами (*Дмитриевский. С. 224—225*). Все свечи в паникадилах и у местных икон были зажжены. После благовеста игумен облачался в праздничные ризы. Пономарь раздавал всем инокам свечи.

Под звон во все колокола на паперть церкви выходили священники с зажженными свечами, игумен с кадилом и вся братия с крестами, иконами, свечами. Впереди шли два пономаря с подсвечниками, за ними диакон с лампадой. В церкви никто не оставался (в обиходнике об этом сказано особо: «И не един в церкви не останется») (*РНБ. Кир.-Бел. № 60 / 1137. Л. 105 об.*). После того как все выходили на паперть, церковные двери закрывались. Игумен начинал заутреню: «Слава Святей Единосущней». Настоятель пел два раза пасхальный тропарь, который тогда произносился немного иначе: «Христос воскресе из мертвых, смертью на смерть наступив, и гробным живот дарова» (*РНБ. Соф. № 1519. Л. 91 об.*). В третий раз он его пел только до половины, окончание допевал клирос. После этого игумен говорил стихи пасхального

приветствия, а хор трижды ему отвечал: «Христос воскрес». В заключение игумен опять пел пасхальный тропарь, а когда клирос и братия его допевали, отворял двери в храм.

Диакон в церкви возглашал ектенью, а игумен со священниками кадил храм. Все песни пасхального канона начинал петь в алтаре игумен. Во время пения канона все стояли с зажженными свечами и гасили их только во время чтения пролога и других «слов». После пасхальных стихир, при пении тропаря «Христос воскрес», все священники выходили из алтаря с иконами, Евангелием и крестом и христосовались со всей братией. После этого читалось, как и сейчас, «Огласительное слово святого Иоанна Златоуста в день Пасхи». Пасхальная радость «Слова» не померкла за многие века: в храмах и монастырях средневековой Руси ему внимали во времена самого святителя; и точно так же в ожидании его радостного приветствия мы стоим уже в наши дни на пасхальной литургии. Чтение «Слова» Иоанна Златоуста завершалось всеобщим радостным возгласом: «Многа лета, владыко!»

Пасхальная литургия начиналась во втором часу дня (то есть в восьмом часу утра). Торжественнее обыкновенного на пасхальной литургии читалось Евангелие. Игумен становился с восточной стороны престола лицом к западу, перед ним два инока держали Евангелие, а в центре храма лицом к алтарю вставал диакон с Евангелием. Игумен возглашал: «Премудрость прости. Услышим святаго Евангелия чтение». Ему, по обычаю, отвечал диакон. Игумен читал Евангелие от Иоанна, обращаясь как бы на запад, а после игумена Евангелие читал диакон, обращаясь уже к востоку (*РНБ. Кир.-Бел. № 60 / 1137. Л. 106 об. — 107*). Обычай попеременного чтения пасхального Евангелия священником и диаконом известен на Руси с XI—XII веков и заимствован из практики богослужения Софии Константинопольской — главного храма всего Православного Востока («Великой Церкви») (*Богослужение РПЦ. С. 489*). После каждого евангельского чтения на пасхальной службе ударяли «в кандилию», висевшую в храме, а еkkлесиарх ударял «в ве-

ликое било»; завершая чтение, опять ударяли «в великое било» (*Дмитриевский. С. 230*).

После чтения братия по одному подходили к целованию Евангелия. Сначала целовали крест, потом Евангелие, икону Воскресения и священника, приветствуя его пасхальным: «Христос воскресе», а священник отвечал: «Воистину воскресе».

В понедельник, среду и пятницу Светлой или Святой, как она именуется в обиходнике Волоколамского монастыря, недели, следующей за Пасхой, служили пасхальную заутреню. В час дня (около восьми утра) совершался пасхальный Крестный ход вокруг монастыря с пением молебна.

В субботу Святой недели на литургии благословляется и раздробляется артос — освященный хлеб («просфора всецелая»). В продолжение всей Светлой недели артос лежит на аналое перед святым иконостасом, напоминая верующим о пребывании с ними Воскресшего Спасителя. С артосом совершается и Крестный ход после литургии. После окончания Крестного хода в монастырях артос приносят на трапезу и полагают на особом столе, в напоминание инокам, что среди них, как некогда среди апостолов, невидимо присутствует сам Господь, истинный хлеб жизни. Во время Светлой недели после трапезы вместо возношения Панагии совершался чин возношения артоса. Каждый день после обедни братия по одному следовали из храма в трапезную. Впереди шел хор, за ними священник, служивший литургию, с образом «Воскресения Господня», за ним диакон с артосом, потом игумен и остальная братия. После пасхальной трапезы иноки трижды пели пасхальный тропарь, потом «Слава и Ныне», «Господи помилуй», «Господи благослови», после чего диакон трижды поднимал артос со словами: «Христос воскресе» и завершал словами: «Поклоняемся тридневному его Воскресению». Все монахи целовали артос, пели пасхальные молитвы и расходились по своим местам (*РНБ. Кир.-Бел. № 60 / 1137. Л. 107 об. — 108*). Артос не вкушался до субботы, потому что все дни Святой недели олицетворяют собой один — Пасху.

Игумен благодарил за трапезу: «Благословен Бог, милуяй и питаяй нас». Ему отвечал диакон: «За молитв (молитвами. — *Е. Р.*) святых отец наших, Господи помилуй нас», и все в том же порядке возвращались в храм с пением пасхального тропаря и девятого ирмоса песни канона. В храме диакон через Царские врата отдавал артос в алтарь священнику и говорил отпуст. В субботу после литургии священник читал молитву над артосом, а пономарь его дробил. Затем братия следовала в трапезную, впереди шел келарь с артосом, за ним клирос, потом священник с иконой «Воскресения», а за ним другой священник с Панагией, далее игумен и братия. Келарь нес артос в шегнушу. А когда перед обедом вынимали «Хлебец Пречистой», то келарь приносил артос из шегнуши в трапезную и раздавал братии. Стоя, монахи вкушали артос, хор в это время пел «Христос воскрес» и «Отче наш».

В субботу и до отдания Пасхи чин Панагии проходил особым образом: после трапезы хор пел пасхальный тропарь, «Слава и Ныне», «Господи помилуй» (трижды), «Господи благослови». Диакон дважды поднимал Богородичную просфору и говорил: «Христос воскрес», братия ему отвечали: «Воистину воскрес Христос». На третий раз диакон говорил: «Пресвятая Госпоже Богородице, помогай нам», а монахи отвечали: «Тоя молитвами Христе Боже помилуй и спаси нас», «Блажим тя вси роди простую». После благодарственной молитвы за трапезу «Милостив и щедр Господь, пищу дал еси боящимся Его» все расходились (*РНБ. Кур.-Бел. № 60 / 1137. Л. 108 об. — 109 об.*).

На сороковой день после Пасхи Церковь празднует двенадцатый праздник Вознесения Господня. В навечерие праздника иконы в храме украшали пеленами, служили вечерню и мефимон, в два часа ночи (около двенадцати ночи) начиналась утренняя, перед которой ударами в било братию созывали к полунощнице. На величании братии раздавали свечи, а игумен облачался в камчатые ризы. Обедню игумен служил собором в жемчужных ризах.

Пятьдесят праздничных дней от Пасхи до Троицы получили в Церкви торжественное название Пятидесятницы. «Как в преемстве годовичных времен и изменений одно время следует за другим, — писал святой Иоанн Златоуст в беседе на праздник Пятидесятницы, — так и в Церкви праздник идет за праздником, и один отсылает нас к другому. Недавно праздновали мы Кресту, страданию, Воскресению, потом Вознесению Господа на небо, а сегодня наконец достигли самого края благ, вступили в самую митрополию праздников, достигли до самого плода Обетования Господня» (Цит. по кн.: *Дебольский. Ч. 2. С. 257*). «Митрополией праздников» назвал святитель Иоанн Златоуст день Святой Троицы и следующий за ним — праздник Сошествия Святаго Духа. Святой Дух, в виде огненных языков сошедший на апостолов в день Пятидесятницы, сообщил им благодать для проповеди Евангелия по всей вселенной и стал свидетельством примирения человека с Богом. Возможно, в знак этого примирения на праздник Пятидесятницы существует давний обычай украшать храмы ветвями, травами и цветами. Строгого богословского объяснения этой традиции не существует. Может быть, в ее основу положено воспоминание ветхозаветной Церкви о явлении Святой Троицы в виде трех ангелов праотцу Аврааму в Мамврийской дубраве.

Накануне Троицы в Волоколамском монастыре совершалось всенощное бдение. Утром в самый день праздника — обедня. После литургии, не ходя на трапезу, вся братия шла «по лист на рощу». Когда возвращались, благовестили вечерню, звонили во все колокола. Вечерню служил игумен. В состав Троицкой вечерни входила, кроме коленопреклоненных молитв, особая ектенья, состоявшая из двадцати шести прошений (*Дмитриевский. С. 239*). Молитвы вечерни произносил игумен, стоя на коленях в Царских вратах лицом к молящимся. После вечерни поставлялась трапеза (*Волоколамский обиходник. С. 88*).

В Кирилло-Белозерском монастыре накануне праздника храм украшали большими пеленами, которые не снимали до самого отдания праздника. Ут-

рени начиналась, когда исполнялось полтора часа ночи (около половины двенадцатого). На величании братии раздавали свечи, после Евангелия елеопомазания не полагалось, во время службы первого часа инокам предлагалось чтение из творений святого Феодора Студита («Студита чтут»). К обедне, которую служил игумен в жемчужных ризах, звонили в два часа дня (около восьми утра). После обедни братии раздавали «кусие просфирное» (частицы просфор) и все расходились. Через «час боевой» (когда часы пробьют следующий час) вновь собирались в храме к вечерне. После вечерни полагался ужин, к которому звонили праздничным звоном, на богослужение монахи надевали короткие мантии.

Неподвижный круг (продолжение)

Через неделю после праздника Святой Троицы наступает Петров пост, который завершается празднованием святым первоверховным апостолам Петру и Павлу (29 июня). Накануне праздника в волоколамской обители совершалось всенощное бдение со свечами. К службе, которая начиналась в два часа ночи, звонили во все колокола, храм торжественно украшался, к иконам прикладывали вышитые пелены. После всенощного, когда совершалась служба первого часа, братию и богомольцев помазывали маслом. Обедню служил игумен со всем собором.

1 августа праздником Происхождения (изнесения) честных древ Животворящего Креста Господня начинается Успенский пост. Накануне праздника священник, облачившись в ризы и покадив крест, переносил его с жертвенника на престол, а Евангелие полагалось на Горнем месте. Перед престолом на всю ночь оставляли зажженную свечу. Вечернюю служили, как и на Воздвижение. К заутрене звонили за три часа до рассвета. После великого славословия на последнем «Трисвятом» игумен, облачившись в ризы, торжественно выносил на главе крест. Впереди шли диаконы со свечами, а большой диакон — с кадиллом.

Игумен полагал крест на аналое перед отворенными Царскими вратами, а диакон в это время возглашал: «Премудрость», игумен отвечал: «Мир ти» и, взяв кадило у дикона, кадил святой крест под пение тропаря кресту: «Спаси, Господи, люди своя».

Покадив крест, игумен снова возлагал его себе на главу и шел вместе с Крестным ходом на Иордан — реку или озеро. Впереди шли диаконы со свечами, а хор пел ирмос празднику. Придя на воду, диакон кадил Иордан, а канонарх возглашал стихиры кресту. Потом трижды пели тропарь, и после чтения Апостола игумен, говоря тропарь, трижды погружал крест в озеро. Освятив воду, которая называлась «авгусной», шли обратно в храм, где все целовали крест. Канонарх читал стихиры «на целование», игумен кропил святой водой всю церковь и алтарь, а братия по двое подходили к кресту. Перед целованием творили два земных поклона и один поклон после целования. Потом игумен кропил братию водой. Служба заканчивалась утренними молитвами и первым часом. «Августая вода» прежде очень почиталась. Ею освящали новые храмы, жилища, монастырский скот на молебнах. 1 августа священники ходили по всем кельям и монастырским службам и кропили их святой водой. К праздничной обедне в монастыре звонили во все колокола, после Причастия все пили освященную воду. Крест в алтарь уносили в тот же день, после обедни во время чтения часов (*РНБ. Кур.-Бел. № 60 / 1137. Л. 72 — 74 об.*).

6 августа всенощным бдением со свечами в Волоколамском монастыре встречали двенадцатый праздник Преображения Господня. В Кирилло-Белозерском монастыре служили великую вечерню и утреню. К заутрене звонили в три часа ночи (около двенадцати ночи по нашему исчислению). Обедню служил игумен с собором в жемчужных ризах. Как известно, на праздник Преображения принято освящать плоды. Сейчас освящают виноград и яблоки. Что же освящали в русских северных обителях? Иногда яблоки, иногда огурцы, в зависимости от того, что имелось в обители. В Сийском монастыре после

литургии совершался девятый час, в конце которого читалась молитва «над гроздием»: «от огурцов свежих блюдо». После освящения келарь раздавал всем монахам по огурцу (*Дмитриевский. С. 190*).

15 августа — в день Успения Пресвятой Богородицы завершался Успенский пост. Для многих русских монастырей, которые были посвящены Успению, этот день становился двойным торжеством, так что некоторые особенности празднования напоминали пасхальные (на трапезе, например, подавали куличи — «перепечи»). В разных обителях празднование Успения имело свои особенности. На праздник Успения Кирилловскую обитель посещал игумен соседнего Ферапонтова монастыря с братией. Накануне предпразднества Успения (13 августа вечером) звонили в три колокола и служили вечерню. Утром 14 августа служили молебен за всех православных христиан, в конце второго часа дня (около девяти утра) служили обедню. После нее братия получали по просфоре, а келарь приглашал всех в «сытню» пить квас. Трапеза в этот день полагалась один раз — после вечерни, даже если предпразднество приходилось на воскресенье.

К заутрене Успения звонили в конце третьего часа ночи (около часа ночи). Перед службой, как на Пасху, пономарь ставил перед образом Пречистой Девы лампаду с углем и возжигал в ней ладан. В храме горели все паникадила, иконы были украшены дорогими пеленами. К полунощнице звонили во все колокола. Служащий священник и диакон облачались в жемчужные ризы. На утрене после чтения второй кафизмы совершалось «Надгробное пение» Пресвятой Богородице, подобно надгробному пению Спасителю в Великую субботу. Этот чин сейчас называется «Чином погребения Пресвятой Богородицы».

На середине храма ставили аналой с праздничной иконой. Из алтаря выходили игумен, священники и диаконы со свечами в руках и становились перед аналоем. Все молящиеся также стояли с зажженными свечами. Тропарем «Блажим Тя вси роди» начиналось надгробное пение. После тропаря пели 17-ю ка-

физму, разделенную на три статьи. После первой, второй и третьей статей произносилась малая ектеня. Вторая ектеня начиналась пением «Достойно есть», третья — песнопением «Роди вси песньми едину Богородицу блажим». После окончания «Надгробного пения» читали творения святых отцов, посвященные празднику (*РНБ. Кур.-Бел. № 60/1137. Л. 76—78; Дмитриевский. С. 190—191*). После утрени служили молебен за государя в жемчужных ризах.

В Волоколамском монастыре 14 августа, накануне праздника, звонили трезвонном к великой вечерне. В храме зажигали все свечи в паникадилах, у местных образов, а перед праздничной иконой на аналое горела тройная витая свеча в светильнике. Перед службой Успенский собор устилали «листом» (в Псково-Печерском монастыре и поныне дорожку к храму убирают травой и цветами). Игумен облачался в «большие саженые ризы».

После вечерни, не выходя из церкви, всем собором пели молебен Пресвятой Богородице. Вечером этого дня в монастыре кормили всех нищих, как на память основателя обители. Братия выпекала в этот день специально для нищих 3300 хлебов, каждому давали по чети хлеба, кашу и квас. За монастырскими воротами всех одежали хлебом и деньгами. После вечерни, если благословлял настоятель, устраивалась трапеза. В ночь на праздник служили всенощное бдение со свечами. По окончании праздничной утрени в Волоколамском и Троице-Сергиевом монастырях, как и в Кириллове, совершалось «Надгробное пение».

Утром обедня совершалась во всех храмах Волоколамского монастыря и по селам. После обедни всех нищих, но только мужского пола, пускали в монастырь, кормили хлебом и давали милостыню. Иноки на праздник Успения в качестве утешения получали по деньге, миряне по полуденьге, также священники и диаконы в селах монастырской вотчины одежались деньгами.

29 августа Церковь празднует Усекновение главы Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна.

Накануне в Волоколамском монастыре служили все-нощное бдение со свечами. В Кирилло-Белозерском монастыре в храме в честь Усекновения главы Иоанна Предтечи совершали великую вечерню, после которой полагался ужин. Утреню служили с полиелеем, а молебен и обедню во втором часу дня (то есть в восьмом часу утра) совершал игумен с собором в больших «камчатых» ризах. Это было последнее большое торжество в годовом круге богослужений, с 1 сентября год начинался сначала.

Местные праздники

Особо торжественно в монастырях праздновали дни храмовых праздников и дни памяти местных подвижников. На эти торжества, как правило, собиралось множество паломников из соседних деревень и монастырей. Описание подобного праздника есть в Житии преподобного Евфросина Псковского.

Главный храм в Елеазаровской обители был посвящен трем святителям — Василию Великому, Григорию Богослову и Иоанну Златоусту. В Житии святого Евфросина рассказывается, что в этот день Спасо-Елеазаров монастырь посещали монахи из Верхнеостровского монастыря со своим игуменом. Однажды в Островском монастыре остался только один диакон Закхей, который был тяжело болен. Оставшись без праздника и находясь по этому поводу в большой скорби, Закхей стал слезно молиться преподобному Евфросину и был исцелен им. После этого чуда Закхей перешел жить в Елеазаровский монастырь (*ЛДПИ. Т. 173. С. 81*). С конца XV столетия начались паломничества жителей Пскова на праздник Успения Божией Матери в Псково-Печерский монастырь. «Как велико было стечение народа, не можно исчитати (посчитать. — *Е. Р.*)», — сказано в летописце монастыря. И на другие праздники в честь Богородицы в монастырь стекалось огромное количество людей не только православных, но «и от иноверных» из «немецкой земли» (*Серебрянский. Т. 4. С. 370*).

21 ноября — на Введение Пресвятой Богородицы, которое было главным праздником для Богорадного монастыря, созданного как богадельня, «малый монастырь» при обители преподобного Иосифа, игумен служил в Богорадном монастыре великую вечерню и всенощное бдение.

Самым большим праздником Кирилло-Белозерского и Волоколамского монастырей, как уже говорилось выше, было Успение Пресвятой Богородицы. Особо праздновали в Кирилловой обители 13 июля храмовый праздник Собору архангела Гавриила. В этот день «звонили во вся», а в церкви архангела Гавриила служили молебен и обедню. За трапезой на братию полагалось по чаше вина. Через день на память равноапостольного великого князя Владимира — 15 июля — служили утрению с полиелеем и соборную литургию в церкви, посвященной святому Владимиру. Священники облачались в «княжии ризы».

Не менее торжественно, чем храмовые праздники, в обителях праздновались дни основателей монастырей. На память преподобного Никодима Кожеезерского в его обитель собиралось множество богомольцев, а за праздничной трапезой всем предлагалось чтение Жития святого (*Яхонтов. С. 209*). Первое время, когда «начальник» обители еще не был канонизирован, его память отмечали панихидами и щедро кормили нищих.

9 сентября — день преставления преподобного Иосифа Волоцкого. Накануне праздника в Волоколамском монастыре вечерню совершал игумен, облаченный в большие «камчатые» ризы. К службе звонили во все колокола. По окончании вечерни свечи у местных образов и паникадила в храме и в его приделах не гасили, как это делали обычно. Игумен, все священники и братия служили панихиду у раки основателя обители. Здесь горели две свечи. У раки совершался отпуст вечерни, после которого пели вечную память старцу Иосифу. За ужином, если день был непостный, подавали братии квас «сычен». В монастырь впускали всех нищих, каждому давали по чети хлеба, кашу и квас «ячной» (ячневый). «Большой

корм» (большое угощение) бывал на следующий день — 9 сентября. К заутрене и к обедне звонили во все колокола. После молебна всем собором пели панихиду по «начальнику» обители. Священник и певчие стояли со свечами. Обедню служил игумен в дорогих «камчатых саженых» ризах. Панихиды и обедни совершались во всех храмах обители, в соседних монастырях и селах. Отпуст обедни, как и вечерни, совершался на гробе преподобного Иосифа.

В этот праздник каждый инок получал из монастырской казны по деньге. Милостыня раздавалась по всем селам монастырской вотчины: священники получали по алтыну, диаконы — по четыре деньга, пономари и просвирицы — по деньге, а нищие все, «где их сколько ни есть», — по полуденьге. Никто не оставался неутешенным и обделенным.

В Кирилло-Белозерском монастыре 9 июня — день памяти основателя монастыря — был особенно радостным и праздничным для всей округи. Как мы знаем из Жития преподобного Александра Ошевенского, со всех сел стекались в обитель богомольцы. Преподобный Кирилл был любимым и почитаемым святым, многим в своей жизни довелось испытать его чудесную помощь и заступничество. Накануне праздника 8 июня, перед обедней служили молебен за всех православных христиан. Священники и диаконы надевали «бязинные» ризы (из бязи). А на обедню они облачались в «трезвонные» ризы. К обедне брали в алтарь три-четыре калача, резали их на куски, освящали и после службы раздавали народу, а «отрадным» (причастникам) полагались просфоры. Так же служили обедню и в сам день праздника — 9 июня. Накануне праздника у монахов была одна трапеза — после вечерни (*Обиход Кириллова монастыря // Горский. С. 389*).

От ужина все возвращались в храм и служили мифимон. К полунощнице звонили во все колокола, как на великие праздники. Утреню совершали с полиелеем. Перед обедней служили молебен за государя и освящали воду, которой кропили братию и весь народ (*РНБ. Кир.-Бел. № 60 / 1137. Л. 67—67 об.*). Воду, освященную на праздничном молебне, и «кирилловские

калачи» игумен или кто-нибудь из священников обычно возили государю. Даже в 1622 году, несмотря на то, что после Смутного времени дороги были еще небезопасны, игумен Матфей со старцем Филаретом Владимирцем поехали в Москву с «чудотворцевой святыней». Между Переяславлем и Троице-Сергиевой лаврой на них напали «воровские люди», самого игумена «разбили» (избили), а слуг поранили и пограбили.

25 сентября — на память преставления преподобного Сергия Радонежского — в Троицкий монастырь приезжали царь и царица. Этот день всегда особенно красив в монастыре. Осенняя листва придает ему торжественный и праздничный вид. Пестрым ковром из листвы убраны дорожки обители, золотится на солнце купол белокаменного Троицкого собора. Накануне праздника служили две вечерни — малую и великую, три часа не смолкал трезвон колоколов. После вечерни архимандрит со священниками и братией в праздничных ризах шел к Святым вратам встречать государя. В это время благовестили в большой колокол. Архимандрит благословлял государя большим крестом и провожал его в Троицкий собор к преподобному. Диакон в храме произносил ектенью, а государь прикладывался к раке преподобного Сергия и храмовым иконам. После отпуста архимандрит подносил государю посох, и они направлялись в придел преподобного Никона Радонежского, а затем в Успенский собор. Везде диакон произносил ектеньи. Посетив святыни, государь шел в свои кельи, здесь ему подносили «питие».

Далее наступало время всеобщего бдения. На всеобщем архимандрит раздавал всем боярам и дворянам посохи. Перед Евангелием, когда начинали петь «Хвалите имя Господне», он подносил свечи сначала государю, а потом боярам и дворянам и кадил храм. Когда пели величание, все стояли с зажженными свечами, священники держали витые монастырские свечи, а клиросные монахи — гладкие. В конце службы государь прикладывался к раке преподобного и праздничной иконе. Потом подходил под благослове-

ние к архимандриту. Тот благословлял его рукой и низко кланялся ему «челом». После первого часа и отпуста архимандрит провожал государя до келий и приглашал на монастырскую трапезу. Государь, по своему желанию, ужинал у себя или в братской трапезе.

5 июля — память обретения мощей преподобного Сергия. Накануне вечером служили малую и большую вечерню, утром — праздничный молебен Святой Троице и преподобному Сергию и обедню. Государь уже не приезжал, к нему посылали священника со святой водой, освященной на молебне.

Большими праздниками в монастырях были дни чудотворных икон. В архангельских лесах на Северной Двине находился мало кому известный Черногорский монастырь. Он стоял на горе, поросшей густым лесом и прозванной за свой мрачный вид Черной. 22 августа 1629 года ярославский купец Егор Лыткин принес в обитель Грузинскую икону Пресвятой Богородицы. Его приказчик Стефан Лазарев купил икону в Персии, а Лыткину было во сне повеление, чтобы он эту икону отправил на Черную гору. В монастыре икону встречали торжественно. Ночью, когда в обители служили праздничную утреню, слепой и глухой монах Питирим вышел на предсение своей кельи, чтобы помолиться. Вдруг его осенил дивный свет. Испуганный монах перекрестился и в ту же минуту увидел, как солнечный свет блистает над Черной горой. С этого времени он стал видеть и слышать. Прозревший монах пришел в церковь, чтобы рассказать братии о чуде (*РГБ. Волог. № 104. Л. 23*).

Находившийся там Егор Лыткин был настолько потрясен его рассказом, что повелел построить церковь в Похвалу Пресвятой Богородицы и до конца своей жизни оставался щедрым благотворителем обители. Вскоре у иконы от тяжелых болезней стали исцеляться люди. В 1630 году Новгородский митрополит Киприан повелел братии Черногорской обители каждый вторник петь молебен перед образом Пречистой Девы (*Описание Красногорского монастыря. С. 13*). А в 1650 году другой Новгородский митрополит — Никон, получив из монастыря подробное описание чу-

дес, повелел ежегодно 22 августа праздновать день Грузинской иконы по всем церквям Холмогорского уезда. После появления иконы монастырь буквально преобразился, к чудотворному образу потекли многочисленные паломники, появились средства на строительство храмов и распашку земель. И вскоре монастырь за его красивый живописный вид назвали Красногорским. В 1698 году по благословению архиепископа Холмогорского и Важского Афанасия икону принесли в Архангельск «ради освящения града». И потом каждый год, после 22 августа, Грузинскую икону отправляли из Красногорского монастыря в Архангельск и возвращали обратно в четвертую неделю Великого поста. В субботу пятой недели поста, когда празднуется Похвала Пресвятой Богородицы, в монастыре при стечении многочисленных паломников совершалось большое торжество у иконы.

Немало праздников в обителях было связано с освящением сельскохозяйственных работ. Интересные особенности имело празднование дня двенадцати апостолов — 30 июня — в Кириллове монастыре. В этот день вокруг обители ходили Крестным ходом и освящали воду в озере, «едучи в судне» (на лодке). После освящения воды Крестный ход следовал на конюшню, которая находилась на хозяйственных дворах слева от Святых врат монастыря. Здесь читали Евангелие и кропили лошадей святой водой. Таким образом Крестный ход завершал свой круг вокруг монастыря.

Святые Флор и Лавр издавна почитались как кропители пастухов и домашних животных. 18 августа в день святых Флора и Лавра в Кирилловом, Волоколамском и Сийском монастырях священника посылали «в стадо», он служил молебен и кропил животных святой водой (в Волоколамском монастыре освящали только лошадей). По уставу Сийской обители, молебен служили прямо в лодке, когда ехали в стадо. Воду для молебна брали, естественно, из реки. А в Кирилло-Белозерской обители освященная вода приносилась на молебен из монастыря (*Дмитриевский. С. 192 — 193*).

Важной частью монастырского повседневного богослужения были поминания иноков и благодетелей обители. В своем завещании преподобный Евфросин Псковский повелел служить сорокоуст (40 литургий) по умершим инокам и мирянам, подвизавшимся в монастыре два или три года (ААЭ. Т. 1. № 108). Сохранилось завещание преподобного Нила Сорского, в котором он просит братию скита отслужить за него сорокоуст. Подобные завещания всегда свято соблюдались. На сороковой день после преставления по монастырскому обычаю устраивали корм на помин души почившего игумена или инока. Он представлял собой не только особое угощение для братии, отличное от обычной, рядовой пищи, но и особое молитвенное последование. После трапезы, как обычно, игумен ударял в «кандею», все вставали, совершали чин «Возношения Панагии», а потом — молитвы над кутиею «о оставлении согрешений» всех почивших царей, цариц, князей и княгинь, создателей и братии обители и всех православных христиан. Завершалось последование пением вечной памяти «приснопоминаемому и блаженному брату иноку или священноиноку (имярек)» (Чин опубл.: Шаблова. *Практика поминовения*. С. 66—67). Этот монастырский чин описан не только в монастырских обиходниках, но и в житиях, например, в Житии преподобного Иринарха Соловецкого.

После преставления преподобного Иринарха на монаха Виталия нашла такая «печаль велия и туга», что инок плакал по игумену много дней подряд. Он скорбел, что не стало настоятеля, который всегда любил его и с пониманием относился ко всем его нуждам и немощам. Наступил сороковой день после смерти преподобного. День поминовения еще более усилил скорбь инока. Во время пения панихиды он стоял около края скамьи, у самого игуменского стола, поникнув головой и покрывшись клобуком, чтобы никто не видел слез, застилавших ему глаза. От плача монах впал в забытье и увидел игумена Ири-

нарха «с светлым лицом», в епитрахили и с кадилом в руке: почивший игумен ходил по трапезной и кадил братию. Виталий очень обрадовался, но, открыв глаза и посмотрев по сторонам, обнаружил только иноков, стоявших в трапезной на своих местах. Однако явление святого утешило его, с того дня он перестал печалиться и унывать (*РНБ. Соф. № 452. Л. 327—327 об.*).

Поминание усопших — важнейший долг живых, нарушение этой святой обязанности всегда воспринималось как тяжелый грех. В Печенгском монастыре существовал благочестивый обычай служить панихиды в пустыни преподобного Трифона, где лежали мощи святого и тела иноков, замученных шведами. Однажды пришлось одному печенгскому монаху Ионе (Сорокоумову) проезжать рядом с той пустыней. Он позабыл о заповеди и, не воздав должного усопшим братьям, продолжал свой путь. Но едва Иона отъехал немного от пустыни, как его постигла «паралижная болезнь» (то есть разбил паралич): у Ионы отнялось полголовы и половина туловища. Чуть живого его привезли в Печенгскую обитель. На четвертый день болезни Ионе Сорокоумову явился святой Трифон и убиенный иннок Иона, которого он не захотел помянуть в своих молитвах. Они и исцелили больного (*РНБ. Сол. № 188 / 188. Л. 22—22 об.*).

Обязательное поминание усопших основано на непоколебимой вере в то, что Церковь своей молитвой может изменить посмертную участь умершего. В предисловии к синодику псковского Мирожского монастыря сказано: «Когда иерей служит Божественную литургию и вынимает частицы из просфор, говоря: о памяти и оставлении грехов усопших рабов Божиих, по именам перечисляя их, то эти имена ангел Господень невидимо начертывает в книги жизни и возносит на небо» (*Серебрянский. Кн. 4. С. 382*). В Иосифо-Волоцком монастыре существовали «сорокоустные списки», которые хранились в «церкви под колоколы», где каждый день служились сорокоусты.

Кроме того, уставщик монастыря записывал усопшего брата еще в другие списки: на три года — в «урочные тетради» для всedневногo поминовения, а

для вечного поминовения — в монастырский синодик и в особую игуменскую тетрадь. Если кто из монахов или родственников давал вклад в монастырь, то «урочные лета» для таких иноков продлевались. Каждый новый год в урочном списке стоил один рубль. Вклад давали не только деньгами, но и платьем, хлебом. Все это тщательно записывалось. Посоветовавшись с соборными старцами, игумен мог прибавить некоторым старцам «урочных лет» и без вклада, за особые труды на монастырь. По прошествии «урочных лет» уставщик должен был вычеркнуть из списка имя инока, но оно оставалось в вечном синодике. Вседневное поминание считалось самым важным, потому что оно читалось во все дни, когда служили литургию, не исключая и великих праздников. Священник или диакон прочитывал вседневные списки вслух или тайно на литургии два раза: во время проскомидии и после чтения Евангелия. Кроме того, их читали на утрене, на заупокойных литиях, которые служили после вечерни и утрени, на панихиде и над заупокойной кутьей после обедни.

Вечный же синодик читался не всегда: в Великий пост его читали только по субботам; от Лазаревой субботы до недели Фоминой и во все воскресенья, великие и большие праздники со всенощным бдением его не читали. Чтение синодика совершалось не священниками, а простыми монахами в таком порядке: начинали на часах перед литургией, а если не успевали прочитать за литургией, то продолжали на вечерне и панихиде. Иногда чтение синодика заканчивали уже на полунощнице (*Шаблова. Практика поминовения. С. 56*).

Три раза в неделю в Волоколамском и Кирилло-Белозерском монастырях пели большие соборные панихиды — вечером (перед мезимомом) в понедельник, среду и пятницу (если в этот день не случался праздник со всенощным, полиелеем и великим славословием, попразднство Владычных праздников или навечерие того дня, когда служба совершалась собором). В Кирилло-Белозерском монастыре во время царских панихид на столе ставили по четы-

ре свечи, кутью и мед на блюде в большем количестве, чем на рядовых панихидах. А на каноне в чаше ставили квас. На рядовых панихидах на столе зажигали одну свечу, также ставили кутью и мед, а на каноне — рядовой квас. В понедельник, вторник и четверг служили заупокойные литии после вечерни и заутрени, половину списков прочитывали вслух, а половину про себя, чтобы ускорить службу (*Обиходник Иосифова монастыря. XVI в. // Горский. С. 396—397*).

Кроме того, в Православной Церкви существуют дни сугубого поминовения усопших: Дмитровская суббота (суббота перед 26 октября), мясопустная (перед Великим постом), все субботы Великого поста (кроме Лазаревой и Похвалы Пресвятой Богородицы), Троицкая (перед Троицей). В субботу мясопустную в Кирилло-Белозерском монастыре на клирос приносили две «коробьи» свертков с поминальными записками, монахи читали их на вечерне, заутрене и на обедне, а оставшиеся — на панихиде (*Сводный устав Кириллова и Троицкого монастырей. XVII в. // Горский. С. 383*). А каждую пятницу Великого поста пели панихиду перед повечерием (*Там же. С. 384*). В Волоколамском монастыре панихиды Великим постом служили по субботам перед обедней. В пятницу накануне Троицкой родительской субботы на ектенях прочитывали сначала монастырский синодик, а потом «кормовой» (где были записаны имена всех благотворителей обители, велевших после своей смерти «кормить» братию монастыря). После вечерни служили панихиду, во время которой братия вычитывала поминальные списки из всех монастырских церквей. Их чтение продолжалось и на утрене субботы.

Дмитровская суббота всегда была особым днем в Троице-Сергиевом монастыре. Вселенская панихида накануне праздника святого воина Димитрия Солунского была установлена при великом князе Димитрии Донском в память воинов, убиенных на Куликовом поле. Из Жития преподобного Сергия Радонежского известно, что во время битвы преподобный молился в алтаре и называл имена павших в сраже-

нии. В Дмитровскую субботу в монастыре молились «об оставлении согрешений и блаженной памяти преставившихся иноков обители, воинов, на поле брани убиенных, и повсюду православных христиан» (*Горский. С. 380*).

Иноки и богомольцы монастыря могли подавать за плату и на определенный срок поминания (записки с именами) за своих родственников и знакомых. Формула этих записок не изменилась до наших дней. На обложке переплета Апостола, принадлежавшего церкви, сохранилось поминание XVI века: «Фетенью, Матруны, Селифонтея младенца, Костка» (*Серебрянский. Кн. 4. С. 383*). Поминание одного имени для мирянина стоило в Волоколамском монастыре «четверть» рубля, а для инока — две гривны. Записать одно имя на год в повседневные списки для инока и мирянина стоило одинаково — один рубль. Кто хотел, чтобы его имя, а также и весь род поминали вечно, должен был дать монастырю вклад на 100 или 200 рублей, или село, или деревню за ту же цену. В этом случае имя этого человека и весь его род записывали в повседневный список, в синодик и в «кормовые книги». За помин его души каждый год в монастыре устраивался «корм» для братии. Точно такой же тариф существовал и в Кирилло-Белозерском монастыре.

Кто давал 200 рублей, за того в Волоколамском монастыре устраивалось два корма, а кто 300 — три корма больших и три имени записывали в повседневный список. Пожертвовавший на монастырь 50 рублей получал право записать только свое имя в повседневный список и в вечный синодик, а кормы за него не устраивали (*Горский. С. 396—397*). Пожертвовавший меньше пятидесяти рублей по правилам Кирилло-Белозерского монастыря записывался после своего преставления во вседневный синодик на столько лет, сколько дано рублей, а в вечный — «без выгладки», но кормы за него не устраивались.

Записи монастырских кормов об упокоении располагались в месяцеслове (то есть в календаре), здесь указывалось, сколько дано вклада, когда совершать

корм. Так, в кормовых книгах Волоколамского монастыря под 21 мая записан корм по благоверной княгине Елене — жене великого князя Василия Иоанновича, здесь сказано: «Кормити доколе и монастырь Пречистой стоит» (*Горский. С. 400*). 4 декабря, на праздник великомученицы Варвары, в монастыре был большой корм за великого князя Василия III Иоанновича, во иноках Варлаама (ум. в 1533 году). Панихиду служил игумен в больших «камчатых» ризах. Значительность службы подчеркивалась тем, что она проходила в главной церкви монастыря. Вся братия стояла с зажженными свечами, а игумен кадил храм серебряным кадиллом (*Волоколамский обиходник. С. 10*). В этот день братии на трапезе подавалась свежая жареная рыба в сковородах, два рыбных блюда (из хорошей рыбы) с горчицей или хреном, два вида пирогов: одни — с вязигой и перцем, другие — с горохом, оладьи с медом и квас паточный.

Кормы устраивали не только за упокой, но и за здравие. Корм за здравие государя назывался «За приливок о здравии государя». Он также совершался на трапезе, после чина Панагии. Сначала служили молитвенное последование о здравии государя, царицы, их благородных чад, благоверных князей и бояр, христоролюбивого воинства и всех православных христиан, которое завершалось пением многолетия. Потом всей братии раздавались «чаши заздравные» или «ковшы заздравные». Игумен поднимал кубок и провозглашал заздравную речь: «Дай, Господи, государь наш Богом избранный и Богом венчанный, благоверный и благородный и христоролюбивый царь и великий князь (называлось имя. — *Е. Р.*) всея России самодержец здрав был на многа лета с своею благоверною и христоролюбивою царицею и с великою княгинею (имя), и с своими благородными чады (имена), и с своим отцем и богомольцем святейшим (имя) патриархом московским и всея России, с митрополиты и со архиепископы и епископы, со архимариты (архимандритами. — *Е. Р.*) и игумены, и со всем священным собором, и с своими благоверными князи и боляры, и с христоролюбивым воинством, и з

доброхоты, и со всеми православными христианы» (*Шаблова. Практика поминания. С. 65—66*). На это братия отвечала своему игумену: «Буди по глаголу твоему, честный отче». После этого провозглашалось здравие игумену и всей братии. Чин «За приливок о здравии государя» совершался с конца XVI века во всех крупных монастырях в дни великих праздников, в день именин царя и царицы, а также в день памяти святого, во имя которого в обители был храм, и «аще когда восхощет настоятель».

Кроме того, за здравие служили молебны. В монастыре преподобного Евфросина Псковского молебны пели три раза в неделю: в понедельник — Святой Троице и трем святителям, в среду — иконе Одигитрии и преподобному Онуфрию Египетскому, в пятницу — канон с акафистом Пресвятой Богородице и молебен преподобному Евфросину. На молебне пономарь зажигал свечу в храме, перед иконой Богородицы и перед образом того святого, кому служили молебен. После молебна свечи гасили (*Серебрянский. № 4. С. 385*).

В Волоколамском монастыре молебны служили каждый день, если в этот день не случался великий праздник: в воскресенье (кроме Пасхи и двенадцатых праздников) — Благовещению Пресвятой Богородице, в среду — иконе Одигитрии, в четверг — храмовым праздникам: Успению и Богоявлению (чередую по неделям), в пятницу — канон с акафистом Пресвятой Богородице, в субботу — тому же празднику, что и в четверг (*Горский. С. 394—395*).

Поминания о здравии различались в зависимости от размеров «дачи» на монастырь. Если кто давал 100 рублей, его имя поминали на всех молебнах, пели ему «Многая лета» и кормили братию в воскресенье или в тот день, который выберет сам жертвователь. Если кто давал 200 или 300 рублей, за него также молились на всех молебнах, а кормили братию, когда благословит игумен. За жертвователя, подавшего 50 рублей, молились на одном молебне в неделю, а корм не устраивали (*Горский. С. 398*). При желании можно было подать на разовый корм для братии. Большой

корм стоил 12 рублей, средний — 6 или 7 рублей, а меньший — 5 рублей. Бывали и кормы «квасом», за два рубля братию поили «добрым» квасом «за здравие подающего», а «сыченым» квасом поили за рубль или 20 алтын (*Горский. С. 398*).

Келейное правило

Однажды преподобный Мартиниан Белозерский, будучи еще молодым монахом Кириллова монастыря, пошел после трапезы к некоему брату. Увидев, что Мартиниан повернул к другой келье, святой Кирилл подозвал его к себе и спросил: «Куда ты идешь?» Тот ответил: «У меня есть дело к живущему там брату, и потому я хотел зайти к нему». Святой же, как бы укоряя, сказал ему: «Так ли соблюдаешь ты монастырский чин? Разве ты не можешь сначала пойти в свою келью и прочесть там положенные молитвы, а затем, если тебе нужно, идти к брату?» И Мартиниан, чуть улыбнувшись, ответил: «Когда я прихожу в келью, выйти оттуда я уже не могу». Святой же сказал ему: «Так и поступай всегда: первым делом иди в келью, и келья всему тебя научит» (*Прохоров. С. 89*).

Молитвы и поклоны, которые инок творил в своей келье, не случайно называли правилом, ибо именно они, по мнению старцев, учили монаха правильно жить. Келейное правило у всех было разным, точно так же, как все люди отличаются друг от друга по своей крепости и устроению. В монастырях обычно говорили: «Келья устава не имат (не имеет. — *Е. Р.*)», то есть устав не определял келейного правила, меру и образ правила каждому монаху давал настоятель либо духовный наставник, старец. Так, преподобный Иосиф Волоцкий благословлял одному из своих монахов носить «панцирь» на голом теле под свиткой, другим носить тяжелые железные вериги и в них класть земные поклоны: кому — 1000, кому — 2000, а иному — 3000; другие же монахи спали сидя, у каждого был свой личный подвиг, ведомый только настоятелю и Богу (*ВМЧ. Сентябрь. Стб. 467*).

По келейному обычаю старцев Иосифо-Волоколамского монастыря, монах должен был прочитывать за день четыре кафизмы, с тем чтобы всю Псалтирь совершить за пять дней (с вечера воскресенья по вечер четверга). Кроме Псалтири на день полагалось 1900 молитв Иисусовых и 100 Богородичных: «Пресвятая Владычице Богородице, помилуй мя и помози ми грешному», малое повечерие, два канона и полунощница (в воскресенье вместо полунощницы читали канон Святой Троице). Из двух канонов дня один был неизменный — Иисусу Сладчайшему, а второй — определенный для каждого дня: в воскресенье — Благовещению Пресвятой Богородицы, в понедельник — ангелу-хранителю, во вторник — святому пророку Иоанну Предтече, в среду — иконе Одигитрии, в четверг — святым апостолам и Николаю Чудотворцу, в пятницу — Честному Кресту, в субботу — акафист Пресвятой Богородице. В субботу и воскресенье в келье вычитывались часы. Великим постом келейное правило изменялось: каноны не пели, за пять дней совершали две Псалтири, а не одну, как в обычные дни. В келье совершали повечерие (в ночь с пятницы на субботу «говорили» мефимон большой, канон и полунощницу, а в субботу и в воскресенье — мефимон «меньшой») (ГИМ. Щук. № 212. Л. 207 об.—208).

Исходя из такого келейного правила и суточного цикла богослужений, нетрудно понять, что времени на сон оставалось немного. В Житии преподобного Иринарха Соловецкого описана обычная келейная молитва трудника Иоанна, работавшего на монастырь в кузнечной службе. Он молился по ночам в холодном чулане своей кельи, зажигал свечу перед большим образом Спасителя и читал Иисусову молитву, творил поклоны; спать Иоанн ложился в седьмом часу ночи (если считать от заката солнца). В келейном правиле иноков Нило-Сорского скита сказано, что спать можно пять-шесть часов ночью и один час днем. Не дольше спали, наверное, и монахи в киновиях.

В Житии преподобного Мартирия Зеленецкого рассказывается, как он семь лет жил в послушании у

старца Боголепа в Сергиевом монастыре в Великих Луках. Возвратившись в келью после вечерни, старец и ученик читали повечерие, потом четыре (а не два) канона, иногда к ним прибавляли еще два, по собственному желанию. Затем следовали 1000 молитв Иисусовых и 200 Богородичных, 600 поклонов и «молитвы спасительные», которые были в правиле у некоторых особо крепких подвижников (какие именно, Житие не объясняет). После совершения такого правила старец Боголеп разрешал ученику ненадолго уснуть. Но бывало, когда старец хотел усугубить подвиг преподобного Мартирия, он ставил перед ним жернова и велел молоть пшеницу, ячмень или плевелы со словами: «Как мелешь, так и получишь» (*Крушельницкая. С. 300*).

Пока Мартирий спал, старец читал дополнительное правило. Затем будил ученика и, повелев ему вычитать то же правило, ложился немного отдохнуть. Восстав от сна через малое время, он благословлял Мартирия спать, а сам читал полунощницу. Затем старец снова будил ученика. Теперь он читал полунощницу, а старец разжигал кадило и кадил келью. Так подходило время утренней соборной молитве. Старец Боголеп благословлял преподобного Мартирия, который был «ключехранителем» (хранителем ключей, возможно, епископом) церкви, звонить («клепать») к заутрене, а сам шел в храм. После заутрени старец и ученик пели часы в келье, каждый отдельно, чередуясь, как ночью. Потом старец Боголеп читал молитвы ко святому причащению, а Мартирий звонил к Божественной литургии. После литургии монахи вкушали пищу (старец ел раз в день хлеб и немного овощей, пил только воду) и расходились на монастырские послушания. И разве можно сказать, что такая повседневная жизнь не была подвигом?

Не менее суровое келейное правило исполнял преподобный Кирилл Белозерский. Почти до самого утреннего клепания молился он каждую ночь, а его ученик — преподобный Мартиниан — творил в это время земные поклоны и лишь ненадолго преподобный Кирилл позволял ему уснуть. Из Жития святого

Кирилл известно, что его келейное правило имело одну особенность — каждый день он неопустительно пел акафист Пресвятой Богородице и во время молитв не мог удержаться от слез.

В житиях древних святых есть рассказы о том, как ангел, явившийся с небес, давал святым подвижникам устав или правило молитвы. Есть такой эпизод и в Житии русского святого — преподобного Елеазара, основателя скита на Анзерском острове Соловецкого архипелага. Однажды преподобный сидел в своей келье и размышлял, какой молитвой он может более всего угодить своему Творцу: «псалмопением или красною молитвою»? И услышал голос, повелевающий ему каждый день произносить «великое славословие»: «Слава в вышних Богу и на земли мир, в человецех благоволение» (до конца), «Господи прибежище бысть нам» (до конца) и «Сподоби, Господи, в день сей» (также до конца). И следующей ночью преподобный Елеазар услышал, что «великое славословие» надлежит исполнять каждый день, ибо «это есть песнь к Богу общая — ангельская и человеческая» (*Крушельницкая. С. 333—334*).

Келейная молитва для монахов, живших в одиночестве, часто становилась настоящим подвигом. В житиях часто рассказывается о бесовских страхованиях и привидениях, посещавших инока во время уединенной молитвы. Как только монах вставал на молитву, раздавались странные звуки, сотрясались стены кельи и происходили другие непонятные явления. Однажды уже упоминавшийся соловецкий трудник Иоанн молился в чулане и увидел пришедшего к дверям черного кота. Кот замыкал, и Иоанн хотел было пустить его в свою келью, но он в келью не пошел и превратился в большого пса. Испуганный Иоанн начал усерднее молиться Богу. Пес исчез, но Иоанн, не выдержав внутренней борьбы со страхом, пошел в келью и лег спать. Во сне ему явился преподобный Иринарх и стал будить: «Востани, Иоанне!» Иоанн встал, поклонился и принял от преподобного благословение. «Почто ты, — сказал Иринарх, — этой ночью бесовского привидения устра-

шился и, молитву оставя, пошел в келью? Молись Богу, а вражьего мечтания не бойся!» (*РНБ. Соф. № 452. Л. 335*). В это время стали хлопать дверями проснувшиеся люди, и Иоанн тоже пробудился от своего видения.

В другой раз, когда Иоанн молился, он услышал, что под окном его кельи кто-то творит молитву, но только как-то неясно и невразумительно. Сначала Иоанн не придал этому никакого значения, но за окном раздался голос: «Что ты, Иван, ничего мне не отвечаешь?» Затем неизвестный стал сильно ударять в стену, так что оконная рама выпала на пол. Иоанн пришел в ужас, ушел из чулана в келью и начал снова молиться. Но пережитый страх был так велик, что Иоанн не мог стоять на ногах, его била дрожь, и он лег спать. Наутро окно в чулане оказалось целым. Через два дня Иоанну явился преподобный Иринарх и ободрил его. «Почто, Иоанне, — сказал преподобный, — третьего дня убоился и вышел из чулана? Ибо враг на тебя тяготу наложил; ты же впредь не бегай, уповай на Бога и молись ему прилежно, и не оставит Господь боящихся Его, вражия же мечтания не бойся» (*РНБ. Соф. № 452. Л. 334 об. — 335*). Во время ночных страхов старцы советовали инокам встать неподвижно, и, воздев руки крестообразно, читать Иисусову и другие молитвы: «Помилуй мя, Господи, создание твое», «Помилуй мя, неключимаго раба Твоего», «Отче наш» (*РГБ. Унд. № 52. Л. 367 об.*).

Однако не только искушения и страхования сопроваждали келейную молитву иноков, но и неведомые миру благодатные откровения. Их радость покрывала все труды и скорби, которые несли иноки в монастырях. Святой Исаак Сирий говорил: «Сладость, даруемая подвижникам в течение дня, исходит из света ночных молитв» (*Святитель Игнатий (Брянчанинов). Т. 2. С. 179*). Житие преподобного Александра Свирского, как ни одно другое, насыщено описаниями таинственных и непостижимых явлений: ему являлась Святая Троица, Пресвятая Дева; ученик преподобного видел во сне образ рая, описание которого помещено в Житии.

Однажды преподобный Александр читал свое обычное правило перед образом Спасителя, но часто, как заметил келейник, взирал на икону Богородицы, потому что пел ей акафист. Закончив петь, преподобный сел отдохнуть, но ученику своему повелел бодрствовать, предчувствуя грядущее чудо. Через некоторое время преподобный вышел в предсение своей кельи и увидел дивный свет, озаряющий монастырь. Особенно ярким он был там, где находился фундамент новой строившейся церкви. Святой Александр хотел посвятить новый храм празднику Покрова Пресвятой Богородицы. Взглянув на храм, святой увидел, что на месте алтаря сидит Сама Богородица с Младенцем Иисусом на руках, а вокруг предстает многочисленное ангельское воинство.

Преподобный в страхе упал на землю, но Богородица сказала ему: «Востани и не ужасайся», пообещав, что отныне Она будет заботиться о его обители. И тогда преподобный Александр увидел своих иноков, которые несли к фундаменту церкви камни, кирпичи, известь. В то же время он услышал голос, обращенный к нему: «Александр, если кто хоть один кирпич принесет на сооружение Моей церкви во имя Иисуса Христа Сына и Бога Моего, того избавлю от вечного мучения». После этих слов Богородица стала невидима, и монастырь снова погрузился в темноту. Но для преподобного Александра эта ночь была как день, он позвал к себе своего духовного отца — Исаяю, рассказал ему о видении и от радости уже не заснул до утра (*РГБ. Унд. № 1253. Л. 183 об. — 186*).

Обретение мощей

Важнейшим событием в истории любого монастыря была канонизация его основателя. Иногда, хотя и далеко не всегда, прославление святого сопровождалось или следовало за обретением его мощей (нетленных останков тела).

Поклонение святым мощам в Православной Церкви основано на учении святых апостолов. Апостол

Павел в Первом послании к коринфянам, не спрашивая, а утверждая, говорит: «Не знаете ли, что тела ваши суть храм живущего в вас Святаго Духа!» (1 Кор. 6, 19). Тела святых еще при жизни становились жилищем Святого Духа, ведь они «измыли» их «слезами, выстлали многотрудными молитвами, украсили добродетелью, покадили жертвенными воздыханиями» (*Златоструй. С. 206*), и после преставления преподобных Святой Дух не отступил от них. «И как при жизни сподобил их Владыка духовных дарований и сил и способности творить чудеса, — так и по отделении душ их от тел не лишает этих дарований». «Кости эти кажутся прахом и землей, но страшны для бесов, дают слепым прозрение, врачуют прокаженных и расслабленных и всякие болезни...» (*Просветитель. С. 181*). День обретения мощей, как и день преставления святого, становился праздником всей Русской Церкви. Обретение мощей сравнивали с малой Пасхой, ибо становилось явным, что вопреки законам бытия через много лет или веков после погребения тело святого не подверглось тлению.

Иногда обретение мощей происходило как бы случайно: строили новый храм вместо обветшавшей церкви, где был погребен святой, и находили его мощи. Случалось, что обретению предшествовало какое-нибудь чудо или чудесное предзнаменование. Но если на то не было Божественного указания свыше, гробницы святых не трогали, а если осмеливались, то наказание было неминуемо. Через 21 год после преставления преподобного Ферапонта Монзенского игумен Монзенского монастыря — преподобный Адриан — решил обрести мощи преподобного. Накануне Петровского поста он призвал на совет игумена Антония из Солигалича и другого Антония, игумена Арсениево-Комельского монастыря, монастырских старцев Назария, Леонтия, Феодосия и Никандра и заповедал им сугубо поститься.

Прошла неделя поста, игумен Адриан со всеми упомянутыми игуменами и старцами пошел в Никольскую церковь и здесь долго молился, потом вскрыл помост (пол) и повелел копать землю, но

гроб оказался почти вровень с полом, хотя, как помнил преподобный Адриан, хоронили святого Ферапонта глубоко в земле. Преподобный Адриан хотел было сделать раку для мощей Ферапонта, но решил немного подождать, чтобы удостовериться в правильности своего решения. Гроб укрыли покровом и разошлись по кельям. Когда настало время вечерни, игумены и старцы вновь пришли в церковь и с изумлением увидели, что гроб находится в глубине земли, а покров остался на поверхности. Преподобный Ферапонт как бы показывал им, что хочет остаться под спудом. Но старцы подумали, что они виноваты тем, что промедлили и не достали мощи. Они спрыгнули в яму, чтобы поднять гроб на поверхность. А преподобный Адриан подозвал к себе одного из старцев и, отодвинув немного доски гроба, показал ему мощи святого Ферапонта: оказалось, что они были целы и источали благоухание.

Но напрасно старцы пытались сдвинуть гроб с места. Тогда старец Адриан, решив помочь им, взялся за возглавие, но тут невидимая сила отбросила его в угол ямы. Ужас объял всех. Полумертвого старца Адриана, который не мог двинуть ни рукой, ни ногой, принесли в его келью. Здесь ему пришлось на ум помолиться преподобному Ферапонту и попросить прощения. После молитвы старец вновь стал здоров. Тогда он пошел в церковь, обложил гроб новыми досками и, отпев панихиду, снова похоронил его. После этой неудачной попытки обретения мощей старцы еще сорок дней служили сорокоуст об упокоении старца Ферапонта, прося у него прощения за свою дерзость.

Обретение мощей — это всегда сокровенная тайна, в которую посвящаются немногие, поэтому авторы житий обычно оставляли за рамками повествования все подробности, связанные с этим событием. Но иногда агиограф приоткрывает завесу над тайной. И оттого чудо, описанное в его бытовых подробностях и земных реальностях, становится еще более пронзительным. Такой редкий рассказ находится в «Повести об обретении мощей преподобного Адриана Пошехонского», трагическая история жиз-

ни которого уже пересказывалась выше. Иноки Адрианова монастыря много лет безуспешно пытались найти тело своего игумена, но напрасно. Со временем жители окрестных селений стали рассказывать друг другу о чудодейственной рябине, которая росла около заброшенной церкви во имя Ильи Пророка и святой Параскевы Пятницы на реке Ухре. Само церковное место уже давно сравнялось с землей, и здесь косили сено, но раз в году сюда собирались священники, купцы и крестьяне, приносили икону святой Параскевы и служили молебны. Веря в чудодейственную силу рябины, росшей неподалеку, люди протаскивали своих больных детей сквозь сучья дерева. Поэтому церковный дьяк Иван Прокопиев из соседнего села Гусева решил поставить на рябине икону, чтобы крестьяне поклонялись не дереву, как язычники, а святому образу. Он приложил немало трудов, чтобы возобновить церковь, и в 1619 году здесь возник монастырь, настоятелем которого стал игумен Лаврентий.

Однажды в монастырь пришел крестьянин деревни Иваникова Белосельской волости — Иоанн. Он принял постриг с именем Иона и стал духовным сыном игумена Лаврентия. 1 апреля 1626 года Иона, предчувствуя смерть, призвал к себе игумена и рассказал ему то, что никогда не рассказывал ему даже на исповеди. Эту тайну поведал Ионе перед смертью его родной отец Исидор. Когда разбойники бросили тело преподобного Адриана на берегу реки Ушломы, то Исидор со своими соседями отвезли его тайно к Ильинской церкви и здесь погребли наспех, без службы, не совершив панихиды и не отпев. Видимо, Исидор и его соседи сами были участниками нападения, так как боялись преследований губных старост, которые расследовали дело о нападении на монастырь. Игумен Лаврентий, услышав этот рассказ, повелел священнику Лукиану Козмину записать его слово в слово и заверил эту «память» собственноручной подписью.

Затем он послал в Адрианов монастырь старца Исаяю с письмом. Игумен Лаврентий знал, что мона-

хи в Адриановом монастыре уже давно живут невоздержанно, предаются пьянству. Не видя другой возможности исправить их, он решил им поставить условие. Старец Исая должен был собрать в монастыре собор во главе с игуменом Порфирием и зачитать им письмо такого содержания: «Если желаете про отца своего начальника игумена Адриана узнать, где его мощи почивают и поныне, то, Бога ради, оставьте в обители хмельное питье и до конца откажитесь от пьянственного обычая, и тогда отец наш игумен новой пустыни (Ильинской. — *Е. Р.*) Лаврентий про такое великое духовное дело подробно расскажет вам. Если же его духовного совета не послушаете и пьянственный обычай до конца не оставите, то игумен Лаврентий никакого совета и дел по этому великому поводу никогда с вами иметь не будет, отныне и до века» (*РГБ. Унд. № 273. Л. 30—31*).

Услышав такую весть, игумен Порфирий и все иноки воздели руки к небу и обещали отказаться от пьянственного жития, призывая в свидетели своему покаянию преподобного Адриана Пошехонского и Пресвятую Богородицу. Тогда старец Исая повелел игумену Порфирию ехать на совет к игумену Лаврентию в Ильинскую пустынь. Радостно встретив Порфирия, игумен Лаврентий преподал ему краткое назидание: «Отцы наши начальники игумен Адриан (Пошехонский. — *Е. Р.*) да старец Леонид не питались разными сладкими яствами и хмельным питьем, строя дом Пречистой Богородицы (то есть монастырь. — *Е. Р.*). Но насыщались они словами божественного писания, всенощными стояниями, непрестанным постом и молитвами. А еда их была былие и немного хлеба с водой, да и то в установленное время. А если бы не совершали они такой подвиг поста и молитвы, то не распространилась бы обитель их». После такого справедливого поучения, игумен Лаврентий вручил Порфирию духовную «память» (рассказ) старца Ионы. Узнав обо всем, игумен Порфирий поехал в Москву бить челом царю Михаилу Феодоровичу о разрешении на обретение мощей преподобномученика Адриана.

Патриарх Филарет, посоветовавшись с царем и со всем церковным собором, дал игумену святительскую грамоту с благословением искать мощи святого Адриана. А тем временем в Ильинской пустыни игумен Лаврентий размышлял, где же погребены святые мощи, ведь могила преподобного уже давно сравнялась с пожней (покосом). Поклонившись кресту на куполе храма и прочитав молитву «Достойно есть», он в полутора сажнях с южной стороны от дерева начертил своим посохом предполагаемое место раскопок, но до патриаршей грамоты не решился их производить. Когда игумен Порфирий вернулся в свой монастырь, он созвал собор, на который пригласил еще одного игумена — Серапиона из Никольского Тропского монастыря. На соборе решили начинать раскопки. 16 декабря, во второй день Филиппова поста, игумен Порфирий с братией, священниками и диаконами пришел на реку Ухру. Игумен Лаврентий был тогда в отъезде.

Отслужив панихиду под рябиной, игумен Порфирий повелел копать там, где раньше отметил место игумен Лаврентий. Земля была мерзлой и с трудом поддавалась. Как только сняли первый слой земли толщиной в пядь (ладонь) и принялись за второй, пошла земля с остатками сгнившего дерева толщиной в три пальца. Сняв еще под древесной гнилью пядь земли, монахи обнаружили мощи. Но стояли и сомневались, то ли они нашли, ведь копали не под самой рябиной. В этот момент вернулся игумен Лаврентий. Увидев мощи лежащими открыто и непокровенно на земле, он повелел принести из хлебни «хлебную чашу» (чашу, в которой подавали хлеб) и положил в нее мощи. Покрыв их покровом, он отнес их в теплую трапезную и сказал инокам: «Не скорбите, Бога ради, братия. По вере вашей да явит нам Бог достоверно мощи преподобного отца нашего начальника Адриана» *(Там же. Л. 37 об.)*.

На всякий случай игумен повелел продолжить раскопки у самого дерева. Монахи прокопали с северной и южной стороны от рябины траншею в полторы сажени, а с восточной и западной стороны — в

сажень. И не нашли ничего, кроме нетронутой «матерой земли». Наутро игумен Лаврентий пошел в церковь к заутрене. Здесь он помолился святым иконам и решил зайти в трапезную. Взяв свечу, он снял покров над мощами и стал их рассматривать. Мерзлая земля вся стаяла и обнажила мощи. Игумен увидел, что на главе у мощей сохранился венец волос на три пальца в ширину и длину. Волосы были черного цвета, какими они были изображены на иконе преподобного Адриана, написанной по рассказам людей, знавших преподобного при жизни. Сохранились также остатки власяницы и других одежд святого, сделанные то ли из золотого атласа, то ли из узорчатого бархата.

Сердце игумена «обрадовалось великой радостью» в тот самый момент, когда он увидел мощи. Теперь у него были неопровержимые доказательства, что обретено искомое сокровище. Он созвал братию и сказал, что Господь явил им мощи преподобного. Монахи, положив мощи в раку и покрыв их покровом, понесли их на своих головах в Адрианов монастырь. За пять поприщ от обители их встречали братия Адриановой пустыни и жители окрестных сел с женами и детьми. Отпев панихиду, раку с мощами установили с правой стороны Успенского собора Адрианова монастыря. Так преподобный, претерпев мученическую кончину, через много лет возвратился в свой монастырь и был прославлен как святой и чудотворец. Оказалось, что не рябина, а мощи святого, положенные в землю как «небесный испеченный хлеб», исцеляли приходивших к ним людей.

МОНАСТЫРСКАЯ ТРАПЕЗА

Устав о благочинии

С давних времен на Руси бытует поговорка: «Со своим уставом в чужой монастырь не ходят». Уставы разных общежительных монастырей действительно сильно отличались друг от друга. Но, несмотря на все отличия, существовал ряд общих строгих правил, которые составляли основу порядка в любой киновии. К таким правилам относилась обязательная общая трапеза: все от игумена до послушника должны были есть за общей трапезой и ничего, даже питьевой воды, в своих кельях не держать.

Это правило сильно отличало киновию от особого монастыря, где каждый питался отдельно, сообразно своему личному достатку, а также от скита, где монахи получали продукты у настоятеля, но готовили себе еду каждый отдельно и питались в своих кельях, за исключением больших праздников.

Одинаковыми для всех монахов были и правила поведения за общей трапезой. Первое и основное — всегда оставаться довольным предложенной «ествой»: «что ти поставят, о том не роптати». Пища и питье полагались всем одинаковые и в равных количествах. Иноки приступали к еде только после того, как игумен «возложит руку на брашно или питание». Все сидели молча и внимательно слушали чтеца, который по благословению настоятеля читал жития святых или тво-

рения святых отцов. За смех и разговоры в трапезной в Волоколамском монастыре наказывали епитимьей в 50 поклонов или одним днем сухоядения. Говорить за трапезой разрешалось только настоятелю, келарю и служебникам, да и то только о необходимом.

За столом каждый смотрел перед собой, а не по сторонам, у другого брата ничего не брал и своего перед ним не ставил, чтобы не ввести соседа в грех чревообъядения. Тех же, кто проявлял неуместное любопытство или заботу о другом иноке, по уставу Волоколамского монастыря, наказывали одним днем сухоядения или епитимьей в пятьдесят земных поклонов. Инок должен был знать «свой довол» (свою меру) и «не припрашивать», а также «не просить потешения (утешения, какого-нибудь лакомства. — *Е. Р.*) или пригаринок» (того, что пригорело и не подавалось на стол). В случае, если сам трапезник (служащий за трапезой) предлагал добавку или какое дополнительное блюдо, полагалось тихо и смиренно отвечать: «Божия воля, господине, и твоя!» Если иннок не хотел добавки, то говорил: «С меня, господине» (то есть с меня довольно, господин).

Даже если монах был болен и не мог есть того, что ела вся братия, он не смел просить, но ждал, когда сам служащий спросит его, чего он хочет. Услышав вопрос, болящий иннок отвечал: «Дай, Бога ради, того или сего». Если он вообще ничего не хотел, то так и говорил: «Не хочется мне, господине, ничего» (*РГБ. Унд. № 52. Л. 365*).

В монастыре вполне могла случиться и такая ситуация: служебник, по забывчивости или желая испытать терпение брата, обносил инока, то есть не давал какого-нибудь блюда или питья. Таких историй много в древних патериках; подобным образом старцы испытывали терпение не только новоначальных иноков, но и опытных подвижников. Преподобный Иоанн Лествичник наблюдал в монастыре святого Иоанна Савваита, как игумен подозвал к себе в начале трапезы восьмидесятилетнего старца Лаврентия, убеленного сединами. Тот подошел и, поклонившись игумену до земли, взял благословение. Но когда ста-

рец встал, игумен не сказал ему ничего, и тот остался стоять на месте. Обед продолжался час или два, а старец Лаврентий все стоял без ответа и привета. Преподобный Иоанн Лествичник пишет в своей «Лествице», что ему даже стыдно было взглянуть на старца. Когда обед закончился и все встали, игумен отпустил старца (*Лествица. С. 30*).

По монастырским правилам, если монаха обнесли за трапезой, он должен был смиренно сидеть за столом и ничего не просить. И только в случае крайнего голода или жажды мог сказать служащему: «Мне, господине, не дали» (*РГБ. Унд. № 52. Л. 365 об.*). Но это только в крайнем случае.

Монахам запрещалось без благословенной причины опаздывать на трапезу. В Волоколамском монастыре опоздавших наказывали днем сухоядения или поклонами, числом 50. Если инок не успевал в трапезу к молитве по какой-то достойной причине, то, войдя, он молча стоял и ждал, пока служащие поставят ему. А если не ставили, то смиренно жевал хлеб с солью и ждал, пока ела вся братия.

Самое строгое наказание назначалось тем, кто приносил что-либо свое в трапезу или, наоборот, выносил, спрятав за обедом или за ужином. Монах Волоколамского монастыря, пришедший на трапезу со своей «ествой», получал епитимью в сто земных поклонов. Если кто из иноков брал что-нибудь в трапезе без благословения настоятеля или келаря и покаялся в этом, то не смел прикасаться к святыне: вкушать антидор, «хлебец Богородицы», просфору, пока не получал прощения. Если инок был обличен в грехе другими монахами, то наказывался сухоядением на пять дней. В случае неоднократного повторения подобного греха монаха изгоняли из обители или в железных оковах сажали в темницу (*ВМЧ. Сентябрь. Стб. С. 12*).

Кроме обеда и ужина монаху не разрешалось ничего есть и пить, даже ягоду в лесу или овощи на огороде. В случае жажды инок мог, спросив благословения у старца, пойти в трапезную и там выпить воды. Если после обеда или ужина монаху требовалось посетить другого инока или старца в его келье, а тот хо-

тел угостить его каким-нибудь «ядением, или питием, или овощем», то инок должен был отказаться от такого утешения: «Не смею, господине, не понуждай меня, Бога ради». Старцы учили новоначальных, что подобное гостеприимство — это не братолюбие, а вражеская (бесовская) попытка ввести инока в грех; истинное же монашеское братолюбие состоит в том, чтобы всякого равно любить и от всех удаляться (*РГБ. Унд. № 52. Л. 368 об.*).

Казалось бы, простое правило — есть только за общей трапезой. Но из житий святых видно, сколько сил требовалось настоятелю, чтобы сохранить этот порядок нерушимым. В Волоколамском монастыре тех, кто был замечен в подобном грехе, лишали святыни, пока они не получают прощения у настоятеля. А получив прощение, монах должен был положить сто земных поклонов в келье, чтобы совершенно изгладить грех. Если монах не приносил покаяния, а был обличен кем-то другим, то наказание возрастало в три раза: инок получал епитимью в триста поклонов или «сухо ел» три дня. Если подобное повторялось, то его изгоняли из обители.

Однако бывали случаи, когда чревоугодники исцелялись от греха чудесным образом. И такое наказание оказывалось наиболее действенным. Два монаха из монастыря преподобного Павла Обнорского в свое время ушли из обители и долго подвизались в монастыре особножительного устава. Затем они вернулись в свой монастырь, но старых привычек не оставили. Как-то раз иноки решили приготовить себе еды в келье. Один остался варить в горшке вариво, а другой пошел в трапезную, чтобы тайком добыть хлеба. Когда второй монах возвратился, то увидел, что друг лежит на полу, а из его рта течет пена. Перепуганный инок в одно мгновение осознал свой грех и мысленно воззвал к преподобному Павлу Обнорскому, прося их простить. В доказательство своего раскаяния он схватил злополучный горшок и, выбросив за порог, стал пинать его ногами со словами: «Больше никогда так не сделаю до конца своей жизни» (*ВМЧ. Январь. Стб. 547*). Другой монах той же обители проходил послу-

шание в квасоварне и решил приготовить для себя квас. Взяв ведро сусла, он понес его в свою келью, но идти пришлось мимо гробницы преподобного Павла Обнорского. Здесь внезапно ослабели его руки и ноги, от страха он закричал и стал умолять преподобного о прощении. В келью он прибежал целым и невредимым, но уже без ведра, а наутро покаялся игумену.

Эти истории закончились благополучно, а вот другой инок Обнорского монастыря — Митрофан — так до конца своей жизни и остался калекой за то, что тайно ел и пил в своей келье. Однажды, когда Митрофан стоял в церкви на службе, внезапно руки и ноги его ослабели, и он упал. Братия служили о его здравии молебен преподобному Павлу и Святой Троице, после которого инок почувствовал себя лучше и смог покаяться. В итоге он мог двигаться, но одна рука и нога его так и не исцелились в назидание всей остальной братии (*Там же. Стб. 540*).

Чтобы не допускать праздного любопытства, удовольствия и не доводить иноков до греха тайноядения, монахам не разрешалось заходить в трапезную в течение дня без дела и благословения. При трапезных существовали так называемые шегнуши — кладовые, в которых хранили квас и всякие снеди. В положенное время иноки собирались на крыльце шегнуши пить квас, но при этом запрещались долгие стояния у шегнуши или праздные разговоры. Кроме того, заходить в самую шегнушу также не разрешалось. Шегнуша сообщалась с трапезной через служебный ход, который предназначался только для служебников. Монахи заходили в трапезную палату либо со двора через паперть, либо через церковные двери, если трапезная была устроена при церкви.

О времени трапезы

Время трапезы, вероятно, различалось в разных монастырях. Но представить себе примерный распорядок можно по трапезе московского Новоспасского монастыря. Этот распорядок целиком определялся

богослужением: чем значительней был праздник, тем раньше начиналась трапеза в этот день. В воскресные дни и в великие праздники обед устраивался довольно рано — в конце третьего часа дня (то есть около десяти утра по нашему исчислению), так как в эти дни, по уставу, разрешен был еще ужин. По субботам обед начинался несколько позднее — в начале пятого часа дня (то есть в начале двенадцати, если восход солнца в этот день был около семи утра). В большие праздники трапеза бывала в шесть часов дня, то есть около часа дня (по нашему исчислению). В малые праздники или в постные дни, когда полагалась одна трапеза, ее устраивали в середине дня — в девять часов, то есть около четырех вечера (по нашему исчислению) или еще позже. В то же время — в девять часов дня — начинался обед Рождественским постом (реально это означало около пяти-шести вечера) и в Петров пост (около двух часов дня, если считать от восхода солнца).

В монастырях всегда устраивали две одновременные трапезы. За первой ели иноки с настоятелем, за второй (последней) ели келарь, чтец и все служебники, которые служили монахам за трапезой: большой носильник, «меньшие носильники», чашник (монах, заведовавший напитками и погребом), воротник (своего рода приказчик; тот, кто «воротил делами»), а также монахи, опоздавшие на трапезу. Немощные или больные иноки ели в своих кельях или в больнице во время первой трапезы. Им приносили еду большой и меньшие носильники, а обслуживали их в больницах специально приставленные служебники. Если больной инок хотел вкусить чего-нибудь еще в течение дня, то по благословению игумена и соборных старцев его обслуживал большой носильник: взяв у подкеларника пищу, а у чашника питье, он приносил больному. Так же носильник, с разрешения игумена, носил пищу тем инокам, кому по каким-то причинам оказывалось недостаточно еды за общей трапезой.

Во время второй трапезы обедали и ужинали еще и те служебники, которые отвечали за приготовление пищи: подкеларник (помощник келаря), заведо-

вавший складом кухонной утвари и палаткой, из которой выдавали еду для части братии — видимо, «второй смены» и для гостей; «поваренные вытчики» (выть — доля, участок; вытчик — тот, кто отвечает за определенный участок поваренного процесса); штевар (совершенно точно можно сказать, что он варил кисели, может быть, еще и щи?); подчашник (помощник чашника); трапезники. Все эти служебники ели в чулане. Отдельно накрывали последнюю трапезу для мирян, слуг, монастырских мастеровых, казаков, которых обслуживали трапезники. Кроме того, в монастырских трапезных, по общему правилу всех обителей, всегда кормили нищих. Существовало даже такое понятие, как «записные нищие», то есть те, кто был приписан и регулярно кормился при монастыре. В XVI веке в Волоколамской обители ежедневно кормили от 20 до 50—60 «записных нищих» или «сколько Бог пошлет» проходящих.

Интерьер трапезной

Трапезные палаты в монастырях любили устраивать при храмах. Это было удобно: теплый воздух из подклета трапезной подавался в церковь и отапливал ее. Такая церковь называлась теплой, «зимней», в ней и проходили обычно все монастырские службы в зимнее время года. В XVI веке в богатых обителях строили каменные одностолпные трапезные: цилиндрические своды опирались на большой столб в центре палаты. Одна из первых таких трапезных при церкви была устроена в Кирилло-Белозерском монастыре в 1519 году. Она представляла собой прямоугольник, восточная стена которого разделяла церковь и трапезную. В этой стене находилась дверь, через которую монахи после церковной службы сразу могли пройти на обед. На восточной стене всегда устраивался иконостас, так что трапезная сама являлась как бы церковью, и некоторые богослужения, как мы видели выше, проходили в ней. В Кирилло-Белозерском монастыре в иконостасе трапезной на-

ходилса деисус, налево и направо от двери — местные иконы, а над дверью — большой крест «Распятие Господне», на столбе — образ Одигитрии со святыми и преподобными (по описи 1601 года). Перед деисусом висело большое медное паникадило, а перед местными иконами стояла поставная свеча. Таким скудным было освещение довольно обширной палаты. В трапезной стояли столы, убранные скатертями (для рядовых дней и праздников полагались свои скатерти), и лавки. По мнению некоторых исследователей, за каждым столом в кирилловской трапезной сидело шесть человек, так как некоторые блюда готовились и подавались именно на шесть человек: на Пасху по «шесть яиц в расоле», пекли «хлеб брацкой шестеровой» (*Шаблова. О трапезе. С. 27*).

Качество посуды, употребляемой за трапезой, зависело от достатка монастыря. Деревянную посуду: тарелки, братины, ковши — любили расписывать, ложки, ручки ковшей украшали резьбой. В монастырских описях перечисляются ложки и ковши разной формы: ложки — репчатые (похожие по форме на репу, напоминали приплюснутый шар), украшенные черенками из рыбьего зуба, «подрепчатые»; ковши — каповые (сделанные из капа — нароста на березе), репчатые, вязовые (вяз — одно из самых гибких деревьев, кроме посуды из него делали ободья, полозья и т. д.), «шадровые», «малые тверские», «оловянники», медные, «чем дрожжи черпают», «скорцы» (скобкари) — ковши, выдолбленные из корневища дерева и покрытые олифой. В Кирилло-Белозерском монастыре иноки ели из березовых тарелок, блюд; квас разливали ковшами по ставцам (ставец — чашка, похожая на стакан, цилиндрический «сосуд с плоским дном» — см.: *Забелин. С. 90*) или братинам (братина — большая чашка в форме кадки с накладной крышкой). Для питья использовали также стопы (большие металлические стаканы без ручки, расширяющиеся сверху). Вариво приносили в «рассольниках» (глубокое блюдо с крышкой), «судках», «на мисе»; питье — в «яндовах медных» (яндова — медный, вылуженный внутри сосуд, с ручкой и рыльцем), чашах.

Неизменным блюдом монастырского рациона были щи, которые ели практически каждый день: и в постные, и в непостные дни (кроме дней сухоядения), в праздники. Щи варили из белой свежей капусты, «борщевые» (то есть с борщом — квашеной свеклой), с кислицей (щавелем), заправляли перцем, на Пасху и другие праздники подавали с яйцами. Иногда щи заменял тавранчуг — особая похлебка из рыбы или репы или «ушное» — уха.

Если разрешалось по уставу два «варива», то второй «вареной едой» обычно была каша. Монастырский стол метко характеризует старая русская поговорка — «щи да каша — пища наша». Кашу могла заменять другая «ества»: «горох битой» или горох «цыженный» (гороховая гуцца), капуста, лапша гороховая или кислая. Наиболее разнообразна была трапеза в непостные и праздничные дни.

Самым важным и любимым продуктом была, конечно, рыба. Рыбный стол богатых монастырей отличался большим разнообразием. В ледниках Кирилло-Белозерского монастыря в 1601 году хранились бочки «судочины, лещевины, щучины», семги, черной икры; здесь же лежали «осетры длинные» с Волги и шехонские (с реки Шексны). В сушилах над ледниками находился запас вяленой и сушеной рыбы: «пласти лещевые, язевые, щучьи, стерляжи», семга, множество пучков вязиги (сухожилие из красной рыбы), суц мелкий и снетки, и «чети молю заозерского».

В обиходнике Новоспасского монастыря упоминаются семга, белорыбица, осетрина, белужина, севрюга, щука, судак, суц, стерлядь, икра черная и красная — сига́вая. Стерлядь в этом монастыре считалась «расхожей рыбой», ее подавали в основном монастырским слугам и странникам (*ЧОИДР. 1890. Кн. 2. С. 2*).

Блюда из рыбы были также очень разнообразны, но больше всего любили жареную свежую рыбу, которую подавали в сковородках по великим празд-

никам. Кроме того, рыбу запекали на решетках, варили и подавали со взваром, горчицей и хреном. Свежесоленая рыба была редким угощением и подавалась только несколько раз в году даже в таком богатом монастыре, как Иосифо-Волоцкий. Любимым рыбным блюдом монахов Кирилло-Белозерской обители были «крушки». У келаря в записях особо отмечены дни, когда «крушки живут на братию». Что представляло собой это блюдо, сказать сложно, но, судя по тому, что слово «крушкой» в старом русском языке означает ломкий, хрустящий, видимо, это была тонко порезанная рыба, жаренная до хрустящего состояния. Когда жарили «крушки», то завешивались холстом, видимо, от брызг кипящего масла.

Среди рыбных блюд в монастырских обиходниках упоминаются еще «голова осетри», лещи жаренные «с телом со взваром и перцем», «ладожина с уксу-сом», пироги с вязигой, «каравай» с рыбой, икра черная с луком и красная с перцем. В Новоспасском монастыре варили несколько сортов каши с рыбой: кашу с кусками семги, кашу со снетками, кашу «с вандыши» (мелкой рыбкой), кашу «с головизною» (с головами и хрящевыми частями рыб), кашу «с пупками», «кашу на ухе» (ЧОИДР. 1890. Кн. 2. С. 2).

Значительно разнообразили монашеский стол разных сортов пироги (с сыром, капустой, морковью, горохом, кашей, грибами), каравай (битые с морковью, репой), калачи, блины, оладьи, «хворосты».

Любимым напитком в монастырях традиционно был квас, в праздничные дни его пили за обедом и ужином и перед повечерием. Кроме того, в Волоколамском монастыре, начиная со Сретения и до самого праздника Покрова Богородицы (1 октября), братии разрешалось пить квас еще и в полдень (кроме первой и Страстной недель, а также постных дней Великого поста). На Сретение, по народным приметам, солнце поворачивает на лето, день значительно удлиняется, поэтому братия получала разрешение на дополнительную чашу кваса. «А от Покрова до Сретеньева дни в полдень квасу не пьют, понеж (так

как. — *Е. Р.*) день мал», — сказано в обиходнике Волоколамского монастыря (*Горский. С. 394*).

Квас готовили нескольких сортов. В Волоколамском монастыре в качестве самого ходового употреблялся ячневый и овсяный квас, в более торжественные дни — «сыченой» — из сыты (сладкого суслу, которое готовилось из муки и солода) и медовый. Был еще «паточный квас», который подавали по великим праздникам. Паточный квас готовили из чистого, нетопленного меда — самотека, стекавшего с сотов. Монастырский квас ценился не только как вкусный, но и чрезвычайно «энергетический» напиток, необходимый для поддержания сил. Так, в дни протяженных служб (на двенадцатые праздники и дни со всенощным бдением) священники, диаконы, головщики (клиросные монахи) и уставщик получали дополнительные чаши с медовым квасом «на погреб», а псаломщики — «поддельный квас». Этот же квас полагался большим служебникам и больной братии в больницах. Остальная братия получала «чаши схожие». «Добрый» квас был утешением в праздничные дни. Так, на праздники Успения, преподобного Кирилла Белозерского, Введения, на дни ангелов царя и членов царской семьи за обедом полагалась дополнительная заздравная чаша за именика с медвяным квасом (*Шаблова. О трапезе. С. 31*).

Медовый квас заквашивался двумя способами: 1) хмелем и дрожжами; 2) простым мягким калачом (*Там же. С. 41. Прим. 23*). В первом случае получался хмельной квас, во втором — обычный. В тех монастырях, где было запрещено «пиянственное» питье, квас заквашивали калачом. В «Домострое» рассказываются рецепты приготовления разнообразных квасов, в том числе обычного медового: «А квас медвяной сытити простой: взяти меду патоки в четверо; да процедить ситом чисто, да положить в меръник (сосуд. — *Е. Р.*), а наквасить калачем простым мяхким, без дрожжей, а как укиснет — ино сливать в бочки» (*Там же. С. 42. Прим. 23*).

В 1550 году Стоглавый собор запретил готовить в монастырях хмельные квасы и держать горячее ви-

но, но это правило часто нарушалось. Так, в XVII веке некоторые соловецкие инок, вопреки древнему уставу монастыря, имели обыкновение выносить из трапезной сыченый квас и в кельях доквашивать его дрожжами. Дело дошло до того, что в 1637 году царь Алексей Михайлович послал соловецкому игумену специальную грамоту с требованием искоренить этот пагубный обычай (*Досифей. Т. 3. С. 270*). В тех монастырях, где допускались (иногда по особому распоряжению архиерея) хмельные напитки, готовили хмельной мед и пиво. В XVII веке Афанасий, архиепископ Холмогорский и Важский, разрешил Красногорскому монастырю для братии и «почести» приезжих начальников и знатных людей варить пять вар пива в год: первую — к празднику Рождества Христова, вторую — к великому заговенью, третью — к Пасхе, четвертую — к Троицыну дню и пятую — к престольному празднику Грузинской иконы Пресвятой Богородицы, вина же в монастырь, как раньше, так и впредь, покупать не дозволялось (*Описание Красногорского монастыря. С. 31*).

По древним же уставам Иосифо-Волоцкого, Кирилло-Белозерского, Нило-Сорского, Корнилиево-Комельского монастырей, в этих обителях «пития, которые пьянство имут, не держали никоторого». Однако в XVI веке в Кирилло-Белозерском монастыре завет его основателя уже не исполнялся, по двенадцатым, великим и большим праздникам братия исправно получала чашу вина.

Особое примечание

Мясо русские монахи никогда не употребляли. По древним уставам, даже приносить мясо на территорию монастыря или готовить его на монастырской кухне строго запрещалось. Насколько строгим было это правило, подтверждает чудо из Жития преподобного Пафнутия Боровского, случившееся с известным иконописцем Дионисием. Он был приглашен вместе со своей дружиной для росписи нового ка-

менного храма в монастыре. Иконописцы жили в селе неподалеку от обители. Поскольку были они людьми мирскими, то преподобный Пафнутий повелел им никакой своей еды в монастырь не приносить. Один раз иконописцы забыли про заповедь преподобного и, отправляясь в монастырь на работу, взяли с собой баранью ногу, начиненную яйцами. Вечером они сели ужинать, первым вкусил Дионисий. Нетрудно представить себе его состояние, когда он увидел в бараньей ноге вместо яиц червей. Ногу выбросили за монастырь собакам, но после этой трапезы художник тяжело заболел. Все его тело покрылось струпьями, так что он не мог двинуться. Осознав свой грех, Дионисий покаялся перед преподобным. Тот, преподав иконописцу назидание впредь не нарушать монастырские правила, повелел ударить в било и созвать братию на водосвятный молебен. Освященной водой Дионисий обтер все свое тело и, обессилев после службы, уснул. Проснулся он уже совершенно здоровым (*Житие Пафнутия Боровского. С. 125*). Мирских людей, работавших на монастырь, в непостные дни, когда случалась тяжелая работа, кормили мясными блюдами. В Кирилловом монастыре им выдавали мяса «по гривенке» (всего был 51 день в году, когда разрешался мясоед — см.: *Шаблова. О трапезе. С. 27*). Но если в XVI веке мясо готовили и ели за пределами монастыря, то в XVII столетии этот запрет уже не действовал, и мирские монастырские люди могли вкушать мясо за второй монастырской трапезой.

Хлебни, поварни, квасоварни

Приготовление «ествы» в больших монастырях с многочисленной братией и богомольцами было делом трудоемким и сложным. Поэтому горячую пищу готовили только один раз — к обеду. Если в этот день полагался ужин, то вариво, оставшееся после обеда, ставили в печь на угли и теплым подавали к ужину.

Множество монахов, послушников и всякого рода монастырских служек трудилось в поварнях и пекарнях обителей. Послушание здесь считалось самым тяжелым, и если монах переносил его терпеливо, без ропота, то этот труд в глазах игумена и братии был достоин самого глубокого уважения. Перед смертью преподобный Даниил Переяславский призвал к себе ученика Кассиана и, вручив ему две свои власяницы, повелел передать их монастырским поварам — монаху Евстратию и иноку Иринарху. Объясняя свой выбор, преподобный сказал: «Вы и сами знаете добродетели Евстратия. С тех пор, как постригся, он достиг совершенного послушания, неленостно постился и молился, и без роптания прошел все монастырские службы, а боле всего — поваренную службу». И тут игумен рассказал, как в свое время он хотел сменить Евстратию послушание, но тот упал ему в ноги и умолял ничего не менять и не лишать его великой духовной пользы. Преподобный Даниил удивился такому усердию и оставил Евстратию в поварне. Теперь, перед смертью, он просил Кассиана передать новому игумену Илариону свой наказ не переводить Евстратию на другую службу. Другой монастырский повар Иринарх, по словам игумена, так же трудолюбиво подвизался, беря пример с Евстратия. Отдавая для них свои власяницы, преподобный сказал: «Надеюсь, что они и обо мне грешном помолят Бога, и за их молитвы милостивый и человеколюбивый Христос Бог Наш простит мне многие мои согрешения» (Смирнов. С. 70—71).

Трапезная вместе с примыкавшими к ней поварнями, пекарнями, ледниками, амбарами, сушилами и всякими палатками образовывала отдельный город на территории большого монастыря. Под трапезной Кирилло-Белозерского монастыря находились знаменитые хлебни. Их размеры были почти такими же, как у самой трапезной: в длину — семь саженей с полусаженью, а поперек — семь саженей с четью. Здесь пекли хлеб в двух больших печах из трех «квашон». В каждой квашне растворяли по 500 килограммов муки, квашение накрывали холстами,

сшитыми в четыре полотнища, и давали подойти, потом три квашни растворяли в четвертой (*Никольский. С. 191. Прим. 2*). В хлебнях хранилось четырнадцать холщовых свиток, в которых просеивали муку, и двенадцать пар рукавиц. Видимо, столько же людей было занято в процессе выпекания хлеба. В хлебне находилась всякая необходимая утварь: медный котел, в котором грели воду, два «поскребня, чем квашню скребут», скобель, долото, заступ, нож-косарь, чем щипали лучину, чтобы разжечь огонь в печи, медные рукомойники с лоханями, кумганец (медный рукомойник в виде кувшина, с носиком, ручкой и крышкой), пешня для колки льда (с пешней ходили на озеро за водой; она представляла собой железное остроконечное орудие, наверху имелась трубка, которая насаживалась на рукоять). Хлебней заведовали «хлебные старцы», они жили неподалеку от трапезной, в трех кельях у амбаров, где хранилась ржаная мука (*Никольский. С. 193*). Один из старцев выдавал работникам свитки и рукавицы. В отдельном помещении размещались штевары, в их распоряжении находились котел, сковорода медная, в которой варили кисель, и два кумганца. Неподалеку от хлебни у монастырской стены, выходящей на озеро, находилась небольшая палатка, в которой согревали воду, когда надо было ставить квашню. Рядом же с хлебней, под трапезной, находилась палатка, где хранили уже испеченный хлеб.

Большая пекарня Кирилло-Белозерского монастыря была построена вместе с трапезной в 1519 году, но очень скоро ее мощностей стало не хватать, и тогда в нижнем ярусе церкви Преображения было устроено еще несколько пекарен, где пекли просфоры и калачи, а заодно печенье и пироги. Преображенскую церковь для этих целей выбрали не случайно. Она расположена у крепостной стены, выходящей к озеру, на стене были устроены «вороточки невелики», через которые вода по желобам текла в пекарню.

Подклет Преображенской церкви состоял из двух помещений: в первой большой палатке пекли пече-

нье, калачи и просфоры, во второй — пироги. К той части помещения, где делали просфоры, была пристроена еще небольшая палатка, где зимой хранили просфоры. А к церковной паперти у крепостной стены примыкала еще одна палатка, в которой держали калачи. На ее верхнем этаже жили старцы, заведовавшие калачной, здесь же находился чулан, где хранили сухари. У стены стоял амбар, в котором просеивали муку. В пекарнях находилась разнообразная кухонная утварь: сита для просеивания муки, «крючки», чем вынимали оладьи из масла, сковороды длинные, «насовы суконные, в которых стряпают круг калачей» (насовы — нарукавники, надеваемые во время стряпни; фартуки, рабочая одежда), ковши-скобкари, коробы осиновые.

Еду готовили в поварне, располагавшейся рядом с трапезной. В конце XVI века в Кирилло-Белозерском монастыре кроме основной поварни были еще естовная, стрелецкая, княжая, гостиная (в ней готовили еду для гостей) и др. Поварнями заведовали поваренные старцы, которые жили неподалеку. В большой поварне Кирилло-Белозерского монастыря было устроено шесть очагов котельных да ошесток. Котлы висели над очагами на железных цепях, кроме того, на очаги ставили большие железные таганы (обруч на ножках) — подставки для котлов. В поварне хранилось большое количество посуды: «уполовники», решетки железные для запекания рыбы, котлы большие и «котлики малые», ковши, ножи и служебная одежда. Пищу готовили, видимо, в специальных «служебных рясках». Поражает функциональное разнообразие кухонной утвари, одних только ножей было несколько видов: «косари луковые», «секиры капустные», «кленики» для резки рыбы (ножи с коротким и широким лезвием, немного загнутым к обуху), «большие ножи, а режут ими лапшу и рыбу».

На складе кухонной утвари хранилось больше дюжины ножей, топоры, сковородки медные, противни медные с помочами (ремнями), несколько дюжин «тарелок березовых» и «блюд росхожих», «ставы», «подставы блюд деревянных», рукомойник, лохань,

ручная железная мельница для перца, «судки столовые», солонки, «росольники оловянные», медный молочный горшок. Основной запас круп и рыбы, необходимой для нужд поварни, находился в сушиле: «несколько четей семени конопляного, гороху, круп ячных, круп гречневых и проса, пять осетров “провислых”, 250 пластей язевых, сто пучков вязиги, сушеного моллю лосково (моль — мелкая рыба; иногда также называли сушеные снетки; упомянутую рыбу ловили в местности, именуемой Лоза-Алтушево. — *Е. Р.*) десять четвертей, пять четвертей моллю белозерского» (*Никольский. С. 222. Прим. 1*).

Квас готовили в особом помещении — квасоварне. Древняя квасоварня Кирилло-Белозерского монастыря сохранилась до наших дней: «Посредине покрытия... возвышается квадратный в плане и полый внутри шатер, служащий проводником для пара и дыма, скопляющегося в здании от квасного очага. Наверху этот шатер заканчивался четырехугольной в плане трубою, а внизу опирался на сомкнутый свод с двумя распалубками по каждой стене» (*Никольский. С. 226*).

Посреди квасоварни стояли медный котел (он вмещал 300 ведер) и три больших чана: в одном чане затиралось по 20 четей солода (зерно, которому давали прорасти в тепле и сырости, отчего у него появлялся сладкий вкус), в двух остальных находилось сусло, а под чанами помещалось три больших корыта. За квасной поварней находился амбар, где студили сусло, здесь стояло пять чанов и шесть корыт. А около поварни располагалось трехэтажное строение, нижняя часть которого была приспособлена под квасной ледник, где держали «квас про братью житной». В Кирилловом монастыре существовало еще пять каменных ледников, в которых летом охлаждали квас, хранили рыбу и разные продукты. В одном леднике держали квас: «медвенной» (медовый), паточный, сыченый, овсяный, «квас полуян». Здесь же хранились разные ковши, стопы, яндовы, медный ковш, «чем дрожжи черпают», медный котел на 12 ведер, «а подваривают в нем сыту» и небольшой медный «котлик,

в чем патоку греют на оладыи». В других трех ледниках держали рыбу, над одним из них стояла палатка, где хранили мед и патоку, а в пятом погребе — сметану, молоко, яйца и масло коровье.

Приготовление пищи в монастырях, как и любое дело, обязательно освящалось молитвой. Рано утром, перед заутреней, повар и хлебник приходили в церковь и трижды творили земной поклон перед Царскими вратами. После этого они просили у епископа огня, тот зажигал «лучину» от лампы в алтаре храма и передавал ее повару и хлебнику. И уже от этого «честного огня» зажигались поленья в печах поварни и хлебни, чтобы все, вкушающие пищу, получали вместе с ней Божественную благодать и освящение. Не случайно и приготовление трапезы было всегда сугубо монашеским послушанием; мирские люди в этом деле могли быть только помощниками.

Особенно благоговейно в монастырях относились к выпеканию хлеба. Этот процесс подробно описан в Студийском уставе. В русских монастырях все совершалось, скорее всего, точно так же. Поскольку просфоры должны быть испечены уже к литургии, а хлеб — к обеду, то начинали печь хлеб очень рано. В самом начале утрени, после шестопсалмия, кутник, сотворив близ игумена земной поклон, шел собирать братию на послушание в пекарню. Сначала подходил к инокам, стоявшим на правой стороне церкви, потом переходил на другую сторону. Все собирались в центре храма перед Царскими вратами и шли благословляться к игумену. Сотворив земной поклон, говорили: «Благослови, помолись за нас, святой отче». Игумен отвечал: «Бог спасет», и монахи отправлялись в пекарню. Здесь, вымешивая тесто, они пели псалмы, канон и другие молитвы, полагавшиеся на утрени. Кроме того, в русских монастырях читали еще особую молитву «егда месити тесто на хлебы в обители» (*Прилуцкий. С. 355*). Поставив тесто, иноки уходили в церковь, где продолжали молиться с остальной братией, но старший монах оставался в пекарне, чтобы следить за тем, как подходило тесто. После службы он обходил кельи иноков, месивших

тесто, и они вновь собирались в пекарне, чтобы теперь уже печь хлеб (*Пентковский. С. 387*). Может быть, благодаря этим молитвам хлеб, испеченный в обители, был особенно вкусен, а монастырский квас излечивал от самых невероятных болезней.

Порядок трапезы

Когда братия с пением 144-го псалма входила в трапезную палату, здесь все уже было готово: на столах стояла необходимая посуда, на отдельном большом столе, тоже именуемом «трапезой», находились теплый хлеб, солонки с солью и питье. Игумен благословлял крестом трапезу и читал молитву: «Христе Боже, благослови брашно и питие рабом своим ныне, и присно, и во веки веком». После этого все садились, а священник, встав, благословлял чтение житий святых: «Благословен Бог наш всегда, и ныне, и присно, и во веки веком». Чтец отвечал: «Аминь» — и начинал читать. Этот обычай издавна существует во всех монастырях для того, чтобы монахи слушали читаемое с гораздо большим удовольствием, чем вкушали пищу и питье, дабы «виден был ум, не озабочиваемый телесными удовольствиями, но увеселяющийся более словесами Господними» (*Василий Великий. С. 254*).

Получив благословение, служащие приносили вариво и ставили на трапезном столе. Келарь и чашник подходили к игумену и по очереди творили перед ним поклон, прося благословение на раздачу варива. Потом келарь лично приносил игумену вариво в соуде, а чашник питье (мед или квас). Остальные служебники раздавали то же самое вариво братии, а чашник разносил всем питье. После того как все было роздано, ближайший к игумену служебник вручал ему ложку, а келарь говорил: «Господи благослови», игумен ударял в «кандею» (металлический сосуд наподобие небольшой чаши на ножке с поддоном, использовавшийся как колокольчик).

Монахи вставали, и священник читал положенные перед едой молитвы: «Отче наш», «Слава, и ны-

не», «Господи помилуй» (дважды), «Господи благослови». По окончании молитв игумен благословлял брашно и питье: «Христе Боже, благослови брашно и питье рабом своим ныне, и присно, и во веки веком». Все садились и приступали к еде, но только после того, как начинал есть игумен. На каждое «брашно» требовалось отдельное благословение, поэтому за трапезой в «кандею» обычно ударяли «трижды»: первый раз после внесения варива, второй — после внесения второй ествы — сочива, третий раз — по окончании трапезы. После каждого звонка все молились, как перед вкушением варива.

Если на трапезе было «утешение» — чаша с хмельным питьем, то келарь перед ее вкушением говорил: «Господи благослови». Монахи вставали, держа перед собой чаши. Игумен благословлял, и монахи, мысленно произнося Иисусову молитву, их выпивали. По окончании трапезы келарь говорил молитву: «За молитв святых отец наших (современное произношение молитвы: «Молитвами святых отец наших...». — *Е. Р.*), Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас». Настоятель ударял в «кандею», чтец прекращал читать, творил три земных поклона перед настоятелем и, взяв благословение, уходил. Игумен, взяв «Хлебец Богородицы», передавал его диакону для совершения чина возношения Панагии. После вкушения «Хлебца» игумен читал благодарственные молитвы: «Благословен Бог, милуя и питая нас от своих богатых даров, Своєю благодатию и человеколюбием всегда, и ныне, и присно, и во веки веком». Братия отвечала: «Аминь». Игумен благодарил служебников за трапезу: «Бог простит и помилует послуживших нам». Братия творили земной поклон перед игуменом и расходились по кельям, не задерживаясь в трапезной.

Посты и праздники

Монашеская трапеза, как мы уже говорили выше, самым тесным образом связана с богослужением. Количество и состав блюд, трапез в течение дня —

все это зависело от того, каким значком отмечен этот день в богослужебном уставе. Если великий праздник случался в среду или пятницу, то разрешалось есть рыбу, масло и вино (там, где допускались хмельные напитки). В средний праздник было разрешение на вино, масло и сущ. Если малый праздник со словословием случался в постный день, то рыбу не ели, а только пищу, приготовленную с маслом, и вино. Бывали и такие малые праздники, в которые на трапезе было разрешение только на вино, а еду варили «без поспастия» — без масла. Вот как реально этот устав воплощался в обиходе Кирилло-Белозерского монастыря. В двенадцатые праздники обязательно был ужин с рыбой, даже если этот день приходился на среду или пятницу. В великий праздник, например, на память святого Иоанна Богослова (26 сентября), также полагались рыба и калачи, но если он совпадал со средой или пятницей, то ужин отменялся, хотя за обедом рыбу оставляли. В праздники преподобных Сергия Радонежского, Савватия Соловецкого, святителя Николая Чудотворца, святителя Алексия Московского, на Покров Пресвятой Богородицы братия вкушала рыбу. Но, опять же, если праздник приходился на постный день, то был только обед, и к обеду подавали уже не свежую рыбу, а сущ. На память преподобного Павла Обнорского устав о трапезе был таким же, как и в праздник святого Савватия Соловецкого; но в постный день подавали уже не сущ, а икру (то есть праздник оценивался на порядок ниже).

Большинство дней православного календаря относится к постным: это среда, пятница (за исключением сплошных седмиц — тех недель, когда пост отменяется), а в монастырях еще понедельник, а также четыре длительных поста: Великий (семь недель перед Пасхой), Рождественский или Филиппов (с 15 ноября по 24 декабря), Петров или Апостольский (начинается через неделю после Троицы и заканчивается 11 июля) и Успенский (с 1 по 14 августа). Кроме того, праздники Воздвижения Креста Господня, Усекновение главы Иоанна Предтечи и Крещенский сочельник (Навечерие Богоявления) также относятся к по-

стным дням. Каждый пост имеет свой устав, но в разных монастырях он приобретал свои особенности.

Монашеская еда, по уставу, должна была быть простой и недорогой. По столовым обиходникам монастырей видно, что пища была довольно разнообразной и максимально полезной, такой, чтобы восстановить силы даже в самый изнурительный пост. При чем обязательно учитывалось, что не все могут есть одну и ту же пищу, поэтому предлагалась равноценная еда на обмен. Например, молочную кашу или молоко можно было поменять на яйца, репу — на огурцы и т. д. Не допускалось на трапезе и дублирование блюд: если подавали каравай, то калачи отменялись.

В монастырях ели один или два раза в день. Согласно общему правилу, в постные дни — понедельник, среду и пятницу — был только обед, ужина не полагалось даже в постные дни Пятидесятницы.

Обычный постный обед монаха Волоколамского монастыря состоял из половины мягкого хлеба на брата и двух вареных блюд без масла: щей с белой капустой или борщом и каши (вместо каши иногда подавали «горох битой» или «горох цыженной», то есть гороховую гущу), или «кашу на ухе», второе блюдо можно было поменять на огурцы. Перед повечерием монахи Волоколамского монастыря собирались к шегнуше пить квас. Однако, по уставу преподобного Корнилия Комельского, монахам его монастыря пить квас в постные дни не разрешалось ни после обеда, ни перед мефимоном; в эти дни все, кроме больных, пили только воду. Если в постный день случался большой или малый праздник со славословием, то к щам подавали вариво с маслом: капусту или лапшу, или «цыженной горох» и, кроме того, — по четверти калача как праздничное блюдо (если кормили лапшой, то калачи не подавали).

Во вторник, четверг и субботу устраивалось две трапезы: обед и ужин. Рацион блюд сильно менялся в зависимости от того, чей заздравный или заупокойный корм приходился на этот день (в постные дни кормы не устраивали). В Волоколамском монастыре кормы делили также на несколько чинов: государев

большой, средний, малый. Когда кормили за здравие или упокоение государя, у монахов на столе была свежая жареная рыба, два варива с маслом, два рыбных блюда со «взваром» и с горчицей, калачи белые «не в меру» (то есть неограниченно), пироги двух видов: одни — с яйцом и перцем, другие — с сыром — и по две оладьи с медом на брата.

Если корм был средний (княжий, боярский или великих людей), то инокам полагалось два варива с маслом, три вида рыбных блюд (по одной порции на двоих), пироги с сыром, оладьи с медом, калачи не в меру и медовый квас. Если корм был меньшей, то братия обедала одним варивом с маслом (например, щами), двумя рыбными блюдами, пирогами и калачами не в меру, а пили за таким обедом квас сычен. В книгах келаря Кирилло-Белозерского монастыря упоминаются кормы большие и большие «с крушки» (крушками). Большой корм соответствовал по значимости волоколамскому среднему, он устраивался в дни памяти особо чтимых святых (например, преподобного Сергия Радонежского), за упокой бояр и князей, в особые поминальные субботы, а большой с крушками устраивался обычно в двенадцатые праздники. Так, 1 сентября, на праздник святого Симеона Столпника, в монастыре был корм по князю Семену Ивановичу Бельскому. Братии подавали калачи, рыбу с добавкой, по чаше кваса сыченого и по чаше ячного. В поминальную Дмитровскую субботу большой корм состоял из калачей, пирогов двух видов, крупной жареной рыбы, которую подавали в сковородах, и из двух видов кваса: медового и ячного. В субботу мясопустную кроме корма братии полагалась еще милостыня монастырским трудникам, которые работали на многочисленных дворах: людям давали по три чаши кваса полуяна (вероятно, ячневый квас, смешанный наполовину со ржаным или овсяным) да «перевару» из меда. На праздник Рождества Богородицы устраивали корм большой с крушками, в этот день и квас полагался лучше, чем 1 сентября: одна чаша кваса медового, другая — ячного (РНБ. Куп.-Бел. № 84 / 1322. Л. 46—46 об.).

За ужином в непостный день на братской трапезе подавали щи, молоко, это блюдо можно было всегда сменять на три яйца или кашу, или квас; пили за ужином ячневый квас. В воскресные дни монашеский стол отличался по разнообразию и обилию блюд от остальных непостных дней. На обед подавали по четверти хлеба, щи с белой капустой или борщом, или кислицу с чесноком или с луком, к щам полагалось по два яйца или «коровай битые» (каравай — пшеничный хлеб на молоке, масле и яйцах) или лисни (возможно, слоеные пироги) — один на четыре брата, или каравай с рыбой — один на два брата; вторым варивом за воскресной трапезой были яичница (тогда отменялись яйца к щам) и молочная каша (по желанию инок мог сменять ее на те же два яйца), вместо караваев и лисней иногда подавали калачи.

В православном календаре есть два двенадцатых праздника, когда соблюдается строгий пост — праздники Воздвижения Креста и Усекновения главы святого Иоанна Предтечи. На Воздвижение в Волоколамском монастыре подавали по четверти хлеба, щи со свежей белой капустой, морковь или репу с маслом (их можно было сменять на огурцы), по четверти калача и медовый квас. Если праздник приходился на субботу или воскресенье, то устав разрешал ужин и пища была несколько разнообразнее. В Кирилло-Белозерской обители за праздничным обедом братия вкушала калачи, щи с перцем, лапшу, икру и по чаше кваса медового. В этот день накрывали ужин, за которым монахи получали калачи или хлеба белые, щи и по ставцу медового кваса.

В день Усекновения главы святого Иоанна Предтечи волоколамская трапеза состояла из «щей борщевых с подтиркою», моркови или репы с маслом, монахи утешались четью калача или караваем с репой или морковью и медовым квасом. В Кирилловом монастыре в этот день обыкновенно подавали икру, оладьи, по две чаши кваса сыченого, а за ужином — калачи и по ставцу медового кваса. В обиходнике особо оговаривалось, что праздник Усекновения гла-

вы надо праздновать не телесно, а духовно — скудостью блюд, сетованием и плачем. Ни в коем случае в этот день нельзя употреблять пищу, содержащую кровь, даже рыбу, и вино, потому что преступное решение о казни пророка Иоанна было принято Иродом на пиру (*РНБ. Кир.-Бел. № 730 / 987. Л. 69*).

Рождественский пост был первым постом нового года, он начинался в день памяти апостола Филиппа, поэтому его называли иногда Филипповым постом. Накануне, 14 ноября было заговенье, то есть монахи последний раз обильно ели скоромную пищу, набираясь сил на предстоящий пост. За обедом в Волоколамском монастыре подавали два рыбных блюда и оладьи с медом, за ужином — восьмую часть калача, столько же хлеба, лапшу, пироги с сыром, яйца, сыры и квас ячневый. В Кирилло-Белозерской обители монахи заговлялись «большой» рыбой, «пирогам тельными», битыми караваями с яйцами, пшенной кашей и ячневым квасом. За ужином на стол ставили два рыбных блюда, лапшу, сыры: одни — пресные с медом, другие — сухие; молоко, калачи, квас ячменный. Если заговенье приходилось на постный день, то один раз в день из утешительных блюд полагались только рыба суц и ячневый квас.

В понедельник, среду и пятницу каждой недели Филиппова поста в Волоколамском монастыре вареную пищу за трапезой не подавали. Один раз в день братия вкушала половину белого мягкого хлеба, капусту с «красным росолом» (густым квасом из солода) и толокно. Если в этот день случался праздник со славословием, то разрешалось одно вариво с маслом.

На праздник Введения Пресвятой Богородицы в Кирилло-Белозерском монастыре устраивался традиционный корм с крушками, кроме того, братии подавали по две чаши медового кваса. В навечерие Введения также ставили праздничную трапезу; если день был непостный, то разрешалась осетрина (правда, ели один раз в день — вечером, а после обедни монахи получали по просфире, но в сытню пить квас келарь не звал); если постный, то сушеная рыба и по две чаши ячневого кваса.

В Соловецком монастыре пост был несколько слабее: до праздника святителя Николая (до 6 декабря) в понедельник ели щи и еще одно горячее вариво, а также одну невареную еду — «ястие студеное» (например, кислую капусту), в среду и пятницу — щи и два «ястия студеных».

Во вторник, четверг и субботу в Волоколамском монастыре за обедом разрешалось одно вариво с маслом и рыбное блюдо, в субботу разрешался ужин, но без рыбы. На Соловках по вторникам и четвергам рыбу ели один раз — в обед, а в субботу и воскресенье дважды — за обедом и ужином.

В воскресенье за обедом в Волоколамском монастыре подавали четверть хлеба, щи из свежей белой капусты со сметками, тавранчук, головы осетра или сметки, калачи — по четверти на брата или каравай с рыбой, ячневый квас. Но за ужином рыбу уже не давали, братия ужинала студеной капустой с маслом, или горохом, или огурцами, или толокном, то есть без варива. В последнее воскресенье Филиппова поста братии на ужин подавали только «квас сычен» по малой братинке и по осмине калача. Последние пять дней перед праздником Рождества Христова (с 20 января) в Кирилло-Белозерском и Волоколамском монастырях рыбы уже не ели. В субботу и воскресенье разрешались икра и вариво с маслом, во вторник и четверг — два блюда с конопляным маслом: щи и «каша с соком» или горох, а в постные дни — сухоядение (*Устав. Л. 51 об.—52*).

В Соловецком монастыре устав о трапезе был несколько иным, он ужесточался после 6 декабря, но все-таки оставался не таким строгим, как в Волоколамском монастыре: рыбу ели до самого предпразднества Рождества (то есть до 24 января), но начиная с 6 декабря только по субботам и воскресеньям, по вторникам и четвергам ели щи, вариво и одно «ястие студеное», а по постным дням — щи и два «ястия студеных».

В Рождественский сочельник, накануне праздника Рождества (24 декабря), трапеза устраивалась один раз — в три часа ночи (то есть около 8—9 вече-

ра по нашему исчислению). За трапезой подавали по четверти хлеба на брата, щи борщевые с конопляным маслом, кутью с квасом из сыта (кутья иначе называлась сочивом, почему праздник получил название сочельника), по ставцу сока топленого, пироги с горохом и квас ячневый. В обмен на «сыту» можно был попросить малую братинку медового кваса. Если навечерие случалось в субботу или воскресенье, то сразу после литургии разрешалась небольшая трапеза, монахам предлагалось по осминке хлеба и братинке ячного кваса. В Кирилло-Белозерском монастыре в Рождественский сочельник подавали щи, пироги, «сок» с медом, по ставцу ячневого кваса; если меда не было, тогда медовый квас.

Филиппов пост завершался праздником Рождества Христова. В Волоколамском монастыре его встречали богатым столом: инокам подавали жареную свежую рыбу, два рыбных блюда с горчицей или хреном, калачи не в меру, по чети хлеба, молочную кашу и самый лучший — паточный — квас. В Кирилло-Белозерском монастыре устраивали большой корм с крушками. Кроме того, как на Пасху, подавали перепечи с яйцами и по две чаши медового кваса. На следующий день — на Собор Пресвятой Богородицы — кирилловскую братию кормили перепечами или калачами, рыбой с добавкой, пшенной кашей и медовым квасом (*РНБ. Кирил.-Бел. № 84 / 1322. Л. 52 об.*). На Святках каждый день обедали и ужинали. На трапезе всегда были рыба, молочная каша, калачи. Братский стол на предпразднество Крещения (в Крещенский сочельник) и на сам праздник Крещения устраивался подобно предпразднеству Рождества и самому Рождеству. После Крещения и до отдания праздника по средам и пятницам в Кирилло-Белозерском монастыре на трапезе разрешался сущ.

2 февраля наступал праздник Сретения Господня, праздничная трапеза оставалась традиционной. В Кирилло-Белозерском монастыре братия помимо большого корма получала по две чаши меда и радовалась любимым крушкам. На предпразднество Сретения тоже устраивалась праздничная ества, только

без ужина. Монахи обедали белым хлебом, рыбой с добавкой, ячневым квасом. Если предпразднество приходилось на постный день, то на обед подавали только вариво.

Перед Великим постом, в неделю о мытаре и фарисее (эта неделя сплошная — без постных дней), по древнему уставу Кирилло-Белозерского монастыря каждый день подавали две трапезы — обед и ужин. В неделю о блудном сыне братия имела возможность попробовать свои силы в посте в преддверии приближающейся Четыредесятницы. По уставу Троице-Сергиева и Кирилло-Белозерского монастырей, в понедельник, среду и пятницу этой недели монахам полагалось сухоядение.

Последняя неделя подготовки к Великому посту — Сырная или Масленица. На Соловках, в Троицком и Кирилловом монастырях в понедельник на Масленице ставили две трапезы, а в среду и пятницу — одну (*Устав. Л. 23*). В Волоколамской обители в сырную среду братию кормили жареной свежей рыбой, рогулями пряженными (жареными, это блюдо, согласно обиходнику, подавали только на Масленице), молочной кашей, хлебом, а пили иноки ячневый квас. А в пятницу на столе были жареные свежие лещи «с телом со взваром и с перцем», пряженые хворосты (лещи «с телом» и хворост упоминаются также только на Масленице), крутая каша с сыром, по чети хлеба и «квас ячной перевареной».

В воскресенье праздновали «Великое заговение»: на обед в Волоколамской обители подавали свежую жареную рыбу, каравай битые, кашу, по чети хлеба и «квас сычен». Самая разнообразная и обильная трапеза была в два часа ночи (около десяти вечера). Братия заговлялась «живопросольной рыбой» (то есть свежесоленой, это было довольно редкое угощение на братском столе), «щучиной доброй со взваром», калачами, лапшой, «вялыми сырами» (вяленным сыром), пряженными (жареными) пирогами с сыром и паточным квасом. В Кирилловском монастыре за обедом «Масленого Заговения» монахи получали по четверти калача, большую рыбу, битые караваи с яй-

цами, пшеничную кашу, по чаше кваса медового; а за ужином заговлялись двумя рыбными блюдами, лапшой, сырами: пресными с медом и сухими, а также молоком. Кроме того, инокам наливали по чаше кваса медового и по большой чаше кваса ячневового. Трудникам многочисленных хозяйственных дворов Кириллова монастыря на обед и ужин давали мясо, но только за стенами обители, там, где они жили (*РНБ. Кир.-Бел. № 84/1322. Л. 55 об.*). Интересно, что на Масленице вопреки современным обычаям блинов не пекли. Блины ели на сплошной неделе от Троицы до Петрова поста, о чем речь пойдет ниже.

На следующий день протяжные удары в било около пяти утра, призывая братию к заутрене, возвещали, что настало время Великого поста. В разных монастырях первую неделю Четыредесятницы постились по-разному. Эти особенности восходят еще к древним векам монашества, когда разные обители сами определяли для себя меру поста. В обиходниках русских монастырей часто сравнивают афонские уставы со Студийским, эти сравнения сопровождаются длинными рассуждениями о целесообразности тех или иных строгостей поста. А на практике было следующее.

В Волоколамской обители в понедельник первой недели поста трапеза не поставлялась, братия не вкушала даже хлеба и воды, кроме немощных и больных иноков, которые могли немного поесть хлеба в своих кельях или в больнице. Во вторник и четверг трапеза также не поставлялась. Но после вечерни братия (те, кто изнемогал), немощные старцы и служебники монастыря шли к чулану, трапезники давали каждому по осминке хлеба с солью и воду. Братия вкушали их в чулане и расходились по кельям. В среду трапеза поставлялась, поскольку в этот день служили литургию преждеосвященных даров. После вечерни братия подавали по половине мягкого хлеба, взвар медовый с перцем, «красный росол» с пшеном, а для питья — воду. В пятницу трапеза была, как и в среду, а после литургии вкушали еще освященную кутью.

В Кирилло-Белозерском монастыре на первой неделе трапезу не ставили в понедельник и вторник. Но если на эти дни приходился праздник святого Федора Тирона, то столы ставили и скатерти стелили; монахи вкушали по части калача и по чаше кваса медового, соль ставили на стол для тех, кто хотел, но хлеба не полагалось. В среду братия вкушала хлеба мятные или белые, по два ставца взвара и ячневый квас. Квас давали и перед мефимоном (*РНБ. Кур.-Бел. № 84/1322. Л. 55 об.*). В пятницу за трапезой разрешались хлеба белые, по одному ставцу взвара и по ставцу рассола и ячневый квас, который, как и в среду, подавали перед мефимоном. В субботу Великого поста, если не случалось заздравного корма, кирилловские иноки обедали белыми хлебами, щами, икрой, лапшой или рыбьими потрохами, сычным квасом, а на ужин подавали мягкие калачи, щи, кисель с сытою, ячневый квас. В воскресенье ячневый квас заменялся медовым, однако в XVII веке за ужином во все дни года, как грустно заметил келарь, стали давать только ячневый квас.

По уставу Хутынского монастыря, монахи в среду первой недели ели «сухоядение» (орехи, сушеные фрукты и т. д.), а пили «укроп» (теплую воду) с медом (*Горский. С. 299*). В пятницу разрешались одно вариво, но без масла, и «армеа» (в качестве армеи в уставе церковном упоминается капуста, заготовленная впрок, видимо, квашеная).

На Соловках трапеза не поставлялась в понедельник, среду и пятницу. Во вторник и четверг силы братии поддерживали хлеба белые, взвар с медом, морошка или капуста соленая и «мешеное толокно» (*Устав. Л. 3 об.*).

Разные послабления поста разрешались в разных монастырях по субботам и воскресеньям. В Волоколамском и Кирилло-Белозерском монастырях, например, в субботу и воскресенье вкушали икру. Кроме того, в Кирилло-Белозерском монастыре икра разрешалась и на некоторые праздники: на Обретенные главы пророка Иоанна Предтечи (24 февраля, если он случался в пост), Сорока мучеников Севас-

тийских, преподобного Макария Калязинского, святителя Ионы, митрополита Московского, и другие.

На Соловках по субботам и воскресеньям ели «пласти» из рыбы (видимо, пластины вяленой рыбы) или «вяленый суш» (мелкую сушеную рыбу или сушеные снетки). Послабления, которые допускались на Соловках, вполне объяснимы. Монастырь находился на острове и семь месяцев в году — с середины октября по середину мая — был отрезан от материка, с которого завозили крупы и хлеб. В овощах монастырь также испытывал недостаток. Да к тому же они были совсем иного качества, чем овощи средней и, тем более, южной Руси. В XIX веке соловецкий архимандрит Досифей в своем исследовании вынужден был с грустью заметить, что «при всем успехе разведения овощей... вкус оных весьма уступает тем, которые под благорастворенным небом в других местах растут в изобилии» (*Досифей. Т.1. С. 27*). В этом отношении можно также вполне положиться на мнение святителя Игнатия (Брянчанинова), который писал, «что овощи и плоды средней России несравненно сильнее северных, а произведения южной России столько же сильнее среднеполосных; плоды же и овощи Цареграда и Афона... равняются питательною силою рыбе северных краев и даже превосходят ее» (*Святитель Игнатий (Брянчанинов). Письма. С. 76*). Вяленая же рыба, которую постом ели соловецкие иноки, была тем продуктом, который монастырь мог заготовить в больших количествах впрок, и она могла, при недостатке, заменить остальную «еству».

Монастырские уставы не оставались неизменными. Так, в Кирилло-Белозерском монастыре во времена основателя монастыря — преподобного Кирилла рыбу Великим постом не ели. Однажды к преподобному пришла княгиня Агриппина — жена князя Андрея Дмитриевича, на земле которого стоял Кирилловский монастырь. Княгиня отличалась благочестием, оказывала большое уважение святому и покровительствовала его обители. В этот свой приезд она очень хотела угостить братию рыбными блюдами, но был Великий пост, и святой не позволил бра-

тии есть рыбу. Княгиня же настойчиво просила его нарушить монастырский обычай ради ее прихода, на что преподобный ответил ей: «Если я так поступлю, то сам буду разорителем устава. И затем, стоит мне умереть, как начнут тогда говорить, что Кирилл повелел в пост есть рыбу» (*Прохоров. С. 92—93*). И княгиня, угостив братию постными блюдами, вернулась к себе домой, хваля твердость святого.

Подобный устав соблюдался и в Саввино-Сторожевском монастыре, о чем свидетельствует также одно из чудес, описанное в Житии святого. В святую Четыредесятницу великий князь предложил сторожевскому игумену Афанасию (1542—1550) вкусить рыбы. Игумен не устоял и согласился. Тотчас у него отнялись рука, нога и язык. Он исцелился у гроба основателя монастыря, где пообещал впредь никогда не нарушать поста. Однако в XVI веке по уставу Кириллова монастыря по субботам и воскресеньям уже разрешались рыбы потроха и икра. В четвертую субботу поста в обители с давних пор всегда устраивался заупокойный корм по игумену Христофору. В этот день братии и всем монастырским людям предлагалось особое угощение. Монахи за обедом ели калачи, щи с перцем, икру, пироги двух видов, по чаше медового кваса и по чаше ячневое (квас пили на крыльце шегнуши). Большие слуги получали по чаше ячневое кваса, а остальные слуги и трудники — по чаше переваренного меда (*РНБ. Кур.-Бел. № 84 / 1322. Л. 56 об. — 57*). Рыба, как видим, в этот день еще не полагалась. Но в XVII веке все стало по-другому: по субботам устраивались заупокойные кормы с рыбой: в первую и вторую субботу — по царю Иоанну Грозному, в третью и пятую — по царевичу Иоанну Иоанновичу, в четвертую — по игумену Христофору, а в первое воскресенье поста разрешался заздравный корм за царя с рыбой (*Шаблова. О трапезе. С. 32*).

По субботам Великого поста в Волоколамском монастыре также разрешались заупокойные кормы, поэтому по случаю поминания за трапезой подавали черную икру с луком, красную сиговую с перцем, калачи белые, два вареных блюда с маслом, два вида

пирогов: одни — с вязигой (или маслом и перцем), другие — с горохом, оладьи с медом и «добрый» медовый квас.

На Соловках по субботам ели щи белые, кашу соковую, лапшу гороховую (все с маслом) и, как уже говорилось выше, рыбные пласти. Во все воскресные дни Четырдесятницы в Волоколамском монастыре к обеду подавали один вид икры — черную или красную (ее можно было поменять на капусту), по чети калача на брата, «горох битой», квас ячной «перевариной». На Соловках рацион был скромнее: здесь ели щи, кашу и рыбные пласти. Вообще, по трапезе самого строгого — Великого — поста особенно заметно, что в современной Православной Церкви устав о посте гораздо строже, чем это было в XVI или XVII веках. По крайней мере, рыба сейчас разрешается Великим постом только два раза — на Благовещение и Вербное воскресенье, а икра — три раза: в эти праздники и в Лазареву субботу.

Вторая неделя поста была менее строгой, чем первая, и в последующие седмицы Четырдесятницы трапеза устраивалась в основном такая же, как на второй неделе. В понедельник, среду и пятницу второй недели в Волоколамском монастыре трапеза составлялась, но пища была невареная. Монахи получали по половине мягкого хлеба, капусту, красный рассол (его можно было поменять на ячный квас), толокно, а для питья — воду.

Во вторник и четверг за трапезой разрешались два варива: щи и горох, или каша, или лапша, по половине хлеба, по чети калача (если была лапша, то калачей не давали), по чети хлеба. Во вторник и четверг монахи пили еще квас в полдень и перед повечерием, а в понедельник, среду и пятницу квас не пили, только «воду речную», собравшись в трапезе перед повечерием (*Горский. С. 393*). По уставу Кирилло-Белозерского монастыря в понедельник, среду и пятницу на трапезе пили только воду, а перед мефимоном квас. Накануне праздничных дней: Обретения главы святого Иоанна Предтечи, Сорока мучеников Севастийских, преподобного Макария Калязинского, святите-

ля Ионы, митрополита Московского и других больших святых — разрешался квас и на трапезе.

На Соловках в постные дни второй недели, как и в последующие седмицы, ели одно вариво — щи и два блюда студень, а по вторникам и четвергам — щи борщевые с соком да сухари, еще одно вариво, а другая «ества» — студень.

В субботу и воскресенье разрешались две трапезы — обед и ужин. Субботний обед устраивался как и в первую субботу, а за ужином подавали капусту или горох, или толокно с маслом (эти блюда можно было сменять на огурцы) и квас ячневый. Такой же ужин был и в воскресенье.

В субботу и воскресенье в Волоколамском монастыре братия еще пила квас после ужина. Когда наступало время, служебники обходили монашеские кельи, созывая братию, а старец «подчашник» трижды ударял в колокол. Братия собиралась в трапезе и, выпив по мере кваса, расходились по кельям (*Горский. С. 393*).

Такова была общая схема трапезы в Четыредесятницу, но случались и исключения, определявшиеся богослужением. Так, в среду Крестопоклонной недели, когда праздновалось преполовение (середина) Четыредесятницы, вопреки общему правилу, разрешалось два варива с маслом: щи борщевые и капуста, пироги с горохом или с соком или блины: одни — с маслом и луком, другие — с соком и квас ячневый. Кирилловская братия получала на трапезе пироги из просфирни, той самой, которая была расположена под церковью Преображения. Такое утешение предлагалось братии ради праздника. В понедельник и пятницу Крестопоклонной недели, несмотря на постные дни, на трапезе разрешался квас, в воскресенье братии предлагались белые хлебы, икра, вариво и ячневый квас.

В среду пятой недели поста, накануне чтения Великого канона, ради «труда бденного» (поскольку для длительной службы требовалось много сил), за трапезой разрешалось вариво: в Волоколамском монастыре — щи с соком и каша соковая (ее можно было

обменять на огурцы), по чети хлеба и калача, квас ячневый, а в Кирилловом обедали щами, горохом, еще одним варивом, пирогами из просфорни и «обычным квасом». В четверг Великого канона, после службы, трапеза была также более плотная, чем обычно: кирилловские иноки получали белые хлебы, щи, икру, пшениную медовую кашу и ячневый квас, а вечером перед мефимоном — «брацкий квас». Волоколамские иноки укрепляли свои силы борщевыми щами с маслом (на обмен предлагалась капуста), «горохом цыженным с перцем», «торговым волоцким калачом» на брата и медовым квасом.

На следующий день — в навечерие Похвалы Пресвятой Богородицы кирилловские монахи вместо воды пили квас: на трапезе по ставцу кваса ячного и по чаше братского, и перед мефимоном. На сам праздник на столах были белый хлеб, икра, ячный квас и новое для обычного рациона блюдо — «кусье (видимо, куски калача. — *Е. Р.*) в маковом молоке с медом». Видимо, это блюдо предназначалось только для этого праздника. На следующий день — в воскресенье — опять разрешалась икра, «кусье» уже в масле, но без меда, либо рыбы потроха. Увеличивалось количество служб, более обильной и разнообразной становилась и трапеза.

Можно заметить, что на пятой и шестой неделях Четыредесятницы, когда к концу поста уже накапливается усталость от самого однообразия пищи, в братском обиходе появлялись новые блюда, то есть трапезу старались разнообразить. На монашеский стол подавали крошеную капусту с соком или с чесноком или луком, хрен, пареный хлеб, тесто солодовое гречневое, бруснику тертую с медом, а во вторник и четверг — кашу гречневую с маковым молоком или орешки в соку (на обмен предлагали сок топлёный и калачи).

На Великий пост приходится два двенадцатых праздника — Благовещение и Вход Господень в Иерусалим. В эти дни во всех монастырях за трапезой традиционно разрешалась рыба (если Благовещение не попадало на Страстную седмицу, тогда вместо

рыбы подавали икру). На обед в Волоколамском монастыре подавали два рыбных блюда, калачи не в меру, «горох битой» и хороший медовый квас, на ужин — одно рыбное блюдо и по осмине калача. В Кирилло-Белозерском монастыре за обедом Вербного воскресенья устраивался большой корм, третьей дополнительной едой в этот день были пряженые пироги с толченым горохом или с вязигой или оладьи с медом. Каждый инок за обедом получал по две чаши (а не ставца, как обычно на праздники) медового кваса; на ужин тоже подавали рыбу.

Завершался пост Страстной седмицей. Устав о трапезе в эту неделю различался в разных обителях. В Страстные понедельник и среду трапеза в Волоколамском монастыре поставлялась, братия вкушала мягкий хлеб, капустный рассол и по братинке воды, квас всю Страстную седмицу, кроме Великого четверга и Великой субботы, не пили. В Великий четверг перед обедней служили панихиду, потому за трапезой полагался заупокойный корм: икра, вариво с маслом и медовый квас. В Великую пятницу трапеза не поставлялась, братия (даже немощные и больные) не вкушали ничего. В Великую субботу братия уже в конце дня после литургии Василия Великого получали по половине калача и по малой мерке медового кваса. В Кирилло-Белозерском монастыре трапезу ставили во все дни до пятницы. Но за трапезу садились немощные старцы и клиросные монахи, ведь им нужно было больше сил, чтобы петь на долгих службах Страстной седмицы. Кроме четверга, вареных блюд не готовили, а пили только воду. В Великий четверг всей братии после обедни полагались калачи, тертый горох, щи, лапша с перцем, по чаше квасу медового. В старых келарских книгах значилась еще икра, но впоследствии ее вычеркнули.

На Соловках в понедельник и среду к трапезе приходили только те, кто изнемог, и ели три «ествы студенья», то есть блюда из невареной пищи. Во вторник монахом предлагались капуста, ягоды и толокно, в четверг — щи, лапша гороховая, каша соковая (но все без масла). В Великую пятницу в монасты-

рях не ели ничего, а в субботу после литургии (уже после захода солнца) братия в церкви, на своих местах, вкушали «укрухи» (один укruh пекли из половины литра муки, то есть из 150 граммов муки, так как в XVI веке один литр равнялся 72 золотникам или 300 граммам).

Пасха — «Праздников праздник» и «Торжество из торществ». Пасхальную радость дополняла трапеза, за которой даже в бедных обителях выставлялось все, что могли найти. Чрезвычайно обидно было остаться в такой великий день, после трудного и долгого поста, без утешения. Однажды в Боровском монастыре случилось так, что келарь не смог найти даже мелкой рыбешки для праздничного стола. И тут братия и слуги, изнемогшие от «постных трудов», стали открыто роптать на святого. Поздно вечером в Великую субботу пономарь пошел на ближнюю речку, где всегда брали воду для монастыря, зачерпнуть воды «на укроп» (теплую воду, которой запивали причастие) к Божественной литургии. И увидел в реке множество рыбин, которых в тех местах называли «сижками», поскольку по вкусу и внешнему виду они напоминали сига, но по размеру были чуть больше сельди. Обычно монахам удавалось выловить в этой речке одну-две рыбешки. Пономарь побежал к преподобному и рассказал ему о чуде. Тот благословил закинуть сети, улова хватило на всю Светлую седмицу, чтобы кормить братию рыбой и за обедом, и за ужином (*Житие Пафнутия Боровского. С. 124*).

А в благополучные времена в монастырях традиционно пекли куличи, их называли «перепечи». Они бывали пшеничные белые или ржаные. В Волоколамский монастырь перепечи привозили. Интересно, что перепечи ели не только на Пасху и Светлой неделе, но еще на Троицу и Успение. В Волоколамском монастыре за пасхальной трапезой подавали пшеничные перепечи, щи, яйца, жареную свежую рыбу, два рыбных блюда (из хорошей рыбы) с горчицей и со взваром, кашу молочную и паточный квас. Похожей была трапеза и в Кирилло-Белозерском монастыре: щи с перцем, яйца, перепечи, по две чаши

медового кваса каждому иноку. В полдень на трапезе пили «квас сычен». За ужином братия вкушала перепечи — по осмине на инока, рыбу лодожину с уксом и «квас сычен». Кирилловскую братию вечером также ждал ужин с рыбой, калачи и по две чаши медового кваса, все монастырские слуги и работники тоже получали на ужин по чаше кваса.

На Светлой седмице за обедом предлагалось несколько меньше блюд, чем в сам день Пасхи, но всегда были перепечи, одно или два рыбных блюда, молочная каша (ее можно было поменять на яйца) и квас из сыты. За ужином рыбы не полагалось, ели перепечи, по три яйца, молоко, варенцы, сыры и квас сычен. Ужин был каждый день Светлой недели. В неделю апостола Фомы — первое воскресенье после Пасхи — в Кирилло-Белозерском монастыре устраивался большой корм с крушками, ну а если в рыбе был недостаток, тогда вместо крушков пекли олады, а пили по чаше меда и ячного кваса. В среду и пятницу Пятидесятницы, по благословению настоятеля, в Волоколамском монастыре разрешались рядовые заупокойные кормы, а значит, и рыба. В Кирилло-Белозерском монастыре по средам и пятницам Пятидесятницы разрешался только сущ. Если случалась память великих святых, тогда разрешалась рыба. На Соловках в понедельник, вторник, четверг, субботу и воскресенье Пятидесятницы готовили стол с рыбой, а в среду и пятницу из рыбы подавался только сущ (*Устав. Л. 9*). В воскресенье перед отдаением Пасхи в Волоколамском монастыре за ужином подавали яйца всмятку — по пять на брата. На Вознесение братию кормили яичницей, калачами, молочной кашей, которую можно было сменять на яйца, и медовым квасом. В Кирилло-Белозерском монастыре в этот день и на Троицу был корм большой с крушками, монахи получали за трапезой по две чаши медового кваса. В Волоколамской обители на Троицу на братском столе опять появлялись перепечи привозные, «трудоноши с сыром», традиционные щи, а к ним по два яйца, пшенная каша (ее можно было сменять на три яйца) и хороший медовый квас.

Праздничная Пятидесятница проходила быстро, и вновь братия оказывалась на пороге поста. Неделя от Троицы до Петрова поста была сплошной. В Волоколамском монастыре во вторник, среду и пятницу за ужином подавали блины: одни пшеничные «с припекою», другие — гречневые с кашей и с молоком, кроме того, яйца всмятку и другие блюда.

А на Соловках всю неделю ели яйца, рыбу и сыр (*Устав. Л. 9 об.*). На заговенье, то есть в воскресенье перед постом, в Волоколамском монастыре за обедом подавали перепечи ржаные (привозные), караваи битые (желающие меняли их на яйца), щи с яйцами и хороший ячневый квас, а на ужине монахи заговлялись лапшой, сырами, яйцами, пирогами (одни были с яйцом, другие с сыром) и ячневым квасом.

Петров пост относится к числу трудных постов, его продолжительность может меняться от двух до четырех-пяти недель. В последнем случае он по сложности приближается к Великому посту. Тяжесть Петрова поста усугубляется тем, что проходит он в начале лета, когда овощей и ягод нового урожая еще нет, а старые уже съели за зиму. Единственными «витаминными» продуктами в это время оставались традиционная квашеная капуста и квас. Как некое послабление во вторник, четверг, субботу и воскресенье разрешалась рыба, но в это время года еще нет «доброй» хорошей рыбы (это легко можно заметить, сравнив рыбные блюда Рождественского и Петрова постов), поэтому братия довольствовалась в основном сметками и всякой сушеной рыбой. В понедельник, среду и пятницу на трапезе Волоколамского и Кирилловского монастырей варива не подавали. Братии предлагалось по половине мягкого хлеба, по блюду соленой капусты, толокно, борщ и ячневый квас. Если в этот день случался праздник какому-нибудь святому со славословием, то разрешалось два варива с маслом: щи и «цыженный горох» или лапша, или капуста, кроме того, по чети калача, ячневый квас, а горох и капусту, при желании, можно было сменять на огурцы.

Во вторник, четверг, субботу и воскресенье ели рыбу и вариво с маслом, во вторник и четверг — один

раз в день, как обычно, постом, а в субботу и воскресенье дважды: в обед и ужин. Ужин кирилловской братии состоял из щей, ячного кваса и братского хлеба. В Соловецком монастыре по вторникам, четвергам, субботам и воскресеньям постились так же, как и в Волоколамском, а вот в понедельник, среду и пятницу пост был не таким строгим: в понедельник разрешалось два варива и одно «ястие студеное», а в среду и пятницу, наоборот, одно вариво и два «студеных».

В воскресный день в Волоколамском монастыре готовился обильный рыбный стол: щи борщевые со сметками, «пласти в сковородах штипаные» (жареный рыбий балык), караваи с рыбой, или тавранчук, или жареные сметки, по чети калача, горох битой и квас ячневый. Ужин был таким же, как в воскресенье Филиппова поста.

Если Петров пост оказывался длительным и доходил до четырех или пяти недель, то в последнюю неделю в непостные дни братии для укрепления сил перед повечерием выдавалось по малой братинке кваса из сыты и по осьминке калача. В великий праздник Рождества Иоанна Предтечи (24 июня), который всегда приходится на Петров пост, в Волоколамском монастыре подавали жареную свежую рыбу или два вида соленой, битый горох и «квас сычен». В Кирилловской обители монахи получали на обед рыбу с добавкой, калачи и по чаше медового кваса, ужин в этот праздник, даже если он приходился на постный день, всегда был с рыбой. На праздник апостолов Петра и Павла в Волоколамском монастыре ставилась такая же трапеза, как и на праздник Рождества Иоанна Предтечи, только с медовым квасом. А в Кирилловом монастыре устраивали большой корм с крушками.

Чуть больше чем через месяц наступал двухнедельный Успенский пост. Он начинался 1 августа праздником Животворящего Креста Господня. В Волоколамском монастыре на трапезе в этот день разрешался заупокойный корм, поэтому трапеза была богаче обычной: братии подавали икру (красную сиговую или черную), по осмине калача, одно вариво с

маслом и «квас сычен». А на Соловках в первый день поста ели щи, лапшу гороховую с маслом и кашу соковую. В Кирилло-Белозерском монастыре подавали калачи, икру, лапшу с перцем и по чаше медового кваса. Праздник Животворящего Креста в народе часто именуется медовым Спасом. Именно в это время, как раньше, так и теперь, качают свежий мед. Поэтому Успенским постом братия за трапезой обычно вкушали по ставцу патоки (чистого меда). И еще один продукт появлялся Успенским постом в монастырском обиходе — это свежие огурцы, они предлагались по средам и пятницам на обмен разных блюд.

Трапеза Успенского поста, по своему уставу, походила на Великий пост: рыба не разрешалась во все дни, кроме великих и больших праздников. Однако на Соловках традиционно по субботам и воскресеньям подавали рыбные пласти, в Волоколамском и Кирилло-Белозерском монастырях в субботу и воскресенье, как и Великим постом, ели икру. Соловецкий устав после 1566 года разрешал употреблять рыбу на праздник перенесения мощей преподобных Зосимы и Савватия Соловецких (8 августа). В этот день ставили две трапезы, и обе с рыбой (*Устав. Л. 40 об.*). Таким же образом память соловецких преподобных праздновали в Кирилло-Белозерском монастыре, что имеет свое объяснение. Соловецких чудотворцев особо чтили в Кирилловой обители. Оба монастыря связывали крепкие духовные узы: преподобный Савватий был постриженником и воспитанником Кириллова монастыря. Кроме того, рыба Успенским постом в Кирилло-Белозерском монастыре разрешалась еще на праздник Василия Блаженного (2 августа) и на память преподобного Антония Римлянина (3 августа). Кроме рыбы с добавкой, за обедом в эти дни подавали еще белый хлеб и ячный квас; если празднование этих святых приходилось на постный день, то вместо рыбы подавали икру (для сравнения можно сказать, что сейчас рыба Успенским постом разрешается только на Преображение).

В Волоколамском и Кирилло-Белозерском монастырях рыбу готовили еще на предпразднство Успе-

ния (14 августа). В этот день волоколамской братии подавали два рыбных блюда из хорошей рыбы со взваром и огурцами, «сельди переславские», калачи не в меру, пироги масленые, одни — с вязигой и перцем, другие — с горохом, оладьи с медом, хороший медовый квас, а вечером братия пили «обычный квас». Кирилловские монахи после обедни в навечерие Успения получали по просфире, потом келарь звал их в сытню, где они получали по чаше кваса медового, калачи, суц (позже его заменили на осетрину) и по две чаши кваса сыченого.

В сам день Успения в Волоколамском монастыре, для которого это был престольный праздник обители, устраивался почти пасхальный стол. Снова, как и на Пасху, братии подавали перепечи пшеничные не в меру, рыбу свежую жареную, два вида хорошей соленой рыбы со взваром и горчицей, калачи белые, два вида пирогов: одни — с яйцом и перцем, другие — с сыром, да еще оладьи с медом. Если Успение приходилось на непостный день, то устраивался ужин с лоджиной, калачами и квасом из сыты. Если праздник попадал на среду и пятницу, то в монастыре была только одна трапеза, а вечером братия пила еще «квас сычен». Если же Успение приходилось на понедельник, считавшийся в монастырях постным днем, то «по преданию и разсуждению преподобного старца Иосифа», пост ради великого и престольного праздника в этот день отменялся: за обедом и ужином братия ели сыр, яйца, коровье масло. В Кирилло-Белозерском монастыре на Успение устраивался большой корм с крушками, а на ужин подавали рыбу. Если праздник приходился на постный день, то за ужином обходились без рыбы (о понедельнике в кирилловском обиходнике ничего не сказано).

Несмотря на случавшиеся праздничные утешения, а иногда и послабления, в монастырях не забывали, что праздник — это прежде всего духовное торжество, а утешение должно соответствовать правильной мере. Старцы напоминали братии завет Спасителя: «Да не когда отягчают сердца ваши объядением и пьянством» (Лк. 21, 34) и слова апостола:

«Аще ясте, аще пиете, аще ино что творите, все во славу Божию творите» (*РНБ. Кур.-Бел. № 489/746. Л. 220—220 об.*).

По обиходникам Иосифо-Волоцкого, Кирилло-Белозерского и Соловецкого монастырей легко можно сделать вывод, что трапеза здесь была довольно разнообразной и калорийной. Но этот вывод не удастся распространить на другие русские обители. Монашество средних и малых русских монастырей жило иначе, часто спасаясь от голода случайными подавляниями и государевой милостыней. Достаточно вспомнить уже упомянутые выше северные монастыри или перелистать хозяйственные книги Нило-Сорского скита. Жил скит в основном за счет государевой руги (жалованья) и своих огородов. Получив запас, строитель (настоятель) раздавал его братии. По записям строителя можно судить, из чего состоял обычный рацион сорского монаха: ржаной хлеб (немного пшеницы в скиту было, но она уходила, видимо, на просфоры, по крайней мере, братии пшеничную муку не выдавали), толокно, крупы, сущ, горох, соль. Когда умер строитель скита старец Корнилий Затворников, то новый строитель составил опись его «собинного» (собственного имущества), которое отошло в общий монастырский амбар. В келье оказалось «запасу»: «четверик муки ржаной, полосмины муки овсяной, по осмине солоду ячнovo и овсянovo, осмина ржи, овса полосмины, сухарей ржаных полосмины, полчерпка круп запарных, полчерпка толокна, соли полпуда» (*ФИРИ. Ф. 115. Оп. 1. Ед. хр. 693. Л. 23*).

На престольные, двенадцатые праздники и в дни именин членов царской семьи строитель «кормил» братию и богомольцев, то есть устраивал праздничный общий стол. Для этого он покупал солод ржаной и ячневый на квас (медового или паточного кваса здесь вообще не пили), крупы и масло на кашу, «рыбу всякую большую и малую», лук и чеснок, печеный хлеб (*РНБ. СПб. ДА. 46. Л. 8 об. — 9*). Такой же стол устраивался в обители 7 мая — на память ее основателя, преподобного Нила Сорского. Чтобы накормить братию, строителю приходилось с риском для собствен-

ной жизни и большим трудом добывать причитающийся скиту государев запас, так как весь казус русской жизни заключался в том, что без калачей, резных ложек и расписных братии царское жалованье воеводы и подьячие люди не выдавали. Однажды строитель Маркелл даже купил в Вологде пять лимонов, чтобы белозерский воевода Степан Никифорович Чепчагов велел выдать деньги и отписать нужную грамоту, не мешкая (*ГИМ. Ф. 484. Оп. 1. Д. 74. Л. 29—29 об.*).

Но вернемся к богатым, благополучным монастырям, справедливости ради надо сказать, что таковыми они стали не сразу. А вначале трапеза их была такой же простой, как и в других обителях: овощи, хлеб, каша, щи. Даже в Кирилло-Белозерском монастыре рыбу без ограничений ели только на праздник Успения.

В Житии преподобного Иосифа Волоцкого рассказывается, что в голодные времена у братии никогда не было медового кваса и калачей, а ели иноки «от семян» (видимо, конопляное семя) и пили воду. Только в те дни, когда кто-нибудь из христоробцев жертвовал милостыню на корм братии, на монашеском столе появлялись хлеб, рыба и квас житный (хлебный). Однажды в голод у ворот монастыря собралось сразу около семисот человек, не считая малых детей. Преподобный Иосиф повелел отвести детей в странноприимницу (гостиницу) и накормить. Автор Жития сообщает, что детей было пятьдесят человек, а может и больше, некоторым из них исполнилось только два с половиной года. Через какое-то время к преподобному пришел келарь и сказал, что нет ржи и нечем кормить голодных и братию. Тогда игумен призвал к себе казначея и повелел купить ржи, но тот коротко ответил: «Нет денег». Преподобный повелел занять и накормить всех, чтобы никто из обители не ушел голодным. Братия, уже долгое время питавшаяся «семенами», возроптала на своего игумена: «Покупать, чтобы прокормить столько народа, — это безрассудная милость: нас переморит, а их не перекормит» (*ВМЧ. Сентябрь. Стб. 482—483*). Но мужество и «безрассудство» преподобного Иосифа были вознаграждены: монастырь посетил великий князь, узнав-

ший о ситуации на Волоке. Он оплатил долги обители и приказал кормить голодных из своих житниц.

При том, что во всех общежительных монастырях существовали правила поста и всем подавалась одинаковая трапеза, постились все по-разному. Преподобный Нил Сорский давал своим ученикам простой, но мудрый совет, как определить для себя меру пищи: «Если монах поймет, что пища отягощает его, то пусть уменьшит ее количество. Если же видит, что тело ослабевает, то нужно немного прибавить». Преподобный Иосиф Волоцкий, будучи духовником своей обители, делил всех иноков на сильных (первых), средних и слабых (последних) (*ВМЧ. Сентябрь. Стб. 519*). Сильным он советовал есть только одно «брашно», если в этот день за трапезой подавали три вида «ествы», средним — вкушать два блюда с калачом, а третьего не есть, и, наконец, слабым разрешалось все, что подавали.

Некоторые подвижники вообще возлагали на себя повседневный добровольный пост. Например, преподобный Павел Обнорский никогда не ел масла, молока, рыбы; его ежедневной пищей были хлеб, вода и «суровое зелие» (овощи). Автор Жития преподобного говорит, что святой только присутствовал на трапезе и делал вид, что ест. Преподобному Дмитрию Прилуцкому келарь в праздники, когда разрешалась не очень строгая пища, ставил на стол дымящийся глиняный горшок. Многие думали, что игумен ест какое-то изысканное кушанье, а на самом деле в горшке была горячая вода с просфорой. Преподобный Мартириан Белозерский, будучи еще юным монахом Кириллова монастыря, просил преподобного, чтобы тот разрешил ему пропускать ту или иную трапезу. Но преподобный Кирилл не позволил, а повелел есть вместе с братией, но не до сытости (*Прохоров. С. 238*).

Другие жития также упоминают об иноках, подвижавшихся в посте и молитве в разных обителях. Но их имена и подвиги навсегда сокрыты от людей. Так что обиходник может дать нам только примерное представление о том, как постилась братия в том или ином монастыре.

ИНОЧЕСКИЙ БЫТ

Бытовые подробности редко встречаются на страницах житий. Русские монахи умели уделять немного внимания этой стороне земной жизни. Все, что мы знаем о быте иноков, известно главным образом из описей монастырского имущества. Сохранившиеся предметы обихода и предметы монашеской одежды того времени являются бесценным дополнением к этой не очень подробной картине. Быт монахов определялся основными правилами общежительного монастыря: всем иметь все равное, простое и дешевое, нужное, а не излишнее, и ничего не называть своим.

Кельи

Удивительная простота в быту была свойственна всем русским преподобным. До наших дней сохранилась точная копия часовни святого Кирилла Белозерского, которую кирилловские монахи устроили в XVII веке вместо древней, истлевшей от времени, часовни преподобного. Н. К. Никольский не без оснований предполагал, что это строение первоначально было не часовней, а кельей основателя обители (поскольку Пахомий Логофет в Житии святого нигде не

упомянул о часовне, но говорил о келье). Так что мы имеем возможность представить себе, как выглядели первые кельи монахов, осваивавших лесные пустыни. Они были так же просты, как пресловутая пареная репа, которую иноки употребляли в пищу. Келья преподобного Кирилла — это «обычная незатейливая северно-русская клеть (в Житии преподобного Адриана Монзенского его келья прямо названа клетью. — *Е. Р.*). Из сосны, четырехстенная, рублено в замок из бревен, обтесанных как снаружи, так и внутри. Покрытие сделано из досок, скрепленных гвоздями со скалою на два ската. Небольшая низкая дверь с окном в виде малого отверстия ведет в помещение длиной 3 аршина 4 вершка и высотой до кровли 4 аршина. В южной стене прорублено небольшое «оконышко», закрывающееся изнутри деревянной задвижкой. Потолка нет, пол сделан позже» (*Никольский. Ч. 1. Вып. 1. С. 65*). Таким образом, первые кельи были так малы, что в них едва помещался один человек, состояли они только из одной комнаты. Снаружи можно было слышать, что говорили внутри.

Впоследствии кельи стали делать более просторными, обычно к ним пристраивали еще сени, в которых делали чулан и «предсение» — крытое крыльцо. Такие кельи описаны в житиях преподобных Александра Свирского, Мартирия Зеленецкого, Евфросина Псковского, Иринарха Соловецкого. В Соловецком монастыре в сенях келий по ночам обычно горел «служебный свешник» (фонарь). Для освещения монастыря и келий использовали ворвань — сало морских зверей.

Точное изображение монашеских келий представлено на миниатюре начала XVIII века, изображающей Нило-Сорский скит. Монастырь преподобного Нила стоял на болоте, поэтому, чтобы хоть как-то защититься от сырости, кельи здесь строили на высоком подклете. В верхней части стены делали волоковые окна (название происходит от слова «волочь», то есть речь идет об окнах, закрывавшихся деревянными задвижками). Они были небольшими, чтобы сохранить в келье тепло во время сильной стужи, и в то

же время достаточными для того, чтобы в них просушить голову и поговорить с пришедшим братом.

В XVI веке в кельях Кириллова монастыря «окончины» были «паюсными», по крайней мере большое количество таких окончин в 1601 году хранилось на складе в казенной палате.

Рядом с кельями обычно ставили дровяники — сараи, где хранились дрова. Топили кельи по-черному, дым выходил через окна. В 1621 году кирилловский иеромонах Ферапонт хотел поставить для себя белую келью с немецкой печью, но ему не разрешили (*Никольский. Т. 1. Вып. 1. С. 39*).

В кельях жили обычно по двое или по трое, в скитах — строго по одному. Первоначально кельи ставились на некотором расстоянии друг от друга. Создание единых келейных корпусов было довольно поздним явлением, в Кирилло-Белозерском монастыре, например, такие корпуса поставили только в XVII веке. В скитах кельи располагались на расстоянии брошенного камня, чтобы из окна кельи можно было видеть только одну келью и не слышать, кто как подвизается к Богу.

С ростом богатства обитателей менялся и внешний вид келий, общежительный закон равенства постепенно приходил в забвение. В XVI веке у некоторых кирилловских старцев, постригшихся из богатых бояр и князей, были кельи из нескольких комнат и помещений для прислуги. У старца Ионы (Шереметева) в келье помещалось до десяти холопов, была даже своя поварня. По этому поводу царь Иоанн Грозный гневно восклицал в своем послании в монастырь: «Это ли путь спасения, если в монастыре боярин не сострижет боярства, а холоп не освободится от холопства?» «А в здешних монастырях до последнего времени держалось равенство между холопами, боярами и торговыми мужиками» (*ПЛДР. 2-я пол. XVI в. М., 1986. С. 163*).

Непременное стремление отличиться чем-нибудь от других людей является общим свойством человеческой природы, и монахи не были исключением. Правда, возможностей для этого они имели немного.

Некий изыск в одежде, келья повыше, чем соседняя, окно пошире или яблоня под окном — вот и весь выбор. Первые настоятели монастырей всегда решительно боролись с подобной оригинальностью. Когда преподобный Даниил стал, по общему выбору братии, архимандритом Переяславского монастыря, то первое, с чего он начал свою пастырскую деятельность, — перестроил все монашеские кельи на один лад. Братии он сказал: «Вы имеете весьма высокие кельи со всходами по лестницам, как властители и вельможи, а не так, как требует монастырский обычай. И вы, братия, переделайте их по смиренному монастырскому образу». Монахи были очень недовольны повелением игумена, но открыто прекословить не решились, только говорили между собой: «Сами на себя все это навлекли, хотели, чтобы он был нашим архимандритом, а не знали, что он наши обычаи разорит» (*Смирнов. С. 40*).

Преподобный Иосиф Волоцкий в своем уставе требовал от монахов, живших на служебных дворах, чтобы они имели такие же кельи, как и монахи в обители, и не устраивали больших окон или особых погребов. «А если у келий кто начнет яблони садити или вишни, или иной которой овощ, пусть соборные старцы ему запретят!» — беспокоился преподобный (*ВМЧ. Сентябрь. Стб. 604*). Монах не имел права даже ремонтировать свою келью без благословения настоятеля.

Когда монах постригался в обители, он получал келью со всем необходимым имуществом. Таково было древнее правило монастырей. Позднее распространился обычай давать вклад на келью. В таком случае монастырь строил монаху особую келью, но именно это и разрушало общежительный устав.

Келейное имущество также было простым, дешевым и необходимым, но при этом инок не должен был считать его своим. «Если хочешь в общем житии жить, — говорил преподобный Иосиф, — отрекись от всякой вещи и не имей власти даже над чашей» (*ВМЧ. Сентябрь. Стб. 526*). Пожалуй, только иконы и книги были личной собственностью монаха в киновии.

В восточном углу кельи всегда находились иконы и большой крест с Распятием. Перед ними стояли подсвечник, аналой; здесь монах совершал свое келейное молитвенное правило. Вдоль стены располагалось несколько лавок. Именно здесь, на лавке в красном углу, преподобный Мартирий Зеленецкий увидел однажды после молитвы сидевшую Пресвятую Богородицу.

Келейные помещения монахи использовали по-разному. Например, преподобный Мартирий в келье молился, читал, а спал в чулане. Соловецкий трудник Иоанн, наоборот, молился в чулане, а спал в келье. Местом отдыха служила обычно небольшая лежанка; преподобные, как правило, спали на простых рогозинах. Потом у иноков появились и подушки с наволочками, и «постельки».

Необходимыми предметами келейного быта были кумганец — медный рукомойник с носиком и крышкой, лохань и кувшин для воды. Рядом с ними, по обычаю, висело полотенце. Мыло также использовалось в монашеском обиходе, описи упоминают «косяки» простого и костромского мыла. В некоторых кельях имелись «боевые часы»: «с перечаьем и с гирями» или «струнные». Кроме лавок в кельях стояли еще кожаные стулья.

Никакой посуды и продуктов у монахов общежительных обителей не было, даже стол иметь возбранялось. Возмущаясь новыми порядками в Кирилло-Белозерском монастыре, царь Иоанн Грозный писал: «А у вас дали сперва Иосафу Умному оловянную посуду в келью, потом дали Серапиону Слуцкому, дали Ионе Ручкину, а Шереметеву — стол в келью, да и поварня своя» (*ИЛДР. 2-я пол. XVI в. С. 153*). «До сих пор в Кириллове лишней иголки с ниткой в келье не держали, а не только других вещей».

Особенно тяжким грехом для монаха считалось тайное хранение денег у себя в келье. За это преступление преподобный Евфросин Псковский обещал инокам самое суровое наказание: «Если найдут в келье у живущего инока серебро или золото, да сожгут ему на главе его, если же после смерти, да не погребут

того инока в монастыре, но вытащат вон и в яме засыпят и найденное вместе с ним положат и скажут: золото твое или серебро да будет тебе на погибель. И пусть не провожают и не поминают его» (*Серебрянский. Кн. 4. С. 512*). Однажды похожий случай произошел в монастыре преподобного Дионисия Глушицкого. Умер некий брат, и монахи нашли в его келье 10 ногат (ногата — древняя монета). Преподобный Дионисий повелел похоронить его вместе с деньгами, чтобы они свидетельствовали против него на Страшном суде. Братии с большим трудом удалось умолить игумена простить покойного (*РГБ. Тр. № 603. Л. 33—33 об.*).

По правилу Пятого Вселенского собора монах не мог иметь ничего своего, но все передавал на владение монастырю. В общежительном монастыре строго запрещалось говорить: это твое, а это мое. Преподобный Корнилий Комельский считал, что монах не может иметь своего имущества не только в келье, но и за пределами обители: в городе, у своих друзей или родственников (*ФИРИ. Т. 4. С. 685*). По правилу Комельского монастыря, если в обитель приходил новый монах со своим имуществом, то ему назначался испытательный срок — один год, а имущество опечатывали в казне. Если через год инок покидал обитель, то имущество ему возвращали, если оставался, то оно уходило в монастырскую казну (*Там же. С. 702*).

Отказываясь от владения собственностью, монах исполнял один из главных иноческих обетов — обет нестяжания и тем отсекал от себя страсть сребролюбия и вещелюбия. Преподобный Нил Сорский говорил, что борьба с этими страстями нетрудна, надо только понять, что Господь сам печется о наших нуждах. Но если страсть сребролюбия укрепится в человеке, то ведет его прямо в погибель; она лишает монаха душевной чистоты и способности молиться. «Святое Писание говорит, что если человек побежден гордостью или сребролюбием, то бес уже не воюет с ним, потому что хватит этому человеку только одной этой страсти, чтобы погибнуть» (*Предание и устав Нила Сорского. С. 47*). Поэтому так внимательно следили игумены за келейным бытом монахов.

Одежду и обувь монахи получали у игумена, казначея или эконома. По уставу преподобного Корнилия Комельского, инокам полагалось иметь две одежды: одну ветхую (будничную, рабочую), а другую хорошую (праздничную) и две пары обуви, а все лишнее надо было относить в казну. Монаху не разрешалось просить одежду у мирских людей или у иноков других монастырей. Некоторые монахи, писал преподобный Корнилий, желая иметь красивые и богатые ризы, не хотят идти за одеждой к казначею, а говорят: «Не буду у него просить, а то даст мне не то, что я хочу. Но лучше попрошу у своих знакомых». Преподобный Герасим Болдинский более снисходительно относился к таким желаниям: если монах не хотел получать одежду в монастыре, то ему выдавали два рубля в год на ее приобретение.

Набор одежды рядового монаха в Волоколамском монастыре включал в себя: две мантии (одну новую, другую ветхую), два клобука (новый и ветхий), две рясы, три свитки (одну новую, две ветхие), две пары сапог (новые и ветхие), одну пару чулок, две зимние и две летние скуфьи (камилавки), две шубы. Но монахи, настроенные на более подвижническую жизнь, могли отказаться от дополнительной — ветхой одежды и иметь только по одной новой одежде каждого вида. Сугубые подвижники, наоборот, имели только по одной ветхой мантии, рясе и т. д. Но все монахи, без исключения, получали по две или три свитки, так как эту одежду надо было чаще всего стирать. Казначей, выдававший одежду, вел строгий учет и контроль, чтобы ненароком не дать лишнего. Нельзя было иметь две ризы и просить третью. Чтобы получить новую одежду, монах должен был обязательно сдать старую. Если кто хотел иметь три шубы, то возвращал в казну одну из двух мантий или ряс и т. д.

Монашеская одежда, как правило, была простой и недорогой. Преподобный Евфросин Псковский так наставлял своих иноков: «Одежду имейте обыкновенную, сермяжную (сермяга — грубое некрашеное

сукно. — *Е. Р.*), а не из немецких сукон и шубы носите бараньи, без пуха».

Первые настоятели монастырей сами являли пример крайней нестяжательности своей братии. Преподобный Ферапонт Монзенский вместо сапог носил лапти, другие преподобные — «плесницы» (деревянные башмаки) или «калиги лычны» (башмаки из лыка, те же лапти).

До наших дней сохранились вещи преподобного Кирилла Белозерского. Для нас это не только величайшая святыня, но и редчайший материальный документ своего времени, потому что представить себе по описям и житиям внешний вид монашеской одежды или предметов обихода чрезвычайно сложно. Шуба преподобного Кирилла — не из пуха, а из черных овчин, сшита мехом внутрь, имеет прямой отложной воротник, а пуговицы сделаны из переплетенного кожаного шнура (*Опись 1601 г. С. 271*). Зимняя камилавка преподобного (ее обычно называют клобуком) связана из верблюжьей шерсти, а край обметан серой шерстяной нитью. Отправляясь в дальнюю дорогу из московского Симонова монастыря на Белоозеро, преподобный Кирилл, видимо, взял с собой калиту — кожаный кошель на поясе и деревянный ковш в походном футляре. Калита сшита из тонкой двухслойной кожи, при помощи двух переплетенных кожаных шнуров она прикреплялась к кожаному поясу (длина пояса — 168 см, ширина — около 4 см; пояс застегивался на деревянную пряжку). В калите имеется три отделения, прикрытых внешним клапаном, который прошит по контуру мелкими стежками из белых нитей. Клапан украшен виньеткой и изображением птицы и четырехлепесткового цветка (*Опись 1601 г. С. 271*). Ковш преподобного отличается удивительно изящной формой, когда-то он был покрыт красной краской. Походный футляр состоит из двух сужающихся кверху кусков толстой кожи, которые внизу образуют полукруг. Края футляра загнуты и прошиты полосой сыромятной кожи, ее свободный край служил ручкой (*Там же. С. 271—272*).

Богослужebные одежды преподобного — фелонь и стихарь — также чрезвычайно просты. Они сшиты из бледно-серого мухояра (бумажной ткани с примесью шерсти), подкладка фелони сделана из серого льна, а крест — из синей камки. Оплечье и нарукавники стихаря выполнены из голубого шелка со светло-зеленым орнаментом из стилизованных цветов. Даже для своего времени эти вещи были простыми и дешево стоили. Но для нас они много дороже тех, что расшиты золотом и драгоценными камнями. Иногда кажется, что время пощадило их как вещественное свидетельство величайшего смирения души наших преподобных. Эти вещи имеют на себе печать той исторической подлинности, которая всегда так остро пронизывает душу. Они позволяют нам сквозь глубину веков увидеть наших святых как реальных людей, одетых в свои простые и многошвейные ризы.

Некоторые преподобные (Нил Сорский, Даниил Переяславский, Симон Воломский) по примеру древних подвижников носили власяницы. Власяница преподобного Нила сохранилась до наших дней.

Святые отцы называли эту одежду «тягчайшим (то есть самым тяжелым. — *Е. Р.*) оружием в битве духовной». Монахов часто называют Христовым воинством. Объясняя символику монашеской одежды, святые отцы постоянно использовали военную терминологию: клобук — шлем спасения, параман — броня правды. Как в любом войске, так и в монашеском есть тяжело- и легковооруженные воины. Власяница считалась оружием воина, выступавшего на битву с самым грозным врагом. Не случайно, даже по внешнему своему виду, власяница напоминает кольчугу, только связана она не из металлических звеньев, а из колючей шерсти (например, верблюжьей). Одевали власяницу прямо на голое тело, под свитку, для удручения и смирения своей плоти.

Другим орудием смирения были вериги. Некоторые монахи, постоянно носившие вериги, имели прозвище верижников. Но обычно этот подвиг совершали втайне. В Спасо-Прилуцком монастыре в Вологде и сейчас хранятся древние вериги преподоб-

ных Димитрия Прилуцкого и Игнатия Вологодского, а в храме села Усть-Кубенское (под Вологдой) находятся двое вериг, принадлежавших, по преданию, преподобному Александру Куштскому. В Кирилло-Белозерском монастыре также сохранились вериги конца XIV — начала XV века, которые монастырское предание приписывало самому преподобному Кириллу. Они состоят из двух крестов с изображением Голгофы. При помощи восемнадцати металлических пластин эти кресты закреплялись на груди и на спине. На металлической цепи подвешивался еще один большой кованый крест, состоявший из двух металлических пластин (размер креста 26,5x18,3x0,9 см). Кроме того, в этот комплект входили еще металлический пояс с пряжкой и кольцо, которое надевалось на шею; оно состояло из четырех металлических сегментов (*Опись 1601 г. С. 272*). В XIX веке в Тверском музее хранились вериги, происходившие из неизвестного тверского монастыря. Они представляли собой обруч, который надевался на пояс, железными цепями к обручу прикреплялись два креста (*Жизневский. С. 139*). Весили вериги 13 фунтов (то есть около 5 кг 850 г). Можно себе представить, чего стоили земные поклоны, которые монах совершал в таком облачении.

К самому тяжелому виду вериг относились, пожалуй, металлические шляпы, которые некоторые святые носили на голове. В Житии преподобного Антония Дымского сказано, что святой таким образом изнурял свою плоть. Шляпа, по преданию принадлежавшая святому Антонию, хранилась вплоть до XIX века в его монастыре. Широкие поля шляпы были прибиты к тулье толстыми гвоздями, а весила она больше трех килограммов.

Но особым видом монашеской аскезы, заменявшим любые вериги, было почти полное презрение ко всяким потребам своего тела. Жил в монастыре преподобного Евфросина Псковского его друг и сподвижник — старец Серапион. Был он великим тружеником, первым выходил на самые тяжелые послушания и последним возвращался. Он знал наизусть Псалтырь и всегда пел во время работы псалмы. Но

более всего он любил уединенную молитву и ни одной минуты своей жизни не тратил даром. Когда в обитель Евфросина приходили богомольцы с милостыней для монахов, то посетителей приглашали в общую трапезную. Здесь после трапезы преподобный Евфросин обыкновенно беседовал на душеполезные темы с гостями и братией. Но старец Серапион во время бесед всегда уходил в свою убогую келью и там затворялся. Келья его была темной и тесной, и он никогда не прибирал в ней. Старец Серапион не умывал своего лица, мыл только руки. А одежду он носил такую ветхую и грязную, «усыпанную вшами», что никто из монахов не пожелал ее взять после смерти старца. Тогда одежду вынесли и положили у входа в монастырь для нищих, но нищие и странники не прикоснулись к ней. Его воздержание в пище было выше человеческой меры. Когда монахи хотели облечь его в погребальные ризы, то увидели, что тело Серапиона представляет собой буквально «кости, соединенные жилами и кожей» (ПДПИ. Т. 173. С. 70—71).

Такая крайняя аскеза больше напоминает рассказы древних патериков и житий египетских и палестинских подвижников. В русских житиях немного таких историй. Соблюдение меры было все-таки более характерно для монашеского быта русских обителей. В описи 1601 года Кирилло-Белозерского монастыря перечислено «всякое старческое платье», хранившееся в казенной палате; эта опись дает нам возможность узнать, какую одежду носили монахи в то время. В большом количестве упоминаются «белые брацкие сапоги», которые, видимо, были самой ходовой монашеской обувью. Зимой, как правило, носили шубы из овчины, их «пушили» (покрывали) «ирешными кошами» (ирха — шкура, обработанная под замшу). Упоминаются также шубы из мерлушки (ягненок), куницы и оленьих шкур. Зимние скуфьи делали из куницы, мерлушки и пыжика. Кроме скуфей монахи носили зимой треухи (лисьи, куньи, из мерлушки) и шапки (упоминается суконная шапка, изнутри подбитая куницей), а осенью и весной —

черные шляпы. В холода в дорогу обычно брали с собой рукавицы из волчьей шерсти или из росомахи, а дома по большей части пользовались рукавицами из мерлушки; если было не очень холодно, то носили простые кожаные рукавицы. В набор монашеской одежды входили еще «порты» (штаны) и чулки: вязанные медвежьи и «валенные».

Одежду стирали либо сами монахи, либо наемные люди. Самая древняя башня Кирилло-Белозерского монастыря с XVI века именуется Свиточной, так как в ней жили «детеныши», которые стирали свитки на братию. В Волоцком монастыре при жизни преподобного Иосифа иноки сами стирали свои свитки на реке и сушили их здесь же, развешивая на кустах и деревьях. И такая была чистота нравов тогда, восклицает автор Жития, что свитки висели несколько дней и никто их не брал.

О бане

Бани практически не упоминаются в житиях русских святых. Преподобный Евфросин Псковский, ссылаясь в своем уставе на авторитет египетских подвижников — Антония Великого, Пахомия Великого, святого Аммония, — запрещал инокам мыться в бане. Кроме «великой болезни или нужды» инок, по мысли Евфросина, не должен был обнажать своего тела. В качестве самого убедительного аргумента против бани святой Евфросин приводил в своем уставе эпизод из жизни палестинского святого — Феодосия Великого. В монастыре святого долгое время не было никакого источника, и братия все время страдала от нехватки воды. Тогда преподобный повелел всем поститься дольше обычного и сугубо молиться о даровании воды. И однажды с горы забил источник чистой и вкусной воды. Радости братии не было конца. Но прошло время, и монахи стали просить игумена создать им баню около «Богодарованного источника». Святой Феодосий снизошел к немощи монахов и повелел построить баню. Но после того, как монахи

помылись в ней, источник иссяк. И как ни молился преподобный, вода в нем не появлялась. Тогда он повелел разрушить баню, и источник забил вновь (*Серебрянский. Кн. 4. С. 521*).

Но не все святые отцы были настроены столь категорично против бани. Из устава Студийского монастыря в Константинополе известно, что монахи этой обители не более раза в два месяца посещали баню (только Великим постом мыться в бане не разрешалось). Инок приходил к игумену и брал благословение на баню, игумен выдавал ему особую «печать», которую тот отдавал баннику. У обители, видимо, существовал договор с определенной баней, по которому монастырь из своей казны оплачивал стоимость мыла за всю братию и мирских людей, работавших в монастыре, так что сами монахи, придя в баню, уже ничего не платили. В монастыре были даже особые «мовные ворота», через которые иноки, видимо, выходили в город для этих целей. Очевидно, что в Студийском монастыре, находившемся в столице империи, были совсем другие подходы к быту и гигиене, чем в египетских и палестинских обителях. Поэтому у русских монахов, весьма почитавших Студийский устав, все-таки оставалась «каноническая» возможность пользоваться баней. Упоминание о бане есть в Житии преподобного Антония Сийского. Некий брат Карион, находясь на монастырской службе на реке Сие, часто ходил в баню «старости ради и недуга своего». Однажды к нему явились два незнакомца с прутьями и, нанося ему раны, сказали: «Да не будет у тебя обычая часто ходить в баню» (*РНБ. Соф. № 230. Л. 304 об.— 305*). Как видим, в Житии осуждается не само пользование баней, а лишь ее частое посещение. Бани, если они были, устраивали за стенами обители. Так, на Соловках была устроена братская баня на канале, ведущем в Святое озеро. Но с какого времени она там существовала, неизвестно.

МОНАСТЫРЬ И МИР

Сродники

Принимая монашеский постриг, человек оставлял свое прежнее имя и получал новое. Тем самым он отрезал от себя свою прежнюю жизнь в миру, привязанности и родство. Преподобный Нил Сорский говорил так: среди монахов «есть и такие, кто кичится своим происхождением от известных родителей или тем, что сродников имеет в мирской славе пребывающих, или тем, что в сане каком или в чести в миру был. Это безумие. Это подобает скрывать». Некоторые святые называли себя «невеждами и поселянами», подчеркивая свою земную безродность и полное отсутствие каких-либо дарований, знаний и способностей, столь необходимых для преуспевания в делах житейских.

В древности, в Антиохии подвизался удивительный святой — преподобный Симеон, прозванный Столпником. День и ночь он молился на столпе, который стал его жилищем между небом и землей. Однажды к столпу пришла мать святого, чтобы попроситься с сыном перед смертью. Но святой Симеон отказался от встречи с ней, сказав, что лучше бы им встретиться в Царствии Небесном.

Многие русские святые, которые учились на примерах древних житий, были столь же непреклонны со своими родителями. Старая и немощная мать пре-

подобного Иосифа Волоцкого захотела увидеть в последний раз своего сына и пошла к нему в монастырь. Когда ей оставалось до обители всего два поприща, преподобный узнал об этом, «зело оскорбися» (сильно возмутился) и повелел ей возвратиться, передав ей с посланным такие слова: «Меня не увидишь в нынешней жизни. Молись обо мне, чтобы Господь Бог сподобил нас увидеться там, где преподобные почивают» (*ВМЧ. Сентябрь. Стб. 469*). Вскоре мать преподобного призвала к себе другого сына, попросила постричь ее в ангельский образ и мирно преставилась. Из Жития преподобного Евфросина Псковского известно, что после пострига этот подвижник также отказался от общения с матерью и родственниками.

Однако есть в житиях русских святых и другие примеры. Именно мать поддержала преподобного Даниила Переяславского в трудную минуту и дала ему необходимый духовный совет. Преподобный Даниил (в миру его звали Димитрием) принял постриг в Боровском монастыре. Здесь он десять лет пребывал в послушании у опытного духовного старца Левкия. Когда старец удалился безмолвствовать в уединенную пустынь, Даниил ушел жить в Горицкий монастырь в Переяславле, где архимандритом был его родственник Антоний. Позже к Даниилу присоединились его родные братья — Герасим и Флор. Было в Переяславле место, именуемое Скудельница, — заброшенный пустырь без церкви, где погребали безвестных странников, нищих и убогих. Преподобный Даниил, не желая, чтобы души людей оставались без церковного поминовения, построил здесь храм и впоследствии устроил монастырь во имя Всех Святых. Сам преподобный жил в Горицах, но постоянно навещал Скудельницу, строил вместе с братией кельи, обрабатывал монастырскую пашню. Монахи зарабатывали на жизнь в основном ремеслами — каждый делал, что умел. Жил монастырь скудно, и как обычно бывает в таких случаях, в один день братия, не вынеся голода и нищеты, пригрозила святому, что они все покинут обитель. Он, не справляясь с ситуа-

цией, решил оставить монастырь на Божию волю и уйти назад в Боровск. Перед уходом преподобный зашел к своей матери, но не стал ей ничего говорить. Она же поняла его душевное состояние и сама начала разговор о том, что так тревожило сына: «Какая польза тебе будет, чадо, если ты, начав созидать, все оставишь. Ты и братию монастырскую опечалишь, и меня, приблизившуюся к своему концу, огорчишь. Даже не помышляй об этом, чадо, и случающиеся скорби терпи с благодарностью. А когда возьмет меня Бог из этого мира, ты мое грешное тело в своем монастыре положи». Мать дала сыну 100 сребреников и полотно на свое погребение. С того времени преподобный Даниил уже не поддавался малодушию и дела в обители постепенно поправились.

Несмотря на существующие правила, каждый монах все-таки сам для себя решал вопрос об отношениях с родственниками исходя из своего жизненного опыта и особенностей характера. Не все святые, как известно, шествовали одним путем. Старцы Кирилло-Белозерской обители имели обыкновение так наставлять своих подопечных после пострига: «Не старайся уже ни спрашивать о своем роде и о племени, ни о друзьях, ни знаясь с ними, ни говорить, ни есть и ни пить, кроме великой необходимости; заботься только о своей душе» (*РНБ. Кирилло-Бел. № 121 / 1198. Л. 11 об.*). Преподобный Александр Ошевенский был постриженником Кириллова монастыря и должен был знать этот совет, однако через всю свою жизнь он пронес удивительную любовь и привязанность к своим родителям. И хотя игумен перед постригом пообещал святому, что «любовь Божия победит любовь родительскую», но отринуть ее до конца преподобный так и не смог.

Смирившись с пребыванием сына в монастыре, отец Александра Никифор решил навестить его. Придя в обитель, он прежде всего пошел к игумену взять благословение. Игумен встретил Никифора радушно, дал ему, по монастырскому обычаю, «приставника» (проводжатога), чтобы тот показал гостю обитель. Вместе они пошли к раке преподобного Ки-

рилла Белозерского и потом к келарю. Тот, по благословению игумена, оказал Никифору достойную честь: накормил различными блюдами, напоил «житным» и медовым квасом, вина же и пива в монастыре не полагалось тогда даже для гостей. Келарь побеседовал с гостем на душеполезные темы, а потом повелел приставнику привести послушника Алексия (таково было имя Александра Ошевенского до пострижения). Тот пришел в трапезную, сначала поклонился святым иконам, взял благословение у келаря, а потом упал к ногам своего отца, прося у него благословения и прощения. Келарь разрешил Никифору остановиться в келье сына, а приставнику повелел носить гостю квас, сколько он захочет, прямо в келью и звать в монастырскую трапезную к обеду и ужину. Келья сына и весь монастырский обиход понравились Никифору, и он, погостив немного в обители, успокоенный, отправился домой, согласившись с жизненным выбором Алексия (*РГБ. Унд. № 276. Л. 28 об. — 29 об.*). Вскоре после пострига Александра его братья и родители, спасаясь от притеснений земных властей, переселились в Каргопольские земли. Здесь им понравилась лесистая местность над рекой Чурьюгой. Никифор пошел в Новгород и попросил у боярина грамоту, разрешавшую им осваивать эти земли. С того времени и доныне стала называться слобода та Ошевнева (ныне город Ошевенск). Устроившись на новом месте, отец написал Александру письмо, в котором звал его к себе. Он писал сыну, что близ их слободы много мест, удобных для основания обители, и обещал будущему преподобному свою полную поддержку. Обрадованный Александр пошел с письмом к игумену, но тот не благословил ему подвизаться в лесном уединении. «Не полезно тебе это, — сказал игумен, — потому что ты еще юн. Когда братия живут вместе в обители, они друг друга укрепляют и поучают. А если приключится болезнь или скорбь, то брат, живущий с тобой, или кто другой и еду тебе приготовит, и питье подаст, своими руками поднимет, и на постель положит, и всяко послужит тебе. А если придет некое искушение, то братия всем собо-

ром помолятся о тебе» (РГБ. Унд. № 276. Л. 37 об.). И преподобный Александр остался в Кирилловой обители. Еще несколько лет он подвизался в разных послушаниях, но мысль об основании собственного монастыря не оставляла его. И он решился на новый разговор с игуменом. Тот благословил его пойти в Каргополь и посмотреть место. Помолившись Всемилостивому Спасу и Пресвятой Богородице, взяв с собой немного хлеба и необходимую одежду, Александр отправился в путь. Он благополучно добрался до Каргополя, а оттуда — до Ошевенской слободы. Здесь после многих лет разлуки он увидел своих родителей. Вечером после трапезы отец рассказал ему, что есть одно место в лесу, где он сам и окрестные крестьяне не раз слышали колокольный звон и ангельское пение. Наутро преподобный Александр пошел посмотреть ту таинственную поляну, место понравилось, и преподобный поставил здесь крест, а потом долго молился, чтобы Господь благословил его начинания.

Недолго погостив в родительском доме, преподобный вернулся в Кириллов монастырь. Игумен стал готовить его к самостоятельной жизни: сначала возвел его в сан церковного клирика, потом рукоположил во священника. Как и другие священники, Александр служил по неделям, а остальное время подвизался в хлебне и поварне. Освоив в совершенстве церковную службу, преподобный стал собираться в дорогу. Игумен благословил его на создание новой обители и дал с собой две иконы: Пресвятой Богородицы Одигитрии (Путеводительницы) и святителя Николая Чудотворца. Дойдя до села Короткого, Александр сел на корабль и поплыл в Каргополь. Уже вечером он добрался до дома родителей. Обрадованный встречей, он поставил им угощение и лег отдохнуть после дороги. Наутро он рано встал и пошел на избранное им место. Был день праздника Рождества Пресвятой Богородицы. Вокруг поляны недвижно стоял лес, безмолвный и торжественный в своем осеннем убранстве. Радость переполняла сердце Александра, когда он стругал сень и киот для иконы

святителя Николая. Тяжелые искушения были впереди и пока не тревожили его душу.

Несмотря на близость родительского дома, зима, проведенная в одиночестве, выдалась очень тяжелой. Но понемногу к преподобному собрались иноки, все вместе поставили кельи, церковь. Родители и сродники помогали обители деньгами и продуктами. Однако отношения с братией у преподобного складывались непросто. Возлагая на себя тяжелые труды и подвиги, он требовал такой же крепости от других. Многие не выдерживали и уходили. Но самое тяжелое искушение постигло его там, где он меньше всего ожидал. А дело было так. В монастырь к Александру часто приходили его племянники: Никон — сын старшего брата Амвросия и Петр — сын брата Лукиана. Преподобный постриг их в монашество, Никон стал Никифором, его Александр поставил келарем, а Петр стал пономарем Порфирием. Постриг сыновей стал неожиданностью для Амвросия и Лукиана. Они были людьми мирского склада и не желали детям монашеской судьбы. Искренне помогая брату, они не ожидали, что он, не спросив разрешения, пострижет их сыновей. Амвросий, видимо, унаследовал крутой нрав своего отца. По словам Жития, был он человеком «мужественным и ярым». Схватив топор, он сказал Лукиану: «Пойдем в монастырь, разобьем замки, изрубим двери и заберем своих детей». Задыхаясь от бессильной ярости, он всячески ругал преподобного: «Что еще сделать злодею нашему монаху Александру? Мы относились к нему, как к отцу родному. Он же зло нам сотворил, разлучая нас с нашими детьми и постригая их! Что может быть горше этого, когда родители скорбят о детях своих? Он ведь не хочет пришлых монахов покоить и держать, они не могут терпеть великих трудов его и нужды и прочь уходят, и потому теперь нашими детьми он хочет монастырь свой наполнить!» (РГБ. Унд. № 276. Л. 58). Речь Амвросия передана в Житии, видимо, в точности, поскольку Житие было составлено по рассказам родного брата Амвросия и Александра — Леонтия. Амвросий поспешил в монастырь. Встав под

дверями кельи преподобного, он стал выкрикивать такие ругательства, какие нельзя произносить вслух. Преподобный ничего не отвечал разъяренному Амвросию. Лукиан же, применяя всю свою крестьянскую сметливость, старался успокоить брата. «О, брат! — говорил он. — Как ты не побоялся Бога и не устыдился святости этого человека, говоря такие слова? Если оскорбим святого человека, поставившего храм и монастырь устроившего, он, не стерпев наших ругательств, уйдет прочь. Какой мы тогда суд примем от Бога и какой великий позор от людей! Начнут говорить, что они изгнали святого, да еще и брата своего родного, кто сможет быть у них в работниках и терпеть их суровость и неустроенность. Бог собирает и созидает, а ты один хочешь все разорить. Не спорь с Богом, давай попросим прощения и с благословением пойдем домой». Амвросий молчал. Тогда преподобный вышел на предсение и сказал: «Люди! Что волнуетесь из-за ваших детей. Были ваши дети, ныне же стали слугами Божиими», после чего ушел в келью. Доводы Лукиана возымели действие. Поняв, что уже ничего не вернуть, Амвросий встал под окном игумена и попросил его простить. Александр простил братьев, и молодые иноки остались в обители.

Вскоре умерли родители Александра. Но беда, как известно, не приходит одна. Непонятно почему племянники вдруг возненавидели преподобного и стали сторониться его. Он же, чувствуя эту перемену, чаще навещал их. Иноки всячески перечили святому, говоря: «Мы еще юны и не можем понести таких тяжелых трудов». И однажды они, сговорившись, ушли из монастыря неведомо куда. Святой Александр, понимая, в какую погибель ввергли себя юные иноки, впал в такую скорбь, что перестал есть и вскоре тяжело заболел. Видимо, с ним случился инсульт: он не мог поднять головы, двинуть рукой или ногой, язык тоже не слушался его. Похоже, что впервые преподобного охватило отчаяние. Во время болезни он сподобился чудесного видения преподобного Кирилла Белозерского: святой пообещал исцелить его,

но только в том случае, если Александр не оставит монастырь. К изумлению братии, преподобный выздоровел и вернулся на некоторое время к управлению обителью. Однако удар был слишком силен, и святой Александр не смог до конца оправиться от недуга. Он скончался в возрасте 52 лет, поручив обитель своему брату Леонтию. После смерти настоятеля в монастыре началось повальное бегство иноков. Леонтий, будучи мирянином, не являлся достаточным авторитетом для братии. Порядок восстановился только по прошествии восьми лет, когда оставшиеся иноки пригласили к себя священника с верховьев реки Чурьюги — старца Варлаама, а его сына Максима попросили стать игуменом.

Помощь миру

Отношения монастыря и мира всегда были непростыми. С одной стороны, мир часто ненавидел и гнал святых. С другой — он всегда нуждался в помощи монастыря, как нуждается любой человек в помощи Божией. Нередко отношения монастыря и мира омрачали корысть и стяжательность. Монастырские архивы хранят множество кабальных записей, судебных документов, разбирающих тяжбы обителей и крестьян. Не все люди, покинув мир и придя в монастырь, могли согласиться со строгой жизнью в нищете и скудости, устроенной по заповедям Евангелия. И в монастыре они продолжали заниматься обычными мирскими делами, приобретая для обители многочисленные имения и не стесняясь при этом в средствах. «Развращенное творим и думаем, что добродетельно живем», — с горечью говорил преподобный Нил Сорский о таком монашеском житии. Все это, считал преподобный, происходит от «неразумия» — непонимания Божественных писаний. «Ибо Господь и Сам, если бы захотел, мог бы сделать нас богатыми, но иноку достаточно и малых потреб».

В свою очередь, и крестьяне не оставались в долгу перед обителями. Воровство монастырского имущества

ства, скота и зерна было обычным делом. Однажды ночью некие «злые люди» украли в монастыре преподобного Григория Пельшемского весь необходимый хозяйственный инвентарь, хранившийся в амбаре. Монахи сильно опечалились. Но преподобный Григорий утешил их такими словами: «Все это у нас будет. Вы же лучше заботьтесь о спасении своих душ». Через некоторое время воров поймали, а имущество вернули в обитель (*РГБ. Унд. № 298. Л. 13 об.*).

В другой раз собрали богатый урожай пшеницы в монастыре преподобного Александра Куштского. Монастырские работники веяли пшеницу на гумне и в полдень пошли немного отдохнуть. В это время какой-то крестьянин насыпал мешок зерна и уже собрался уходить, но почему-то не смог поднять свою поклажу. И тут он увидел преподобного Александра, стоявшего неподалеку. Святой спросил его: «Почему, чадо, не по силе взял?» Крестьянин упал на землю к ногам преподобного и от стыда не мог сказать ни слова. Тогда святой Александр повелел ему немного отсыпать зерна. Вор так и сделал, но вновь не смог поднять мешок. Преподобный опять повелел отсыпать зерно, но и на этот раз мешок оказался неподъемным. В конце концов святой простил вора и наказал ему впредь так не поступать. Подхватив свой мешок, крестьянин с легким сердцем вернулся домой (*РГБ. Тр. № 677. Л. 67—67 об.*).

Житницы Волоколамского монастыря находились у водяных ворот. Однажды преподобный Иосиф застал там человека, крадущего жито. Вор, увидев игумена, хотел бежать. Но святой Иосиф помахал ему рукой, чтобы он не убежал, и спросил: «В чем ты нуждаешься? Скажи мне, и я дам тебе». Единственное, о чем просил игумен, чтобы вор не рассказывал никому об оказанной ему милостыни. Но человек тот не вытерпел и через много лет рассказал о встрече около житницы, почему этот рассказ и попал на страницы Жития (*ВМЧ. Сентябрь. Стб. 470*).

В монастыре преподобного Герасима Болдинского было только две лошади. Монах, приставленный к лошадям, не доглядел, и какие-то люди их угнали.

Долго искал он лошадей, кто-то из крестьян рассказал ему, что недавно видел двух всадников, проезжавших мимо. Брат хотел было пуститься в погоню, но пешком, понятное дело, всадников не догнать. Да и боялся он что-либо предпринимать без благословения игумена. Понуро он вернулся в монастырь, боясь рассказать преподобному Герасиму о случившемся. Но тот сам утешил его: «Брат, не скорби и не унывай об этом. Вспомни, брат, праведного Иова, который сказал: «Бог дал — Бог и взял». Инок просил благословения на погоню, но игумен ответил ему: «Брат, преследователь бегущего не догонит, а бегущие вскоре догонят преследователя». Брат не понял странных слов преподобного, но спросить побоялся. Через три дня в монастыре появились измученные и голодные воры. Сколько они ни старались отогнать лошадей, но те упрямо возвращались к обители. «Возьми свое и отпусти нас, Бога ради», — взмолились они. Старец дал им совет на будущее чужого не брать, оставаться довольными своим достатком, оделил милостыней и отпустил с миром (*Крушельницкая. С. 273*).

Мы не беремся судить, чего было больше — монастырских обид или крестьянских. Не материальные тягбы составляли главную суть отношений обителей и мира. Испокон веков монастыри были главной лечебницей всех страждущих и недужных. Когда человек заболел телесно или у него болела душа, он шел в монастырь. В житиях записаны тысячи самых простых и самых невероятных чудес, причем обычно указываются имя и фамилия больного, сообщается, где он жил и чем болел. По молитвам святых в обителях исцелялись от слепоты, беснования (психических заболеваний), бесплодия, зубной боли, расслабления (паралича), проказы и других болезней. Но больше всего рассказов об излечении бесноватых. Как сейчас, так и в прежние времена люди нуждались прежде всего в душевном здоровье. И это было главным, что мог дать монастырь страждущему миру. Однажды в Куштскую обитель привели больного человека по имени Мануил. Вид его был страшен, он лаял как пес и рычал как зверь, железные це-

пи едва сдерживали его нечеловеческую силу. В монастыре он понемногу утихомирился, его привели в гостиницу, приставили к нему сторожей и оставили на ночлег. Ночью во сне ему явился преподобный Александр и спросил: «Человече, что скорбишь?» Тот ответил: «Преподобный отче Александре, игумен, помилуй меня!» Тогда святой подсказал ему, как можно избавиться от недуга: «Иди, человече, молись Господу Богу и Пречистой Богородице и меня на помощь призывай. А еще есть у тебя в доме седло монастырское, ты его отдай в обитель мою, потому что украдено оно было в моей пустыни». Мануил пришел в себя, железные цепи упали сами собой, он встал и вышел из гостиницы. Утром сторожа нашли только цепи у его постели, они сильно испугались, решив, что больной утопился или сунул голову в петлю, искали его по всей обители и нашли у могилы преподобного Александра. Мануил плакал и молился и, к удивлению всех, был совершенно здоров (РГБ. Тр. № 677. Л. 72 об.—73 об.).

Однажды в обитель преподобного Арсения Комельского привели из соседнего села Комела бесноватого Трофима, по прозванию Зуб. Он повредился умом после того, как на праздник Рождества святого пророка Иоанна Предтечи (день Ивана Купалы по языческому календарю) в лесу занимался чародейством и волхованиями, а попросту говоря, колдовством. Родственники оставили больного в монастыре на неделю — до храмового праздника Ризоположения. Отслужив на праздник молебен, они приложили Трофима ко гробу преподобного Арсения, и болезнь оставила его.

Любая обитель, даже самая малая, имела свою странноприимницу, или гостиницу. «Странноприимства не забывайте», — завещали перед кончиной основатели обителей своей братии. «Если придет к вам странник, дайте ему хлеба и утешьте наставлением духовным», — говорил преподобный Нил Сорский. Удивительный пример монашеского милосердия к ближнему описан в Житии преподобного Никандра Псковского. Неподалеку от своей кельи он

построил под дубом келью для странников. Зная об их приходе, он заранее протапливал ее. В один из дней местные жители принесли к келье больного Назария и положили его у порога. Полгода страдал Назарий ужасным недугом: он гнил заживо, так что уже были видны его внутренности. Преподобный вышел из кельи и остановился около больного. Тот ухватил его за ногу и, омывая своими слезами, просил помолиться о нем. Святой Никандр, пытаясь высвободиться, сказал ему: «Отпустишь ли ногу мою?» Но тот ответил: «Отче, умру около твоего преподобия, потому что заживо я уже съеден червями. Пока не исцелишь меня, не уйду от тебя». Преподобный сжалился над ним. «Назарий, иди в гостиницу мою у дуба, — сказал он, — и поспи там немного». Но больной с горечью ответил, что уже давно не может спать из-за своей болезни. Святой же ласково, словно ребенка, уговаривал его: «Я тебе келью протопил, зная о твоём приходе. Иди и поспи в тепле, и покажи мне свой недуг». Но рубашка так крепко пристала к телу больного, что он не смог ее приподнять; преподобный только перекрестил его, ушел в свою келью и встал на молитву. Молился он всю ночь, а больному тем временем, впервые за многие месяцы, крепко спал в гостинице. Утром рубашка вместе с коростой сама отпала от его тела, словно чешуя. В слезах он побегал с благодарностью к святому Никандру. Святой же сурово ответил: «Один Господь исцеляет человеческий род, не только тело, но и душу. Я же всего лишь немощный и грубый человек, грешнее всех людей» — и запретил Назарию рассказывать о своем исцелении, но скрыть такое чудо от людей было невозможно (*Серебрянский. С. 542—543*).

А вот еще одна сторона взаимоотношений монастыря с миром. Простой человек всегда чувствовал себя незащищенным перед произволом властей и не надеялся на справедливый суд. «Закон, что дышло: куда повернул, туда и вышло», — неспроста говорилось на Руси. Этот острый недостаток справедливого суда на земле иногда восполняли монастыри, служа как бы прообразом будущего справедливого Божьего суда.

Как-то раз преподобный Александр Свирский встретил в окрестностях своего монастыря местного рыбака. Преподобный носил старую и залатанную свитку, так что по внешнему виду мало походил на игумена. Рыбак спросил его, где ему найти игумена. На вопрос преподобный ответил вопросом: «А зачем он тебе? Игумен у нас блудник и винопийца». Но рыбак возразил: «Того не знаю. Знаю только, что многих он избавил от печали и напасти». И тут он поведал монаху свое горе. Оказалось, что три года назад выпала ему редкая удача. Он поймал большого осетра и продал купцу. Судья тех мест, узнав об этом, стал притеснять его. Но сколько ни старался рыбак, поймать такого же осетра ему не удавалось. Преподобный Александр повелел ему снова закинуть невод. К радости рыбака, ему попался большой осетр. Он отнес его к судье, и на том его мытарства закончились (*РГБ. Тр. № 629*).

Жил около обители преподобного Арсения Комельского некто Иван, по прозвищу Ядреный. Был он холопом одного боярина. Когда стало ему совсем невмоготу, Иван ушел от хозяина и скитался по разным местам. Слышал он от людей, что боярин грозился убить его, если поймают. Иван горячо молился Пречистой Деве и преподобному Арсению. Однажды во сне, а было это в 1650 году, он увидел святого Арсения, который повелел ему написать икону Божией Матери и Арсения Комельского, всегда зажигать перед тем образом свечи и молиться. Иван исполнил повеление, вскоре боярин сжалился над ним и отпустил на свободу (*РГБ. Вологод. № 65. Л. 50 об. — 51*).

Ивану и рыбаку помогли молитвы святых, а преподобный Дионисий Глушицкий просто дал некоей женщине сто серебряников, чтобы заплатить выкуп из холопства (*РГБ. Тр. № 603. Л. 36 об. — 37 об.*).

В любые трудные времена монастыри приходили на помощь местному населению. Когда князь Димитрий Шемяка разорял окрестности Вологды, множество людей сбежалось в обитель преподобного Григория Пельшемского, и преподобный кормил всех, не отвергая никого. В 1538 году теперь уже казанские

татары прошли огненным смерчем по Вологодской земле. В пустынь преподобного Арсения Комельского, затерявшуюся в дремучих лесах, собрались жители села Шилегодского. Все они были страшно напуганы и опасались, что татары доберутся и до этих мест. Но святой все время молился, чтобы Господь и Пресвятая Богородица сохранили «род христианский от нашествия безбожных агарян». И татары обошли стороной монастырь преподобного.

Первое время, когда обители только начинали строиться, милостыня благочестивых мирян (купцов, бояр и простых крестьян) спасала иноков от крайнего голода. Но проходило время, и окрепшие, разбогатевшие обители начинали отдавать сторицей эти долги. В голодные годы крупные монастыри кормили из своих житниц сотни людей, помогали встать на ноги разоренным крестьянским хозяйствам, давали ссуды зерном, чтобы засеять поля. Известно, что преподобный Дионисий Глушицкий кормил нуждающихся хлебом, когда случился голод в той стороне, где стоял его монастырь.

Страшный голод разразился на северо-западе Руси в 1569—1570 годах. Вслед за голодом началась чума, занесенная с Запада, возможно, тиф (*Дмитриева. С. 38; Васильев, Сегал. История эпидемий. С. 43*). В 1580-е годы население России резко сократилось. В Новгородской земле процент запустения пашни превышал 90%, а в некоторых районах доходил до 99,5%. Голод и эпидемии захватили и Белозерье. Но все-таки запустение, по наблюдениям исследователей, здесь было не таким тотальным, как в Новгородской земле; возможно потому, что крестьян поддержал Кирилло-Белозерский монастырь. «Только крестьяне околмонастырья за 1580—1590-е годы получили на посев 674 четверти (более 25 тысяч пудов) ржи и овса» (*Дмитриева. С. 39*).

Голод 1601—1603 годов современники называли «великим». В Житии преподобных Адриана и Ферапонта Монзенских рассказывается, что преподобный Ферапонт предсказал его задолго до начала. Через пять лет после кончины святого тогдашний игу-

мен Монзенского монастыря — преподобный Адриан увидел его во сне. Ферапонт сказал: «Через 10 лет будет голод великий по всей Российской земле. Ты же бережно сохраняй жита своя. В те дни распространится монастырская земля, к монастырю отойдут деревни, которыми ныне владеют дети боярские. А от твоих житниц напитаются многие и не оскудеют житницы твои». В следующий раз он явился слепому старцу Феодосию и повторил свой наказ беречь запасы монастырского хлеба. В конце Успенского поста 1601 года (когда еще не успели собрать урожай) ударили сильные морозы на большей части Российской земли. Так повторялось три года подряд. Толпы нищих и голодных людей скитались по дорогам. Приходили они и в Монзенский монастырь, здесь трудились на послушаниях и питались из монастырской трапезной. Некоторые из них селились на монастырских пустошах, корчевали лес и засевали пашню монастырским зерном. В Житии сказано, что не только простые люди, но и дети боярские приходили к преподобному Адриану за хлебом. С помощью обители вся монастырская округа пережила голодные годы.

Колоссальную роль в это страшное время сыграл Кирилло-Белозерский монастырь. «Запасы хлеба, хранившиеся в монастыре, дали возможность спасти от голодной смерти и братию, и значительную часть населения... С 1601 по 1604 год из монастырских житниц белозерским и вологодским крестьянам было выдано более тысячи четвертей хлеба (более четырех тысяч пудов ржи, овса, ячменя и пшеницы)» (Дмитриева. С. 43—44). Более того, когда крестьянское хозяйство с большим трудом стало восстанавливаться после голода и польско-литовского разорения, монастырь исправлял перегибы налоговой политики государства, попросту обманывая его. Во время переписи 1618 года монастырские власти давали писцам «заведомо заниженные данные о населенных деревнях и размерах... пашен» (Там же), тем самым сильно уменьшая размеры налогов, которые должны были выплачивать монастырские крестьяне.

Смутное время очень ярко показало, что крепкие и сильные монастыри были не только военной и духовной, но и экономической опорой России. Когда политическая власть была слабой и никчемной или просто отсутствовала, «великие государевы крепости» — Кирилло-Белозерская, Троице-Сергиева, Соловецкая — не только выстояли в кольце осады, но сумели быстро восстановить свою полуразрушенную систему хозяйства и помочь обнищавшему православному люду.

Искушения

Слово «мир» в русском языке многозначно. Мир — это не только общество людей, оставшихся за стенами обители, но и совокупность всех грехов и пороков в человеке. Можно оставить мир внешним образом, но принести с собой в монастырь все свои старые грехи, привычки и понятия. Среди таких мирских пороков, нарушающих гармонию монастырской жизни, были любостяжание (любовь к стяжанию излишнего имущества), сребролюбие как его разновидность и, несомненно, недуг пьянства. Если судить по текстам житий, то последний порок был наиболее распространен и труднее всего поддавался излечению. Святые «начальники» обителей строго запрещали в своих уставах любые хмельные напитки. Но проходило время, древние уставы забывались и это приносило горькие плоды.

Жил в Ошевенской обители инок Мисаил. Он принял постриг в этом монастыре, но с молодых лет был подвержен пороку пьянства, «ибо сие на многих бывает», как заметил автор Жития, из которого взят этот рассказ. Поскольку любовь к хмельным напиткам лишает человека всякого стремления к духовной жизни, то подвизался он в обители кое-как и без должного почтения относился к памяти ее основателя — преподобного Александра.

Случилось Мисаилу быть в соседнем селе Верхний Борок на пиру у крестьянина Никиты. Тот воздал мо-

наху «достойную честь», Мисаил пил так, что казалось, будто он льет вино в дырявый сосуд. Потеряв всякую способность соображать и контролировать себя, он начал творить такие неподобные дела и говорить такие слова, о которых, продолжает автор Жития, и писать стыдно. В конце концов монах уснул. Ночью он проснулся и, вспомнив свое бесчинство на пиру, решился от стыда бежать из дома Никиты.

В одной свитке Мисаил отправился в обитель, неся свои вещи в узле. На дворе было темно; монах, не протрезвев до конца, вскоре вышел на берег реки и нечаянно сорвался в воду, успев зацепиться руками за кромку льда. Сначала он подумал, что все происходит во сне. Но увидев, как вода захлестывает его, испугался всерьез и стал кричать. Вокруг не было ни души. Мисаил понял, что наступает конец его беспутной жизни, и стал молиться. Перебрав в уме всех угодников Божиих, каких знал, монах вспомнил наконец о преподобном Александре Ошевенском. «О преподобне отче Александре, — взмолился он. — Избавь меня от горького часа смертного, не воздавай мне по моему неверию, но помоги как чудотворец. И тогда и я буду проповедником твоих чудес!» (*РГБ. Унд. № 276. Л. 128 об. — 129*). В ту же минуту Мисаил ощутил какую-то опору под своими ногами и сумел вылезти на лед по грудь. Но лед затрещал, и монах опять пошел ко дну. Тут он закричал во весь голос: «Великий чудотворец Александр! Избавь меня от напрасной смерти!» Он вынырнул из воды и по пояс оказался на льду. Хватаясь за снег и лед, он кое-как дополз до берега, сбив руки и ноги в кровь. Сапоги его утонули в воде. Не помня себя, босой инок добрался до близлежащего села, где отогрелся у некоего Ивана. На рассвете Мисаил и Иван пришли на место ночного происшествия и увидели, что одежда не утонула, а примерзла одним рукавом ко льду. Глубина реки в этом месте оказалась равна четырем сажням.

Можно задаться вопросом: зачем авторы житий рассказывали такие истории из монашеской жизни? В отличие от нас они понимали, что с человеком может случиться всякое, и не торопились с выводами.

Для агиографа всегда был важен конечный результат, то, как человек сумел преодолеть свое искушение. Вот и автор этого Жития заметил, что написал о Мисаиле не в осуждение иноку, а чтобы рассказать, какое чудо сотворил преподобный Александр для вразумления монаха. Да и сам Мисаил, поведав братии о случившемся с ним, навсегда бросил пить.

Много лет в больнице Волоколамского монастыря подвизался монах Исихий: он безропотно ухаживал за больными иноками, стирал свитки, переодевал и кормил больных. Однажды монах решил пойти в соседнее село выпить пива, хотя устав строго запрещал выходить из обители без благословения. В селе монах выпил одну кружку, а когда потянулся за второй, руки его затряслись и он упал без чувств. Так без сознания его и принесли в монастырь. Игумен и братия, не понимая, в чем дело, стали молиться об Исихии. После водосвятного молебна тот едва смог рассказать, что с ним случилось. Покаявшись, он стал понемногу двигаться и постепенно вернулся к своему послушанию в больнице. До конца своей жизни он честно подвизался в обители, но некоторые телесные недостатки — следствие удара — сохранились в его облике (*ВМЧ. Сентябрь. Стб. 408*).

Бывало, что наказание за грехи постигало не только отдельных иноков, но и весь монастырь. 10 мая 1642 года Иоанн, трудник Соловецкого монастыря, о котором уже неоднократно упоминалось выше, молился ночью в общей келье. Когда все уснули, ему явился преподобный Иринарх Соловецкий и предупредил: «Скажи игумену, что старцы живут неподобно, и будет за это Божие наказание. На Пятидесятницу выпадет большая снежная туча и наступит мороз. Пусть игумен и братия молятся Богу и ходят около монастыря крестным ходом, и поют молебен Спасителю, Пресвятой Богородице и преподобным Зосиме и Савватию. А если меня не послушают <...>, то до самого Ильина дня монастырские и мирские лодки на прсмьслы и по иным делам выйти не смогут» (*РНБ. Соф. № 542. Л. 332 об. — 333*). Иван рассказал о видении монахам, но никто ему не поверил. В Троицкую

субботу внезапно налетела сильная буря, повалил снег. Он шел, не переставая, три дня. Потом ударил сильный мороз, так что снег не таял около двадцати дней. Тогда один из иноков по имени Трифон, а по прозвищу Корешок, вспомнил о словах Иоанна и рассказал все игумену Маркеллу (впоследствии тот стал архиепископом Вологодским и Великоустюжским).

Игумен призвал к себе Иоанна. Услышав лично от него рассказ о видении, он повелел устроить крестный ход вокруг монастыря, служить молебен над ракой преподобных Зосимы и Савватия, а над могилой игумена Иринарха — панихиду (святой тогда еще не был прославлен). Когда отзвучала «Вечная память» на панихиде, внезапно пошел дождь и стало тепло. Дождь лил целый день, а наутро наступила такая жара, что озеро растаяло, а морская бухта очистилась от льда (*Там же. Л. 333*).

О каких «неподобных делах» говорил Иоанну игумен Иринарх? Мы можем судить об обстановке в обители по грамотам царей Михаила Феодоровича и Алексея Михайловича, отправленным на Соловки незадолго до событий, описанных в Житии.

В 1636 году царь Михаил Феодорович обличал соловецких иноков в том, что они привозят в обитель «вино горячее и всякое красное немецкое» и держат его в своих кельях. В монастыре жили «кельями и заговором»: старец помогал ученику, а ученик старцу. Чтобы удержать власть в своих руках, келарь, казначей и соборные старцы забирали себе многих учеников из новоначальных иноков, а духовным старцам и священникам учеников не давали. Келаря и казначея выбирал не весь черный собор, а те старцы, которые пьянствовали в обители, потому они выбирали «потаковников, которые бы им молчали». А тем старцам, которые в монашеском житии искусны и соблюдают устав соловецких чудотворцев, на соборе говорить не давали. Добрых старцев на монастырские службы и подворья не посылали, а посылали, наоборот, тех, чья простота, что называется, хуже воровства. Юные трудники, вопреки древнему уставу, жили прямо в обители и зимой и летом, без надзора

опытных старцев и служебников. Царь повелел игумену навести порядок в монастыре: приезжих богомольцев с хмельными напитками в монастырь не впускать, учеников игумену, келарю и соборным старцам не держать, а поручать рядовым старцам и священникам, юным трудникам в обители не жить, хмельные напитки хранить только в погребе и выдавать понемногу больным и немощным инокам (*Досифей. Ч. 3. С. 266—269*).

Видимо, эта грамота не оказала должного воздействия. Поэтому в 1637 году царь Алексей Михайлович написал новую грамоту, в которой запрещал соловецкой братии квасить квас по кельям и требовал, чтобы иноки опечатывали «пиянственное питие» у приезжих богомольцев, как это раньше было в обители (когда корабль с богомольцами приходил в монастырскую бухту, его всегда осматривали монастырские старцы, и если находили хмельные напитки, опечатывали их и возвращали богомольцам на обратном пути). Никаких последствий эта грамота не имела, и потребовалось невероятное стихийное бедствие, чтобы привести в чувство соловецких иноков. Но не будем излишне драматизировать ситуацию. Закон духовной жизни заключается в том, что тьма гуще всегда там, где ярче свет: искушения тяжелее там, где сильнее молитва. Многочисленные рассказы о простых монахах в житиях соловецких святых неопровержимо свидетельствуют, что соловецкие иноки умели возводить неприступные крепости и обороняться от неприятеля, как видимого, так и невидимого.

ИСПЫТАНИЯ

Практически каждый монастырь переживал немалые трудности на протяжении всей своей истории. Жизнь русского монаха проходила в непрестанной борьбе за выживание. Никакая отлаженная система хозяйства не давала прочных гарантий стабильности; любые внешние обстоятельства, как мы уже заметили выше, могли поставить обитель под удар.

На праздник святителя Николая Чудотворца (6 декабря) в окрестностях Каргополя, где стоял монастырь преподобного Александра Ошевенского, случилась сильная оттепель. Обычно это время сильных николевских морозов, когда прочно замерзают реки и налаживается санный путь. В Ошевенский монастырь на праздник святителя Николая всегда съезжалось много народа; к тому же около монастыря, только на противоположном берегу реки, проходил торговый путь, по которому купцы везли в Каргополь на продажу рыбу, выловленную в лесных озерах. Поэтому в Николин день монастырь всегда запасался рыбой на Рождественский пост, а то и на всю зиму. Подходил праздник, в монастыре было скудно и голодно, и скоро стало ясно, что из-за распутицы никто не приедет. Игумен Максим так расстроился, что даже решил не служить всенощное бдение и ушел в свою

келью. Поздно ночью игумену явился в сонном видении основатель обители — преподобный Александр; он постучал в окно кельи и повелел служить праздничную службу. Игумен благословил пономаря печь просфоры, а сам стал молиться. Всю ночь бушевала буря, шел снег, а наутро настала дивная тишина, ударил мороз и «устроилось путное шествие». К монастырю съехалось множество гостей, обозы с рыбой стояли на противоположном берегу реки. Игумен повелел звонить в колокола, созывая всех к заутрене. Купцы, пришедшие на службу, дали в монастырь «множество рыб от всякого рода их, малых и великих, свежих и просолных». Так новое чудо в очередной раз спасло монастырь.

Многие чудеса в житиях русских святых связаны со спасением иноков от голода. И дело здесь не в том, что агиографы списывали их друг у друга, — просто такова была реальность: именно голод представлял собой наибольшую опасность для существования обителей. В художественной литературе и киноискусстве сложилось превратное представление о жизни русских монастырей: иноки будто бы питались семгой и стерлядью и не заботились ни о чем мирском. Однако реальная жизнь была более прозаична и требовала от людей повседневного постоянного напряжения, можно даже сказать, героизма. Только самые крупные монастыри, такие, как Кирилло-Белозерский, Троице-Сергиев, Иосифо-Волоцкий (и то на поздних этапах своей истории), не испытывали голода. Остальные обители, особенно расположенные на Крайнем Севере (в Архангельской области, в Карелии и других областях), все время ощущали эту опасность. Артемиево-Веркольский монастырь находится на реке Пинеге в Архангельской области; даже в XIX веке эта обитель испытывала постоянные трудности с пропитанием. «Расположенная в... глубоком уединении, среди безмолвных и глухих лесов в бесплодной, безлюдной и холодной местности, обитель чужда не только каких-либо избытков, но даже лишена бывает по временам и необходимого к своему существованию, особенно же чувствуется

большой недостаток в рыбе и овощах», — грустно заметил автор описания Веркольской пустыни в 1880 году. «Хотя при монастыре есть и поля и луга, но они по причине песчаного грунта не приносят большой пользы, тем более что здесь бывает всего почти только три месяца в году благоприятной погоды для посева и сенокоса, а затем наступает осеннее ненастье и зима с вьюгами. Да и в эти три летние месяца редко когда руки успевают снять хлеб и скосить траву; по большей части от ранних холодных утренних морозов гибнет еще на корню и хлеб, и трава, и овощ, и таким образом обитатели должны оставаться без хлеба, а скот без корма. По окончании даже и счастливой уборки хлеба все-таки полученных продуктов редко, а даже можно почти сказать и никогда, недостает для годового продовольствия, ибо северный климат не благоприятствует растительности. После кратковременной трехмесячной своей улыбки природа по-прежнему погружается в девятимесячный непробудный сон, так что в начале октября здесь уже все покрыто снегом; солнце, почти не сходявшее в летнее время с горизонта, является на несколько часов, но потом мало-помалу и это делается реже, так что половину зимы его и вовсе не видно. Воцаряется везде глубокое безмолвие и мертвая тишина, которая и нарушается только или звоном убогаго монастырского колокола, призывающего иноков на молитву, или шумом от буйнаго ветра и вьюги, или же, наконец, резким криком какой-либо плотоядной птицы и воем зверей от голода и холода. ... В тоскливое осеннее и зимнее время суровость северной природы несколько смягчается еще зеленью неувядаемых сосен и елей. Но когда и она покрывается изморозью и снегом, тогда природа становится еще утрюемее» (*Описание Веркольской пустыни. С. 2—3*). «Путь к обители крайне затруднителен и пролегает местами едва ли не по тропинкам, проложенным ногами оленя, а потому обитель редко бывает кем-либо посещаема и остается чрез это без всякой сторонней помощи» (*Там же. С. 1*). Можно себе представить, какой тяжелой была жизнь монахов этой обители в XVI столетии.

И в таком состоянии находились почти все монастыри Русского Севера. Как-то в очередной раз случился сильный голод в монастыре преподобных Вассиана и Ионы Пертоминских. Когда ситуация достигла критической точки и братия уже хотела разойтись, монастырскому старцу Дионисию во сне явились преподобные и сказали: «Не скорбите, братия, что постигла вас хлебная скудость, и не расходитесь». Спустя некоторое время в монастырь пришли иноки Кандалажского монастыря и предложили пертоминским монахам забрать их рожь. Они рассказали, что ночью их корабль «нанесло на камень» и они едва сами спаслись. На корабле оказалось 120 мер хлеба, и братия Пертоминского монастыря кормилась им целых полтора года (*РНБ. Сол. № 182 / 182. Л.193 об.—194*). В другой раз, во время безденежья, монахи не знали, как расплатиться с работниками монастыря. Когда братия после вечерни вышли из церкви, то в сумерках увидели какую-то странную гору, возвышавшуюся на берегу. Когда подошли поближе, то оказалось, что на берег выбросило огромного кита. Монастырь продал 230 пудов китового сала за 500 гривен, и обитель была надолго обеспечена (*Там же. Л. 195 об.—196*). Из-за скудости монастырской пашни и угодий в монастыре голодали не только люди, но и скотина. Во время сильной бескормицы трудник Никита, ухаживавший за скотом, день и ночь просил пертоминских чудотворцев о помощи. Как-то раз, когда он задремал, ему явились во сне преподобные Вассиан и Иона и сказали, в каком селе можно купить сено «малою ценою». Посланные монахи действительно купили 90 возов сена по такой дешевой цене, по какой раньше никогда не покупали: за воз платили всего по шесть денежек (*Там же. Л. 202 об.*).

Однажды на всей территории Поморья случился сильный голод, так как несколько лет подряд овощи и хлеб побивало морозом. Подошли к концу запасы хлеба и в обители преподобного Трифона Печенгского. Положение осложнялось тем, что в монастыре собралось множество лопарей, надеявшихся здесь спастись от голода. Тогда преподобный Три-

фон принял необычное решение. Взяв с собой нескольких монахов, он ушел в земли Великого Новгорода и здесь, переходя из города в город, из села в село, просил милостыню на монастырь. Все собранное он посылал в свою обитель, как «кокошь (курица, это сравнение из Жития святого. — *Е. Р.*), собирая семена» и кормя своих птенцов. Так продолжалось восемь лет, в итоге преподобному удалось спасти братию и монастырь.

В 1672 году в окрестностях Сийского монастыря стояла дождливая холодная погода, грозившая всеобщим неурожаем, а значит, и голодом. В разгар бедствия одному из работников монастыря Ивану Тырыданову явился преподобный Антоний Сийский и повелел передать игумену Феодосию, чтобы тот устроил крестный ход к так называемому Угловатому озеру, находившемуся за восемь верст от монастыря. Еще преподобный заповедал всем жителям тех мест строго соблюдать постные дни — среду и пятницу и все посты. Игумен дважды ходил крестным ходом к Угловатому озеру. Здесь с 1668 года стояла часовня в честь Животворящего Креста Господня в память о том, что сюда в 1520 году пришел преподобный Антоний и впоследствии неподалеку основал свой монастырь. Вскоре установилась прекрасная погода, и урожай в том году был как никогда изобильным. Третий крестный ход игумен Феодосий совершил 7 июля и служил в часовне благодарственный молебен за избавление от неурожая. С тех пор в Антониево-Сийском монастыре ежегодно в этот день совершался крестный ход от монастыря к Угловатому озеру.

Помимо неблагоприятных климатических условий, составлявших серьезную угрозу монастырскому существованию, русским монахам, как и всей Руси, приходилось жить, созидать и молиться в ожидании постоянной угрозы вторжений иноплеменников. Неоднократно вражеские нашествия полностью разоряли обители, враз губя то, что созидалось веками. Мало какие монастыри избежали этой горькой участи. Столичные обители, монастыри пограничного Севера, дремучих заволжских лесов и центра Руси в

любой момент могли услышать у своих ворот топот копыт и разноязыкую речь.

В 1530 году Вологда и ее окрестности подверглись нападению татар. Тогда были разорены монастыри преподобных Иннокентия и Корнилия Комельских, Павла Обнорского и другие вологодские обители. Когда слух о погроме соседних обителей дошел до монастыря преподобного Корнилия, братия спросили святого, что им делать: бежать или остаться, уповая на милость Божию. Любопытен ответ преподобного Корнилия. Он сказал, что нехорошо самому себя ввергать в беду, ведь и Христос как Всесильный Бог мог все сотворить, но когда возникла опасность для Его жизни, ангел повелел Святому семейству бежать в Египет. По совету святого братия монастыря «сотворила человеческое», то есть поступила, как все обычные люди — бежала в Белозерье, на реку Ухтому (ГИМ. Увар. № 107. Л. 246).

В 1590 году, в царствование царя Феодора Иоанновича, шведами был сожжен старый Печенгский монастырь. Неподалеку от обители, там, где был погребен преподобный Трифон, находился скит, при котором жили иеромонах Иона и один из монастырских служебников. Шведы сожгли храм Успения, стоявший над мощами преподобного, замучили монаха Иону и скитского служебника. Семь дней они таились, не смея напасть на монастырь. Но в самый праздник Рождества Христова, когда заканчивалась литургия, внезапно появились на территории обители. Сначала убили всех бывших вне церкви, потом ворвались в храм. Здесь они предали мучительной смерти всех монахов и служебников, особенно мучили игумена Гурия и диакона, добиваясь от них монастырской казны. После кровавой расправы шведы подожгли обитель. Когда монахи, отсутствовавшие в монастыре по разным делам, вернулись на пепелище, они собрали остатки обгорелых тел, отслужили панихиду и погребли с честью погибших иноков. В то Рождество погибло 54 монаха и 65 трудников. Вновь строить монастырь на этом месте было опасно, так как Россия находилась в состоянии постоян-

ной войны со Швецией. Иноки написали письмо царю Феодору Иоанновичу, и тот повелел поставить монастырь в крепости города Кола (*РНБ. Сол. № 188 / 188. Л. 21—21 об.*).

В Смутное время, когда почти вся Русская земля находилась под властью поляков и литовцев, Троице-Сергиев, Кирилло-Белозерский и Соловецкий монастыри оставались едва ли не единственными очагами сопротивления иноземцам, символами национальной независимости страны. Мудрая политика соловецкого игумена — преподобного Антония спасла не только Соловецкий монастырь, но и все русское Поморье от вторжения шведов. Антонию пришлось быть игуменом в 1605—1613 годах, когда вокруг Соловков сложилась чрезвычайно непростая дипломатическая и военная ситуация. Русский царь Василий Шуйский просил шведского короля Карла IX помочь ему в борьбе с поляками. Карл помогать, конечно, не собирался, но решил воспользоваться удобным случаем. Ссылаясь на просьбу царя, он написал игумену Антонию письмо, в котором спрашивал, готов ли Соловецкий монастырь принять помощь и впустить шведские войска. Но игумен молчал. В 1610 году царь Василий был низложен и увезен в Польшу. Тогда Антоний написал Карлу IX, что ни он, ни вся Русская земля не желают иметь дела с иностранцами, а выберут себе царя из бояр Московского государства, и отказался сдать шведам Сумский острог. В 1612 году шведские войска окружили беломорские острова Кузова, но, простояв здесь все лето, так и не решились напасть на обитель и покинули Белое море (*Досифей. Т. 1. С. 97—107, 114—115, 120—121*). В последующие годы Соловецкая обитель продолжала нести свою пограничную службу. Иноки монастыря, подобно настоящим воинам, всегда находились в состоянии повышенной боевой готовности. Как говорил царь Алексей Михайлович, они «были бесстрашны и надежны». В 1646 году царь предупреждал в своей грамоте соловецкого игумена остерегаться внезапных нападений шведов. Монахи должны были заблаговременно запастись продуктами «с большой

прибавкою» на случай продолжительной осады, жить «неоплошно», вести тщательную разведку, чтобы шведы внезапно не появились под стенами обители и Сумской крепости, корабли и вооружение стрельцов содержать в порядке (*Досифей. Т. 3. С. 143*).

В годы польской интервенции около шести лет держал оборону Кирилло-Белозерский монастырь. После неудачной осады Троицкого монастыря отряды поляков, литовцев, казаков и других «воровских людей» двинулись дальше на север и 20 августа 1612 году подошли к Кирилловой обители. Они сожгли все монастырские дворы и хлебные амбары, находившиеся за стенами, но сам монастырь не тронули. Тогда погиб почти весь хлебный запас — 2140 четей, был угнан и посечен монастырский скот — 145 кобылиц, 98 служивых лошадей и 52 жеребчика. В декабре того же года шайки пана Бобовского опять появились под стенами обители и попытались взять монастырь, но атака была отбита. Следующий приступ, в ночь на 11 декабря, которым командовал пан Песоцкий, тоже был безуспешен. Уходя от Кириллова после гибели Песоцкого, поляки будто бы говорили: «Не устояла-де от нас Москва и Великий Новгород и иные многие города, а Кириллову-де монастырю от нас не устояти» (*Никольский. Т. 1. Вып. 1. С. 55*). Но «великая государева крепость» устояла. До 1618 года Кириллов монастырь жил в ожидании внезапного нападения. Поляки возвращались не раз в тщетной надежде взять обитель, манившую их множеством богатств, но вынуждены были признать: «К Кириллову монастырю мы зимусь (то есть в декабре 1612 года. — *Е. Р.*) и летось (в 1613 году. — *Е. Р.*) приступали и лесницами, да Бог их помиловал» (*Там же. С. 57*).

Урон, нанесенный монастырю, был огромен. По подсчетам Н. К. Никольского, погибло больше половины населения монастырской вотчины, требовали серьезного ремонта стены и постройки монастыря. Сообщая об убытках, кирилловская братия писала, что за годы литовского разорения в разных городах и промыслах погибло 14 875 рублей 12 алтын с деньгою монастырской казны; сумма по тем временам —

грандиозная. Кроме того, погибло множество монахов и слуг, находившихся на монастырских службах за стенами обители. На соляном промысле в Зозотице литовские люди замучили старца Гедеона и пятерых слуг, также были замучены люди на промыслах в Лалеце, Турчасове и других местах. В результате доходные соляные промыслы обезлюдели и пришли в полный упадок. В былые времена с Холмогор привозили по шесть тысяч соляных денег, жаловалась братия, а после разорения в монастырь стало поступать только по тысяче рублей, а то и меньше, и «от того монастырь оскудел, что в казны... приходит мало» (Никольский. Т. 1. Вып. 1. С. LXXXIV—LXXXV).

Малым обителям, которые не могли надеяться на мощь своих стен, приходилось избирать иную тактику. Мудрая предусмотрительность преподобного Адриана Монзенского позволила спасти братию от гибели, а монастырь от разорения. Однажды к преподобному Адриану пришли вестники из Галича, они сообщили, что посады Галича уже разграблены и литовцы на пути к монастырю. Тогда игумен Адриан повелел построить в лесу, на расстоянии одного поприща от монастыря, небольшую клеть, в которой спрятал монастырский хлеб и имущество. Сам игумен и братия ушли в лес. Вскоре пришли литовцы, но нашли монастырь пустым. Два дня и две ночи они пробыли в обители, потоптали засеянные поля и, оставив огонь в монастыре, чтобы он сгорел, покинули его. Вернувшаяся братия нашла свою обитель в ужасающем беспорядке, по двору валялись котлы и другие сосуды, которые нельзя было увезти, конюшня была пустой. Но, главное, монастырь был цел, огонь не причинил ему никакого вреда, и даже два коня, на радость братии, скоро прибежали из леса. Осмотрев монастырь, иноки направились к заветной лесной клети, но по дороге натерпелись немало страха: вся тропинка до клетки была истоптана людьми и копытами коней. Каковы же были радость и изумление братии, когда они увидели клеть и ее замки неповрежденными. Молитвами братии и ее святых основателей обитель была спасена от разорения и голода.

Постоянными спутниками монастырской жизни были пожары. Часто случалось так, что монастыри выгорали дотла: огонь уничтожал постройки, иконы, рукописи, документы. Поэтому мы мало что знаем о начальной поре существования обителей и о жизни их основателей. В 1596 году в монастыре преподобного Арсения Комельского сгорела теплая (зимняя) церковь, освященная когда-то самим преподобным. Вместе с книгами сгорело и древнее Житие святого, только в монастырской дохее (кладовой) сохранилась «малая хартия» (небольшая грамота), на которой был записан краткий рассказ о преподобном Арсении. Монастырь Антония Сийского несколько раз исчезал в огне пожара, но всегда его восстанавливали заново. Однажды после сильного пожара, во время которого в обители сгорели две церкви, случилось удивительное: икону Троицы, которую написал сам святой Антоний, нашли посреди монастыря, неповрежденную огнем. В летописце монастыря подробно перечисляются пожары разных лет, потери, приводятся сметы расходов на возобновление обители. 2 мая 1658 года, в воскресенье, один из иноков, совершая службу часов в своей келье, решил покадить святые иконы и случайно выронил уголь. Загорелась келья, за ней вторая, с молниеносной скоростью огонь стал распространяться по направлению к Святым воротам обители. Сгорела деревянная колокольня, а колокола на ней «растопились», загорелись кровли у каменных церквей, в соборной церкви сгорели все иконы. И паникадила «растопились». К счастью, уцелела казенная палата со всем добром: «пламень и уголья летало в окна с огнем и тамо погасло». В трапезной сгорели окна, а деревянная келарская выгорела вся. Во время этого страшного пожара монахи стали свидетелями необычного явления. Смоленская икона Пресвятой Богородицы осталась невредимой: «Той же пречюдной иконы ни воня дымная прикоснуся, ниже левкас zde спыхнул, якоже у прочих, ни пелена» (*Рыжова. С. 136—137*). Расплавилась только свеча перед чудотворным образом.

Буквально на шаг от гибели находилась в одну из ночей братия Елеазаровского монастыря. Монастырский диакон Закхей закрутился в обычных дневных заботах и службах и не успел вовремя протопить печь в келье. Уже был глубокий вечер, когда он пришел к себе и принялся разводить огонь. Дрова быстро прогорели, но оставалась одна большая головня. Сон морил Закхея, и он решил вынести головню на внутренний двор. Монах бросил ее близ предсения (у крыльца) и в спешке не затушил как следует; вскоре головня разгорелась прямо у порога кельи. После дневных трудов Закхей сладко заснул. Вдруг сквозь сон он услышал, будто кто-то толкает дверь его кельи, но никак не мог проснуться. И тут во сне он увидел, как открылась дверь и к нему вошел преподобный Евфросин с железом в правой руке. Быстро приблизившись к Закхею, святой сказал: «Человек, ты сейчас сам погибнешь и монастырь мой сожжешь, вставай быстрее!» И Закхею показалось, что святой ударил его по ноге. От боли он вскочил и увидел, что келья полна дыма, а дверь уже занялась огнем. Укутав голову своей свиткой, он едва сумел выскочить сквозь огонь и дым во двор и закричал. На крик сбежалась братия и потушила огонь (ЛДПИ. Т. 173. С. 83—84). Чудеса, связанные с избавлением от пожаров, часто встречаются в клеймах житийных икон; на одном из них изображено, как преподобный Александр Ошевенский закрывает своей мантией горящий шатер монастырской колокольни.

Для обережения обителей от пожаров разрабатывались даже специальные меры безопасности. Когда в Красногорском монастыре строили новую деревянную церковь в честь Похвалы Пресвятой Богородицы, благодетель обители Егор Лыткин в письме от 10 января 1630 года советовал игумену Макарию: «Шатров у церкви отнюдь бы не делать, ради того, что высокие церкви... молниею пожигает. Да под церковь и под трапезу не велел бы, господине, ходить с огнем ни для какого дела. Которые потребности часто бывают надобны, вам бы под цер-

ковь и трапезу не класть. Место бы вам под новую церковь избрать покрепче и попространнее, чтобы келий и никаких хором близко сажень за двадцать или больше не было» (*Описание Красногорского монастыря*. С. 64). Посылая братии в дар богослужебные книги, он заботливо сопроводил свою посылку одним немаловажным советом: «А книги чтобы вам, господа, держать в великой бережливости от огня» (*Там же*. С. 68).

Иногда братии монастырей приходилось сражаться и со стихиями природы: лесные пожары остановить было практически невозможно. 21 июня 1859 года, во время сильной засухи, продолжавшейся около двух месяцев, в двадцати верстах от Красногорского монастыря начался пожар. Дул сильный ветер в сторону обители, и к десяти часам вечера огонь полыхал уже в ста саженьях от стен монастыря. Братия совершила крестный ход с чудотворными иконами; по счастью, ветер переменялся, потом совсем утих, а ночью пошел дождь. В пяти верстах от монастыря находилась часовня с Владимирской иконой Пресвятой Богородицы. Ее стены стали от сильного жара темно-красного цвета и еще долго напоминали паломникам и братии о случившемся чуде (*Там же*. С. 26).

Прибрежным же монастырям, наоборот, угрожала водная стихия. Одно из таких происшествий описано в «Памятной книге» Николо-Корельского монастыря. Этот монастырь вообще отличался сугубо тяжелыми условиями жизни и трудной судьбой. Он находился на левом берегу устья реки Двины, в двух верстах от Белого моря. Наводнения здесь были обычным делом, но описанное в «Памятной книге» ужасает своим размахом: в седьмом часу ночи «пришла с моря столь великая вода», что «кельи потопило», «братия монашествующие из кельи утекли; мосты все снесло, и страх велик учинился; кладези (колодцы. — *Е. Р.*) морскою водою наполнились», а большую келью для приезжих «льдом изломало и разнесло врознь»; «суда большие мореходные по берегам разметало» (*ЧОИДР. М., 1879. Кн. 1*). Сильное наводне-

ние, случившееся через 25 лет после преставления преподобного Арсения Коневского, полностью погубило Коневский монастырь, и его пришлось перенести на новое место.

В таких условиях беспрестанной борьбы за свое выживание только упование на милость Божию и молитвы святых могли служить единственной надеждой монастырского существования. Многие святые «начальники» монастырей так и говорили: «Если обрету дерзновение перед Богом, то не оскудеет обитель моя. А если Пречистая нас забудет, то зачем мы здесь?»

БИБЛИОГРАФИЯ И СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Литература и источники

Авва Дорофей — Преподобного отца нашего аввы Дорофея душеполезные поучения и послания. М., 1900. С. 30.

Богословский — Богословский М. Северный монастырь в XVII в. // Вестник Европы. 1908. № 11.

Богослужение РПЦ. X—XX вв. — Желтов М.С., прот. Сергей Правдолюбов. Богослужение РПЦ. X—XX вв. // Православная энциклопедия. РПЦ.

Василий Великий — Творения иже во святых отца нашего Василия Великого архиепископа Кесарии Каппадокийския. Сергиев Посад, 1901. Ч. V.

Васильев, Сегал — Васильев К.Г., Сегал А.Е. История эпидемий в России. М., 1960. С. 43.

ВМЧ. Сентябрь — Житие преподобного Иосифа Волоцкого // ВМЧ. Сентябрь. Дни 1—13. СПб., 1868.

ВМЧ. Декабрь — Житие преподобного Саввы Сторожевского // ВМЧ. Декабрь. Дни 1—5. М., 1901.

ВМЧ. Январь — Житие преподобного Павла Обнорского // ВМЧ. Январь. Дни 6—11. М., 1914.

Волоколамский обиходник — Леонид, архим. Монастырские столовые обиходники // ЧОИДР. 1880. Кн. 3.

Горский — Горский А., Невоструев К. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. 3. Книги богослужебные. М., 1869. Ч. 1.

Дебольский. Т. 1; Т. 2 — Дебольский Г.С., прот. Дни богослужения православной католической восточной Церкви. СПб., 1887. Т. 1; Т. 2.

Дмитриева. Социальная благотворительность — Дмитриева З.В. Кирилло-Белозерский монастырь и его социальная благотворительность в «Смутное время» // История православия в России: Люди, факты, источники. СПб., 1995. С. 38.

Дмитриевский — Дмитриевский А. Богослужение в Русской Церкви в XVI в. Казань, 1884.

Досифей. Т. 1; Т. 2; Т. 3 — Досифей (Немчинов), архим. Географическое, историческое и статистическое описание Соловецкого монастыря. М., 1836.

Евсей Памфил — Евсей Памфил. Жизнь блаженного василевса Константина. М., 1998.

Жизневский — Жизневский А. К. Описание Тверского музея. М., 1888.

Житие преподобного Диодора — Докучаев-Басков К.А. Подвижники и монастыри крайнего Севера // Христианское чтение. СПб., 1885. Ч. 1.

Житие преподобного Пафнутия Боровского — Житие преподобного Пафнутия Боровского // Сборник историко-филологического общества при Институте князя Безбородко в Нежине. Нежин, 1899. Т. 2.

Житие преподобного Трифона Печенгского — Житие преподобного Трифона Печенгского // Православный собеседник. Казань, 1859. Май.

Забелин — Записки Императорского археологического общества. 1853. Т. 5.

Златоструй — Златоструй. Древняя Русь X—XIII веков. М., 1990.

Иванов — Иванов А. Очерки Олонецкой губернии, в историческом, топографическом и статистическом отношении // Памятная книжка Петрозаводской губернии. Петрозаводск, 1867.

Иннокентий, архим. — Иннокентий, архим. Пострижение в монашество. Вильна, 1899.

Иоанн Мосх — Иоанн Мосх. Луг духовный. Сергиев Посад, 1915.

Казанский — Казанский П. С. История православного русского монашества от основания Печерской обители преподобным Антонием до основания лавры Святой Троицы преподобным Сергием. М., 1855.

Коноплев — Коноплев Н. Святые Вологодского края // ЧОИДР. 1895. Кн. 4.

Крушельницкая — Крушельницкая Е. В. Автобиография и житие в древнерусской литературе. СПб., 1996.

Лествица — Преподобного отца нашего Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица. Сергиев Посад, 1908.

Макарий. Антониев Сийский монастырь — Макарий (Миролюбов), еп. Исторические сведения об Антониевом Сийском монастыре // ЧОИДР. 1878. Кн. 3.

Макарий. Описание Корельского монастыря — Макарий (Миролюбов), еп. Историко-статистическое описание Николаевского Корельского монастыря // ЧОИДР. М., 1879. Кн. 1.

Макарий. Кн. 4. Ч. 1; Кн. 3 — Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. М., 1995. Кн. 3; М., 1996. Кн. 4. Ч. 1.

Малето — Малето Е. И. Хождения русских путешественников XII—XV вв. М., 2000.

Минеева — Минеева С. В. Рукописная традиция жития преп. Зосимы и Савватия Соловецких (XVI—XVIII вв.). М., 2001. Ч. 2. Тексты.

Муравьев — Муравьев А. Н. Русская Фиваида на Севере. М., 1999.

Некрасов — Некрасов И. Древнерусский литератор // Беседы в Обществе любителей русской словесности. М., 1867. Вып. 1.

Никольский К — Никольский К. О службах Русской Церкви, бывших в прежних печатных богослужебных книгах. СПб., 1895.

Никольский. Т. 1. Вып. 1; Т. 1. Вып. 2 — Никольский Н. К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство. СПб., 1897. Т. 1. Вып. 1; 1910. Т. 1. Вып. 2.

Никольский. Общинная и келейная жизнь — Никольский Н. К. Общинная и келейная жизнь в Кирилло-Белозерском монастыре в XV и XVI и в начале XVII-го // Христианское чтение. 1907. Август; 1908. Июнь.

Нило-Столобенская пустынь — Нило-Столобенская пустынь. М., 2000.

Одинцов — Одинцов Н. Порядок общественного и частного богослужения в Древней Руси до XVI в. СПб., 1881.

Описание Красногорского монастыря — Макарий, еп. Историческое описание Красногорского монастыря // ЧОИДР. 1880. Кн. 3.

Описание Веркольской пустыни — Описание Веркольской обшежительной пустыни праведного Артемия. М., 1880.

Опись 1601 г. — Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 года. СПб., 1998.

ПДПИ Т. 173. — Житие преподобного Евфросина Псковского // ПДПИ. Т. 173. СПб., 1909.

ПлДР — Послание царя Иоанна Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь // ПлДР. 2-я пол. XVI в. М., 1986.

Пентковский — Пентковский А. М. Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. М., 2001.

Предание и Устав Нила Сорского. — Боровкова-Майкова М. С. Нила Сорского Предание и Устав // ПДПИ. Т. 179.

Прилуцкий — Прилуцкий В., свящ. Частное богослужение в Русской Церкви. М., 2000.

Прокофьева — Прокофьева Л. С. Вотчинное хозяйство в XVII в. (По материалам Спасо-Прилуцкого монастыря). М.; Л., 1959.

Просветитель — Просветитель преподобного Иосифа Волоцкого. М., 1994.

Прохоров — Прохоров Г. М., Водолазкин Е. Г., Шевченко Е. Э. Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские. СПб., 1993.

Путешествие Антиохийского Патриарха Макария — Путешествие Антиохийского Патриарха Макария в Россию в начале XVII столетия // ЧОИДР. 1898. Кн. 4.

Рыбин. Знамение креста — Рыбин В. Знамение креста в храмах и на иконах Кирилло-Белозерского и Ферапонтова монастырей // К свету. М., 1987. № 15.

Рыбин. Имя, как освящение — Рыбин В. Имя, как освящение некое // К свету. М., 1987. № 15.

Рыжова — Рыжова Е. А. «Летописец Антониево-Сийского монастыря» XVI—XVII вв. Источники, этапы формирования текста // Региональные аспекты исторического пути православия: Архивы, источники, методология исследований. Вологда, 2001.

Святитель Игнатий (Брянчанинов) — Игнатий (Брянчанинов). Аскетические опыты. М., 1993. Т. 1; Т. 2.

Святитель Игнатий (Брянчанинов). Письма. — Собрание писем святителя Игнатия Брянчанинова, епископа Кавказского и Черноморского. М.; СПб., 1995.

Серебрянский — Серебрянский Н. И. Очерки по истории псковского монашества // ЧОИДР. 1908. Кн. 3. Кн. 4.

Святой Симеон Солунский — Новая скрижаль. М., 1999.

Скабалланович — Скабалланович М. Толковый типикон. М., 1995. Вып. 1—3.

Сказание о Валаамском монастыре — Охотина Н. А. Сказание о Валаамском монастыре // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 47. С. 133—134.

Смирнов — Смирнов С. И. Житие преподобного Даниила, переяславского чудотворца: Повесть об обретении мощей и чуда его. М., 1908.

Смолич — Смолич И. К. Русское монашество. М., 1997.

Соловецкий монастырь — Соловецкий монастырь. Книгальбом. М., 2000.

Творения святого Ефрема Сирина — Творения святого отца нашего Ефрема Сирина. Сергиев Посад, 1912. Ч. 2.

Шаблова. О трапезе — Шаблова Т. И. О трапезе в Кирилло-Белозерском монастыре в середине XVII в. // Наследие монастырской культуры. СПб., 1997.

Шаблова. Практика поминовения — Шаблова Т. И. Практика поминовения в Кирилло-Белозерском монастыре во второй половине XVI — первой половине XVII в. // Сия же память пребывает во век. СПб., 1997.

Устав — Устав о христианском житии. Почаев, 1795.

Устав Корнилия Комельского — Амвросий (Орнатский), архим. История российской иерархии. М., 1912. Т. 4.

Яхонтов — Яхонтов И. Жития святых севернорусских подвижников Поморского края, как исторический источник. Казань, 1881.

Общие работы по истории русского средневекового монашества

Борисов Н. С. Сергей Радонежский. М., 2001.

Будовниц И. У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV—XVI веках (по «житиям святых»). М., 1966.

Введенский А. А. Трудовая деятельность стряпчих севернорусских монастырей в XVI—XVII вв. // Север. 1923. № 1.

Верюжский И. Исторические сказания о жизни святых, подвизавшихся в Вологодской епархии. М., 1994.

Веселовский С. Б. Монастырское землевладение в Московской Руси во второй половине XVI в. // Исторические записки. 1941. Т. 10.

Воронцов Л. Д. Несколько данных о быте монастырей XVI—XVII вв. // Древности. Труды Археологической комиссии императорского Московского археологического общества. 1900. Т. 2. Ч. 1.

Дмитриев Л. А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Л., 1973.

Ивина Л. И. Крупная вотчина северо-восточной Руси конца XIV — первой половины XVI в. Л., 1979.

Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 1. Житие Сергия Радонежского. М., 1998.

Милов Л. В. Русский пахарь. М., 1998.

Романенко Е. В. Нило-Сорский скит как уникальное явление монастырской культуры Руси XV—XVII вв. // Исторический вестник. М.; Воронеж, 1999. № 3—4.

Савич А. А. Соловецкая вотчина XV—XVII вв. Пермь, 1927.

Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. М., 1995. Т. 1.

Филарет (Гумилевский), архиеп. Русские святые, чтимые всею Церковью или местно. СПб., 1882. Кн. 1—3.

Издания и архивные собрания

АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией. СПб., 1841.

БАН — Библиотека Академии наук.

ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Академии наук. СПб., 1836. Т. 3.

ВМЧ — Великие Минеи Четии.

Волог. — Вологодское собрание РГБ.

ГИМ — Государственный исторический музей (Москва).

Кир.-Бел. — Кирилло-Белозерское собрание РНБ.

ПДПИ — Памятники древней письменности и искусства.

ПЛДР — Памятники литературы Древней Руси.

РГБ — Российская государственная библиотека (Москва).

РНБ — Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург).

Син. — Синодальное собрание ГИМ.

• Сол. — Соловецкое собрание РНБ.

Соф. — Софийское собрание РНБ.

Троиц. — Троицкое собрание РГБ.

ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы Российской академии наук.

Унд. — Собрание Ундольского РГБ.

ФИРИ — Архив Санкт-Петербургского филиала Института Российской истории Российской академии наук.

ЧОИДР — Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете.

Щук. — Щукинское собрание ГИМа.

Библейские книги

Быт. — Бытие

Исх. — Исход

Пс. — Псалтирь

Лк. — Евангелие от Луки

Мк. — Евангелие от Марка

Мф. — Евангелие от Матфея

1 Кор. — Первое Послание к Коринфянам апостола Павла

Откр. — Откровение апостола Иоанна Богослова (Апокалипсис)

Рим. — Послание к Римлянам апостола Павла

ПРИЛОЖЕНИЕ

Агапит Маркушевский († 21 мая 1584) — преподобномученик (память 21 мая), в 1576 г. основал Агапито-Маркушевский монастырь во имя святителя Николая, архиепископа Мир Ликийских. В 1764 г. монастырь был закрыт, а соборный храм обители превращен в приходскую церковь. В 1850 г. рядом с ним построили новую приходскую церковь в честь Благовещения Пресвятой Богородицы, сюда из Никольского храма перенесли мощи преподобного, на раке находились его вериги. В советское время церковь разрушили. В 2000 г. в поселке Нюксеница (Тотемского района Вологодской области), ближайшем населенном пункте к бывшему Агапитову монастырю, началось строительство храма во имя прп. Агапита Маркушевского.

Адриан Монзенский (в миру Амос, † 5 мая 1619) — преподобный (память 5 мая), в 80—90-х гг. XVI в. возобновил запустевший Благовещенский монастырь близ устья реки Монзы — правого притока реки Костромы (ныне село Ферапонтово Буйского района Костромской области). В 1764 г. монастырь упразднен, собор обращен в приходскую церковь, которая была закрыта в 1937 г. Мощи преподобного находятся под спудом Благовещенской церкви, в 1998 г. в храме возобновлено богослужение.

Адриан Пошехонский († 5 марта 1550) — преподобномученик (память 5 марта, 19 ноября — обретение мощей), в 1543 г. основал пустынь в честь Успения Пресвятой Богородицы (Адриано-Пошехонский монастырь). Около 1928 г. обитель была закрыта, а братия репрессирована. 7 марта 2000 г. монастырь возобновлен.

Александр Куштский (в миру Алексей; † 9 июня 1439) — преподобный, основатель Александро-Куштского в честь Успения Пресвятой Богородицы монастыря. Мощи преподобного почивают под спудом в бывшей Никольской церкви обители. В 1764 г. монастырь был закрыт, а Никольская церковь стала приходской. В настоящее время в монастыре размещается дом инвалидов, сохранился колодец, выкопанный, по преданию, самим преподобным. Вериги святого хранятся в приходском храме Святого Афанасия Александрийского современного поселка Устье Усть-Кубинского района Вологодской области.

Александр Ошевенский (в миру Алексей; † 20 апреля 1479) — преподобный (память 20 апреля), основатель Александро-Ошевенского монастыря (находился в Каргопольском уезде Олонецкой губернии (ныне г. Ошевенск)). По штатам 1764 г. монастырь был отнесен к третьему классу. В 1919 г. обитель закрыли. К 2000 г. здания монастыря почти полностью разрушены, сохранились остатки стены с четырьмя башнями и настоятельский корпус.

Александр Свирский (в миру Амос; † 30 августа 1533) — преподобный (память 30 августа и 17 апреля — обретение мощей), в 1506 г. основал в восьми километрах от реки Свири Александро-Свирский монастырь (ныне Лодейнопольский район Ленинградской области). В 1918 г. монастырь был закрыт, а братия расстреляна. В 1997 г. обитель возобновлена, мощи преподобного находятся в церкви Святого пророка Захарии.

Антоний Сийский (в миру Андрей; † 7 декабря 1556) — преподобный (память 7 декабря), основатель Антониево-Сийского монастыря во имя Святой Троицы (находится в девяти километрах от современной деревни Сии Холмогорского района Архангельской области). По штатам 1764 г. монастырь отнесен ко второму классу, в 1923 г. он был закрыт, возрожден в 1992 г.

Арсений Комельский († 24 августа 1550) — преподобный (память 24 августа), основатель Арсениево-Комельского в честь Положения риз Пресвятой Богородицы во Влахерне монастыря (Грязовецкий район Вологодской области). В 1764 г. монастырь причислен к третьему классу, после 1918 г. закрыт. Главный Ризоположенский храм обители, где под спудом находились мощи прп. Арсения, разобран в начале 60-х гг. XX в., на его фундаменте построено здание клуба. В настоятельском и братском корпусе сейчас размещается школа. Другие монастырские постройки не сохранились.

Герасим Болдинский (в миру Григорий; † 1 мая 1554) — преподобный (память 1 мая), основатель четырех монастырей. Около 1530 г. основал Герасимо-Болдинский в честь Святой Троицы монастырь, в котором и был погребен в церкви во имя преподобного Сергия Радонежского. В 1922 г. монастырское имущество было конфисковано, а мощи святого вскрыты. В 1991 г. обитель передана Русской Православной Церкви. На месте пещеры, в которой жил преподобный Герасим, в XIX в. был поставлен храм, сохранившийся до наших дней.

Григорий Пельшемский (в миру Григорий Лопотов; † 30 сентября 1449) — преподобный (память 30 сентября), основатель Пельшемского (Лопотова) в честь Собора Пресвятой Богородицы монастыря (ныне близ г. Кадникова Вологодской обл.). В 1764 г. обитель выведена за штат. Мощи святого находились под спудом церкви во имя преподобного Григория Пельшемского. Около раки в XIX в. хранились железные вериги, железная полумантия и железная рубашка, принадлежавшие, по преданию, основателю монастыря. В 20-х гг. XX в. монастырь был закрыт.

Даниил Переяславский (в миру Димитрий; † 7 апреля 1540) — преподобный (память 7 апреля), основатель переславского в честь Святой Троицы монастыря (ныне г. Переславль-Залесский Ярославской обл.). В 20-х гг. XX столетия монастырь был закрыт, возрожден в 1993 г.

Димитрий Прилуцкий († 11 февраля 1392) — преподобный (память 11 февраля), основатель Прилуцкого в честь Происхождения Честных Древ Животворящего Креста Господня монастыря (Вологда). Обитель закрыта в 1926 г., возобновлена в 1991 г.

Диодор Юрьегорский (в миру Диомид; † 27 ноября 1634) — преподобный (память 27 ноября), основатель Юрьегорского монастыря в честь Святой Троицы (погост Юрьегорский Онежского уезда Архангельской губернии). В 1764 г. монастырь был упразднен и обращен в приход.

Дионисий Глушицкий (в миру Димитрий; † 1 июня 1437) — преподобный (память 1 июня), основатель Глушицкого в честь Покрова Пресвятой Богородицы монастыря (ныне деревня Покровское Сокольского района Вологодской области) и Глушицкого Соновецкого во имя Святого Иоанна Предтечи монастыря. Покровская обитель упразднена в 1764 г., Предтеченская по штатам отне-

сена к третьему классу. Мощи прп. Дионисия находились в храме святого Иоанна Предтечи, построенного в 1745 г. Ныне сохранились только фундаменты храма, на месте предполагаемого погребения святого поставлен крест.

Евфросин Псковский (в миру Елезар; † 15 мая 1481) — преподобный (память 15 мая), основатель Спасо-Елеазарова во имя Трех святителей монастыря (в 30 верстах от Пскова на реке Толве). В 1764 г. монастырь был оставлен на своем содержании. После революции закрыт и подвергся сильному разорению. Ныне обитель возрождается. Мощи святого Евфросина и его сподвижника — преподобного Серапиона (1481) находятся под спудом в храме во имя Трех святителей.

Зосима Соловецкий († 17 апреля 1478) — преподобный (память 17 апреля и 8 августа — перенесение мощей в 1566 г.), основатель Соловецкого в честь Преображения Господня монастыря.

Иосиф Волоцкий (в миру Иван Санин; † 9 сентября 1515) — преподобный (память 9 сентября и 18 октября), один из авторов «Просветителя». В 1479 г. основал Иосифо-Волоцкий в честь Успения Пресвятой Богородицы монастырь. В 20-х гг. XX в. обитель была закрыта, возрождена в 1989 г.

Кирилл Белозерский (в миру Косма Вельяминов; † 9 июня 1427) — преподобный (память 9 июня), в 1397 г. основал Кирилло-Белозерский в честь Успения Пресвятой Богородицы монастырь (г. Кириллов Вологодской области). Монастырь закрыт в 1924 г., возобновлен в 1998 г. Мощи преподобного находятся под спудом Успенского собора обители.

Корнилий Комельский († 19 мая 1537) — преподобный (память 19 мая), основатель Корнилиево-Комельского в честь Введения Пресвятой Богородицы во храм монастыря (ныне Грязовецкий район Вологодской области). По штатам 1764 г. монастырь отнесен к третьему классу. В обители хранились фелонь преподобного и часть его власяницы. Мощи находятся под спудом церкви во имя прп. Корнилия Комельского. До недавнего времени в обители размещался психоневрологический диспансер.

Никандр Псковский (в миру Никон; † 24 сентября 1582) — отшельник, преподобный (память 24 сентября), основатель Благовещенской Никандровой пустыни близ г. Порхова.

Никодим Кожеозерский († 3 июля 1639 или 1640) — преподобный (память 3 июля), 36 лет прожил отшельником на реке Хозьюге в окрестностях Кожеозерского монастыря (ныне Онежский район Архангельской области; добраться до места монастыря можно только на вездеходе или вертолетом).

Нил Сорский (Майков; † 7 мая 1508) — преподобный, основатель Нило-Сорского в честь Сретения Господня скита (ныне местечко «Пустынь» Кирилловского района Вологодской области), духовный писатель. Нило-Сорская пустынь была упразднена в 1764 г., возобновлена как общежительный монастырь в 1850 г., закрыта в 1930 г., сейчас там размещается психоневрологический диспансер.

Павел Обнорский († 10 января 1429) — преподобный (память 10 января), в 1414 г. по благословению митрополита Фотия основал Павло-Обнорский во имя Святой Троицы монастырь (ныне Грязовецкий район Вологодской области). Монастырь был закрыт

в 1924 г. В 1999 г. освящен трапезный Успенский храм обители, в котором возобновлено богослужение. Мощи святого почивают под спудом на месте разрушенного Троицкого собора. Вблизи монастыря находится камень, на котором, по преданию, молился преподобный, и колодец, который он выкопал. В храме Богоявления Господня села Раменье хранятся дуло преподобного Павла и покров с его мощей.

Пафнутий Боровский (в миру Парфений, в крещении Мартин; † 1 мая 1477) — преподобный (память 1 мая), основал в 1444 г. монастырь на берегу реки Протвы. Обитель была сожжена дважды: в 1610 г., во время Смуты, и в 1812 г. во время французского нашествия. По штатам 1764 г. монастырь отнесен к первому классу. В 1923 г. закрыт, на его территории размещалась исправительная колония. Русской Православной Церкви передан в 1991 г.

Симон Воломский (в миру Симеон; † 12 июля 1641) — преподобномученик, основатель Симоно-Воломского в честь Воздвижения Креста Господня монастыря на реке Кичменге (Устюжский район Вологодской области). В 1764 г. обитель упразднена, соборный храм обращен в приходскую церковь Воломского погоста, мощи святого находятся под спудом Воздвиженского храма.

Трифон Печенгский (в миру Митрофан; † 15 декабря 1583) — преподобный (память 15 декабря), основатель самого северного русского монастыря (ныне поселок Печенга Мурманской области). В 1590 г. после разорения шведами обитель перенесли к г. Кола. В 1764 г. монастырь был закрыт, но в 1896 г. вновь открыт. Его перенесли на прежнее место, где от руки шведов погибли 116 мучеников. В 1997 г. началось возрождение монастыря, над могилой 116 мучеников поставлена деревянная Рождественская церковь. Святыни обители ныне находятся в Музее Православия г. Куопио (Финляндия).

СЛОВАРЬ УСТАРЕВШИХ И ЦЕРКОВНЫХ ТЕРМИНОВ, ИСПОЛЪЗУЕМЫХ В КНИГЕ

Алтын — денежная счетная единица Московского государства; 1 алтын = 6 деньгам.

Аналой — специальный стол или подставка в храме, на котором читается Евангелие и другие священные книги. На аналое также полагаются иконы.

Антиминс — прямоугольный плат, освященный и подписанный епископом, на котором совершается Божественная литургия. Обычно антиминс имеет небольшой зашитый карман, куда вложены частицы святых мощей мучеников в память о том, что первые христиане совершали литургию на гробах мучеников.

Аршин — древнерусская мера длины, 1 аршин = 16 вершкам = 71,12 см.

Большая гривенка — мера веса; 1 большая гривенка = 96 золотникам = 32 лотам = 1 фунту = 0,409 кг.

Верста — древнерусская мера длины, равная 5000 сажням.

Вершок — 1 вершок = 44,45 мм.

Взвар — трудно точно определить значение этого слова применительно к монастырской трапезе XVI в.; известно, что взвар варили с медом и перцем; в словаре Даля находим, что в некоторых русских областях взвар представлял собой супло, вскипяченное с медом, перцем и сухой малиной. Отчасти это напоминает монастырский взвар XVI в.

Канон — молитвословия, посвященные прославлению Бога, Пресвятой Богородицы, святых или отдельных событий Священной истории; канон состоит из отдельных частей, называемых песнями.

Кафизма — одна из 20 частей, на которые разделена Псалтирь; каждая кафизма, в свою очередь, делится на три части («Славы»), после прочтения которых поется малое славословие.

Клирос — от слова «клир» — церковный причт; место, специально устроенное в передней части храма, напротив алтарных дверей, для чтецов и певцов.

Кондак — краткая священная песнь в похвалу святому или празднику.

Сажень — 1 сажень = 4 локтям = 8 пядям. Московская система опиралась на пядь в 19 см (малая пядь), локоть в 38 см и сажень в 152 см (см. : *Малето. С. 201*).

Отпуст — заключительная молитва, которую священник произносит по окончании службы, отпуская молящихся из храма. В отпуске выражается пожелание, чтобы Господь молитвами Богородицы и святых спас и помиловал молящихся.

Проскомидия — первая часть литургии, совершаемая тайно в алтаре; во время проскомидии священник prepares хлеб и вино для таинства Евхаристии: молясь за ныне живущих и усопших, он вынимает частички из просфор. В конце литургии эти частички погружают в Чашу со святой Кровью Господней как ходатайство о прощении и спасении поминаемых людей.

Просфора (приношение) — особый богослужебный хлеб, приготавливаемый обязательно из «кислого» (дрожжевого) теста.

Пуд — мера веса в Московском государстве; 1 пуд = 40 большим гривенкам или 80 малым (около 16 кг).

Рубль — основная счетная единица на Руси XV в. По «московскому счету» он составлял 200 денег или 33 алтын и 2 деньги; по «новгородскому счету» он содержал 216 денег (см.: *Малето. С. 202*).

Синаксарь — в одном из своих значений — сборник исторических сказаний о праздниках Постной и Цветной Триоди, составленный константинопольским патриархом Никифором Ксанфопулосом (1397).

Четверть — хлебная мера, в 1605 г. четь муки, крупы, толокна определялась в 5 пудов = 80 кг; в 1641 г. четь ржаной муки составляла $5\frac{1}{4}$ пуда.

Шестопсалмие — шесть избранных псалмов, читаемых в начале утрени.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора

6

Глава 1. «Место сие зело красно...»

11

Глава 2. «Начальники» обитателей

17

Глава 3. Монастырская система выживания

Пашня. — Рыбная ловля и морской промысел. —

Солеварение. — Отважные мореходы.

36

Глава 4. Монастырский четырехугольник

70

Глава 5. Монастырские послушания

86

Глава 6. Игумен и братия

95

Глава 7. Новоначальные

Постриг

125

Глава 8. Богослужение

Суточный круг богослужений. — Обедня. — Чин Панагии. —
Годовой круг богослужений: неподвижный круг праздников,
подвижный круг праздников, неподвижный круг (продолжение). —

Местные праздники. — Поминания. — Келейное правило. —

Обретение мощей.

147

Глава 9. Монастырская трапеза

Устав о благочинии. — О времени трапезы. — Интерьер
трапезной. — Любимые блюда. — Особое примечание —

Хлебни, поварни, квасоварни. — Порядок трапезы. —

Посты и праздники.

227

Глава 10. Иноческий быт

Кельи. — «Одежды и обуви». — О бане.

272

Глава 11. Монастырь и мир

Сродники. — Помощь миру. — Испышания.

285

Глава 12. Испытания

305

Библиография и список сокращений

318

Приложение

323

Словарь устаревших и церковных терминов, используемых в книге

327

Романенко Е. В.

Р 69 Повседневная жизнь русского средневекового монастыря. — М.: Мол. гвардия, 2002. — 329[7] с.: ил. — (Живая история: Повседневная жизнь человечества). ISBN 5-235-02437-0

Можно ли приоткрыть завесу тайны над жизнью средневековых русских монастырей? Казалось бы, этот удивительный мир, в котором самое настоящее, потрясающее воображение чудо становилось явлением обыденной, повседневной жизни, давно ушел в небытие, став достоянием истории. Но остались списки древних житий, уцелели стены и башни разрушенных, но возрождающихся ныне обителей, сохранились подлинные вещи, принадлежавшие некогда святым отцам и насельникам многочисленных русских монастырей... В книге, предлагаемой вниманию читателей, предпринята первая в нашей исторической литературе попытка воссоздать подлинный мир средневекового русского монашества во всем его богатстве и многообразии.

**УДК [947+957]
ББК 63.3(2)4**

Романенко Елена Владимировна

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ РУССКОГО СРЕДНЕВЕКОВОГО
МОНАСТЫРЯ**

Главный редактор издательства **А. В. Петров**

Редактор **А. Ю. Карпов**

Художественный редактор **К. Г. Фадин**

Технический редактор **В. В. Пилкова**

Корректоры **Т. И. Маляренко, Г. В. Платова, Т. В. Рахманина**

Лицензия ЛР № 040224 от 02.06.97 г.

Сдано в набор 28.11.2001. Подписано в печать 04.03.2002. Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная №1. Печать офсетная. Гарнитура «Гарамон». Усл. печ. л. 17,64+1,68 вкл. Тираж 5000 экз. Заказ 18618.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 103030, Москва, Сушевская ул., 21. www.mg.gvardiya.ru, ds@mg.gvardiya.ru

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии: 103030, Москва, Сушевская ул., 21.

ISBN 5-235-02437-0